КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА:

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В 1973 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

К 45 **Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году,** М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

439с.

В книге содержатся основные сведения информационно-справочного характера о политическом и экономическом развитии КНР, дается анализ важнейших процессов общественной жизни страны, а также великодержавных устремлений нынешнего китайского руководства.

32 И (Кит)

К $\frac{11103\text{-}135}{013(02)\text{-}75}$ **101-75**

Предлагаемый вниманию читателя сборник «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году» открывает ежегодное информационно-справочное издание Института Дальнего Востока АН СССР. Издание ставит своей целью систематизацию основных сведений о социально-экономическом устройстве, политике и культуре Китайской Народной Республики за минувший год, о деятелях науки, культуры, партии, государства и др.

Данный сборник, поскольку он является первым, включает сведения, относящиеся не только к 1973 г., но и к истории Китая предшествующего периода, в частности, содержит краткие исторические справки о создании Коммунистической партии Китая и образовании КНР.

1 октября 1974 г. Китайской Народной Республике исполнилось 25 лет. За четверть века она прошла сложный путь развития.

Как известно, в первые десять лет своего развития КНР находилась в едином строю с СССР и другими странами социализма. Именно в этот период произошла ломка старого уклада жизни в стране и были заложены основы базиса социалистического переустройства общества: национализирована крупная промышленность, завершены аграрная реформа и кооперирование в деревне, в значительной мере были преобразованы частнокапиталистическая промышленность и торговля — создана первичная основа социалистической экономики. В это время, таким образом, в Китае были созданы условия для осуществления генеральной линии КПК в переходный период — превращения Китая в течение трех пятилеток (1953—1967 гг.) в индустриально-аграрное социалистическое государство. В годы первой пятилетки (1953—1957 гг.) промышленное производство КНР увеличилось более чем в 5 раз по сравнению с 1949 г. Прирост промышленного производства в первой пятилетке составил свыше 18% (в 1973 г. только 8,2%)[1].

Одним из решающих факторов, определивших успех китайского народа в течение первой пятилетки, была, как известно, интернациональная поддержка Китая социалистичес-

[1] «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3, стр. 45.

кими странами, и в первую очередь Советским Союзом. Наряду с укреплением социалистических элементов в Китае стали расти и националистические, великоханьские настроения, на опасность которых указывал VIII съезд КПК в 1956 г. К концу 50-х годов в китайском руководстве возобладал антимарксистский мелкобуржуазно-националистический курс. Мао Цзэ-дун и другие руководители отошли от решений VIII съезда КПК (1-я сессия), предали забвению принципы пролетарского интернационализма и общие закономерности социалистического строительства. Попытки подменить ленинскую теорию социалистической революции маоистским «особым курсом», противопоставить социалистическому закону планомерного пропорционального развития концепцию «седлообразного» развития социалистической экономики потерпели полный крах. Маоистские эксперименты «большого скачка» (1958—1960 гг.) отбросили экономическое развитие КНР почти на десять лет назад. «Коммунизация» на принципах уравниловки обернулась массовым голодом.

Едва страна (к 1965 г.) успела оправиться от экономических последствий «большого скачка», как произошли не менее пагубные политические потрясения в период «культурной революции», которая привела к деформации общественно-политических и государственных устоев, вызвала новую экономическую депрессию.

В ходе «культурной революции», явившейся политическим переворотом, было окончательно устранено коллективное руководство ЦК КПК и вся полнота власти сосредоточилась у «вождя» Мао Цзэ-дуна. Главной опорой Мао Цзэ-дуна стала армия. Несмотря на жесткую чистку после «дела Линь Бяо», военные продолжают занимать ключевые посты в системе маоистского режима. Их доля в составе ЦК КПК составляет свыше 40%. В стране установилась военно-бюрократическая диктатура, эксплуатирующая великоханьский национализм мелкобуржуазных кругов, темноту и отсталость китайского крестьянства. В стране нарушился механизм социалистической государственности — конституция не соблюдалась. Высший законодательный орган страны — Всекитайское собрание народных представителей не собиралось в течение более двух сроков полномочий. Государственный совет не имеет конституционных полномочий, лишены конституционной основы и «ревкомы», образованные маоистами вместо разогнанных законных органов власти на местах. Профсоюзы и другие общественные организации, по существу, не выполняют присущих им функций и являются политическим инструментом маоистов.

Новым этапом внутриполитической эскалации событий явился X съезд Коммунистической партии Китая, состоявший-

ся в конце августа 1973 г. Принятые на съезде решения только усилили военно-бюрократический характер власти Мао Цзэ-дуна и его ближайшего окружения, ускорили милитаризацию страны, закрепили сближение КНР с наиболее реакционными силами империализма на антисоветской, антисоциалистической основе. X съезд КПК не мог дать китайскому народу конкретной программы социально-экономического развития страны и породил новые распри в маоистском руководстве.

Определяющей чертой современного внутриполитического положения в КНР остается его неустойчивость. Внутри руководства идет острая борьба вокруг вопросов о направлении и методах дальнейшего развития китайского общества. Разделяя внешнеполитические гегемонистские устремления Мао Цзэ-дуна, его антисоциалистические концепции и антисоветизм, экстремисты и «прагматики» расходятся в определении тактики при подходе к принципам и методам экономического строительства.

Маоисты вынуждены сейчас маневрировать в политике и все более опираться на насилие. Они стараются выискивать новые аргументы в борьбе со своими противниками и в оправдание своей жесткой политики по отношению к народу. В этом смысле характерна развернутая в стране кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», главное содержание которой состоит в проповеди лозунга Мао Цзэ-дуна «без разрушения нет созидания», в апологии насилия. Под видом критики Конфуция, жившего 25 веков назад, и уже устраненных деятелей вроде Линь Бяо ведется борьба со всеми теми, кто обеспокоен судьбами страны и в подходе к определению пути развития КНР придерживается позиций марксизма-ленинизма. Усиленно пропагандируется требование продолжения «революции в области надстройки», «защиты культурной революции». И не случайно X съезд КПК утвердил в принятом им уставе КПК как практическую задачу проведение «еще много раз» (через каждые семь-восемь лет) «культурной революции».

Созданный во время «культурной революции» режим обнаружил полную неспособность обеспечить стабильное поступательное развитие китайского общества, решить насущные проблемы социального, экономического и культурного строительства, гарантировать неуклонный подъем жизненного уровня китайского народа. Это говорит о том, что маоизм не дал и не может дать обществу позитивной программы, так как он лишен научной основы.

Вместо перспективной и конкретной экономической программы X съезд КПК провозгласил набор старых маоистских постулатов, не имеющих конкретного содержания. В до-

кументах съезда нет даже намека на необходимость создания материально-технической базы социализма и использования рациональных методов хозяйствования, присущих социализму (оплата по труду, рентабельность и т. д.).

Упор в развитии экономики, как и прежде, делается на использование внеэкономических факторов — административных, политических и идеологических методов, на искусственное нагнетание атмосферы военного психоза. Съезд не наметил никакой программы по созданию крупной промышленности, которую В. И. Ленин называл «действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества» [2]. Для такой аграрной страны, как Китай, это особенно важно. Наконец, съезд не сделал анализа современного положения в народном хозяйстве и не поставил никаких задач на будущее.

Вместе с тем в установках X съезда КПК, как и прежде, подчеркивается необходимость осуществлять курс «идти на двух ногах», «учиться у Дацина и Дачжая». В действительности это означает призыв к развитию мелкой промышленности в гражданских отраслях при «опоре на собственные силы», чтобы за счет мирных отраслей народного хозяйства форсировать развитие крупной военной промышленности. Такая политика маоистов ведет к подрыву союза рабочих и крестьян, препятствует хозяйственной и культурной смычке между городом и деревней: крестьянству предлагается по образцу коммуны «Дачжай» самим заниматься промышленностью и обеспечивать свои нужды в технике, а рабочим по примеру нефтепромыслов «Дацин» — сельским хозяйством и обеспечивать себя хлебом. Пагубность маоистской экономической политики достаточно ясно подтверждается сравнением среднегодовых темпов роста валовой продукции, относящихся к двум различным периодам — периоду проведения в жизнь антинаучного курса Мао (1958—1973 гг.) и периоду (1949—1957 гг.) экономического строительства на основе генеральной линии партии в переходный период, утвержденной решениями VIII съезда КПК и воплотившейся в первом пятилетнем плане (%) [3].

	1953—1957 гг.	1958—1973 гг.
Национальный доход	8,9	4,8
Совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства	11,0	4,6
Валовая продукция промышленности	18,0	6,4

---

[2] В. И. Ленин, X Всероссийская конференция РКП(б). Доклад о продовольственном налоге 26 мая 1921 г.,— Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 305.

[3] «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 3, стр. 33.

Разумеется, прирост населения (с 600 млн. в 1956 г. до 800 млн. с лишним в 1973 г.) не мог не привести к росту валового национального дохода и национального продукта. Так, в 1973 г. объем совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства превысил уровень 1949 г. в 6 раз; уровень 1952 г., последнего года восстановительного периода,— почти в 3,5 раза, национальный доход соответственно — в 5,4 и в 3,4 раза. В КНР наблюдается рост отдельных отраслей промышленности, прежде всего имеющих оборонное значение: радиоэлектроника, энергетика, тяжелое и точное машиностроение, атомная промышленность, ракетостроение, производство самолетов, алюминиевая промышленность, ряд отраслей химической промышленности.

Достижения всей промышленности могли быть более значительными, если бы КНР в своем развитии придерживалась генеральной линии, намеченной VIII съездом КПК. Авантюристическая политика маоистского руководства серьезно затормозила развитие экономики КНР. Продолжает сильно отставать в своем развитии отраслевая структура народного хозяйства. Сельское хозяйство по-прежнему стоит на первом месте в создании национального дохода (свыше 50%). В общих затратах труда преобладающее значение все еще продолжает иметь ручной труд. Уровень национального дохода на душу населения чрезвычайно низок — в 30 раз меньше, чем в США, в 10 раз меньше, чем в Японии, в 5 раз меньше, чем в Турции.

Китайские органы массовой пропаганды, отмечая достижения в развитии экономики страны, разумеется, умалчивают о таком важном показателе, как производство промышленной продукции на душу населения, которое остается очень низким. В КНР на очень низком уровне находится и потребление на душу населения. В стране до сих пор существует нормирование основных продуктов питания и отдельных видов промышленной продукции. В частности, все еще не отменена норма потребления хлопчатобумажных тканей — 6—8 *м* на человека в год.

Прикрываясь ложью об «угрозе нападения на Китай с Севера», маоистское руководство продолжает форсировать милитаризацию страны. После X съезда КПК активизировалось формирование отрядов «ополчения» (миньбин), особенно в городах. Общее количество ополченцев в стране выросло в несколько раз. Большинство их прошло военную подготовку. Характерно, что теперь это ополчение наделено функцией подавления выступлений трудящихся внутри страны.

В 1973 г. Пекин продолжал осуществлять свой великодержавно-гегемонистский курс во внешней политике. Внешнеполитическая линия пекинских лидеров остается неизмен-

ной — она направлена на превращение Китая в государство, которое могло бы диктовать свою волю народам всего мира. Потерпев крах в попытках стать во главе мирового рабочего и коммунистического движения, маоисты сделали крутой поворот во внешней политике — они стремятся теперь сблизиться с возможно большим числом государств, использовать в своих интересах страны «третьего мира», сыграть на противоречиях двух мировых систем.

В 1973 г., и особенно после X съезда КПК, во внешней политике КНР четко определились такие тенденции, как сближение с империализмом и обострение антисоветизма, противодействие разрядке международной напряженности, активизация раскольнической деятельности в рядах революционных сил.

События 1973 г. подтверждают, что в процессе развития отношений Китая с Западом произошло существенное изменение в политике пекинских лидеров по отношению к США. США изображаются в документах X съезда одряхлевшим противником, неизмеримо менее опасным по сравнению с «врагом № 1» — Советским Союзом. Маоисты теперь рассматривают США как потенциального партнера, с которым следует добиваться «необходимых компромиссов» для борьбы против главного противника, т. е. против социалистического содружества. Таким образом, в августе 1973 г. пекинские лидеры официально сделали новый шаг от антиимпериализма к антисоветизму, не переставая при этом прикрываться лозунгом сопротивления гегемонии «сверхдержав». Особое внимание пекинские лидеры уделяют Японии, проявляя готовность пойти на союз с ней. Из европейских капиталистических стран Пекин пытается укрепить контакты с такими странами, как Франция, ФРГ, Англия и Италия.

После X съезда маоисты выдвинули новую «теорию» расстановки сил на мировой арене. Теперь они поделили земной шар на три мира (ранее были три промежуточные зоны). К «первому миру» отнесены две «сверхдержавы» — СССР и США, ко «второму миру» — развитые страны, к «третьему миру» — развивающиеся страны. Разумеется, такое деление государств не выдерживает никакой критики, так как оно не принимает во внимание различия в общественном строе, лишено классового подхода и не учитывает современной международной обстановки. Пекин пытается сейчас вести борьбу против международного социалистического разделения труда, кооперирования и развития между социалистическими странами экономической интеграции.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что китайское руководство в коренных вопросах мировой политики стало на сторону империалистической реакции, что проис-

ходит смыкание действий Пекина и империалистических сил, направленных на раскол социализма, национально-освободительного движения и всего антиимпериалистического фронта.

Пекинские лидеры уже давно активно выступают против разрядки напряженности в мире, создавшейся под влиянием политики «холодной войны» и ряда других факторов. Практически это выражается в форсированном наращивании вооружений, в осуществлении ядерных взрывов в атмосфере, невзирая на протесты международной общественности, в отказе присоединиться к международным договорам и соглашениям в области разоружения и запрещения ядерных испытаний, в попытках помешать успешному ходу европейского Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, вызвать напряженность между НАТО и странами—участницами Варшавского Договора. Пекинские лидеры сейчас восхваляют НАТО как «оборонительную» организацию, призывают ее вооружаться, пугая европейские страны жупелом «советской угрозы». Они также стремятся опорочить идею коллективной безопасности в Азии, встречают в штыки все предложения Советского Союза, направленные на нормализацию отношений с КНР.

На X съезде КПК маоистское руководство взяло еще более жесткий курс на противодействие процессу смягчения напряженности в мире. В основе этого противодействия заложен тезис самого Мао Цзэ-дуна о неизбежности «потрясений». Более категорично по этому поводу высказался премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай, который заявил, что «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться». Руководствуясь такими «соображениями», пекинские лидеры выступили осенью 1973 г. в роли подстрекателей на Ближнем Востоке, заявив, что арабские страны должны «решительно продолжать военные действия... не оглядываясь на сверхдержавы». Китайские представители делали все возможное, чтобы помешать Совету Безопасности принять резолюцию о прекращении огня в этом районе. Пекинские лидеры не оставляют попыток провоцировать конфликты, поддерживать очаги напряженности в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Миролюбивые силы мира все более убеждаются, что маоистские лидеры способны наносить удары в спину любому прогрессивному движению всякий раз, когда они не видят возможности подчинения его своим великодержавным интересам. Об этом достаточно ясно говорит предательская позиция Пекина в отношении национально-освободительного движения в Бангладеш и антиправительственного путча на Кипре. Маоисты все время стремятся осложнить отношения с Индией, мешают этой стране наладить отношения

с ее соседями—Пакистаном, Непалом, Бангладеш, Шри Ланкой. Пекин активно стремится подорвать отношения стран Индостанского полуострова с социалистическими странами. При этом усиленно пропагандируются концепции о «двух сверхдержавах» и о делении мира на «бедные» и «богатые» нации. Выступая в роли «поборника» интересов бедных наций, маоисты на деле стремятся лишь подготовить себе условия для проникновения в эти страны, для создания там опорных баз в целях осуществления своих гегемонистских целей.

Пекинское руководство продолжает раскольническую деятельность в отношении коммунистических партий. 1973 год характеризовался оживлением и перестройкой деятельности пропекинских группировок, уцелевших еще во многих странах. Столицу КНР посетил ряд делегаций представителей промаоистских группировок Японии, Австралии, Новой Зеландии, Англии, Швеции, Франции. Пекин стремится мобилизовать эти группировки, являющиеся, по существу, платными зарубежными агентами маоистов, на поддержку курса сближения КНР с Западом. Теперь им дана установка всячески очернять внутреннюю и внешнюю политику стран социалистического содружества. Критика империализма на этот раз отодвигается на второй план. Такой раскольнический курс Пекина был утвержден на X съезде КПК.

Внешняя политика маоистов вызывает все возрастающее осуждение и противодействие со стороны прогрессивных сил на международной арене, она же служит причиной политической неустойчивости и непрекращающейся борьбы внутри страны.

Коммунистическая партия Советского Союза, коммунистические и рабочие партии других социалистических государств, отстаивая чистоту марксистско-ленинского учения о социализме и коммунизме, разоблачают и будут разоблачать все идеологические и политические диверсии маоистов. Тем самым они отстаивают не только интересы своих народов, но и коренные интересы китайского народа. Выступая перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Мы, естественно, и впредь будем давать отпор антисоветской клевете, твердо оберегать интересы нашего государства, нашу безопасность. Вместе с тем мы остаемся сторонниками нормализации отношений с Китаем, восстановления дружбы с великим китайским народом на надежной основе пролетарского интернационализма»[4].

---

[4] Л. И. Брежнев, Выступление перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г., М., 1974, стр. 28.

ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

Китайская Народная Республика расположена в центральной и юго-восточной части Азиатского материка. Ее территория — 9 597 520 *кв. км*, что составляет около 25% площади Азии и около 1/14 части мировой суши. Территория КНР простирается с севера на юг на 35°24′ (около 3 тыс. *км*), а с запада на восток — на 60°56′ (около 5 тыс. *км*).

Общая протяженность границ Китая достигает 32 тыс. *км*, в том числе около 20 тыс. *км* сухопутных границ и около 12 тыс. *км* — морских (без береговой линии островов). Большая часть сухопутных границ Китая проходит по естественным рубежам — горным хребтам и рекам. Китайская Народная Республика граничит с КНДР, СССР, МНР, Афганистаном, Индией и рядом других стран.

Граница Китая с КНДР проходит по р. Ялуцзян, горе Байтоушань и р. Тумыньцзян. От р. Тумыньцзян начинается восточный участок советско-китайской границы, проходящей через хребет Хэйшаньлин, оз. Ханка, по рекам Сунгача, Уссури, по протоке Казакевичева, рекам Амур и Аргунь до стыка границ СССР, МНР и КНР. Граница с МНР тянется по плоскогорьям Гоби и равнинам Монголии. Далее КНР вновь граничит с Советским Союзом — граница идет по хребтам Габын-Богдо-Ола, Южный Алтай, Саур, Тарбагатай, Барлык, Джунгарский Алатау, Кетмень, Кокшаал-Тау и Сарыкольский. Затем следует граница Китая с Афганистаном. По хребтам Каракорума и Гималаев протянулась граница КНР с Кашмиром, Индией, Непалом, Бутаном и Сиккимом. Китайско-бирманская граница проходит по водоразделам бассейнов рек Иравади, Салуин и Меконг. И лишь граница Китайской Народной Республики с Лаосом и ДРВ пересекает горные хребты и долины рек и выходит к заливу Бакбо (Тонкинскому) у устья р. Бэйлуньхэ.

Морская граница КНР проходит от устья р. Ялуцзян на севере до устья р. Бэйлуньхэ (в заливе Бакбо) — на юге. Вдоль побережья Китая расположено более 3400 островов, крупнейшими из которых являются Тайвань (36 тыс. *кв. км*) и Хайнань (34 тыс. *кв. км*).

Обширность территории Китая (9,6 млн. *кв. км*), разная степень удаленности отдельных ее частей от моря, значительные перепады абсолютных высот (абсолютная амплитуда высот превышает 9 тыс. *м*) определили исключительное разнообразие природных условий Китая. На территории страны сочетаются обширнейшие равнины с высочайшими в мире горными хребтами и плоскогорьями, отличающимися многообразием структур и форм. Огромное влияние на природные условия Китая оказывают особенности его географического положения на окраине Азиатского материка, в области наиболее резко проявляющейся борьбы океанических и континентальных факторов. Такое местонахождение предопределяет весьма своеобразное сочетание и смену ландшафтов от холодной таежной части Маньчжурии до тропических районов о-ва Хайнань, от пустынь Центральной Азии до влажных муссонных областей Тихоокеанского побережья.

Геологическое строение и полезные ископаемые

Бóльшая часть территории Китая занята Китайской платформой докембрийского геологического периода. В мезозойский период вся территория платформы была охвачена мощными горообразовательными процессами, которые привели к возникновению внутриплатформенных горных систем. Китайская платформа со всех сторон также окаймлена горными образованиями более молодых геологических периодов. Так, с северо-запада, севера и северо-востока ее окружают палеозойские складчатые системы Тянь-Шаня, Куньлуня, Монгольского Алтая; с юга и востока — третичные складчатые системы Гималаев и о-ва Тайвань. Большинство горных систем сложены докембрийскими породами, отличающимися большой мощностью пластов.

С точки зрения формирования полезных ископаемых наиболее продуктивны геологические периоды: досинийский, пермо-карбоновый, яньшаньский и третичный. С досинийским периодом связано образование $^1/_3$ всех медных, более $^2/_3$ железных, большинства марганцевых руд, а также месторождений магнезита, графита. Пермо-карбоновый период наиболее известен мощными отложениями каменных углей (до 60% запасов) и бокситов. В яньшаньское время (конец юрского — начало мелового периода) происходило самое продуктивное накопление руд цветных и редких металлов (вольфрама, сурьмы, ртути, олова, молибдена). Для третичного

периода характерно образование нефти, горючих сланцев и в меньшей степени углей.

Месторождения полезных ископаемых размещены по территории страны очень неравномерно. Особенно большие различия в их размещении наблюдаются между северной и южной частями страны. К северу от хребта Циньлин расположены самые богатые угольные, нефтяные и газовые месторождения, в которых сосредоточено более 85% угольных и почти 100% нефтяных запасов страны. Здесь же находятся основные месторождения железных руд, молибдена, хрома, никеля, магнезита.

Южнее хребта Циньлин расположены основные районы залегания полезных ископаемых магматического генезиса. Это основная база руд цветных и редких металлов в стране. Кроме всемирно известных месторождений вольфрама и сурьмы здесь имеются значительные месторождения олова и ртути, а также большие запасы медных и марганцевых руд, крупные залежи фосфоритов, плавикового шпата, асбеста. Однако угольные и нефтяные ресурсы этих районов весьма ограничены и не обеспечивают местных потребностей.

Рельеф

Китай — преимущественно горная страна. 2/3 ее территории расположено выше 1 тыс. *м* над уровнем моря и лишь 1/6 занята равнинами, лежащими на абсолютных уровнях от 0 до 500 *м*.

В рельефе Китая прослеживаются три характерные особенности: ступенчатое понижение поверхности в направлении с Запада на Восток, четкая ориентированность форм рельефа, большие перепады высот.

Самая низкая ступень поверхности Китая — равнины Восточного и Северо-Восточного Китая с преобладанием абсолютных высот от 200 *м* до нескольких десятков метров. Следующая ступень — 600 *м* абсолютной высоты — наиболее четко прослеживается на юго-востоке Китая в виде комплекса низкогорий, в некоторых местах непосредственно выходящих к берегу моря. Ступень 1000 — 1500 *м* представлена плато Шаньси и плоскогорьем Северного Китая, а на юге — Гуйчжоуским плато. Самой высокой ступенью для всех частей страны является Тибетское нагорье с абсолютными отметками 4—5 тыс. *м*, не считая вершин горных хребтов, поднимающихся на 7—8 тыс. *м* (Гималаи, Каракорум, Куньлунь).

Для горных систем Китая характерно преобладание двух основных простираний: широтного и меридионального. Широтное или близкое к нему простирание имеют некоторые

хребты крайнего северо-запада страны, хребты системы Тянь-Шаня, Наньшань, Иньшань и большинство хребтов западной и центральной частей Тибетского нагорья, Циньлин, Наньлин, Шаньдунские горы и ряд других. Меридиональное и близкое к нему простирание имеют горы Северо-Восточного Китая (Большой Хинган, Восточно-Маньчжурские горы), Тайханьшань, Хуайяншань, Сино-Тибетские горы (вдоль восточного уступа плато Гуйчжоу) и хребты восточной части Тибетского нагорья. В целом широтное простирание преобладает в западной части страны, тогда как меридиональное более характерно для восточной. Горные хребты Китая часто являются важными природными рубежами. Так, широтные хребты — Наньшань, Иньшань, Циньлин, Наньлин служат границами широтных термических поясов. Меридиональные хребты препятствуют распространению влажных воздушных масс, формирующихся над Тихим океаном, и определяют характер распределения влаги на территории страны. Огромный Гималайский барьер препятствует распространению муссонных ветров с Индийского океана. Сочетание широтных и меридиональных хребтов приводит к образованию бессточных впадин (Цайдам, Тарим, Турфан).

Превышение гор над равнинами в Китае достигает 3 тыс. — 4 тыс. *м*, а в некоторых местах и больше. Абсолютная амплитуда высот составляет более 9 тыс. *м*, так как самая высокая точка — Джомолунгма находится на абсолютной высоте 8882 *м*, самая низкая — Турфанская впадина имеет отрицательную отметку — 154 *м*. Значительные амплитуды высот обусловливают вертикальную поясность физико-географических элементов.

Восточная и более обширная западная части страны резко различаются по характеру устройства поверхности. Для восточной части характерно преобладание низменных равнин, чередующихся со средневысотными и низкими горами. Горы имеют по преимуществу северо-восточное простирание, округлые вершины, плоские водоразделы и сильно расчлененные склоны. На юге встречаются карстовые районы. Рельеф западной части, напротив, отличается своеобразным сочетанием высоко поднятых равнин (1200 *м*), нагорий и высоких гор. На северо-западе страны находятся Таримская и Джунгарская межгорные равнины, равнины Гоби, Алашань, Ордос. Эти равнины составляют пояс пустынь Центральной Азии. Юго-западная часть страны занята обширным Тибетским нагорьем, по окраинам которого располагаются высочайшие горные системы — Гималаи, Каракорум — с глубоко расчлененным рельефом и мощными ледниками, Куньлунь — преимущественно с мягкими формами, Наньшань, Сино-Тибетские горы.

Климат

На формирование климата Китая существенное влияние оказывают обширность территории, высокая приподнятость ее западной части, строгая ориентированность форм рельефа и, наконец, положение Китая на юге-востоке Азиатского материка, в зоне сезонной смены воздушных масс. На преобладающей части территории сказывается сильнее влияние материка, чем океана. Действие муссонов ярко выражено лишь в восточной половине страны. Черты континентального климата проявляются в больших годовых, сезонных и суточных амплитудах температур и увлажнения. Особенно большие разницы температур характерны для зимних месяцев. Средняя температура января колеблется от—4° (—30° в северной части Большого Хингана) — на севере, до +18° — на юге Китая.

Летом разницы температур между севером и югом страны незначительны: средняя температура июля на севере +20°, а на юге +29°. Годовое количество осадков уменьшается с юго-востока (2 тыс. *мм* на юге материка и 2600 *мм* на о-ве Хайнань) на северо-запад (100—50 *мм*). Характерно неравномерное выпадение осадков как по годам, так и по сезонам. Преобладающая часть осадков выпадает летом. К югу от Янцзы максимум осадков приходится на май—июнь, к северу от этой линии — на июль—август. Часто бывают ливневые дожди, вызывающие большие наводнения.

В пределах пояса сухих степей и пустынь Северного и Северо-Западного Китая господствует континентальный аридный климат с резкими сезонными и суточными контрастами температур и очень малым количеством осадков. Осадки выпадают преимущественно в виде снега, реки зимой покрываются льдом.

В зимние месяцы вегетация сельскохозяйственных культур невозможна. На Северо-Востоке Китая в бассейне р. Сунгари при сумме активных температур 1500—3500° собирают один урожай в год; в бассейне р. Хуанхэ с повышением суммы активных температур до 3500—4500° снимают три урожая в два года. В районах к югу от хребта Циньлин климат гумидный с теплыми зимами и большим количеством осадков. Здесь значительно среднегодовое число дней с осадками, пасмурной погодой, а иногда и туманами. Снежный покров отсутствует, реки не замерзают, вегетационный период в районах к югу от р. Янцзы практически круглогодовой. В бассейне реки собирают два урожая сельскохозяйственных культур в год, а на юге пров. Гуандун и о-ве Хайнань, где сумма активных температур достигает 6000—8000°,— даже три урожая в год.

Внутренние воды

Реки Китая относятся преимущественно к бассейну Тихого океана, несколько рек — к бассейну Индийского океана, часть рек на западе не имеют внешнего стока. Отличительной особенностью китайских рек является значительный объем годового стока (около 2,7 млрд. *куб. м)*, но по территории страны он распределяется крайне неравномерно. Около $^2/_5$ общего стока приходится на р. Янцзы, $^1/_5$ — на реки системы Чжуцзян и лишь 2% — на долю р. Хуанхэ. Питание большинства рек — дождевое или смешанное (снего-дождевое), а в высокогорных областях на западе — снего-ледниковое.

Восточная, муссонная часть страны имеет наиболее густую и разветвленную речную сеть. Здесь в основном в широтном направлении протекают самые значительные реки Китая: Хуанхэ (4845 *км*), Янцзы (5980 *км*), Сицзян (1958 *км*), на долю которых приходится почти половина площади речных бассейнов страны. Реки восточной части многоводны, богаты гидроэнергией и судоходны. По гидрологическому режиму наибольшее различие существует между реками к северу и к югу от хребта Циньлин. Северные реки отличаются крайней неравномерностью сезонного стока (максимум расходов приходится на лето, минимум—на зиму) и большим твердым стоком. Особенно это характерно для р. Хуанхэ, расход воды которой летом у Шаньчжоу достигает 22 тыс. *куб. м/сек*, а зимой едва превышает 2 тыс. *куб. м/сек,* твердый сток составляет 40%. Зимой реки замерзают, период ледостава достигает 150—180 дней. Реки к югу от хребта Циньлин имеют большую водоносность (особенно на юго-востоке) и более равномерный годовой ход стока. Их твердый сток незначителен, зимой они не замерзают. В среднем и нижнем течении р. Янцзы располагаются многочисленные озера, самые крупные из которых — Дунтинху, Поянху, Тайху. Озера служат естественными регуляторами стока и широко используются в хозяйственных целях.

На засушливом западе реки встречаются редко, имеют небольшую протяженность и маловодны. Обычно они стекают в бессточные впадины, питая озера или теряясь в песках. Но хозяйственное значение их велико: речная вода широко используется для орошения полей и водопоя скота. В транспортных целях эти реки используются слабо, так как более полугода они скованы льдом. Крупные реки: Тарим, Черный Иртыш, Или и Эдзин-Гол; крупнейшие озера— Кукунор, Лобнор, Намцо, Эби-Нур. Реки западной и центральной части Тибетского нагорья не имеют внешнего стока и маловодны. На востоке и юге этого нагорья берут начало реки Азии — Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Салуин, Брахмапутра, Инд.

Почвы

Почвенный покров Китая характеризуется крайним разнообразием и сложностью. На территории страны встречаются все типы почв, известные на Евразийском континенте (кроме почв тундры и подзолисто-глеевых почв северной тайги). В географическом распространении почв четко выражены три основные закономерности: широтная зональность, долготная провинциальность и вертикальная поясность. Особенно отчетливо это проявляется на востоке страны, где наиболее типичны лесные почвы. Здесь в зависимости от степени увлажнения почвенные области сменяют друг друга как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Полоса лесных почв протянулась с севера на юг с постепенной сменой бурых, коричневых, желтоземов, красноземов, латеритных почв. В зоне умеренно-холодного климата на северо-востоке происходит смена почв с востока на запад. Так, бурые лесные переходят в серые лесные и дерново-глеевые луговые почвы в краевых частях Северо-Восточной равнины, в черноземы — вдоль восточного склона Большого Хингана и на Северо-Восточной равнине и в зону каштановых почв — на территории Автономного района Внутренняя Монголия. К западу они сменяются серо-бурыми почвами и песками пустынь. К югу коричневые выщелоченные почвы района Шаньдунских гор сменяются коричневыми, лугово-коричневыми примитивными, карбонато-глеевыми и глеевыми рисовыми почвами на Северо-Китайской равнине; далее на запад, уже в пределах засушливой зоны, распространены серо-коричневые почвы (Лёссовое плато) и серо-бурые гипсоносные почвы (плато Ордос). К югу от среднего и нижнего течения р. Янцзы в условиях субтропиков преобладают почвы латеритного типа, которые представлены в основном красноземами и желтоземами.

Вдоль морского побережья, от устья р. Ляохэ на севере до залива Ханчжоувань на юге, протянулась полоса почв с хлоридным засолением. Ширина этой полосы около 50 *км;* местами участки засоленных почв имеются и на юго-восточном побережье.

Для западной части Китая характерны почвы степей, полупустынь и пустынь. Здесь на формирование почвенного покрова большое влияние оказывает вертикальная поясность. На северо-западе, в аридной зоне, на равнинах развиты бурые пустынно-степные почвы, которые ближе к горам сменяются сероземами; выше располагаются горно-каштановые почвы, далее — горные черноземы и горно-луговые почвы. На территории пустынь (Джунгария, Тарим, Алашань) распространены огромные массивы подвижных песков; на Тибет-

ском нагорье — почвы высокогорных холодных пустынь и степей. В меридиональных долинах восточной части нагорья горные бурые лесные почвы к югу сменяются горно-луговыми почвами, переходящими в горные красноземы и желтоземы.

Интенсивное хозяйственное использование земель с давних времен приводило к образованию особых почвенных типов, например так называемых рисовых почв, распространенных на юге, в районах периодического затопления полей, «вторично-карбонатных почв» на Лёссовом плато, сильно окультуренных почв вблизи крупных городов.

Растительность

Разнообразие орографических почвенно-климатических условий приводит к большой пестроте растительного покрова. На территории Китая произрастают почти все типы растительности, свойственные северному полушарию (за исключением полярной тундры). (Всего насчитывается около 35 тыс. видов.) Флора Китая отличается большой самобытностью и значительным количеством эндемичных растений. Высокий эндемизм особенно характерен для восточноазиатской части страны и наиболее ярко выражен среди китайских хвойных. Из 5 тыс. древесно-кустарниковых видов около 50 видов деревьев типичны только для Китая. Другой особенностью растительного мира Китая является наличие большого количества реликтовых растений (гинкго, метасеквойя).

В зависимости от характера растительности на территории страны выделяются восточноазиатская и центральноазиатская части, резко различающиеся по видовому составу и экологическим условиям. Если флора Центральной Азии состоит всего лишь из 5 тыс. видов, причем в основном травянистых, растений, то флора восточной части страны поражает исключительным богатством и разнообразием, в особенности древесных пород и кустарников (25—30 тыс. видов).

Для западной, аридной части Китая, включающей Синьцзян, Тибет, Цинхай, Северную Ганьсу и Автономный район Внутренняя Монголия, является характерной степная и пустынная растительность, довольно однообразная, с весьма ограниченным числом растительных сообществ. Основу растительного покрова составляют низкорослые травянистые и полукустарниковые представители семейств маревых, злаков, сложноцветных и бобовых. В этой части выделяют: наиболее обширную Монгольскую провинцию, для которой типичны сухие, главным образом злаковые, степи и пустыни с крайне скудной растительностью; переходную Джунгаро-Туранскую провинцию на крайнем северо-западе, где типичные монголь-

ские виды дополнены многочисленными представителями среднеазиатских видов (особенно пустынных эфемеров), и Тибетскую провинцию, насчитывающую всего около 1000 видов. Здесь преобладает низкорослая растительность из тибетской осоки — кобрезии, при большом количестве злаков. В северной части нагорья господствующее положение занимают мхи и лишайники; в долинах восточной части нагорья появляются хвойные и лиственные леса из ели, сосны, тополя. В широкой долине р. Цангпо возможно земледелие.

В восточной части преобладает лесная растительность умеренного, субтропического, а на крайнем юге и тропического типа. Однако следует отметить, что здесь леса сильно сведены; они сохранились небольшими массивами в основном в горах на северо-востоке и юго-западе; низменные равнины и даже холмистые территории здесь почти сплошь возделаны. С севера на юг имеются следующие важнейшие типы лесной растительности: 1) хвойная тайга в бассейне р. Амур, состоящая из даурской лиственницы, корейского кедра с примесью мелколистных пород; 2) смешанные (хвойно-лиственные) леса дальневосточного типа, распространенные в горах Восточно-Маньчжурских и Малого Хингана до р. Янцзы на юге; в них преобладающими хвойными породами являются корейский кедр, пихта, ель и лиственные: липа амурская, различные виды дуба, клена, берез; 3) вечнозеленые широколиственные леса смешанного типа к югу от Янцзы и до Сино-Тибетских гор на западе, для которых характерны сосна Массиона, куннингамия, кипарис, камфорный лавр, и, наконец, многоярусные густые тропические леса на крайнем юге (южнее Северного тропика), поражающие богатством и многообразием растительных ассоциаций, с необычайным обилием разнообразных лиан и эпифитов. По побережью Южно-Китайского моря, особенно на п-ове Лэйчжоу и о-ве Хайнань, встречаются мангровые леса.

Животный мир

В Китае обитает примерно 3,5 тыс. видов позвоночных, что составляет около 10% мировой фауны. Наиболее многочисленна фауна рыб (1,6 тыс. видов) и птиц (свыше 1 тыс. видов); сравнительно немногочисленна группа млекопитающих (около 400 видов); пресмыкающиеся представлены 224 видами. Что касается фауны беспозвоночных, то она изучена крайне недостаточно, но отличается большим разнообразием, особенно среди наземных видов.

В распределении животного мира наблюдаются такие же закономерности, что и в размещении других физико-геогра-

фических компонентов. В восточной части страны состав фауны меняется с севера на юг — от таежной фауны сибирского типа до тропической, а в западной части, к северу от Тибетского нагорья, в связи с нарастанием континентальности климата — в широтном направлении, от степной на востоке до пустынной на западе. На преобладающей части территории страны господствует китайский тип фауны, представленный многими эндемичными и автохтонными видами (маньчжурский заяц, енотовидная собака, ряд видов дальневосточных овсянок, ястребиный канюк, чернопегий лунь и др.). Этот тип фауны на востоке представлен двумя комплексами: лесной и лесостепной фауной умеренного климата и фауной субтропических лесов, граница между которыми проходит по хребту Циньлин. Наибольшим разнообразием и богатством видового состава отличается фауна субтропических лесов, особенно в Сикан-Юньнаньском районе, для которого характерно обилие эндемиков и реликтов (землеройковые кроты, малая панда, большая панда, или бамбуковый медведь, и др.), а также значительное число тропических животных (мангуста, дымчатый леопард, макаки-резусы, олень-замбар, красные белки). Здесь много представителей южных птиц, а также беспозвоночных.

На западе состав фауны иной. Здесь сильно обеднена фауна земноводных, пресмыкающихся, насекомоядных птиц и насекомоядных млекопитающих (кротов, землероек), но довольно хорошо представлена фауна копытных, грызунов, хищников, а также хищных птиц (сипы, грифы, орлы, канюки, мелкие соколы). В этой части выделяют: а) район высокогорной фауны (Тибет, Цинхай), для которого типичны копытные: антилопа-оронго, дикий як, баран-аргали, горный козел куку-яман; грызуны — пищухи, горные полевки, сурки; хищники — волки, тибетские лисицы, медведи-пищухоеды; б) район степной фауны (Внутренняя Монголия, юг и запад Большого Хингана) с очень высоким представительством семейства грызунов — полевка Брандта, даурский суслик, даурские пищуха, хомячок, сибирский тушканчик, монгольская песчанка, и насекомых; в) район пустынно-полупустынной фауны (Ордос, Алашань, китайская часть Гоби, Цайдам, Джунгария, Такла-Макан), где основу животного мира представляют весьма своеобразные виды животных, приспособленные к условиям жизни в пустыне: грызуны — тушканчики, ближе к воде — хомячки; копытные — антилопа-джейран, антилопа Пржевальского, дикий двугорбый верблюд, лошадь Пржевальского, кулан. Фауна четвероногих хищников и птиц немногочисленна, но широко распространены пресмыкающиеся, в частности ящерицы-круглоголовки, ящурки, агамы, узорчатые полозы.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

Во второй половине 60-х годов, особенно во время «культурной революции», в административном устройстве КНР произошли некоторые изменения. Если в период «большого скачка» (1958—1960 гг.), когда прежние волости были заменены народными коммунами, изменения коснулись преимущественно низших административных единиц, то в последующие годы такие изменения произошли главным образом в высших административных единицах (провинции, автономные районы, округа), причем в первую очередь это коснулось административных единиц северных частей КНР, граничащих с СССР и МНР. Необходимо отметить, что процесс упорядочения административного деления КНР еще не завершен. Об этом свидетельствует ряд фактов. Во-первых, отсутствует унификация таксономической системы административных единиц в рамках всей страны (внутреннее деление отдельных провинций и автономных районов неодинаково: например, не во всех провинциях имеются такие единицы, как «административный район», «зона непосредственного подчинения провинции»). Во-вторых, не определен четкий статус городов провинциального и окружного подчинения — некоторым из них приданы территории, соответствующие округам, другим — небольшие пригородные зоны, третьи лишены и того, и другого. Характерно, что термин «цзычжичжоу» — «автономный округ» сохранился, тогда как китайский эквивалент принятого у нас термина «округ» («чжуаньцюй») изменен на термин более широкого содержания — «дицюй». (Этот термин можно перевести как «район», но, на наш взгляд, следует оставить название «округ», чтобы не было путаницы с единицами более высокого таксономического ранга — «автономными районами».)

Проводимое ниже административное деление базируется главным образом на картах КНР выпуска 1971 и 1972 гг. и «Атласе КНР» выпуска 1972 г.

В административном делении КНР имеется четыре таксономических уровня: 1) провинциальный — провинции — 22 (в том числе Тайвань); национальные автономные районы — 5; города центрального подчинения — 3; 2) окружной — нацио-

нальные автономные округа — 29; административные районы — 1; округа — 174; аймаки — 7; 3) уездный — уезды — —2007; национальные автономные уезды — 66; хошуны—53; национальные автономные хошуны — 3; села уездного разряда («чжэнь») — 1; 4) «народные коммуны».

В характеристике административного деления КНР указаны лишь наименования единиц первых двух уровней и городских территорий, а по другим единицам приводится их количество.

В основу схемы административного деления КНР положены следующие принципы:

1. Единицы высшего таксономического ранга даются в следующей последовательности: провинции, национальные автономные районы (именуются просто «автономные районы»), города центрального подчинения.

2. Традиционные районы Китая, как, например, Северный Китай, Восточный Китай, Юго-Западный Китай и т. д., не являются официальными административными единицами и поэтому в настоящей схеме они не учитываются. Административные единицы провинциального уровня даются в алфавитном порядке.

3. После названия провинции (автономного района) в скобках указывается примерная площадь этой единицы, а затем — название ее административного центра (точнее, пункта нахождения ее «ревкома»).

4. Названия округов (аймаков и других единиц этого уровня) часто совпадают с названиями их административных центров (пунктов нахождения их «ревкомов»). В этих случаях приводится лишь название округа (а на прилагаемой карте административный центр отмечается условным знаком). Если название административного центра отличается от названия округа, то оно приводится в скобках после названия округа (на схеме помещается соответствующая надпись возле условного знака административного центра округа).

1. Провинции

Аньхой (130 тыс. *кв. км*) — Хэфэй

Округа: Сусянь, Фуян, Люань, Чусянь, Чаоху (Чаосянь), Уху, Хуэйчжоу (Чунцы), Чичжоу (Гуйчи), Аньцин

Городские территории: Хэфэй, Тунлин Мааньшань, Хуайнань Хуайбэй, Банбу

Городов [1] — 8

Уездов — 70

---

[1] Здесь и далее указывается число городов непосредственного подчинения провинциям, автономным районам, округам, национальным округам, аймакам. В число городов непосредственного подчинения включены и городские территории, указанные отдельно.

Ганьсу (530 тыс. *кв. км*) — Ланьчжоу

Округа: Динси, Цинъян (Сифэнчжэнь), Пинлян, Тяньшуй, Уду, Увэй, Чжанъе, Цзюцюань

Автономные округа: Линся-Хуэйский (Линся), Ганьнань-Тибетский (Хэцзо)

Городские территории: Ланьчжоу

Городов — 4

Уездов — 66

Автономных уездов — 6

Хошунов[2] — 2

Гуандун (220 тыс. *кв. км*) — Гуанчжоу (Кантон)

Округа: Мэйсянь, Шаньтоу, Хуэйян (Хуэйчжоу)[3], Шаогуань, Фошань, Чжаоцин, Чжаньцзян

Автономные округа: Хайнань-Ли-Мяоский, подчинен Хайнаньскому административному району (Хунцичжэнь, бывш. Тунши)

Административный район: Хайнаньский (Хайкоу)

Городские территории: Гуанчжоу

Городов — 10

Уездов — 94

Автономных уездов — 3

Гуйчжоу (170 тыс. *кв. км*) — Гуйян

Округа: Тунжэнь, Цзуньи, Аньшунь, Синъи, Люпаньшуй (Шуйчэн), Хуацзе

Автономные округа: Цяннань-Буи-Мяоский (Дуюнь), Цянь-дуннань-Мяо-Камский (Кайли)

Городские территории: Гуйян

Городов — 4

Уездов — 70

Автономных уездов — 9

Ляонин (230 тыс. *кв. км*) — Шэньян

Округа: Шэньян (Телин), Чаоян Ляонань (Гайсянь), Паньцзинь (Паньшань), Цзиньчжоу

Аймаки: Чжоуда (Чифэн)

Городские территории: Шэньян, Фушунь, Бэньси, Ляоян, Аньшань, Даньдун[4], Люйда, Цзиньчжоу, Фусинь, Инкоу

Городов — 11

Уездов — 44

Автономных уездов — 2

Хошунов — 7

Сычуань (560 тыс. *кв. км*) — Чэнду

Округа: Ваньсянь, Дасянь, Фулин, Наньчун, Мяньян, Вэньцзян, Нэйцзян Цзянцзинь (Юнчуань), Ибинь, Сичан, Янь, Лэшань

Автономные округа: Ганьцзы-Тибетский (Кандин), Ляншань-Яоский (Чжаоцзяо), Аба-Тибетский (Маркан)

Городские территории: Чэнду, Чунцин, Цзыгун, Дукоу

Городов — 9

Уездов — 181

Автономных уездов — 3

Фуцзянь (100 тыс. *кв. км*) — Фучжоу

Округа: Миньхоу (Путянь), Фуань (Ниндэ), Цзиньцзян (Цюаньчжоу), Лунци (Чжанчжоу), Лунъянь, Саньмин, Наньпин (Цзяньян)

Городские территории: Фучжоу, Сямынь

Городов — 8

Уездов — 80

---

[2] Хошун по административному статусу соответствует уезду.

[3] На советских картах Хойчжоу.

[4] На советских картах указывается его старое название — Аньдун.

Хубэй (180 тыс. *кв. км*) — Ухань

Округа: Сяогань, Хуанган, Сяньнин (Вэньцюань), Ичан, Цзинчжоу (Цзянлин), Сянъян (Сянфань), Эньши, Юаньян (Шиянь)

Городские территории: Ухань, Хуанши

Городов — 6

Уездов — 73

Хунань (210 тыс. *кв. км*) — Чанша

Округа: Сянтань, Юэян, Хэнъян, Чэньчжоу (Чэньсянь), Линлин, Шаоян, Цяньян, Иян, Чандэ.

Автономные округа: Сянси-Туцзя-Мяоский (Цзишоу)

Городские территории: Чанша, Чжучжоу

Городов — 8

Уездов — 85

Автономных уездов — 4

Хэбэй (190 тыс. *кв. км*) — Шицзячжуан

Округа: Чжанцзякоу, Чэндэ, Таншань, Аньцы, Цаньчжоу (Цаньсянь), Баодин, Шицзячжуан, Хэншуй, Синтай, Ханьдань

Городов — 9

Уездов — 142

Автономных уездов — 2

Хэйлунцзян (710 тыс. *кв. км*) — Харбин

Округа: Хэцзян (Цзямусы), Муданьцзян, Сунхуацзян (Харбин), Ичунь, Суйхуа, Нуньцзян (Цицикар), Хэйхэ (Айхунь), Б. Хинган (Цзякэдаци)

Аймаки: Хулун-Буир (Хайлар)

Городские территории: Харбин, Аньда, Цицикар (включая г. Няньцзышань), Цзиси, Шуанъяшань, Хэган

Городов — 12

Уездов — 64

Автономных уездов — 1

Хошунов — 9

Автономных хошунов — 3

Хэнань (160 тыс. *кв. км*) — Чжэнчжоу

Округа: Кайфын, Аньян, Шанцю, Чжоукоу (Шаншуй), Синьян, Чжумадянь, Наньян, Лоян, Сюйчан, Синьсян

Городские территории: Чжэнчжоу, Кайфын, Лоян, Пиндиншань

Городов — 14

Уездов — 110

Цзилинь (Гирин) (290 тыс. *кв. км*) — Чанчунь

Округа: Сыпин, Тунхуа, Байчэн

Автономные округа: Яньбянь-Корейский (Яньцзи)

Аймаки: Джирим (Тунляо)

Городские территории: Чанчунь, Цзилинь (или Гирин)

Городов — 10

Уездов — 39

Автономных уездов — 2

Хошунов — 7

Цзянси (160 тыс. *кв. км*) — Наньчан

Округа: Шанжао, Фучжоу, Ганьчжоу, Цзинганшань (Цзиань), Ичан, Цзюцзян

Городские территории: Наньчан, Цзиндэчжэнь, Пинсян

Городов — 8

Уездов — 80

Цзянсу (100 тыс. *кв. км*) — Нанкин (Наньцзин)

Округа: Чжэньцзян, Сучжоу, Наньтун, Яньчэн, Хуайян (Цинцзян), Сюйчжоу, Янчжоу, Люхэ

Городские территории: Нанкин, Чанчжоу, Наньтун, Сючжоу, Уси, Сучжоу, Ляньюнган

Городов — 11
Уездов — 64

Цинхай (720 тыс. *кв. км*) — Синин

Автономные округа: Хуаннань-Тибетский (Тунжэнь), Хайбэй-Тибетский (Мыньюань), Хайнань-Тибетский (Гунхэ), Голо-Тибетский (Мачи), Юйшу-Тибетский (Юйшу), Хайси-Монголо-Тибетско-Казахский (Дэлинха)
Зона непосредственного подчинения провинции — 2
Городские территории: Синин
Городов — 1
Уездов — 32
Автономных уездов — 5

Чжэцзян (100 тыс. *кв. км*) — Ханчжоу

Округа: Цзясин (Усин), Шаосин, Нинбо, Тайчжоу (Линьхай), Вэньчжоу, Лишуй, Цзиньхуа, Чжоушань (Динхай)
Городские территории: Ханчжоу, Нинбо, Вэньчжоу
Городов — 3
Уездов — 64

Шаньдун (150 тыс. *кв. км*) — Цзинань

Округа: Яньтай, Чанвэй (Вэйфан), Линьи, Цзинин, Хэйцзэ, Ляочэн, Дэчжоу, Хуэйминь (Биньсян), Тайань
Городские территории: Цзинань, Цзыбо, Циндао, Цзаочжуан
Городов — 9
Уездов — 106

Шаньси (150 тыс. *кв. км*) — Тайюань

Округа: Яньбэй (Датун), Синьсянь, Цзиньчжун (Юйцы), Линьфэнь, Аньи (Юньчэн), Цзиньдуннань (Чанчжи)
Городские территории: Тайюань
Городов — 4
Уездов — 96

Шэньси (190 тыс. *кв. км*) — Сиань

Округа: Вэйнань, Шанло (Шансянь), Анькан, Ханьчжун, Баоцзи, Сянъян, Яньань, Юйлинь
Городские территории: Сиань, Тунчуань, Баоцзи
Городов — 4
Уездов — 93

Юньнань (380 тыс. *кв. км*) — Куньмин

Округа: Линцан, Сымоу, Юйци, Баошань, Лицзян, Шаотун, Цюйцзян
Автономные округа: Вэньшань-Чжуан-Мяоский (Вэньшань), Хунхэ-Хани-Иский (Гэцзю), Сишуанбаньна-Тайский (Цзинхун), Дэхун-Тайцзинпоский (Луси), Дали-Байский (Сягуань), Нуцзян-Лисуский (Бицзян), Дицин-Тибетский (Чжундянь), Чусюн-Иский (Чусюн)
Городские территории: Куньмин, Дунчуань
Городов — 4
Уездов — 106 (и одно село уездного уровня)
Автономных уездов — 15

2. Автономные районы

Внутренняя Монголия (400 тыс. *кв. км*) — Хух-Хото

Аймаки: Баян-Нор (Линьхэ), Икэчжао (Дуншэн), Уланцаб (Цзинин), Силингол (Силин-Хото)
Городские территории: Хух-Хото, Баотоу
Городов — 6
Уездов — 16
Хошунов — 27

Гуанси-Чжуанский автономный район (230 тыс. *кв. км*)

Округа: Наньнин, Циньчжоу, Юйлинь, Учжоу, Лючжоу, Гуйлинь, Хэчи, Байсэ

Городские территории: Наньнин, Учжоу, Гуйлинь, Лючжоу
Городов — 10
Уездов — 94
Автономных уездов — 3

Нинся-Хуэйский автономный район (170 тыс. *кв. км*) — Иньчуань
Округа: Гуюань
Городские территории: Иньчуань, Шицзюйшань
Зона непосредственного подчинения автономному району — 1
Городов — 2
Уездов — 16
Хошунов — 1

Синьцзян-Уйгурский автономный район (1600 тыс. *км. кв*) — Урумчи
Округа: Хами, Аксу, Хотан, Алтай, Кульджа, Чугучак
Автономные округа: Баянгол-Монгольский (Курля), Чанцзи-Хуэйский (Чанцзи), Казылсу-Киргизский (Артуш), Или-Казахский (включая округа Алтай, Чугучак, Кульджа) и Боротала-Монгольский (Боротала)
Городские территории: Урумчи, Карамай, Кашгар [5]
Зона непосредственного подчинения автономному району — 1
Городов — 4
Уездов — 74
Автономных уездов — 6

Тибетский (1200 тыс. *кв. км*) — Лхаса
Округа: Чамдо, Нагчу, Ари (Шицюаньхэ), Шигацзе, Лходраг (Цзэдан)
Городские территории — Лхаса
Уездов — 71

3. Города центрального подчинения

Пекин (Бэйцзин) — столица КНР
Городских районов — 8
Уездов — 9

Тяньцзинь
Городских районов — 12 (данных о количестве уездов нет)

Шанхай
Городских районов — 10
Уездов — 10

---

[5] В городскую территорию Кашгара включен весь округ Кашгар.

Согласно действовавшей в 1973 г. конституции КНР, которая была принята первой сессией Всекитайского собрания народных представителей первого созыва 20 сентября 1954 г., «Китайская Народная Республика есть государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян», по форме «единое многонациональное государство».

Как определялось в конституции 1954 г., власть в КНР «принадлежит народу в лице Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей». Все другие государственные органы в соответствии с конституционными положениями должны формироваться собраниями народных представителей или уполномоченными ими органами. Так, Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) должно формировать свой Постоянный комитет и состав Государственного совета (правительства), избирать Председателя КНР (он же Председатель Государственного комитета обороны), Председателя Верховного народного суда, Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, утверждать заместителей Председателя и членов Государственного комитета обороны. В свою очередь, местные Собрания народных представителей (СНП) должны формировать народные комитеты в качестве своих постоянных и исполнительных органов, избирать председателей местных народных судов. Важными правами в формировании государственных органов конституция наделила Постоянный комитет ВСНП (отдельные назначения в Госсовете, назначение судей Верховного народного суда, руководящих работников Верховной народной прокуратуры) и местные народные комитеты (назначение судей местных судов). Все работники прокуратуры на местах должны назначаться в централизованном порядке.

Представительные органы власти, по конституции, должны формироваться путем многостепенных выборов во всех единицах установленного конституцией административно-территориального деления (провинция, город, уезд, волость), а также в качестве органов самоуправления в национальных автономных единицах (автономный район, автономный ок-

руг, автономный уезд). Во всех перечисленных единицах до «культурной революции» СНП избирали народные комитеты. Кроме того, создавались делегированные административные органы в неконституционных единицах — особых районах и кварталах.[1] Там в качестве исполнительных органов фигурировали управления особоуполномоченных и квартальные канцелярии, на этом уровне представительные органы не создавались.

Судебные органы КНР строились по конституции, в соответствии с демократическими принципами участия народа в осуществлении правосудия, гласности суда и обеспечения обвиняемым права на защиту, национального равноправия в судопроизводстве, независимости судов и подчинения их только закону. Их задача была определена законом как «рассмотрение уголовных и гражданских дел, наказание по суду преступных элементов и разрешение гражданских споров, имеющие целью защиту народно-демократического строя, поддержание общественного порядка, охрану общественной собственности, законных прав и интересов граждан, обеспечение успешного проведения социалистического строительства и социалистических преобразований». Народная прокуратура строилась как единое централизованное учреждение, независимое при осуществлении своих функций от местных органов. Народная прокуратура должна была осуществлять надзор за соблюдением законов, вести борьбу со всеми правонарушениями, проводить расследование дел преступных элементов и от имени государства возбуждать и поддерживать публичное обвинение в суде.

В целом государственный механизм КНР с положенной в его основу конституцией 1954 г. подходил для воплощения в жизнь задач построения основ социалистического общества. При нормальном продвижении страны по пути социалистического развития были бы созданы условия для дальнейшего развития демократической сущности народной власти, активизации политической жизни страны, все более широкого привлечения к участию в управлении государством многомиллионных масс трудящихся.

Но конституционный государственный механизм КНР, отражая и воплощая общие черты, появившиеся впервые в Советском государстве и в других странах социализма, был в своей основе чужд маоистскому пониманию содержания и формы власти. Политические взгляды Мао Цзэ-дуна сложи-

---

[1] Эти единицы, так же как и существовавшие до 1956 г. районы в уездах, упоминались принятым одновременно с конституцией Законом об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов.

лись на базе сравнительно узкой практики освобожденных районов, существовавших до победы революции в сельских местностях Китая в условиях военного времени. Не малое место в них занимают и представления о сильной единоличной власти (типа власти древних императоров), способной обеспечить стране господствующее положение в мире. Марксистско-ленинского учения о государстве Мао никогда по-настоящему не знал и не понимал. Он сопротивлялся всему, что мешало насаждению культа его личности, диктаторских методов государственного руководства, милитаризации государственной и общественной жизни. Его взглядам противоречила линия на демократическую организацию политической жизни, повышение уровня сознательности масс, развертывание их творческой инициативы. Последовательное осуществление провозглашенных конституцией КНР положений о государственном механизме страны означало бы для Мао Цзэ-дуна непреодолимое препятствие на пути концентрации власти и расправы с политическими противниками.

Мао Цзэ-дун в течение ряда лет прилагал усилия для приспособления конституционного государственного механизма КНР к своим нуждам без коренной его перестройки. В ходе следовавших одна за другой шумных политических кампаний конца 50-х — первой половины 60-х годов, сопровождавшихся массовыми репрессиями, он на практике продемонстрировал враждебность реальной власти народа, неверие в его творческие силы, инициативу и энергию, прямую боязнь народного волеизъявления.

С конца 50-х годов и до «культурной революции» государственный механизм КНР прошел сложную эволюцию по пути отхода от принципов социалистического демократизма. Но основная его схема оставалась нетронутой — выраженные в законах и других нормативных актах принципы организации и деятельности отдельных звеньев государственного механизма, хотя и подвергшиеся сильному извращению на практике, формально сохранялись и могли быть использованы оппозиционными маоистам силами. Мао Цзэ-дуну и его группе не удалось в те годы поставить государственные и партийные органы под свой жесткий контроль. Аппарат государства и КПК тормозил многие маоистские начинания, старался ослабить репрессии. В середине 60-х годов в обстановке обострившейся борьбы в руководстве КПК у Мао созрел замысел слома конституционной системы государственных органов, уставных органов КПК и общественных организаций, осуществленный в процессе «культурной революции» (1966—1969 гг.).

В этот период одновременно с местными комитетами КПК были разогнаны народные комитеты, перестали созываться

собрания народных представителей (включая ВСНП), антиконституционным путем были реформированы и объединены с органами общественной безопасности органы суда и прокуратуры, был лишен полномочий председатель КНР Лю Шаоци, была парализована деятельность Постоянного комитета ВСНП. Несмотря на то что премьер Государственного совета Чжоу Энь-лай был одним из лидеров «культурной революции», Госсовет в качестве коллегиального органа государственного управления перестал существовать. Почти все заместители премьера оказались в рядах «черной банды», большинство министров были сняты, министерства и другие отраслевые органы государственного управления были поставлены под военный контроль путем назначения в них военно-контрольных групп или военных представителей. Усилилось значение в государственном управлении экономикой подчиненных непосредственно премьеру отраслевых канцелярий Госсовета, выполнявших ранее координационные функции по отношению к министерствам и бывших органами связи между руководством Госсовета и министерствами. Народные комитеты и администрация предприятий, учреждений, учебных заведений, а также правления народных коммун были заменены «ревкомами», в течение ряда лет (до 1969—1970 гг., когда начали создаваться новые парткомы КПК) выполнявшими также функции органов политического руководства. В «ревкомах» на всех уровнях присутствовали военные или ополченцы (миньбин), занявшие там руководящее положение. Важнейшей опорой военных в «ревкомах» стали «революционные» кадровые работники, т. е. руководящие функционеры государственного и партийного аппарата, доказавшие свою лояльность маоизму. Представители новоявленных организаций хунвэйбинов и цзаофаней, послуживших маоистам важным орудием в борьбе за власть, с самого начала составили в «ревкомах» меньшинство, а в дальнейшем, после массовой высылки из городов, их участие в «ревкомах» стало иметь чисто символический характер.

Состав парткомов маоистской партии формировался на основе «ревкомов», главы которых во многих случаях заняли должности первых секретарей. Парткомам официально предписывалось не создавать своего рабочего аппарата, а использовать аппарат «ревкомов». На провинциальном уровне руководящие посты в «ревкомах» и новых парткомах сосредоточились в большинстве случаев в руках командующих войсками региональных и провинциальных округов Такая концентрация власти имела место и на нижестоящих уровнях.

Преобразованный в ходе «культурной революции» государственный механизм КНР характеризуется фактическим

отказом от выборных представителей органов власти и от самого принципа формирования каких-либо руководящих органов путем выборов. При этом слова «представительные органы» и «выборы» не исчезли из маоистского политического лексикона, но приобрели совершенно иной смысл. Представительными органами сейчас именуются никем не избираемые «ревкомы», где народное представительство подменено «представительством трех сторон», которое в зависимости от тактических установок группы Мао Цзэ-дуна получает на различных этапах борьбы за власть различное толкование (при образовании «ревкомов» говорилось о соединении армейцев, «революционных» кадровых работников и «революционных масс», т. е. хунвэйбинов и цзаофаней; сейчас это чаще толкуется как объединение «революционеров» старшего, среднего и молодого поколений). Выборы в современном Китае считаются «проявлением консерватизма», что, однако, не относится к «выборам на основе демократических консультаций», означающим на практике назначение заранее определенных кандидатур в соответствующие органы без голосования[2].

ВСНП третьего созыва было сформировано путем всеобщих выборов в 1964 г. На сессию оно собиралось только однажды — в конце 1964 — начале 1965 г. Каких-либо официальных уведомлений о его роспуске, так же как и о роспуске местных СНП, не было. В 1970 г. на II пленуме ЦК КПК девятого созыва было объявлено о предстоящей сессии ВСНП четвертого созыва. В 1973 г. в отчетном докладе Чжоу Энь-лая на X съезде КПК вновь было обещано созвать ВСНП. Однако в 1973 г. оно не собиралось. И дело, очевидно, не в трудностях формирования его состава, а в наличии серьезных разногласий относительно дележа государственных постов между различными фракциями маоистов.

Исполняющий обязанности Председателя КНР Дун Би-у и Председатель Постоянного комитета ВСНП Чжу Дэ осуществляли только некоторые протокольные функции (прием послов и иностранных делегаций, направление приветствий руководителям зарубежных государств, участие в похоронах и т. п.). Упоминания в печати о членах Постоянного комитета ВСНП, Государственного комитета обороны и некоторых других высших государственных органов появлялись лишь в связи с такого же рода мероприятиями. К концу 1973 г. не была восстановлена даже на треть система существовавших до

---

[2] Путем «демократических консультаций» были назначены делегаты IX и X съездов КПК, местные съезды не созывались. Формулировка «выборы на основе демократических консультаций» как способ формирования партийных органов была внесена на IX съезде КПК в Устав партии и оставлена после X съезда в августе 1973 г.

«культурной революции» министерств и государственных комитетов. Функции центральной государственной власти и государственного управления непосредственно осуществлялись высшими органами КПК (Политбюро и его Постоянным комитетом), продолжалась практика руководства отраслями народного хозяйства и культуры со стороны военно-контрольных органов НОА и временных органов, называемых группами Государственного совета (например, группа по культуре, во главе которой член Политбюро ЦК КПК У Дэ, занимающий также должности первого секретаря горкома КПК, председателя «ревкома» и первого политкомиссара гарнизона войск НОА в Пекине). Большинство восстановленных министерских постов заняты военачальниками, многие из которых ранее возглавляли военно-контрольные органы в соответствующих министерствах (так, министерство торговли, объединенное сейчас с министерством продовольствия, возглавляет Фан Цзыюй, бывший с 1968 г. военным представителем в министерстве торговли, а до этого — начальником Управления материально-технического снабжения НОА).

Но если в центре конституционные государственные органы существовали формально, хотя бы в виде подписей их глав на телеграммах руководителям зарубежных государств и перечислений их членов в газетных отчетах о различных представительных мероприятиях, то на местах этих органов не было и нет совсем. Местные собрания народных представителей не созывались. И это несмотря на то что, по конституции, созыв ВСНП невозможен без созыва местных собраний. Однако местные СНП все же фигурировали в конституционном проекте 1970 г., в основном одобренном II пленумом ЦК КПК девятого созыва, другое дело — их исполнительные органы — народные комитеты. В этом проекте они даже не были упомянуты. Их место заняли «ревкомы», получившие по конституционному проекту одинаковый с СНП правовой статус. Пока в стране существует политическая неустойчивость, правящая группа КНР не откажется от «ревкомов», являющихся достаточно эффективным орудием военно-бюрократической диктатуры. «Ревкомы» номинально действуют в форме пленумов и постоянных комитетов, фактически все основные вопросы решаются «руководящим ядром», т. е. председателем «ревкома» и его заместителями. Особенно редко созываются пленумы «ревкомов». Известно, например, что в пров. Ляонин «ревком» был создан 10 мая 1968 г., но в феврале 1970 г. было созвано лишь второе его пленарное заседание, а в последующие годы (1971—1973) пленумов не было.

Органы общественной безопасности, суда и прокуратуры были в период «культурной революции» объединены под военным контролем в «гунцзяньфа» (общественная безопас-

ность, прокуратура, суд). Это название не было единственным: на первом этапе «культурной революции» массовые судилища на стадионах организовывались «комиссиями по искоренению контрреволюции», они же производили аресты и вели следствие; к концу «культурной революции», а также и после 1969 г. в таком качестве выступали «органы диктатуры пролетариата», или «органы диктатуры». Подобное наименование само по себе очень рельефно обнажает суть бытующих в Китае вульгаризаторских представлений о диктатуре пролетариата исключительно как о насилии. Причем конкретно насилие обращалось главным образом против партийной интеллигенции.

В начале 70-х годов развернулся процесс разъединения органов общественной безопасности и судов, при этом органы прокуратуры не восстанавливались. По сообщениям зарубежной печати, в 1973 г. отмечались случаи рассмотрения судами Тяньцзиня и других городов дел о «контрреволюционных преступлениях», направленных против городской молодежи, переселенной в деревню.

Деятельность карательных и других государственных органов современного Китая лишена какой-либо правовой основы, поскольку работа основных законодательных органов парализована, а ранее принятые законоположения отброшены. Обязательные нормы поведения граждан и работа государственных учреждений определяются закрытыми инструкциями и указаниями, которые часто исходят от органов и лиц, не имеющих законного права их создавать. Закрытый характер нормативных предписаний, отсутствие стабильной законности отражают неустойчивость политического положения в Китае.

Нельзя не отметить и вульгаризаторский характер толкования конституционных прав и свобод в современном Китае, тоже берущий начало со времен «культурной революции». Именно тогда проявлением «высшей, невиданной ранее демократии» были объявлены действия хунвэйбинов и цзаофаней по разгону государственных и партийных органов, общественных организаций, физические расправы с их работниками. В качестве «наивысшей» свободы слова были представлены митинги, на которых поносились партийные и государственные кадры, ученые, деятели науки, культуры и искусства. «Наивысшей» свободой печати были названы «дацзыбао», являвшиеся средством клеветы и открытых доносов. И конечно, «наивысшей» свободой собраний и союзов были объявлены хунвэйбиновско-цзаофаневские сборища и организации. А сами произвол и беззаконие «культурной революции» определялись как практика «массовой демократии в условиях диктатуры пролетариата».

1973 год прошел без каких-либо признаков возвращения страны к стабильным правовым нормам и законности. Х съезд КПК не гарантировал это возвращение, а обещал многократное повторение «культурной революции».

* * *

Государственный флаг КНР был установлен «Резолюцией о столице государства, летосчислении, государственном гимне, государственном флаге Китайской Народной Республики», принятой пленарной сессией Народного политического консультативного совета Китая 27 сентября 1949 г. Его описание было подтверждено ст. 104 конституции КНР 1954 г. Государственный флаг КНР состоит из красного полотнища с изображением на нем пяти звезд. Одна из звезд (бóльшего размера) расположена в верхнем левом углу флага у древка, а четыре меньших звезды — с правой ее стороны полукругом. Звезды — золотистого (желтого) цвета. В резолюции говорилось, что флаг с таким изображением «символизирует великое единство революционного народа Китая»[3].

Этой же резолюцией в качестве государственного гимна Китайской Народной Республики был утвержден «Марш добровольцев». Автор текста — известный драматург Тянь Хань (род. в 1898 г.), музыка революционного композитора Не Эра (1912—1935). В тексте конституции КНР 1954 г. государственный гимн не был назван, но продолжал исполняться «Марш добровольцев». В период «культурной революции» авторы музыки и текста были подвергнуты резкой критике. В настоящее время гимн исполняется при протокольных мероприятиях.

Резолюция декларировала также перенесение столицы государства в Пекин с присвоением городу этого старого названия. Одновременно в стране вводилось и общепринятое летосчисление по григорианскому календарю.

Государстенный герб Китайской Народной Республики был утвержден восьмой сессией Центрального народного правительственного совета КНР 28 июня 1950 г. по предложению второй сессии Всекитайского Комитета Народного политического Консультативного совета Китая, состоявшейся в том же году 14—23 июня. Изображение герба было утверждено приказом Центрального Народного Правительства 20 сентября 1950 г. Четыре года спустя описание герба КНР было подтверждено конституцией (ст. 105). Государственный

---

[3] Сборник законов и постановлений Центрального Народного правительства. 1949—1950 (Чжунъян жэньмин чжэнфу фалин хуэйбянь), Пекин, 1952, стр. 15.

герб КНР имеет изображения: в центре — ворота Тяньаньмынь, освещенные пятью звездами, а по краям — колосья и зубчатое колесо. Колосья по внешней стороне окаймления герба — пшеничные, по внутренней стороне — рисовые. Фон герба — красный, изображения на нем — золотистые. Согласно официальному объяснению к рисунку герба, он «символизирует новодемократическую революционную борьбу, начатую „движением 4 мая“, и рождение нового Китая демократической диктатуры народа, основанной на союзе рабочего класса и крестьянства, под руководством рабочего класса» [4].

[4] Там же, стр. 52—53.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Китай находится на первом месте в мире по числу жителей. Доля Китая в численности населения земного шара довольно высока, в течение многих веков она превышала $^1/_4$ и в настоящее время составляет 22—23%.

Оценка численности населения КНР представляет огромные трудности прежде всего из-за отсутствия регулярных переписей, а также из-за отрывочности и неполноты публикации китайской статистики. Результаты проведенной в 1953 г. первой общегосударственной переписи населения до сих пор вызывают противоречивые толки. Ненадежность и неполнота статистического учета населения в старом Китае и отсутствие публикаций в последующие годы привели к чрезвычайной пестроте оценок численности населения. Эксперты-демографы насчитывают до 50 различных оценок численности жителей КНР, причем степень расхождения между крайними величинами достигает 180 млн. человек (от 750 до 930 млн. на 1971—1972 гг.).

В данном случае в основу оценки численности населения КНР положены переписи 1953 г., а также выборочные данные о численности населения за 1958—1960 гг. На последующие годы были прослежены тенденции в движении рождаемости и смертности по отдельным периодам, проявившиеся в результате социально-экономических мероприятий китайского руководства. Отличие полученного статистического ряда в данном случае заключается в том, что другие исследователи проецировали темпы роста численности населения, исходя из вариантов неизменных среднегодовых темпов (1,5%, 2,0, 2,5% и т. д.). Между тем в одни периоды прирост населения КНР резко замедлялся ввиду сокращения рождаемости и одновременного увеличения смертности (например, в 1960—1962 гг.), в другие — тенденции могли быть противоположными. Нереальной является также экстраполяция роста населения по абсолютному годовому приросту (метод, применявшийся ООН, когда ежегодное увеличение населения КНР неизменно принималось в размере 10 млн. человек).

Оценки численности населения КНР (без о-ва Тайвань, млн.)

1949 г. — 541,6	1957 г. — 647	1966 г. — 739
1950 г. — 551,9	1958 г. — 659	1967 г. — 750
1951 г. — 563	1960 г. — 686	1968 г. — 761
1952 г. — 574,8	1961 г. — 692	1969 г. — 772
1953 г. — 587,9	1965 г. — 698	1970 г. — 785
1954 г. — 601,7	1963 г. — 702	1971 г. — 797
1955 г. — 614,6	1964 г. — 715	1972 г. — 809
1956 г. — 672,8	1965 г. — 729	1973 г. — 820

Факторами роста населения КНР в 1949—1960 гг. являлись постоянно снижающийся коэффициент смертности и почти неизменно высокий показатель рождаемости, а с 1961 г. по настоящее время — нарастающий темп снижения рождаемости при практически неизменном среднем (лишь в отдельные годы высоком) уровне общей смертности.

Снижение общего коэффициента смертности в Китае объясняется прежде всего устранением или уменьшением смертности от эпидемий острозаразных заболеваний, а также резким сокращением детской смертности. По некоторым источникам, детская смертность в старом Китае составляла 200 на тысячу родившихся, в 1956 г. в ряде районов она сократилась до 81[1]. В результате организации общегосударственной системы здравоохранения за первое десятилетие КНР общий показатель смертности сократился с 22 до 12‰[2], хотя условия для снижения смертности (кроме ликвидации остроинфекционных заболеваний) существенно не изменились.

Показатель рождаемости в первое десятилетие существования КНР не претерпел заметных изменений: он снизился с 37 до 34‰, что оставляло Китай на уровне стран с наибольшей рождаемостью. Однако для этого периода характерно было снижение среднего брачного возраста, увеличение числа браков и соответственно абсолютного числа рождений. Число новорожденных в КНР возросло с 1949 по 1959 г. с 20 до 25,5 млн. человек. Однако поскольку темп снижения смертности намного превышал темп снижения рождаемости, то естественный прирост населения за 1949—1958 гг. увеличился с 1,9 до 2,4%.

Во втором десятилетии КНР картина движения населения кардинально изменилась: фактором, определяющим темп воспроизводства населения, становится быстро снижающаяся рождаемость. В то же время смертность остается примерно

---

[1] В городах детская смертность понизилась в еще большей мере: например, в Пекине она уменьшилась со 117 до 31,1, в Шанхае и Гуанчжоу соответственно — с 81,2 и 47,7 до 31,1 и 25,1 на тысячу человек («The Geographical Review», 1973, vol. 63, № 7, стр. 58).

[2] «Current Scene», 1967, № 24, стр. 32.

на том же уровне. На понижение деторождения огромное влияние оказали экономические трудности в стране (карточная система, неблагоприятная для детских возрастов, голод в 1960—1961 гг.), а также нестабильность политического положения. В КНР создаются условия для сокращения рождаемости — происходит ужесточение всех мер контроля над рождаемостью, включая официальное повышение брачного возраста (до 25 лет для женщин и 28 лет для мужчин), ведется пропаганда малодетных семей (с одним-двумя детьми), аборты, а также операции по стерилизации, бесплатное распространение противозачаточных средств, ряд мер экономического порядка и др.

Возрастные показатели смертности за второе десятилетие остались прежними, так как условия жизни и труда громадного большинства трудящихся не изменились. Более того, разрушение государственной системы здравоохранения в сельских районах, эксперименты с кооперативными больницами и «босоногими врачами», а также «экономия» ассигнований на сельское здравоохранение привели к известному возрастанию заболеваемости населения и возникновению вспышек эпидемий в отдельные годы во многих районах.

В результате одновременного, но противоположно направленного изменения рождаемости и смертности темп прироста населения резко замедлился: с 2,4% в конце 50-х годов он снизился до 1,4% в конце 60-х — начале 70-х годов. По этому показателю КНР занимает одно из последних мест в мире. Абсолютный прирост населения в Китае (12—13 млн. человек в год) ниже, чем в Индии.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Китай относится к плотнонаселенным странам, однако различия в плотности населения по провинциям и районам огромны. В среднем по стране в 1949 г. на 1 *кв. км* приходилось 57 человек, в 1958 г.—70 человек, в 1972 г.—84 человека. Наиболее густо заселены территории среднего и нижнего течения р. Хуанхэ, устья р. Янцзы, дельты р. Чжуцзян, а также пров. Сычуань и отдельные районы Северного и Северо-Восточного Китая. На $^1/_{10}$ площади страны проживает 80% общего населения, а на $^4/_{10}$ территории—96% населения[3].

К провинциям с наибольшей плотностью относятся Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян и Хэнань, где число жителей на 1 *кв. км* превышает 300, при этом рекордной является плотность пров. Цзянсу (440 человек на 1 *кв. км*). В КНР имеют-

[3] «Современный Китай» (справ.), М., 1970, стр. 25.

ся также обширные малозаселенные территории, например Тибет (1 человек на 1 *кв. км*). В то же время на огромной площади, главным образом в районах проживания национальных меньшинств (4 млн. *кв. км*), проживают всего 25 млн. человек.

За 20 с лишним лет существования КНР произошли значительные изменения в территориальном распределении населения. Наибольшие темпы прироста населения характерны для Внутренней Монголии (в среднем 5,7% в год), Синьцзян-Уйгурского района (5,2%), пров. Хэйлунцзян (5,2%), пров. Цзилинь (4,4%), т. е. периферийных районов стратегического значения. Особенностью расселения в КНР является также интенсивное насыщение густонаселенных районов сельскими жителями. Так, среднегодовые темпы роста населения в пров. Цзянсу составляют 2,3%, т. е. значительно выше, чем в среднем по стране. Еще более высокие темпы роста в провинциях Чжэцзян (2,8%) и Юньнань (2,6%).

Китай относится к слабоурбанизированным странам. В 1949 г. из 542 млн. на долю сельского населения приходилось 447 млн. (82,5%), в 1959 г. из 675 млн. — 560 млн., в 1972 г. из 809 млн. — 690 млн. (или 85%) сельских жителей. Таким образом, доля городских жителей в общей численности населения в первое десятилетие повысилась с 11 до 17%, а затем вновь снизилась до 1,5%. Это — результат замедления темпов индустриализации, а также особой политики китайского руководства по перемещению коренных городских жителей в сельские районы на постоянное жительство, т. е. процесса «дезурбанизации».

Своеобразием формирования населения крупных городов является их диффузия за счет прилегающих сельских районов. К району г. Пекина относится огромная территория в 17,1 тыс. *кв. км*, Шанхая — 5,8 тыс. *кв. км*. Она делится соответственно на девять и десять сельских уездов, позволяющих полностью обеспечивать потребности в продовольствии за счет пригородных районов.

По некоторым сведениям[4], в начале 70-х годов в стране насчитывалось 43 крупнейших города с населением свыше 500 тыс. и 21 город с населением свыше 1 млн.

В сравнении с довоенным, 1936 годом население десяти наиболее крупных городов Китая в 1970 г. возросло: Шанхай — 3,7 млн. и 7,0 млн., Пекин — 1,6 и 5,0, Тяньцзинь — 1,3 и 3,6, Шэньян — 0,5 и 2,8, Ухань — 1,4 и 2,6, Гуанчжоу — 1,2 и 2,5, Чунцин — 0,4 и 2,4, Нанкин — 1,0 и 1,75, Харбин — 0,5 и 1,7, Люйда (Дальний) — 0,4 и 1,7, Сиань — 0,16 и 1,6 млн. и т. д.

---

[4] «The Geographical Review», 1973, vol. 63, № 7, стр. 58.

1973 год ознаменовался заметной активизацией мероприятий китайского руководства в области демографической политики, что потребовало выработки более определенных формулировок. В докладе китайского делегата Цзи Луна на XXIX сессии ЭКАДВ ООН в Токио 16 апреля 1973 г.[5] впервые за многие годы упоминаются самые общие, хотя и сомнительные, противоречащие прежним сведениям, цифры о росте населения КНР: «За 24 года население увеличилось с более чем 500 млн. человек до более чем 700 млн. человек, т. е. на 50% с лишним». Однако известно, что в конце 1949 г. в стране насчитывалось 541,7 млн. человек; таким образом, в конце 1973 г., даже по этим расчетам, численность населения должна была бы составлять по крайней мере 812 млн.

Вместе с тем в выступлении делегата усиленно внедряемая в Китае плановая рождаемость связывается не с какими-либо экономическими трудностями или «перенаселенностью» Китая, а единственно с заботой китайского руководства «о жизни и здоровье женщин», «о благосостоянии трудящихся». Она якобы необходима «в целях ускорения окончательного освобождения женщин, охраны материнства, женщин и детей, хорошего воспитания подрастающего поколения, улучшения здоровья народа и процветания нации»[6].

Судя по информации китайской печати, кампания по ограничению рождаемости в КНР вступила в новую стадию, когда подготовительные и пропагандистские меры сменились активными практическими делами, охватившими не отдельные города и сельские районы, а всю страну в целом. Возможно по политическим мотивам проведение кампании ограничено лишь в некоторых районах, где проживают нацменьшинства, однако общая численность их населения очень невелика. В 1973 г. кампания усиленно осуществлялась не только в густонаселенных, но и в малонаселенных областях. В частности, в прессе упоминается о работе специальных групп по проведению кампании в пров. Хэйлунцзян, Цзилинь и даже в отдаленном степном районе пров. Ляонин, населенном монголами [7]. Имеется также сообщение о пропаганде поздних браков в местности, населенной мяо [8].

Наряду с этим существенно меняются и методы контроля за рождаемостью. Если раньше превалирующими были пропаганда, убеждение, распространение необходимых знаний и

[5] См. «Жэньминь жибао», 17. IV. 1973.
[6] «Жэньминь жибао», 17. IV. 1973.
[7] «Гуанмин жибао», 17. II. 1973.
[8] «Жэньминь жибао», 26. VI. 1973; 23. VIII. 1973.

медицинских препаратов, то в 1973 г. от коллективных уговоров все чаще переходят к индивидуальным мерам, применяемым в отношении определенной семьи, конкретной женщины и т. д. В печати часто публикуются конкретные цифры о численности населения, пользующегося противозачаточными средствами. По обследованию пекинской главной больницы, из замужних женщин в возрасте 18—45 лет применяли противозачаточные средства 62%, в г. Ухани — около 70% супружеских пар. В одном из уездов пров. Шаньдун количество населения, пользующегося противозачаточными средствами или «исповедующего» поздний брак, достигло 91,3%[9]. «Босоногие врачи» в сельских районах разносят противозачаточные средства по домам и часто доставляют их женщинам, работающим на полях[10]. С 1957 г. в Китае легализован аборт (бесплатно для работающих женщин и с оплатой 2 юаней для неработающих).

В целях упорядочения кампании за сокращение рождаемости в 1973 г. в каждой бригаде «народных коммун», на предприятиях и в учреждениях пропагандисты добиваются составления конкретных планов по ее осуществлению. В одних случаях — это индивидуальные планы по заключению брака, а в других — по рождению первого ребенка или последующих детей и т. д. Масштабы и эффективность движения становятся весьма значительными. Они охватывают практически всех замужних женщин в возрасте 18—45 лет в крупных городах и от 70% (пров. Фуцзянь) до 95% (пров. Цзянсу) в сельских районах. Задача, которую китайские руководители ставили перед собой десять лет назад в области снижения темпа прироста населения, была выполнена досрочно[11].

По поступающим из КНР отрывочным сведениям, рождаемость и естественный прирост населения в городах и сельских районах заметно сократились. Так, в г. Сучжоу за 1973 г. рождаемость снизилась на 11,4%[12], в г. Уси — на 10%[13]. Несомненное снижение рождаемости повлекло за собой усиление тенденции к ограничению темпов естественного прироста, которая до 1973 г. была характерна преимущественно для крупных городов. Так, прирост населения в Нанкине на

---

[9] «Жэньминь жибао», 27.I.1974.

[10] «Жэньминь жибао», 17.IV.1973.

[11] Чжоу Энь-лай в беседе с Э. Сноу в г. Конакри (3.I.1964 г.), в частности, заявил: «Наша цель в настоящее время — добиться снижения темпа роста населения в пределах до 2% В дальнейшем надеемся продолжать снижение темпа прироста населения, однако мы думаем, что до 1970 г. не сможем снизить темп роста до уровня, сравнимого с японским» («Чжунгун яньцзю», 1972, № 72).

[12] «Жэньминь жибао», 18.IX.1973.

[13] «Жэньминь жибао», 30.VII.1973.

тысячу жителей составлял: в 1965 г.— более 7‰, в 1970 г.— 5, в 1971 г. — 3,5‰ [14]. В Пекине в 1969 г. темп прироста населения равнялся 16‰, в пригороде Шанхая — 10‰. В г. Сучжоу естественный прирост составил в 1972 г. 5,4‰. В течение года участились сообщения о снижении прироста населения во многих провинциях страны. Так, в уезде Вэньдэн (пров. Шаньдун) естественный прирост в 1972 г. достигал 11,83‰, в 1973 г.— 10,44‰. В одной «народной коммуне» он составил исключительно низкую цифру для китайской деревни — 6,28‰ [15]. Обобщая имеющиеся данные, можно прийти к выводу, что в 1973 г. естественный прирост населения городов составлял примерно 8—10‰ (т. е. 1,0—1,3 млн. человек), сельского населения — в пределах 12—14‰ (т. е. 8,4—9,8 млн. человек), а общий прирост населения — 9,5—11,0 млн., или 11,5—13,2‰.

На воспроизводство населения КНР все большее влияние оказывает смертность. Это связано прежде всего с политикой руководства, направленной на всемерную интенсификацию труда сотен миллионов людей, которая сочетается с недопотреблением важнейших жизненных средств и «экономией» на орудиях, сберегающих и облегчающих труд. Китайские руководители пытаются максимально «использовать» имеющийся в достатке человеческий материал, не заботясь о воспроизводстве здорового, полноценного и культурного населения.

Состояние здоровья населения КНР, как и в первые годы после образования республики, находится на очень низком уровне. Несмотря на успехи, достигнутые вначале в области здравоохранения, многие вопросы снижения уровня заболеваемости и смертности остаются нерешенными до сих пор. Причина этого заключается во всемерной «экономии», осуществляемой правительством на местах путем сокращения расходов на санитарно-гигиенические мероприятия и улучшения здоровья народа.

По сообщениям китайской печати, в 1973 г. в стране уже изжиты лишь такие остроинфекционные заболевания, как оспа, холера, чума[16], хотя 15 лет назад та же пресса объявляла об искоренении десятка других инфекционных болезней. В 1956 г. было сделано заявление о том, что в ближайшие 7—12 лет в Китае будет ликвидировано большинство профессиональных заболеваний (в их числе широко распространенный шистосоматоз), однако в настоящее время эти болезни поражают обширные территории, где проживают сотни

---

[14] Интервью Э. Сноу итальянскому еженедельнику «Эпока», 25.IV.1971.
[15] «Жэньминь жибао», 27.I.1971.
[16] «Жэньминь жибао», 29.I.1974.

миллионов людей. Предполагалось, что в 1963 г. Китай избавится от малярии [17], но до сих пор она широко распространена во многих районах страны. Обследование заболеваемости, проведенное в пров. Гуандун в начале 1972 г., показало, что из 25 млн. обследованных 19 млн. страдают малярией, около 1 млн. — хроническим бронхитом. Среди населения самыми распространенными болезнями являются трахома, опухоли, женские болезни [18].

В результате «культурной революции» в китайской деревне была разрушена государственная система медицинского обслуживания и начала создаваться медико-санитарная служба «народных коммун». Тем самым бюджет маоистского государства освободился от расходов на нужды сельского здравоохранения, переложив их бремя на самих крестьян. Естественно, что финансирование этих нужд коммунами осуществляется на низком уровне (1% годовых расходов), который не позволяет проводить самые элементарные лечебные и оздоровительные мероприятия. Лозунг Мао «центр тяжести работы в области здравоохранения перенести в деревню» рассматривается как директива для посылки большого числа городской молодежи в сельские районы в качестве «босоногих врачей» (по оценкам китайской прессы, их насчитывается 1 млн.) [19]. Функции «босоногих врачей» в деревне многообразны: они ведут пропаганду знаний медицины и гигиены, проводят профилактическую и лечебную работу, разносят медикаменты по домам. Наряду с этим, как проводники «идей Мао», они ведут политическую работу среди крестьян. Значительная их часть совмещает эти обязанности с физическим трудом на полях, зарабатывая примерно половину доходов за счет трудодней.

Отношение крестьян к этой части городской молодежи довольно настороженное; многие из них не доверяют неквалифицированным «босоногим врачам», предпочитая знахарей. В здравоохранении сказывается нехватка лекарственных препаратов, которую пытаются компенсировать кампаниями по сбору лекарственных растений.

Несмотря на временный эффект политики ограничения рождаемости, на снижение темпа роста населения, китайское руководство позитивно не разрешает ни одной из коренных проблем народонаселения, расширенного воспроизводства рабочей силы.

В условиях хронического недопотребления и использования преимущественно тяжелого мускульного труда в Китай-

---

[17] «Жэньминь жибао», 19.VIII.1956.
[18] «China News Analyses», № 889, 4.VIII.1972.
[19] «Хунци», 1973, № 3, стр. 44.

ской Народной Республике, как и прежде, сохраняется относительно высокая смертность и заболеваемость, короткая продолжительность жизни. Даже такой фактор, как численность населения, маоисты пытаются обращать в свою пользу, пуская в ускоренный «оборот» сотни миллионов рождающихся человеческих существ.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Китайский язык — это национальный язык 94% населения Китая, служащий средством межнационального общения внутри страны, а также за ее пределами. Китайский язык, входящий в число наиболее распространенных языков мира, является одним из официальных языков Организации Объединенных Наций.

Диалекты китайского языка. Китайский язык имеет значительное число диалектов, которые различаются между собой настолько существенно, что взаимопонимание между их носителями не всегда оказывается возможным без предварительного опыта общения или специальной подготовки. В Китае изучение диалектов китайского языка методами современной науки началось в 20-е годы. В 1955—1959 гг. было проведено первое общегосударственное обследование, в результате которого были записаны диалекты большинства уездов.

Согласно современным представлениям о территориальном членении китайского языка, он включает семь больших диалектных групп, в каждой из которых, в свою очередь, выделяются подгруппы.

I. Северо-китайская группа диалектов (китайское название — *гуаньхуа,* в западной литературе — группа мандаринских диалектов) состоит из подгрупп:

1. Северная подгруппа диалектов распространена в провинциях Хэбэй, Хэнань, на севере провинций Шаньдун и Аньхой, на востоке Внутренней Монголии и на всем Северо-Востоке Китая.

2. Восточно-шаньдунская подгруппа диалектов (китайское название — подгруппа *цзяодун*) распространена на п-ве Цзяодун и в восточной части пров. Шаньдун.

3. Северо-западная подгруппа диалектов распространена в провинциях Шаньси, Шэньси, Ганьсу и в западной части Внутренней Монголии.

4. Юго-западная подгруппа диалектов (китайское название — юго-западная *гуаньхуа*) распространена в провинциях Сычуань, Юньнань и в западных частях провинций Гуйчжоу и Гуанси.

5. Подгруппа диалектов междуречья Хуайхэ и Янцзы (китайское название — *цзян-хуай*) распространена на юге провинций Аньхой и Шаньдун и на севере пров. Цзянсу.

II. Восточно-китайская группа диалектов (китайское название — *у*):

1. Северная подгруппа диалектов *у* (китайское название — подгруппа *цзян-чжэ*) распространена в южной части пров. Цзянсу южнее Янцзы и в северной части пров. Чжэцзян.

2. Южная подгруппа диалектов *у* (китайское название — диалекты *чжэнань*) распространена в южной части пров. Чжэцзян южнее р. Цяньтанцзян.

III. Центрально-китайская группа диалектов (китайское название — *сян*):

1. Подгруппа новых диалектов распространена в городах северной части пров. Хунань.

2. Подгруппа старых диалектов распространена в сельских районах всей провинции Хунань и на северо-востоке пров. Гуанси.

IV. Группа диалектов пров. Цзянси (китайское название — *гань*).

V. Группа диалектов *хакка* — это диалекты, на которых говорит этническая группа хакка, распространены на территории провинций Цзянси, Фуцзянь, Гуандун. Помимо этого компактного района диалектные островки хакка имеются также в Гуанси, Хунани, Сычуани и на Тайване.

VI. Юго-восточная группа диалектов (китайское название — *минь*).

1. Северная подгруппа (китайское название — *миньбэй*) распространена в северо-восточной части пров. Фуцзянь.

2. Южная подгруппа (китайское название — *миньнань* или *минь-тай*) распространена в юго-восточной части пров. Фуцзянь, на северо-востоке пров. Гуандун, на о-вах Хайнань и Тайвань.

VII. Южнокитайская группа диалектов (китайское название — *юэ*) распространена в центральной и западной частях пров. Гуандун и в восточной части пров. Гуанси.

Диалекты китайского языка различаются между собой в фонетическом, грамматическом и лексическом отношениях. Однако фонетические различия, хотя и могут быть довольно значительными, далеко не всегда являются основным препятствием к взаимопониманию, потому что в них прослеживаются наиболее явные и регулярные закономерности, которые могут быть установлены в процессе общения. Более серьезным препятствием для взаимопонимания носителей разных диалектов служат различия в лексике и грамматике. Значительная часть обиходных слов различна в каждой груп-

пе диалектов. Общей лексикой для всех диалектов являются прежде всего слова, употребляемые в сфере управления и политики.

Грамматика китайских диалектов изучена недостаточно. В настоящее время существуют грамматики пекинского и южных приморских диалектов — шанхайского, кантонского, амойского. Их общая структура сходна повсюду: грамматические отношения между словами выражаются порядком слов и служебными морфемами, которые часто сохраняют связи со своими исходными знаменательными значениями. Грамматические категории разных диалектов, в общем, одинаковы, но сами служебные морфемы, служащие для их выражения, чаще всего бывают различными.

Ввиду слабой изученности диалектов китайского языка в настоящее время невозможно достаточно точно указать границы районов взаимопонимания представителей разных диалектов. Однако даже в том случае, если эти границы удастся установить, следует учитывать, что взаимопонимание зависит от многих внелингвистических причин — темы общения, способности собеседников устанавливать соответствия между своими диалектами. Чем больше речь собеседников насыщена общекитайской лексикой и чем выше их способность к установлению фонетических, грамматических, лексических соответствий между своими диалектами, тем легче им достигнуть взаимопонимания. Обычно взаимопонимание с большей или меньшей легкостью достигается в пределах группы диалектов между представителями подгрупп. Между представителями указанных групп диалектов оно недостижимо без предшествующего опыта общения или специальной подготовки.

Национальный язык. В современной лингвистической ситуации проблема общегосударственного средства общения в Китае всегда была достаточно сложна. Огромная территория страны, недостаточные средства сообщения, малая мобильность населения не способствовали развитию единого устного языка для всей страны. Вместо этого в Китае традиционно существовала система, состоящая из единого для всей страны письменного языка и нескольких региональных средств устного общения, сложившихся на диалектной основе наиболее важного политического и экономического центра соответствующего района. Средством устного общения для всего Северного, Северно-Западного и Юго-Западного Китая, по традиции, являлся гуаньхуа, основанный на столичном, пекинском диалекте. В других частях страны аналогичные функции в своих ареалах выполняли диалекты таких административных и экономических центров, как Сучжоу, Шанхай, Сямэнь, Гуанчжоу.

Проблема единого для всего Китая устного языка была поставлена в ходе демократического движения, предшествовавшего Синьхайской революции 1911 г. Тогда же появилось и его название — «гоюй» (национальный язык). Пекинский диалект как основа национального языка был утвержден в 1924 г. Однако для действительного создания национального языка требовалась разработка его орфоэпической нормы, выработка нормативной грамматики и стандартного словаря. При этом потребовалось преодолеть настолько значительные трудности, что большинство из поставленных задач до сих пор не имеет стабильного официального решения.

Помимо проблемы создания устного национального языка существует также и проблема его распространения, которая в условиях описанной выше лингвистической ситуации связана с огромными трудностями. Эти трудности усугубляются глубоко укоренившейся традицией равенства диалектов перед письменными средствами общения. Поэтому принятие одной формы устной речи в качестве обязательного национального языка означает беспрецедентное для Китая возвышение одного диалекта над другими.

В дискуссиях о путях развития и распространения национального языка в Китае выявились два противоположных подхода к этой проблеме. Один из них состоит в том, чтобы распространить национальный язык, основанный на пекинском диалекте, по всей стране с помощью обычных в таких случаях средств — школьного обучения и средств массовой коммуникации. Согласно другой концепции, национальный язык может развиться лишь в результате постепенного слияния диалектов китайского языка в единый общий язык. На основе этих двух противоположных подходов существует значительное количество различных компромиссных предложений.

После Синьхайской революции лингвистическая политика правительств состояла в том, чтобы национальный язык, основанный на пекинском диалекте, распространить по всей стране. При разработке правительственной политики КНР в области национального языка диалекты рассматривались как ответвления от общенационального языка; в течение исторически обозримого периода они должны отмереть и уступить место общенациональному языку. Исходя из такой оценки перспектив развития лингвистической ситуации, правительство КНР определило цель языковой политики как «унификацию диалектов китайского языка», о чем Чжоу Энь-лай сообщил в своем докладе 10 января 1958 г. В качестве средства для достижения этой цели он назвал обучение национальному языку всех тех, кто им не владеет,— в первую очередь молодежь.

Официальному провозглашению этой лингвистической политики предшествовала длительная дискуссия, итоги которой были подведены на всекитайских конференциях по реформе письменности и нормализации китайского языка, проведенных в октябре—ноябре 1955 г. На первой из этих конференций старое название национального языка — «гоюй», не употреблявшееся официально после образования КНР, было отменено. Единый общегосударственный устный язык получил название «путунхуа» («общепонятный язык»). Согласно официальному определению, «путунхуа» — это «общий язык китайской нации, основой которого являются северные диалекты, стандартным произношением — произношение Пекина, грамматической нормой — образцовые произведения современного байхуа».

В настоящее время путунхуа — общий язык китайской нации — фактически устный язык, который представляет собой основное средство устного общения на севере Китая. На конференции по нормализации китайского языка была вновь поставлена задача нормализации путунхуа, т. е. создания орфоэпической, грамматической, лексической нормы. Предполагается, что после нормализации путунхуа сделается средством устного и письменного общения, который следует распространить по всей стране.

К концу 50-х годов были разработаны и введены в действие основные орфоэпические нормы путунхуа. Нормативный словарь был составлен к 1959 г., но не был выпущен для широкого распространения. Работа над нормативной грамматикой продолжается до настоящего времени. Первая попытка распространения путунхуа для повсеместного изучения его орфоэпии относится к 1956—1960 гг. Однако эффективность этой кампании, по признанию специалистов, была крайне невелика, особенно в Южном Китае. В годы «культурной революции» учреждения, ведающие распространением путунхуа, были закрыты, поэтому эта кампания в прежнем масштабе не велась. С мая 1973 г. в газете «Гуанмин жибао» регулярно публикуются статьи, призывающие к возобновлению приостановленной кампании.

Китайская письменность и проблемы ее реформы. Несмотря на очевидное неудобство китайской письменности, ее судьба до сих пор не решена. Проблемы ее коренной реформы еще находятся в стадии изучения, необходимость которого вызвана глубокими связями письменности с лингвистической ситуацией в Китае и китайской культурой. Эти связи настолько прочны, что ее реформа неизбежно вызовет перемены в лингвистической ситуации и по-новому поставит проблемы культурной традиции.

Китайский иероглифический знак передает значение, но

не звучание обозначаемой им лингвистической единицы, поэтому текст, написанный иероглифическом письмом, может быть прочитан с различным произношением. Эти универсальные свойства оказались хорошим средством смягчения трудностей письменного общения в Китае. Иероглифическая письменность и единый для всего Китая письменный литературный язык всегда были удобным наддиалектным средством общения и символом лингвистического единства страны. Эта ее функция сохраняется и в настоящее время.

Китайская иероглифическая письменность приобрела современный вид в конце I в. н. э.; с этого времени до января 1956 г. стандартное начертание ее знаков не изменялось. Эта устойчивость письменности вместе с устойчивостью письменного языка способствовала тому, что китайская иероглифика выступала также и как панхронное средство письма, что открывало доступ к текстам любого периода существования китайской письменной традиции.

Количество знаков китайской письменности с течением времени неуклонно росло. В первом китайском словаре «Шовэнь цзецзы» (II в. н. э.) содержалось около 10 тыс. иероглифов, в словаре XVIII в., «Канси цзыдянь»,— уже 45 тыс. Однако количество наиболее употребительных знаков в любой период оценивалось примерно в 7 тыс. Каждый знак представляет собой сложную графическую структуру, состоящую из черт, соединенных в более сложные графические элементы. Количество черт в знаках колеблется от одной до 33. Знаки такой письменности трудны для распознавания, усвоения, воспроизведения. Китайская иероглифическая письменность является существенным препятствием на пути распространения грамотности и повышения культурного уровня китайского народа, поэтому требования реформы высказывались с конца прошлого века.

Существуют три основных направления реформы китайской письменности: сокращение количества знаков, находящихся в употреблении; упрощение китайской письменности; разработка систем алфавитной письменности для китайского языка. Реформой занималось много различных общественных организаций и государственных учреждений. В октябре 1954 г. решением Госсовета КНР был создан Комитет по реформе китайской письменности. (В годы «культурной революции» он был ликвидирован, а в 1973 г. снова восстановлен.)

В 1956 г. Комитет опубликовал «Предварительный список употребительных иероглифов», в котором содержалось 5948 знаков, взятых из различных современных текстов. Несмотря на то что специалисты отмечали неполноту этого списка, стало очевидно, что возможность читать любые современные

тексты на китайском языке связывается с владением примерно тех же 7 тыс. знаков, которые были нужны для усвоения китайской традиционной культуры. Статистические исследования популярных текстов общественно-политического и бытового содержания показывают, что количество знаков, встречающихся в них, не выходит за пределы 3 тыс. Существует несколько минимальных списков, авторы которых подходили к своей задаче с различными установками, поэтому количество знаков в них варьирует от 1,5 до 3,5 тыс. В КНР официальный минимум знаков, подлежащих усвоению для ликвидации неграмотности, определен в 1,5 тыс. для крестьян и 2 тыс. для рабочих и служащих.

В целях упорядочения существующей китайской письменности Комитет по реформе китайской письменности упразднил 400 иероглифов, которые представляли собой графические варианты стандартного начертания, однако проблема списка иероглифов, которым можно было бы ограничить знаки, находящиеся в употреблении, до сих пор не решена. Проблема оптимального количества иероглифов, необходимых для составления современных текстов, оказывается такой же сложной, как и проблема их минимума.

В настоящее время наиболее приемлемым путем реформы признано упрощение иероглифической письменности. Сокращенные и упрощенные формы иероглифов всегда встречались в курсивном и скорописном начертании стандартных иероглифов, поэтому перед Комитетом стояла задача не столько создания сокращенных начертаний, сколько выбор наиболее удачных форм.

В январе 1955 г. Комитет опубликовал проект упрощения китайской письменности, содержавший список из 798 знаков. После его обсуждения в печати и государственных организациях Госсовет КНР в январе 1956 г. издал официальный Проект упрощения китайской письменности, в котором было приведено 515 упрощенных знаков и 54 упрощенных графических элемента. С 1 февраля 1956 г. по июль 1959 г. были опубликованы официально утвержденные списки, включавшие 517 упрощенных знаков, а затем список из 54 упрощенных графических элементов, введенных в действие вместо знаков полного начертания. В результате общее количество упрощенных знаков с учетом тех, которые содержат упрощенные графические элементы, составило несколько тысяч.

Упрощение китайской письменности способствовало появлению в рукописных текстах значительного количества неофициальных сокращений. С 60-х годов они получили настолько широкое распространение, что переросли в важную общественную проблему. С 1972 г. в периодической печати КНР регулярно появляются статьи, в которых обсуждаются

проблемы этих «народных упрощенных знаков» и высказываются мнения о необходимости принятия их целиком или частично в качестве официальных начертаний. О дальнейшем упрощении китайской письменности говорилось в постановлении по проекту китайской фонетической письменности пятой сессии ВСНП первого созыва 11 февраля 1958 г. Возможно, что современная дискуссия о «народных упрощенных знаках» является признаком подготовки к новому упрощению.

Первые попытки создания алфавитного письма для китайского языка относятся к 80—90-м годам прошлого века, когда усилиями отдельных энтузиастов было составлено несколько вариантов алфавитного письма для отдельных диалектов китайского языка, преимущественно южных: кантонского, амойского и др. Эти алфавиты не имели целью замену иероглифической письменности, играли вспомогательную роль и предназначались для местного использования.

Первой фонетической письменностью, предназначенной для распространения по всей стране, был алфавит «Чжуинь цзыму», основанный на национальной графике по образцу японской «каны». На всекитайской конференции, обсуждавшей проблему алфавита, возникла дискуссия между сторонниками двух подходов к составу алфавита. Один из них заключался в том, чтобы создать алфавит, с помощью которого можно было бы писать на любом диалекте китайского языка. Для этого нужно было ввести специальные знаки для обозначения звонких начальных согласных, которые встречаются только в южных диалектах. Второй — в том, чтобы составить алфавит, предназначенный для передачи прежде всего звуков северных диалектов, т. е. не содержащих знаков для звонких начальных согласных. В результате дискуссии был принят «северный» проект алфавита, который оставался официальным до 1955 г. Роль «Чжуинь цзыму» была чисто вспомогательной, он предназначался прежде всего для облегчения пользования иероглифической письменностью, транскрипции, алфавитного расположения разного рода словарных материалов и т. п.

Первая китайская алфавитная письменность на латинской графике, разработанная в начале 20-х годов комиссией лингвистов под председательством Чжао Юань-жэня и утвержденная в 1926 г. министерством просвещения Китая, носила название романизированной китайской письменности. Ее отличительной особенностью была сложная орфография: тон слога обозначался с помощью дополнительных строчных знаков и видоизмененного начертания основных. Романизированная письменность предусматривала передачу только четырех тонов пекинского диалекта и не могла быть использована для

обозначения слов других диалектов с тонами, отличными от пекинских.

Другая китайская алфавитная письменность на латинской графике, разработанная в начале 30-х годов по инициативе Цюй Цю-бо комиссией, в которую входили советские и китайские лингвисты, получила название латинизированной. Ее проект был утвержден на конференции по латинизации китайской письменности во Владивостоке в 1932 г. В отличие от романизированной она отличалась значительной гибкостью — ее можно было без труда приспособить к любому диалекту китайского языка, чему способствовало отсутствие специальных знаков для обозначения тона. Успешные опыты применения латинизированного алфавита в Советском Союзе в 30-е годы и в Китае в годы антияпонской войны подтвердили его полную пригодность для любого диалекта китайского языка.

После длительной дискуссии, в ходе которой было обсуждено несколько вариантов алфавитной письменности, 11 февраля 1958 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло «Пиньинь цзыму» в качестве официального фонетического алфавита. В целом этот алфавит является прямым преемником латинизированного, однако к нему присоединены специальные диакритические знаки для обозначения тонов пекинского диалекта, что сближает его с романизированным алфавитом. Очевидно, что этот алфавит предназначен прежде всего для передачи путунхуа. Как явствует из перечисления его функций в официальных документах, относящихся к введению в действие этого алфавита, его роль состоит не в том, чтобы заменить иероглифическую письменность, а в том, чтобы дополнить ее: он должен быть использован для обучения письму, для целей транскрипции, в алфавитных указателях и т. п.

Несмотря на то что в конце 50-х годов были сделаны практические шаги к замене иероглифического письма фонетическим — введение горизонтального набора, алфавитные подзаголовки периодических изданий и т. п.,— переход на фонетическую письменность представляется делом отдаленного будущего.

РЕЛИГИЯ

До образования Китайской Народной Республики в Китае в качестве религий выступали конфуцианство, буддизм и даосизм.

Кроме того, определенная часть населения исповедовала ислам и христианство всех трех направлений. Ислам был распространен среди дунган, уйгуров, таджиков, казахов, узбе-

ков, татар и др. (главным образом в Синьцзяне), христианство — преимущественно в крупных городах Китая.

Конституция КНР обеспечивает всем гражданам свободу вероисповедания. Народное правительство КНР с самого начала стало проводить политику отделения церкви от государства. С одной стороны, оно старалось ограничить деятельность религиозных общин, а с другой — взять ее под контроль государства и направить в определенное русло.

После образования Китайской Народной Республики подавляющее большинство церквей и храмов было закрыто. Земельные угодья, принадлежавшие монастырям и храмам, были переданы крестьянам. Монахов стали привлекать к общественно полезному труду. Правительство повело решительную борьбу с религиозными сектами, в которых гнездились контрреволюционные и другие враждебные народному правительству элементы. В 1951—1953 гг. была предпринята энергичная кампания по борьбе с даосскими сектами (до 1949 г. насчитывалось свыше 80 сект), в результате которой они были практически ликвидированы. В Тибете к 1959 г. было закрыто более тысячи ламаистских монастырей, а сам далай-лама эмигрировал в Индию. Если в 1949 г. в Китае насчитывалось около 5,5 тыс. иностранных миссионеров католической церкви, то к 1956 г. их осталось менее трех десятков[20]; во время «культурной революции» практически почти все миссионеры были высланы из страны. С 1962 по 1966 г. проводилась жесткая политика в отношении мусульманских меньшинств. В округе Кульджа было закрыто 147 мечетей из 150.

Понимая, что одними административными мерами невозможно избавиться от предрассудков, правительство КНР стало проводить политику терпимости по отношению к религии, не ослабляя контроля в целом. С этой целью все верующие были объединены в так называемые патриотические ассоциации и комитеты патриотического движения. Были созданы Китайская исламская ассоциация, Комитет патриотического движения христианской церкви за автономию (объединяет все протестантские церкви)[21], Ассоциация католиков-патриотов и др. Самой крупной из них является Китайская ассоциация буддистов.

[20] После провозглашения КНР иностранные миссионеры и завербованная ими часть китайских христиан стали на путь тайной борьбы против народной власти. Они занимались сбором шпионской информации, хранили оружие и снабжали им остатки чанкайшистских банд.

[21] Движение христианской церкви за автономию было направлено против засилья иностранных миссионеров. Оно означало избрание духовных чинов верующими, отказ от миссионерской денежной помощи и отправление служб на китайском языке.

В китайской прессе отсутствовали сообщения о численности верующих. Однако, судя по оценкам некоторых западных ученых, в настоящее время в Китае насчитывается буддистов — 150 млн., даосистов — 30 млн., мусульман — 30 млн., католиков — 3 млн., протестантов — 700 тыс.[22].

Всеми религиозными общинами ведает Управление по делам религии при Государственном совете КНР, которое подчиняется отделу ЦК КПК по работе единого фронта. Управление изучает религиозные организации, контролирует их деятельность, ведет политическую работу в религиозных организациях, вырабатывает основы политики государства по отношению к церкви, принимает иностранные религиозные миссии, ведет борьбу с «реакционными религиозными элементами» и т. д.

Объявляя религию и религиозные суеверия «опиумом для народа», китайское руководство тем не менее использовало некоторые атрибуты старой религии в политических целях. Это выразилось в обожествлении самого Мао Цзэ-дуна — во время «культурной революции» хунвэйбины устраивали подобие богослужения перед изображением Мао Цзэ-дуна; в создании «библии маоизма» в виде красных книжечек с цитатами Мао, которые заставляли читать каждый день; в пропаганде маоистских заповедей «пять хорошо», по содержанию и назначению подобных заповедям христианства; в насаждении веры в то, что Мао Цзэ-дун и его «идеи» придают людям сверхчеловеческие качества, творят чудеса, что изречения Мао наделены магической силой, якобы исцеляющей от тяжких и неизлечимых недугов. Разрешая религиозным общинам отправлять религиозные культы, власти заставляли их подписывать соответствующие обязательства, пропагандировать маоизм [23]. Приспособляясь к новым условиям, религиозные общины в отдельных случаях стали усматривать христианские догмы в трудах Мао Цзэ-дуна. Четыре тома его избранных произведений они называют «четырьмя священными писаниями».

Пекинское руководство стремится извлечь пользу из религии для расширения контактов с другими государствами — торжественно встречают иностранные религиозные делегации; принимают подарки от иностранных религиозных обществ. Для привезенного с Цейлона зуба Будды, например, сооружена специальная пагода на западных холмах Пекина, а подаренный буддистами Киото бронзовый колокол был тор-

---

[22] M. Borry. Témoignage Chrétien Hebdo — TC, Paris, 1972, 24 fév., № 1442, стр. 12—14.

[23] R. Bush, Religion in communist China, New York, 1971, стр. 228—229.

жественно установлен в буддийском храме «Гуанцзысы» в Пекине [24].

По мере расширения внешних контактов снова открываются некоторые закрытые ранее церкви и храмы в Пекине и других городах. В январе 1967 г. была открыта мечеть для мусульман в Пекине. В 1969 г.— еще две, в Пекине и Шанхае[25]. В 1971 и 1972 гг. в Пекине открылись церкви для протестантов.

За последнее время стали появляться заметки, статьи в китайской печати, которые свидетельствуют о живучести старых традиций, обычаев и различных религиозных верований в Китае.

В 1973 г. появились сообщения в газетах и радиопередачах о противодействии местных жителей сооружению туннелей и ирригационных систем из-за боязни прогневить духов гор. В пров. Ляонин крестьяне тайно устроили в пещерах святилища, в которых они молятся во время стихийных бедствий[26].

---

[24] «Жэньминь жибао», 7.VIII.1973.

[25] Informational catholiques internationales, fiv. № 402, Paris, 1972, стр. 6—8.

[26] «Жэньминь жибао», 10.IX.1973.

ИСТОРИЯ КНР (1949—1973 гг.)

ПОБЕДА НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОБРАЗОВАНИЕ КНР

Китайская Народная Республика возникла в результате свержения власти блока крупной буржуазии и помещиков, победы народной революции, руководимой Коммунистической партией Китая.

В конце сентября 1949 г. в Пекине состоялась сессия Народной политической консультативной конференции Китая (НПКК), которая явилась организационной формой широкого народно-демократического единого фронта рабочего класса, трудового крестьянства, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и других патриотических элементов под руководством КПК.

На сессии были приняты Закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики и другие документы, а также решения о столице, гимне и флаге КНР. Сессия приняла также Общую программу НПКК, которая до выработки Конституции КНР выполняла роль основного закона КНР. В общей программе и Законе об организации Центрального Народного правительства КНР были определены классовый характер, политическая основа, организационная структура и основные задачи новой народной власти как власти трудящихся, возглавляемых коммунистами. Образованное сессией НПКК Центральное народное правительство возглавил председатель ЦК КПК Мао Цзэ-дун. КПК стала правящей партией Китая.

1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге в Пекине, на площади Тяньаньмынь, было провозглашено создание Китайской Народной Республики. На следующий день КНР была признана Советским Союзом, который установил с ней дипломатические отношения. Вскоре последовало признание КНР всеми народно-демократическими странами Европы и Азии.

Победа китайской революции имела большое международное значение. Она укрепляла лагерь социализма, наносила удар по колониальной системе империализма; вместе с

СССР новый Китай включился в борьбу против агрессивных планов империалистических держав. Эта победа открыла новую эпоху в многовековой истории народов Китая. Она создала предпосылки для обеспечения независимости страны, завершения буржуазно-демократических преобразований, для перехода Китая на социалистический путь развития, коренного улучшения положения трудящихся масс, превращения отсталой аграрной страны в экономически развитое государство с современной промышленностью, сельским хозяйством, культурой. Необходимым условием такого развития Китая было сочетание правильной политики КПК, напряжения всех трудовых и прочих ресурсов китайского народа с ориентацией на союз с мировой системой социализма, с Советским Союзом, откуда КНР могла получить и действительно получила всестороннюю помощь, не имевшую, как отмечалось в самом Китае, прецедента в истории.

БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1949—1952 гг.)

Свержение реакционного буржуазно-помещичьего режима и образование КНР означало решение лишь главного политического вопроса революции — вопроса о власти. Большинство социальных и экономических задач буржуазно-демократической революции решалось уже после образования КНР, в восстановительный период. Именно эту основную цель ставила разработанная КПК Общая программа НПКК.

Обстановка, в которой Коммунистическая партия Китая начала руководить жизнью страны, была очень сложной. Гражданская война еще не была закончена. Под властью реакционеров оставалась значительная территория с населением более 160 млн. Вооруженные силы реакции (общей численностью свыше 2 млн. человек) продолжали оказывать упорное сопротивление Народно-освободительной армии (НОА). На освобожденной территории действовали многочисленные политические банды и шайки уголовных преступников, терроризовавшие население, срывавшие мероприятия народной власти.

Особенно трудным было экономическое положение страны. Народная власть унаследовала хозяйство, дезорганизованное реакционерами, истощенное многолетними войнами и не справлявшееся с удовлетворением даже самых необходимых потребностей населения. Промышленная продукция в 1949 г. составляла всего около половины наивысшего уровня до освобождения, производство зерновых сократилось на од-

ну четверть, хлопка — наполовину. Массовые размеры приняла безработица. Разоренная страна почти не имела материальных резервов, финансовая система находилась в состоянии хаоса, бичом населения оставалась инфляция. Покупательная способность трудящихся резко упала. Рабочие, служащие, крестьянская беднота голодали.

Экономический строй КНР в первые годы ее существования был весьма неоднородным. На большей части страны, особенно в деревне, сохранялись пережитки феодальных, полуфеодальных и даже дофеодальных отношений, существовало мелкотоварное производство (хозяйства крестьян-собственников, ремесленников). Еще в ходе гражданской войны в освобожденных районах образовался государственный сектор экономики, занявший преобладающие позиции в тяжелой промышленности, транспорте, финансах, внешней торговле КНР. Однако сильные позиции сохранял и частнокапиталистический сектор хозяйства. Это была многоукладная экономика отсталой аграрной страны.

Одной из первоочередных задач народной власти была ликвидация остатков реакционных войск и освобождение всей территории Китая. 1 октября 1949 г. главнокомандующий НОА Чжу Дэ отдал приказ о наступлении. Выполняя этот приказ, НОА к концу декабря 1949 г. освободила весь континентальный Китай, кроме Тибета. Весной 1950 г. части НОА освободили о-в Хайнань (в апреле) и Чжоушаньский архипелаг (в мае). К середине 1950 г. регулярные военные действия в Китае были закончены. Многолетняя гражданская война в Китае завершилась полной победой народа. В 1951 г. на основе мирного соглашения с тибетскими властями НОА вступила в Тибет.

Но силы внутренней контрреволюции и после этого не сложили оружия. Особенно ожесточенное сопротивление народной власти оказывал еще не ликвидированный класс помещиков, располагавших хорошо вооруженными бандами. Широкие размеры принял также уголовный бандитизм. Общая численность помещичьих и уголовных банд достигала в 1950 г. 2 млн. человек. На борьбу с бандитизмом были брошены регулярная армия и войска общественной безопасности, привлечено народное ополчение, созданное из беднейших слоев населения. Для борьбы с внутренней контрреволюцией, продолжавшейся до середины 1952 г., в стране была введена открытая военная диктатура, широко применялся революционный террор. В итоге было уничтожено и выловлено более 2 млн. членов политических и уголовных банд, разгромлены основные диверсионные гнезда и подпольные организации реакционеров, ликвидирована деятельность тайных феодальных обществ, а также различных иностранных миссионерских

религиозных учреждений. Все это привело к упрочению народной власти (хотя часть репрессий, как признавалась впоследствии, руководством КПК была необоснованной и не обеспечила успешное проведение коренных социально-экономических преобразований).

Основное содержание деятельности народной власти в восстановительный период составляло решение антифеодальных задач революции. Главной в ряду этих задач была ликвидация феодально-помещичьего землевладения путем проведения радикальной аграрной реформы. 30 июня 1950 г. вступил в силу Закон о земельной реформе, статья первая которого гласила: «Помещичья собственность на землю, основанная на феодальной эксплуатации, отменяется и устанавливается крестьянская собственность на землю, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развивать сельскохозяйственное производство и проложить путь к индустриализации нового Китая» [1]. Обширные земельные массивы, целина и прочие необрабатываемые земли (леса и т. п.), воды и все недра национализировались. Проведение аграрной реформы явилось антифеодальной революцией, осуществленной народным государством сверху при поддержке многомиллионных масс трудового крестьянства.

Аграрная реформа, сопровождавшаяся острой классовой борьбой в деревне, продолжалась два с половиной года и была завершена (кроме некоторых национальных районов) к весне 1953 г. В результате аграрных преобразований около 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян бесплатно получили 47 млн. *га* помещичьей земли. Крестьяне были освобождены от выплаты земельной ренты помещикам. Больше всего выиграли от аграрных преобразований бедняки и батраки; число середняцких хозяйств значительно возросло. Класс помещиков был ликвидирован, а кулачество ослаблено политически и экономически. Укрепился союз рабочего класса и крестьянства, усилилось влияние КПК на крестьянские массы, создались условия для развития производительных сил сельского хозяйства.

Важное значение для ликвидации пережитков феодализма в Китае имел также закон о браке, принятый 1 мая 1950 г., который провозглашал равенство мужчин и женщин [2]. Был утвержден и проведен в жизнь ряд других законоположений, обеспечивавших искоренение феодальных пережитков во всех областях общественных отношений (реформа народного

---

[1] Законодательные акты Китайской Народной Республики, М., 1952, стр. 127.

[2] Там же, стр. 261—267.

просвещения, новое трудовое законодательство, постановления о тайных религиозных обществах и т. д.).

К числу основных задач относились также ликвидация крупного государственно-монополистического («бюрократического») капитала и иностранных капиталовложений. Эти задачи решались путем конфискации «бюрократического» капитала и национализации (с применением частичного выкупа) или вытеснения иностранного капитала. На этой основе возник государственный сектор экономики, ставший основной материальной базой народной власти. В руки народного государства перешли крупнейшие банки, железнодорожный транспорт, большинство предприятий тяжелой промышленности, а также некоторые ключевые отрасли легкой промышленности и часть торговли, были отменены все особые права и привилегии империалистов в Китае, установлена монополия внешней торговли и принята политика защиты отечественного производства. Все это позволило государственному сектору овладеть ключевыми высотами экономики, завоевать руководящее положение в хозяйственной жизни страны, подчинив его контролю и регулирующему воздействию все остальные экономические уклады, особенно частнокапиталистический и мелкотоварный.

Политика ограничения и регулирования частного капитала наталкивалась на растущее сопротивление буржуазии. Не имея возможности развернуть открытую борьбу против народной власти, буржуазия встала на путь подрыва государственной экономической политики, действуя в обход новых законов (так называемые «пять.зол»: уклонение от уплаты налогов, подкуп государственных служащих, расхищение государственных средств, недобросовестное выполнение правительственных заказов, выкрадывание в государственных учреждениях секретной экономической информации в целях наживы). Незаконное обогащение буржуазии облегчалось несовершенством регулирующих экономических рычагов государства, общей отсталостью экономики, некомпетентностью руководящих хозяйственных кадров, а также засоренностью народно-хозяйственного аппарата выходцами из эксплуататорских классов. В этих условиях руководство КНР наряду с экономическими мерами широко применило политико-административные методы борьбы с буржуазией, особенно с буржуазным влиянием на партию и государственный аппарат.

В конце 1951 — начале 1952 г. в Китае были развернуты две массовые политические кампании — движение против «трех зол» (коррупции, расточительства и бюрократизма) в партии, массовых организациях, государственных учрежде-

ниях, армии и движение против «пяти зол» среди буржуазии. Особенно энергичной была кампания против «трех зол», вылившаяся в широкую чистку городских партийных организаций и государственного аппарата с применением массовых репрессий. Кампания против «пяти зол» свелась в основном к тому, чтобы припугнуть буржуазию и получить с нее компенсацию за причиненный ущерб государству.

В результате движений против «трех» и «пяти» злоупотреблений был нанесен сильный удар по национальной буржуазии, подорвавшей ее экономические и политические позиции. Однако практика 1952 г. показала, что чисто административные, репрессивные меры борьбы с буржуазией в Китае хотя и принесли государству временный частичный выигрыш, особенно в политическом плане, но не дали нужного эффекта для решения коренных экономических проблем. Опыт кампании против «трех» и «пяти» злоупотреблений побудил КПК при выработке генеральной линии строительства социализма более гибко подойти к проблеме ликвидации частного капитала.

Одним из важных аспектов социально-экономических мероприятий народной власти в восстановительный период, и особенно кампании против «трех» и «пяти» злоупотреблений, было повышение активности и организованности рабочего класса.

Победа народной революции принесла заметное улучшение политического, правового и экономического положения рабочего класса. Среди наиболее крупных преобразований, проведенных в первые годы существования КНР, были ликвидация в промышленности и на транспорте полуфеодальных артелей и землячеств во главе с подрядчиками и старшинами, беспощадно эксплуатировавшими рабочих, введение на государственных предприятиях совмещательных комитетов по управлению заводами и заводских конференций представителей рабочих и служащих, принятие прогрессивного закона о профсоюзах, облегчавшего рабочим частных предприятий борьбу с капиталистической эксплуатацией, и др. Роль и значение профсоюзов заметно выросли. К концу 1952 г. в них состояло более 7 млн. рабочих и служащих. В годы восстановительного периода КПК и народная власть в какой-то мере преодолели прежнюю оторванность и отчужденность от рабочего класса, через профсоюзы и государственный аппарат усилили свое политическое воздействие на рабочих, начали завоевывать их доверие. Тем не менее главной социальной и политической опорой народной власти, как и прежде, оставалось крестьянство, ему она уделяла свое преимущественное внимание. В отношении же рабочего класса маоистская группа в руководстве КПК добивалась не столько политической,

сколько производственной активности рабочих. Попытки профсоюзов играть более активную роль в дальнейшем улучшении правового и материального положения рабочих решительно пресекались. В 1951 г. руководство Всекитайской федерации профсоюзов было обвинено в «экономизме», «аполитичности» и смещено по настоянию маоистов.

В первые годы после образования КНР ее руководство ориентировалось на поддержку мировой системы социализма. Народный Китай вступил в состав великого социалистического содружества. Внешняя политика КНР в этот период, несмотря на отдельные проявления великодержавного шовинизма и авантюризма, в целом была конструктивной, прогрессивной и миролюбивой. Она совпадала с политикой других социалистических государств.

В этих условиях жизненно важной для Китая были интернационалистская политика и братская поддержка Советского Союза. Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи и соответствующие соглашения, подписанные 14 февраля 1950 г. в Москве, обеспечили политическую, экономическую, военную помощь СССР народному Китаю. Эта помощь рассматривалась интернационалистскими силами в КПК как важнейшее условие строительства социализма в Китае. В то же время к опыту и помощи СССР была вынуждена прибегнуть и националистическая группировка Мао Цзэ-дуна. Руководство КПК, включая маоистов, понимало, что укрепление народной власти, быстрое восстановление хозяйства и дальнейшее социально-экономическое развитие Китая немыслимы без проведения такой политики, которая бы обеспечивала получение и эффективное использование советской помощи. Мао Цзэ-дун в то время подчеркивал, что Советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г. «обеспечивает нам возможность смело и более быстрыми темпами осуществлять строительство в нашей стране» [3].

Восстановительный период был отмечен весьма благоприятным развитием китайско-советских отношений. Подписанные 14 февраля 1950 г. в Москве Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, соглашения о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита и др. предусматривали широкое развитие политического, экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНР. Советское правительство безвозмездно передавало КНР все свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом, передавало сооружения военно-морской базы Порт-Артур, имущество в

---

[3] Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949—1953 гг., М., 1954, стр. 13.

порте Дальнем и др. Китаю был предоставлен льготный кредит в 300 млн. ам. долл. для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов для тяжелой промышленности и транспорта. Советский Союз взял на себя обязательство оказать КНР помощь в строительстве и реконструкции 50 крупных промышленных предприятий, снабжая Китай необходимыми промышленными товарами, горючим, сырьем. В 1952 г. на долю СССР приходилось более половины всего внешнеторгового оборота Китая. Все это имело огромное значение для стабилизации политического и экономического положения КНР, восстановления ее народного хозяйства в условиях экономической блокады со стороны империалистических держав.

По просьбе китайского правительства в КНР была направлена большая группа советских специалистов, передававших научно-технический опыт СССР, оказывавших помощь в восстановлении промышленности и транспорта, реорганизации системы высшего образования, органов суда и юстиции, системы управления народным хозяйством и государственного планирования.

Важное значение имела и дипломатическая поддержка Китая со стороны СССР на международной арене, его борьба за восстановление законного места КНР в ООН, развертывание широкой международной кампании против американской оккупации Тайваня. В период войны в Корее Советский Союз снабжал китайских добровольцев оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами.

Интернациональная поддержка СССР помогла Китаю преодолеть международные и внутренние трудности, быстро восстановить народное хозяйство и подготовить условия для перехода к плановому социалистическому строительству, дать отпор агрессивным наскокам американского империализма.

За первые три года существования КНР были проведены политические и социально-экономические мероприятия исторического значения. Экономика страны, разоренная многолетними войнами и хищническим хозяйничаньем империалистов и буржуазно-помещичьей верхушки, была восстановлена. Аграрная реформа покончила с пережитками феодализма в китайской деревне и расчистила путь для коллективизации сельского хозяйства. Был создан новый государственный аппарат, подавлена контрреволюция. Укрепилось влияние государственного сектора во всей многоукладной экономике Китая, были отбиты попытки национальной буржуазии снять ограничения, которые ставил народно-демократический строй развитию капитализма.

Восстановительный период был временем острой классовой борьбы, в ходе которой произошли глубокие социальные перемены в китайском обществе. Классы помещиков и круп-

ной компрадорской буржуазии были полностью ликвидированы. Удельный вес частного капитала в экономике страны значительно снизился. Сильно упало политическое влияние национальной буржуазии. С другой стороны, повысились авторитет и организованность рабочего класса, его политическое воздействие на жизнь китайского общества, на линию КПК. Повышению роли рабочего класса способствовал и такой решающий международный фактор, как широкое развитие сотрудничества КНР с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Большие перемены произошли и в крестьянстве. Единоличное трудовое крестьянство стало собственником всей пахотной земли и основой сельского хозяйства, оно решительно поддерживало мероприятия народной власти и было, по существу, ее главной социальной и политической опорой.

Таким образом, за годы восстановительного периода было завершено решение основных задач буржуазно-демократической революции и подготовлены определенные политические и экономические предпосылки для перехода к индустриализации страны и ее переустройству на социалистических началах. Но решать эти новые задачи народному государству предстояло в сложных условиях крайне отсталой и бедной страны, с громадным преобладанием мелкобуржуазных слоев населения и относительно слабым рабочим классом.

ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ. НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1953 — июль 1957 г.)

Социалистическое направление развития Китая было зафиксировано в генеральной линии партии в переходный период. В декабре 1953 г. ЦК КПК разработал развернутый программный документ под названием «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство», определивший социалистические цели партии и методы их достижения.

Главное внимание в этом документе было уделено вопросам экономической политики. Основные направления этой политики предусматривали решение двух взаимосвязанных задач — социалистической индустриализации страны и установления социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства путем постепенного осуществления социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарно-ремесленного производства и капиталистической промышленности и торговли в течение трех пятилеток, т. е. к 1967 г.

Генеральная линия КПК исходила из того, что построение социализма в Китае невозможно без тесного союза с СССР и разносторонней советской помощи.

В 1953—1954 гг., одновременно с разработкой и разъяснением генеральной линии КПК в переходный период, состоялись первые в истории страны всеобщие выборы в представительные демократические органы власти — собрания народных представителей.

15 сентября 1954 г. в Пекине собралась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей, принявшая первую в истории Китая демократическую конституцию и ряд законов по важнейшим вопросам государственного строительства. В соответствии с конституцией были внесены существенные изменения в структуру государственных органов КНР. Высшим органом власти стало Всекитайское собрание народных представителей, а в период между его сессиями — Постоянный комитет ВСНП. Председателем Постоянного комитета был избран Лю Шао-ци. Был учрежден новый пост председателя КНР (его занял Мао Цзэ-дун), наделенного широкими полномочиями. Премьером Государственного совета — правительства КНР — стал Чжоу Энь-лай.

Первая конституция КНР юридически закрепила основные положения генеральной линии КПК в переходный период в качестве основного закона государства. Это была конституция социалистического типа. В ней впервые провозглашались социально-экономические права граждан, их политические свободы и обязанности. И хотя материальные гарантии социально-экономических прав носили пока еще в основном программный характер, сам факт их внесения в Конституцию имел большое историческое значение. При условии неуклонного соблюдения и проведения в жизнь первая конституция КНР могла послужить хорошей правовой основой для постепенного развития социалистической демократии в Китае.

Целям закрепления Китая на социалистическом пути и осуществления генеральной линии партии служил также первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР (1953—1957 гг.). Первая пятилетка рассматривалась как начальный этап строительства основ социализма. Задания первого пятилетнего плана предусматривали увеличить валовую продукцию промышленности примерно вдвое. Упор делался на развитие или создание заново важнейших отраслей тяжелой промышленности — металлургии, электроэнергетики, автомобилестроения, а также на развитие транспорта и организацию разведки полезных ископаемых. Намечалось строительство 694 крупнейших промышленных объектов, главными из которых были 156 предприятий, строившихся с помощью

СССР. Государственный сектор промышленности должен был развиваться опережающими темпами. Продукцию сельского хозяйства намечалось увеличить за пятилетие почти на одну четверть. Важнейшей предпосылкой осуществления первой пятилетки КПК считала помощь Советского Союза.

Вдохновленный величественными перспективами построения основ социализма, намеченными генеральной линией партии, китайский народ с энтузиазмом развернул борьбу за выполнение первого пятилетнего плана. Коммунистическая партия Китая обратилась к рабочему классу с призывом подняться на борьбу за осуществление задач социалистической индустриализации. Этот призыв встретил широкую поддержку рабочего класса. Активно боролись за социалистическую индустриализацию китайские профсоюзы. VII съезд профсоюзов (май 1953 г.) призвал рабочих и служащих к развертыванию массового трудового соревнования, к настойчивому, систематическому изучению опыта Советского Союза. Однако призыв к соревнованию не был подкреплен мерами по материальному стимулированию трудового энтузиазма масс. Под давлением маоистов в стране на несколько лет приостановилась работа в области труда и заработной платы, начатая в восстановительный период, уровень жизни рабочих не повышался и даже частично снизился. Но несмотря на это, рабочий класс Китая в годы пятилетки с честью выполнил свою задачу.

Главные усилия страны были направлены на развертывание нового промышленного строительства. Основные средства (почти 90%) направлялись в тяжелую промышленность. Самыми крупными новостройками первых лет пятилетки были Баотоуский и Уханьский металлургические комбинаты, Тайюаньский и Шэньянский заводы тяжелого машиностроения, инструментальные заводы в Шэньяне и Харбине, автомобильный завод в Чанчуне, тракторный завод в Лояне. Все эти мощные современные предприятия оснащались новейшей советской техникой. В широких масштабах осуществлялись реконструкция и расширение действующих предприятий (Аньшаньского металлургического комбината и др.). Новые предприятия сооружались ударными темпами и вступали в строй одно за другим. К концу 1955 г. было сдано в эксплуатацию 253 новых предприятия, давшие более 1/4 всей промышленной продукции.

Успехи первых лет пятилетки неотделимы от экономической и научно-технической помощи Советского Союза. В 1953—1955 гг. между СССР и КНР был заключен ряд важных соглашений, ставивших выполнение китайского пятилетнего плана на твердую основу советско-китайского сотрудничества: о помощи Китаю в расширении действующих и стро-

ительстве новых электростанций (март 1953 г.), о содействии в строительстве и реконструкции 141 промышленного объекта (май 1953 г.), о строительстве еще 15 промышленных предприятий и увеличении поставок оборудования для 141 предприятия (октябрь 1954 г.), о научно-техническом сотрудничестве, о помощи в развертывании исследований в области ядерной физики и использовании атомной энергии в мирных целях (апрель 1955 г.) и т. д. Советский Союз в широких масштабах поставлял Китаю комплексное промышленное оборудование, транспортные средства, безвозмездно передавал проектно-техническую и технологическую документацию, научно-техническую литературу, стандартные и справочные материалы. В СССР обучались и проходили производственную практику на предприятиях несколько тысяч китайских студентов и инженерно-технических работников. В Китае трудились тысячи советских специалистов высшей квалификации.

Одновременно с началом индустриализации и на ее основе в соответствии с генеральной линией партии в переходный период развертывалось постепенное осуществление социалистических преобразований в городе и деревне.

Успешное развитие промышленности и социалистических преобразований в Китае в 1953—1955 гг. показало, что китайский народ располагает всеми возможностями для выполнения первой пятилетки, и подтвердило правильность основных наметок генеральной линии и пятилетнего плана. Но первые успехи начали порождать у маоистской части руководства КПК националистические преувеличенные представления о возможностях страны, толкать их на путь непродуманных, поспешных волюнтаристских решений.

Реализация генеральной линии партии, законодательно закрепленной в конституции и первом пятилетнем плане, натолкнулась на упорное сопротивление группы Мао Цзэ-дуна. Уже в конце 1953 г. маоисты переходят в контратаку и наносят ощутимый удар здоровым силам партии, сфабриковав так называемое «дело Гао Гана — Жао Шу-ши».

Фабрикуя «дело Гао Гана — Жао Шу-ши», маоисты стремились прежде всего устранить или оттеснить на задний план тех руководящих работников партии, которые были известны как сторонники укрепления пролетарского влияния в партии и дружбы с Советским Союзом и КПСС. После IV пленума ЦК КПК (февраль 1954 г.) Гао Ган и Жао Шу-ши были незаконно арестованы. В начале 1955 г. Гао Ган погиб в тюрьме. В марте 1955 г. «дело Гао Гана — Жао Шу-ши» было вынесено на рассмотрение Всекитайской конференции КПК. Клеветнически обвинив Гао Гана и Жао Шу-ши в «заговорщической деятельности с целью захвата руководства в партии и

государстве», Мао Цзэ-дун добился от конференции принятия резолюции, в которой оба репрессированных партийных деятеля полностью дискредитировались политически. Расправа с «группой Гао Гана — Жао Шу-ши» имела целью приостановить рост влияния пролетарских, интернационалистских сил в КПК, запугать руководящие партийные кадры и тем самым подготовить политические и организационные предпосылки для пересмотра генеральной линии партии.

После расправы с «группой Гао Гана — Жао Шу-ши» группа Мао Цзэ-дуна развернула в 1955 г. массированную атаку на генеральную линию партии. Мао Цзэ-дун и его группа стремились пересмотреть намеченные партией темпы, методы, масштабы и сроки социалистических преобразований. Основы нового курса были сформулированы в докладе Мао Цзэ-дуна «Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве» 31 июля 1955 г. Главный тезис доклада состоял в том, что кооперирование деревни (затем истолкованное маоистами шире — как социалистические преобразования всех секторов экономики) должно предшествовать индустриализации страны. Мао Цзэ-дун потребовал резко форсировать темпы кооперирования деревни вопреки наметкам принятого за день до этого на сессии ВСНП окончательного варианта пятилетнего плана. Доклад Мао Цзэ-дуна явился, по существу, попыткой обосновать тезис о перепрыгивании через непройденные этапы социалистического строительства и повороте страны на «особый» путь развития.

Установка Мао Цзэ-дуна на всемерное форсирование коллективизации деревни вызвала бурные дебаты на VI пленуме ЦК КПК (октябрь 1955 г.), затронувшие все основные проблемы социалистического строительства в Китае. В ходе острой дискуссии Мао Цзэ-дуна и его сторонникам удалось навязать пленуму свою волюнтаристскую линию, а противники нового курса были обвинены в «правом уклоне» и «эмпиризме».

Осуществленные в 1955—1956 гг. практические меры по форсированному кооперированию основной массы крестьянства, как и последующие выступления Мао Цзэ-дуна, показали, что он фактически добивался «большого скачка» в проведении социалистических преобразований. В выступлении 6 декабря 1955 г. «О борьбе против правого уклона и консерватизма» Мао Цзэ-дун подверг пересмотру всю генеральную линию партии, потребовав «досрочно завершить преобразования», «добиться досрочного выполнения главной задачи переходного периода» во всех областях социалистического строительства. В этом же выступлении взамен генеральной линии партии был сформулирован пресловутый лозунг «строить социализм по принципу больше, лучше, быстрее». Оправ-

дывая свой разрыв с генеральной линией партии, с марксистской теорией, со всем опытом международного коммунистического движения, Мао Цзэ-дун пустил в ход свой давний националистический тезис об особой исторической миссии китайского крестьянства, о его превосходстве над американским, европейским и даже советским рабочим классом.

В многочисленных закрытых выступлениях первой половины 1956 г. Мао Цзэ-дун продолжал нападки на генеральную линию партии, противопоставляя ей комплекс националистических, волюнтаристских «китайских методов» решения основных вопросов внутренней и внешней политики КНР. Именно в этот период были сформулированы тезис о Китае, как «чистом листе бумаги», на котором можно чертить любые письмена, и «преимуществах» бедности и отсталости, «закон о волнообразном развитии», курс «пусть расцветают сто цветов» и «длительное сосуществование и взаимный контроль» КПК и демократических партий и др. Эти «китайские методы» протаскивались Мао Цзэ-дуном под прикрытием «критики» советского опыта с явно националистических позиций, борьбы против «догматизма» и «северного ветра», т. е. против влияния международного коммунистического движения и СССР. Одновременно Мао Цзэ-дун призвал «иметь собственную атомную бомбу».

Все это являлось началом принципиального поворота маоистского руководства от научного коммунизма, лежавшего в основе генеральной линии КПК в переходный период, к реакционному, мелкобуржуазному утопизму великодержавно-шовинистского толка, составляющему существо маоистской доктрины.

Для «подхлестывания» социально-экономических преобразований и подавления оппозиции новому курсу по указанию Мао Цзэ-дуна были развернуты массовые кампании идеологического террора и политических репрессий (критика буржуазного идеолога Ху Ши, «разоблачение контрреволюционной группы» видного прогрессивного литератора Ху Фэна, «искоренение контрреволюции»), главным объектом которых стали интеллигенция и партийные кадры, выступавшие в защиту генеральной линии партии; посредством этих кампаний осуществлялся также нажим на широкие массы трудящихся.

Огромные по размаху идеологические кампании, перераставшие в массовые репрессии и чистки, стали одной из характерных черт общественно-политической жизни Китая после 1955 г. В ходе этих кампаний позиции идейных и политических противников маоистов грубо извращались, а подавляющее большинство критикуемых независимо от их заслуг перед революцией безжалостно отстранялось от участия в творческой общественно-политической жизни. Маоистский

стиль идеологической работы, когда противникам Мао Цзэ-дуна приписывались любые преступления и грехи без какой-либо серьезной попытки их доказательства, заметно приглушенный в первые годы существования КНР, вновь возобладал в кампаниях 1954—1955 гг. и затем монопольно утвердился в Китае.

Критика Ху Ши и «разоблачение» Ху Фэна явились предлогом для подъема во второй половине 1955 г. новой волны массовых политических репрессий, получивших наименование «движения за искоренение контрреволюции». В ходе этого «движения» репрессиям подверглись не столько настоящие контрреволюционеры, сколько противники нового курса Мао Цзэ-дуна в партии и государственном аппарате. В обстановке этих политических репрессий, сопровождавшихся широкой кампанией против «правого оппортунизма» и усилением системы взаимной слежки в партии, происходило практическое осуществление «особого» курса Мао Цзэ-дуна.

Отстаивая форсированное проведение социалистических преобразований, Мао Цзэ-дун спекулировал на экономических успехах, достигнутых еще на основе генеральной линии 1952 г. В 1955 г. был собран богатый урожай; в 1956 г. несколько увеличились сбор основных продовольственных культур и поголовье скота. Успешно развивалась промышленность. Эти объективные факторы были использованы маоистами в качестве основания для того, чтобы за короткий период, примерно в течение восьми-девяти месяцев, провести в Китае сплошное кооперирование сельского хозяйства без каких-либо серьезных изменений в характере производительных сил. В конце 1956 г. в китайской деревне имелось около миллиона производственных кооперативов, объединявших 96,3% всех крестьянских дворов, в том числе в кооперативах высшего типа — 87,8% дворов [4].

Вслед за форсированием темпов кооперирования деревни был взят курс на ускоренное преобразование капиталистической промышленности. В ноябре 1955 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение о сплошном преобразовании частной промышленности и торговли. Оно предусматривало немедленный переход всех частных предприятий под непосредственное управление государства, выплату капиталистам за принадлежавшие им средства производства 5% в год от их капитала в течение семи лет (в дальнейшем срок был продлен и выплата продолжается до сих пор), предоставление им высокооплачиваемой работы. В крупнейших городах (Пекин, Тянь-

---

[4] История Китая с древнейших времен до наших дней, М., 1974, стр. 455.

цзинь, Шанхай, Нанкин, Ухань, Чунцин, Сиань, Шэньян, Гуанчжоу) преобразование частной промышленности было осуществлено в январе 1956 г. К июню оно было закончено по всему Китаю. В промышленности доля частного капитала сократилась до 0,1%, в розничной торговле — до 3%[5].

Преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли было осуществлено на основе соглашения с буржуазией, предусматривавшего щедрый выкуп принадлежавших ей средств производства. В Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и других крупнейших городах Китая происходили шумные манифестации буржуазии, которая под гром гонгов и барабанов демонстрировала, по крайней мере внешне, свое удовлетворение политикой маоистского руководства.

Кооперирование деревни и ликвидация частного капитала предопределили и судьбу кустарей, давших в 1955 г. более 16% валовой промышленной продукции. К июлю 1956 г. в кооперативы было объединено около 90% всех кустарей, а к концу года на долю кустарей-единоличников приходилось всего 1,2% промышленной продукции.

Таким образом, первоначальный план социалистических преобразований, рассчитанный на три пятилетки и учитывавший реальные возможности страны, был отброшен маоистами. Используя авторитет партии и народного государства, методы административного давления, психологического нажима, идеологических и политических репрессий, Мао Цзэ-дун и его группа сумели резко форсировать преобразования в области производственных отношений, не подкрепленных соответствующей материальной базой. Неподготовленное, хотя внешне и вполне «успешное», проведение таких глубоко прогрессивных преобразований, как обобществление средств производства города и деревни, привело к результатам, далеко не благоприятным для дальнейшего успешного продвижения Китая по пути социализма.

Одновременно с формированием преобразований в области производственных отношений маоисты попытались организовать «скачок» и в развитии производительных сил. Уже в начале 1956 г. стал широко пропагандироваться выдвинутый Мао Цзэ-дуном лозунг «Строить социализм по принципу больше, быстрее, лучше, экономнее», которому было суждено заменить в 1958 г. генеральную линию партии. Но провести его в жизнь оказалось гораздо труднее. В сельском хозяйстве «скачок» не получился. Несколько иное положение сложилось в промышленности. Путем мобилизации и предельного напряжения всех ресурсов страны маоисты сумели добиться кратковременного «скачка» в отдельных отраслях промыш-

---

[5] Там же, стр. 456.

ленного производства. Масштабы и темпы развития промышленности в 1956 г. значительно превысили показатели первых трех лет пятилетки, а по некоторым отраслям превзошли даже общий прирост за эти годы. Но закрепить и развить этот первоначальный успех маоистам не удалось ввиду выявившихся к осени 1956 г. крупных просчетов в планировании. Это заставило правительство КНР принять экстренные меры для исправления положения, значительно замедлить темпы промышленного развития, урезать ассигнования на капитальное строительство, сократить разбухшие штаты, свернуть строительство жилищ, здравниц, административных и других общественных зданий, ограничить потребление продовольствия и других товаров, повысить цены. Все эти меры ударили по жизненному уровню рабочего класса и крестьянства, что вызвало глубокое недовольство в массах. В конце 1956 г. в учебных заведениях, на предприятиях произошли забастовки и волнения; волнения имели место и среди членов производственных кооперативов. Оживились капиталистические элементы в городе и деревне, усилились колебания мелкобуржуазных масс между социализмом и капитализмом.

Отрицательные последствия форсирования ослабили позиции группы Мао Цзэ-дуна накануне VIII съезда КПК. Вопреки первоначальному намерению маоистов провести VIII съезд под знаком борьбы против «правого уклона», т. е. против здоровых сил партии, выступавших против «особого» курса Мао Цзэ-дуна, работа съезда пошла по совершенно иному руслу.

Главное в решениях VIII съезда Коммунистической партии Китая (сентябрь 1956 г) заключалось в том, что он подтвердил правильность генеральной линии партии 1952 г. и тем самым осудил попытки ее пересмотра Мао Цзэ-дуном в 1955—1956 гг.

Съезд подчеркнул необходимость и впредь уделять внимание преодолению капиталистических факторов и влияний в области экономики, политики и идеологии, однако основным в деятельности партии отныне должно было стать создание материально-технической базы социализма.

Выполнение широкой социально-экономической программы, разработанной съездом, предполагалось осуществить путем мобилизации всех внутренних ресурсов Китая в сочетании с помощью Советского Союза и других социалистических стран. Благодаря этому, указывалось в резолюции съезда, Китай имеет возможность высокими темпами развивать производительные силы своей страны. В то же время съезд счел необходимым особо предупредить партию и народ об опасности «левацкой», авантюристической переоценки реальных возможностей страны. Последствия «большого скачка» пол-

ностью подтвердили правильность и своевременность этого предостережения.

Таким образом, политике Мао Цзэ-дуна съезд противопоставил достаточно обоснованную программу строительства социализма и превращения Китая в передовую, промышленно-аграрную страну. То же самое относится и к решениям съезда по вопросам государственного и партийного строительства, внешней политики.

Последовательное проведение в жизнь решений VIII съезда КПК могло обеспечить успешное продвижение Китая по пути социализма, открывало новые возможности для роста производительных сил страны путем использования преимуществ социалистических форм хозяйства даже в их зачаточной форме и улучшения на этой основе материального положения трудящихся. Однако позитивные решения съезда не были подкреплены соответствующими организационными мерами. Вопреки решениям VIII съезда КПК группа Мао Цзэ-дуна не отказалась от своих планов подмены марксизма-ленинизма маоизмом, пролетарского интернационализма — великодержавным шовинизмом, научно обоснованной генеральной линии партии — волюнтаристскими попытками перепрыгнуть через необходимые этапы социалистического строительства.

Вскоре после VIII съезда Мао Цзэ-дун и его сторонники перешли в контрнаступление. Уже на II пленуме ЦК КПК 15 ноября 1956 г. Мао Цзэ-дун призвал развернуть «исправление стиля», «используя те же методы», которые применялись в начале 40-х годов для борьбы с интернационалистами в КПК и линией Коминтерна. Этот призыв был дополнен требованием продолжить внедрение «китайских методов» строительства социализма, отвергнутых VIII съездом. В принятом ЦК КПК 27 апреля 1957 г. «Указании о движении за упорядочение стиля» партийные организации обязывались «в качестве идейного руководства» в этом движении взять не решения VIII съезда, а антимарксистские установки Мао Цзэ-дуна. 10 мая 1957 г. ЦК КПК принял специальные «Указания об участии руководящих работников всех ступеней в физическом труде». В этом решении подчеркивалось «огромное значение» возврата к «прекрасным традициям» КПК 30—40-х годов [6].

Таким образом, «движение за исправление стиля» осуществлялось как реванш маоистов за отступление на VIII съезде, как восстановление в партии господства «идей Мао Цзэ-дуна», вытеснение влияния научного коммунизма, опыта Советского Союза.

---

[6] «Народный Китай», 1957, № 12, прилож.

Летом 1957 г. маоистское руководство перешло к подавлению всяких проявлений недовольства в партии и народе под предлогом борьбы против «правых буржуазных элементов».

Первоначально основной удар наносился по действительно антисоциалистическим элементам среди лидеров буржуазно-демократических партий и либеральной интеллигенции. Главными лидерами «правых буржуазных элементов» в китайской печати были названы Чжан Най-ци, Чжан Бо-цзюнь, Ло Лун-цзи и др. Но рамки новой массовой политической кампании неуклонно расширялись, борьба против «правых» была перенесена в ряды КПК и государственные учреждения и вскоре переросла в погром честных коммунистов, выступавших за последовательное выполнение решений VIII съезда КПК, за демократизацию общественной и государственной жизни страны, за тесное сотрудничество с Советским Союзом и овладение советским опытом социалистического строительства.

В августе—сентябре 1957 г. было развернуто так называемое «социалистическое воспитание» рабочих и крестьян, в ходе которого происходила не только идеологическая обработка трудящихся в маоистском духе, но и принимались конкретные политические, экономические, организационные меры для подавления недовольства и сопротивления масс восстановлению «особого» курса.

Обстановка политического и идеологического террора летом — осенью 1957 г. позволила группе Мао Цзэ-дуна на III пленуме ЦК КПК (20 октября — 9 октября 1957 г.) взять реванш за поражение на VIII съезде партии. Под давлением маоистов пленум принял решение, означавшее восстановление и дальнейшее развитие «особого» курса, намеченного в 1955—1956 гг. Пленум одобрил борьбу с «правыми» и чистку партии, санкционировал практическую подготовку к «большому скачку». В выступлении на пленуме Мао Цзэ-дун потребовал восстановить в правах лозунг «больше, лучше, быстрее,», выдвинутый им в конце 1955 г. и отвергнутый VIII съездом КПК. Пленум поддержал этот лозунг. В том же выступлении Мао Цзэ-дун положительно ответил на им же самим поставленный вопрос: «Можно ли сойти с извилистого пути Советского Союза, стать лучше, чем Советский Союз?» Эта гегемонистская установка была закреплена в призыве пленума «покончить с суевериями» в отношении советского опыта.

Активно насаждая «особый» курс внутри страны, группа Мао Цзэ-дуна в то время еще не была готова выступить с ним на международной арене. Внешняя политика КНР в период первой пятилетки в целом соответствовала интересам социа-

листического содружества. Продолжали развиваться отношения сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами.

Вместе с Советским Союзом Китайская Народная Республика участвовала в урегулировании корейского вопроса и прекращении войны в Индокитае, упрочении и защите социалистического содружества. Большую активность китайская дипломатия проявила в развитии отношений с азиатскими государствами, ставшими на путь самостоятельного развития, в расширении «зоны мира».

В 1953—1957 гг. КНР внесла свой вклад в борьбу за разрядку международной напряженности, за разоружение и упрочение мира, за укрепление международного сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования. Вместе с тем во внешней политике КНР в 1953—1957 гг., особенно к концу этого периода, все чаще проявлялись элементы великодержавности и авантюризма.

С 1955 г. в Коммунистической партии Китая исподволь нагнеталась антисоветская атмосфера, хотя руководители КНР в публичных выступлениях продолжали изображать себя сторонниками дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, отмежевывались на словах от антисоветских высказываний лидеров китайской буржуазии. Делегация КПК во главе с Мао Цзэ-дуном приняла участие в Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. и подписала его документы.

В то же время китайская делегация на Совещании пыталась грубо поучать другие коммунистические партии, а Мао Цзэ-дун выступил со зловещей «теорией» полезности термоядерной войны для мировой революции. С конца 1957 г. маоисты все активнее пропагандировали лозунг «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада», под которым разумелось перенесение центра международного революционного движения в Пекин.

Несмотря на левацкие загибы маоистской части руководства КПК и вызванные этим трудности, за годы первой пятилетки (1953—1957) в Китае произошли важные перемены. К концу 1957 г. в основном были завершены кооперирование деревни и кустарной промышленности, национализация частнокапиталистической промышленности и торговли. Задания первого пятилетнего плана в области промышленности были не только выполнены, но и перевыполнены.

Важным фактором успешного выполнения заданий первого пятилетнего плана в области промышленности явилась огромная помощь Советского Союза и других социалистических стран Китаю. Из 156 крупных объектов, сооружавшихся с помощью Советского Союза, было начато строительство

135 объектов, в том числе 68 объектов были полностью или частично сданы в эксплуатацию. Кроме того, помощь Китаю в проектировании и строительстве 68 промышленных предприятий оказывали ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. 27 предприятий к концу пятилетки вступили в строй.

В результате выполнения и перевыполнения первой пятилетки в промышленности Китай значительно продвинулся по пути социалистической индустриализации.

Некоторые достижения были и в сельском хозяйстве. Валовой сбор продовольственных культур в 1957 г. увеличился на 20% по сравнению с 1952 г., превысив задание плана на 2%, сбор хлопка — на 26% [7]. Однако в целом сельское хозяйство все еще сильно отставало от развития промышленности и не могло удовлетворить растущие потребности народного хозяйства.

За годы пятилетки несколько повысился материальный и культурный уровень масс. Была почти полностью ликвидирована безработица. Номинальная заработная плата рабочих и служащих возросла в 1957 г. на 42,8% по сравнению с 1952 г.

К этому надо добавить значительные расходы государства на трудовое страхование, медицинское обслуживание, культурно-просветительные мероприятия и улучшение материально-бытовых условий рабочих и служащих, составившие за пять лет около 10 млрд. юаней. Однако коренного улучшения в материальной жизни трудящихся еще не произошло. Большая часть китайского народа получила лишь минимум самого необходимого для поддержания своего существования.

Улучшение жизни трудящихся, достижения в индустриализации страны создавали политическую и экономическую основу успешного выполнения заданий второго пятилетнего плана (1958—1962 гг.), принятых VIII съездом КПК. В то же время в ходе осуществления первой пятилетки рельефно выявились слабые места экономики КНР в целом, его отдельных отраслей. Обнажились и трудности, связанные с неоправданной поспешностью в проведении социально-экономических преобразований.

Таким образом, в 1953—1957 гг. были достигнуты определенные успехи в создании основ социализма в Китае. Однако развитие Китая по социалистическому пути наталкивалось на мощное противодействие мелкобуржуазных сил и тенденций.

---

[7] История Китая с древнейших времен до наших дней, стр. 468.

ОТХОД ОТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ КПК НА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА. ПОЛИТИКА «ТРЕХ КРАСНЫХ ЗНАМЕН» И ЕЕ ПРОВАЛ (1958—1960 гг.)

С конца 1957 г. в руководстве КПК стало брать верх стремление перескочить через ряд необходимых промежуточных ступеней сразу в развитое социалистическое и даже коммунистическое общество, в течение буквально нескольких лет вырваться в разряд индустриально развитых мировых держав. Это решение начало реализоваться в идее «большого скачка» и «народных коммун». Китаю с его 700-миллионным населением предстояло за несколько лет увеличить промышленное производство в несколько десятков, а по отдельным видам продукции — в несколько сот раз, чтобы превзойти уровень передовых стран. Так родился авантюристический лозунг «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья».

На совещаниях высшего партийного и государственного руководства КНР в Ханчжоу (январь 1958 г.), Наньнине (январь 1958 г.), Чэнду (март 1958 г.), Пекине (вторая сессия VIII съезда КПК, май 1958 г., и расширенное совещание Военного совета ЦК КПК, июнь 1958 г.) и Бэйдайхэ (август 1958 г.) по инициативе Мао Цзэ-дуна был в общих чертах разработан и одобрен принципиально новый стратегический курс «трех красных знамен» — новой маоистской «генеральной линии», «большого скачка» и «народных коммун». Это был коренной открытый поворот от научно обоснованного планомерного поступательного движения в строительстве социализма к авантюристическому курсу в развитии народного хозяйства.

С одной стороны, этот поворот был субъективистской реакцией Мао Цзэ-дуна и его сторонников на итоги первой пятилетки. Крупные успехи, достигнутые благодаря самоотверженному труду китайского народа, бескорыстной помощи Советского Союза и других социалистических стран, правильному направлению экономической политики, породили у маоистов представления о неограниченных возможностях, якобы открывшихся перед ними на пути превращения Китая в мировую державу. С другой стороны, в политике «большого скачка» и «коммунизации» маоисты искали средство преодоления многочисленных трудностей и внутренних противоречий, порожденных форсированием темпов социалистических преобразований, и других ошибок, допущенных маоистским руководством.

С классовой точки зрения идея «большого скачка» и «коммунизации» означала перенесение на эпоху строительст-

ва социализма маоистской схемы развития буржуазно-демократической революции в Китае, при которой крестьянству отводилась главная, а пролетариату — второстепенная, подчиненная роль. Впоследствии эта схема была распространена на мировую арену в качестве новой концепции мирового революционного процесса. В Китайской Народной Республике развернулась ожесточенная кампания против «правого консерватизма», т. е. против представителей партийных и хозяйственных кадров, которые были способны объективно оценивать реальные возможности и насущные нужды китайской экономики.

В многочисленных выступлениях Мао Цзэ-дуна и закрытых партийных документах того времени курс «трех красных знамен» прямо противопоставлялся теории марксизма-ленинизма и практике социалистического строительства в СССР и других странах социализма. Мао Цзэ-дун призывал китайских коммунистов преодолеть «боязнь Маркса», «отбросить всякие предубеждения», «отрешиться от старых догм», под которыми имелись в виду основные принципы марксизма-ленинизма. Он прямо признал, что «мы поступаем как раз наоборот по сравнению с тем, что делается в Советском Союзе». При этом Мао Цзэ-дун утверждал, что курс «трех красных знамен» — «более мудрый курс», чем ленинский лозунг «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

В противоположность марксистско-ленинской теории, опыту Советского Союза и других социалистических стран Мао Цзэ-дун выступил за насаждение в Китае порядков «военного коммунизма» и уравниловки, «военных традиций» и «партизанского стиля», «деревенского стиля», характерных для КПК и Народно-освободительной армии в годы буржуазно-демократической революции, требовал от народа вести «простую и трудную жизнь», «работать еще интенсивнее». «Не отдыхать,— утверждал Мао Цзэ-дун, — это дух коммунизма». Отождествляя понятия «военный коммунизм» и «коммунизм», Мао Цзэ-дун, по существу, отрицал марксистское представление о коммунизме.

Маоистская пропаганда рекламировала политику «большого скачка» и «коммунизации» как стихийный взрыв общенародного энтузиазма, как расцвет творческой самодеятельности масс и социалистической демократии. Однако многочисленные высказывания Мао Цзэ-Дуна на закрытых совещаниях руководства КПК свидетельствуют о том, что первостепенная роль при реализации курса «трех красных знамен» отводилась принуждению.

Чтобы сломить сопротивление масс и здоровых сил партии авантюристическому курсу «трех красных знамен», Мао Цзэ-

дун считал необходимым установить повсеместный жесткий контроль, «сочетать Маркса с Цинь Ши-хуаном», т. е. действовать методами создателя первой китайской централизованной империи, имя которого стало в Китае символом деспотизма.

«Собственный путь» Китая, за который ратовал Мао Цзэ-дун, сводился к превращению всей страны в одну большую «военизированную коммуну», в которой повсюду — в городе, в деревне, в партии, в госаппарате и армии — осуществляется система натурального, уравнительного снабжения питанием, одеждой и жильем на уровне удовлетворения самых элементарных потребностей. Во введении такого «равенства», понимаемого как уравниловка, Мао Цзэ-дун видел ключ к максимальной активизации субъективного фактора с целью перехода в ближайшем будущем к казарменному коммунизму. Исходя из теории «перманентной революции», маоистские деятели торопились «совершить переход к коммунизму, пользуясь тем временем, пока мы бедны». Маоистский идеал казарменного коммунизма нашел свое воплощение в лозунге: «Весь народ — солдаты». Однако этот маоистский идеал отнюдь не вдохновлял китайских трудящихся. По признанию самого Мао Цзэ-дуна, «народные коммуны», насильственно насаждавшиеся в стране, получили довольно меткую характеристику «грошового коммунизма».

В основу замысла «большого скачка» в области промышленности был положен курс «идти на двух ногах», означавший сочетание форсированного развития ключевых отраслей современной крупной индустрии за счет централизованных государственных капиталовложений с массовым сооружением в деревне, а также при учреждениях и учебных заведениях мелких и мельчайших полукустарных «промышленных предприятий», основанных на примитивной традиционной технике и ручном труде и финансируемых из местных источников без крупных государственных дотаций. Самофинансирование мелкой местной промышленности представляет один из важных аспектов пресловутого маоистского курса «опоры на собственные силы», практикуемого в Китае до настоящего времени. В более широком плане этот курс является попыткой создания полностью самообеспечивающиеся административно-хозяйственные единицы в масштабах «коммуны», уезда и даже провинции, с тем чтобы сконцентрировать государственные средства на усиленном наращивании военно-промышленного потенциала, включая ракетное и термоядерное оружие.

Планы «большого скачка» предусматривали концентрацию усилий на первоочередном наращивании производства зерна, стали, станков, ставили задачи добиться ежегодного удвоения их производства.

На второй сессии VIII съезда было объявлено, что в 1958 г. в Китае будет строиться уже около тысячи крупных объектов в промышленности — больше, чем за все годы первой пятилетки. Наряду с этим началось строительство десятков тысяч средних и мелких промышленных предприятий.

В июле 1958 г. Госплан КНР по указанию маоистского руководства разработал новый вариант второй пятилетки на 1958—1962 гг., по которому планировалось увеличение промышленной продукции в 6,5 раза и сельскохозяйственной — в 2,5 раза. Для этого требовалось обеспечить среднегодовой прирост в промышленности на 45%, в сельском хозяйстве — на 20%. Главным показателем плана считалась выплавка стали. К концу второй пятилетки, т. е. в 1962 г., намечалось довести выплавку стали до 80—100 млн. *т*[8]. В результате этого Китай, по расчетам маоистов, должен был к 1965—1967 гг. перегнать Советский Союз и США и стать «первым государством в мире», а также «вступить первым» в коммунизм.

Новые показатели «большого скачка» были приняты в нарушение ранее одобренных планов, вопреки существовавшим расчетам, были приняты в надежде на порыв, на «великий скачок», сама идея которого противоречит планомерному, пропорциональному развитию.

Оправдывая подобное прожектерство, Мао Цзэ-дун уверял партийные кадры, что «мы не сумасшедшие» и что «это не великодержавный шовинизм». В действительности весь замысел курса «трех красных знамен» был подчинен великодержавно-националистическим, гегемонистским и агрессивным устремлениям маоистов. На второй сессии VIII съезда КПК Мао Цзэ-дун, заявил, что после того, как через семь-десять лет Китай обгонит СССР и США, «мы может быть, задерем хвост». Раскрывая смысл этого выражения, Мао Цзэ-дун на расширенном совещании Военного совета ЦК КПК в июне 1958 г. заявил, что в результате выполнения планов «большого скачка» Китай будет располагать достаточным экономическим и ракетно-ядерным потенциалом, чтобы поставить «под наш контроль» Тихий океан. На том же военном совещании отмечалось, что к концу 60-х годов «мы будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско». Кроме того, предполагалось переселение десятков миллионов человек в окраинные, пограничные районы. В то время маоисты еще не планировали войны против СССР, однако в высшем руководстве КНР обсуждались разные способы «принудить» Советский Союз перейти к «коммунизму» маоистского толка.

---

[8] Там же, стр. 475.

Разумеется, в то время агрессивные, великодержавно-гегемонистские планы маоистов держались в глубокой тайне, о них знала лишь узкая группа высшего руководства КНР. Мао Цзэ-дун призывал своих приближенных ни в коем случае не предавать огласке эти планы, ибо «предание огласке будет означать для нас крах».

Идея широкого введения улучшенной традиционной техники и малой механизации могла стать плодотворной, так как позволяла более производительно использовать огромные массы рабочей силы и местные ресурсы. Однако осуществление этой идеи требовало длительных усилий, а также экономической и технической культуры. Оказавшись неспособными осмыслить индустриализацию как сложный комплекс весьма разнородных, а порой противоречивых процессов, группа Мао Цзэ-дуна усмотрела в экстенсивном расширении мелкого местного производства некое чудодейственное средство для скорейшего подъема всей экономики. Постепенная техническая реконструкция и соответствующий подъем производительности труда были подменены насильственными мобилизациями. Здоровая идея преобразования ручного производства при ведущей роли крупной тяжелой промышленности и опоре на нее была скомпрометирована.

Во второй половине 1958 г. в КНР по приказу Мао Цзэ-дуна развернулась «битва за сталь» — одна из самых массовых и тяжких по своим последствиям кампаний за всю историю КНР. 60 млн. неподготовленных людей были в принудительном порядке переброшены на выплавку чугуна и стали в доменных и сталеплавильных печах кустарного типа. Эта кампания охватила практически все уезды и города Китая независимо от наличия в них запасов руды и угля. Печи нередко загружались железной утварью, отобранной у жителей; стремясь любой ценой обеспечить выполнение поставленной им задачи удвоения выпуска стали в 1958 г., Мао Цзэ-дун предложил даже разобрать и пустить на переплавку часть «ненужных» железных дорог. Естественно, полученная «продукция» лишь отдаленно напоминала сталь.

Неразбериха, внесенная в 1958 г. в развитие народного хозяйства Китая «битвой за сталь», в значительной степени усугублялась постоянным увеличением заданий по различным отраслям промышленности и повсеместным развитием мелкой местной промышленности, предприятия которой сплошь и рядом создавались без всякого учета возможностей обеспечения их оборудованием и сырьем, а также потребностей в их продукции.

В государственном планировании возобладали субъективизм руководителей, бюрократический волюнтаризм и спекуляция на трудовом энтузиазме масс.

В августе 1958 г. руководство КПК по инициативе Мао Цзэ-дуна декретировало повсеместный переход от сельскохозяйственных производственных кооперативов к «народным коммунам», сопровождавшийся массовым насилием и грубыми нарушениями социалистических принципов организации сельского хозяйства. Наиболее существенные ошибки состояли в форсировании перехода от коллективной собственности к общенародной и в ликвидации личной собственности крестьян под лозунгом «отказ от остатков частной собственности», в забвении социалистического принципа оплаты по труду, отказа от принципов материальной заинтересованности и насаждении уравниловки в распределении дохода. Это привело к дезорганизации сельскохозяйственного производства, подрыву доверия крестьян и всего народа к коллективному хозяйству.

По замыслу Мао Цзэ-дуна и его группы, «народная коммуна» должна была стать основной ячейкой не только социалистического, но и коммунистического общества. Он предполагал, что «народная коммуна» позволит Китаю совершить скачок в коммунизм, минуя социалистическую стадию развития, обогнав СССР и другие социалистические страны.

«Народная коммуна» в деревне сочетала хозяйственные, административные и прочие функции; обычно ее территория распространялась на пределы старой волости и включала два-три десятка прежних сельскохозяйственных кооперативов. В них было проведено полное обобществление; у крестьян изымались все приусадебные участки, был отобран личный скот и птица, обобществлялись даже предметы личного обихода: кастрюли, сковородки, мелкий сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Вводилось принудительное «бесплатное» (т. е. безденежное) коллективное питание. Пропагандисты хвастались тем, что в Китае нет больше голодных. В действительности же члены «коммуны» сидели на голодном пайке, и сам Мао Цзэ-дун был вынужден признать, что «бедность у нас ужасная».

Все трудоспособные члены «коммун» были зачислены в «народное ополчение», сформированное по армейскому образцу (полки, батальоны, роты и т. д.). В представлении Мао Цзэ-дуна, «народная коммуна» выглядела как «производственная армия», в которой реализуется идеал «коммунистического духа»: «получили приказ, и каждый человек сознательно принимается за работу». И действительно, в «коммунах» на работу и в столовые ходили строем, часто под звуки барабанов, для того чтобы, как уверяли агитаторы, сочетать работу с военным обучением. Вся жизнь члена «коммуны» была регламентирована и на виду у всех. Такая же судьба ждала и городское население. Мао Цзэ-дун планировал всех рабочих и

служащих распределить «по общежитиям», превращенным, по сути дела, в казармы. «Большие общежития,— уверял он,— это лучше, чем квартиры».

Лишенные материальных стимулов к труду и насильственно поставленные в условия обезлички, уравниловки, казарменной дисциплины, принужденные в течение многих месяцев с предельной интенсивностью работать без выходных дней, рабочие и крестьяне уже к концу первого года «большого скачка» были доведены до грани физического истощения. Массовый характер принял производственный травматизм, часто со смертельным исходом. Приравнивая «большой скачок» к военному «штурму», Мао Цзэ-дун уверял, что экономическое строительство вообще — это «тоже жестокая война», в которой массовые жертвы неизбежны, но все же в ней «гибнет меньше людей», чем в настоящей войне. Однако, обессиленные подневольным трудом, рабочие и крестьяне работали все более неохотно, производительность труда стала резко снижаться, участились случаи уклонения от работы. Положение к концу 1958 г. стало настолько серьезным, что даже Мао Цзэ-дун вынужден был признать, что трудящиеся «смертельно устали». По расчетам Мао Цзэ-дуна, при сохранении той интенсивности труда, которая практиковалась в 1958 г., в «Китае перемрет половина населения».

В то же время были быстро исчерпаны запасы продовольствия. Недостаток продовольствия стал ощущаться в первый же год введения народных коммун. В последующие годы он крайне обострился. Все это привело к тому, что в стране начался настоящий голод. Крестьяне бежали из коммун, общественные столовые начали повсеместно разваливаться, так же как детские ясли и «дома счастья» для престарелых, в которых резко возросла смертность из-за недоедания и плохого ухода за детьми и стариками. Уже в ноябре 1958 г. Мао Цзэ-дун был вынужден признать, что если в течение ближайших месяцев в коммунах не будет наведен порядок, то «нам грозит опасность погибнуть». Тогда же стали появляться многочисленные симптомы того, что политика «большого скачка» и «коммунизации» заходит в тупик.

Результаты первого года «большого скачка», по существу, продемонстрировали провал общего стратегического замысла китайского руководства: увеличить в течение одной пятилетки общий объем промышленного производства в 6,5 раза, в том числе выплавку стали — в 15—20 раз. Однако вопреки здравому смыслу и сопротивлению масс политика «большого скачка» по настоянию Мао Цзэ-дуна и его группы проводилась в жизнь и в последующие два года. На VI (ноябрь—декабрь 1958 г.) и VII (апрель 1959 г.) пленумах ЦК КПК были внесены некоторые коррективы в экономическую политику.

Однако основной курс «трех красных знамен» не претерпел существенных изменений. В апреле 1959 г. 1-я сессия ВСНП второго созыва приняла показатели народнохозяйственного плана на 1959 г., предусматривавшие продолжение политики «большого скачка». В соответствии с рекомендацией ЦК КПК сессия освободила Мао Цзэ-дуна от обязанностей Председателя КНР и избрала на этот пост Лю Шао-ци; заместителями председателя были избраны Дун Би-у и Сун Цин-лин, председателем Постоянного комитета ВСНП — Чжу Дэ. Премьером Государственного совета был вновь утвержден Чжоу Энь-лай.

Сосредоточив основные материальные и трудовые ресурсы на развитии черной металлургии, сырьевой, топливной и энергетической промышленности, руководство КПК смогло обеспечить в 1959—1960 гг. некоторый рост промышленного производства, особенно выплавку чугуна и стали. Но скачкообразное развитие промышленности в 1958—1960 гг. было достигнуто ценой истощения ресурсов страны и физических сил народа, что привело к начавшемуся уже в конце 1960 г. значительному падению производства.

После провала «большого скачка» понадобилось затратить целую пятилетку на ликвидацию его последствий под лозунгом «урегулирования» экономики страны. В целом в 1958—1962 гг. в Китае произошло общее снижение темпов развития производства по сравнению с первой пятилеткой; доля страны в промышленном производстве как всей социалистической системы, так и в мировом промышленном производстве сократилась. Намеченные VIII съездом КПК задания второго пятилетнего плана по промышленности и сельскому хозяйству были сорваны. Не был выполнен также 12-летний план развития хозяйства (1956—1967).

Внутриполитические последствия провала политики «большого скачка» и «народных коммун» также были весьма плачевны. Крушение иллюзий, связанных с идеей «большого скачка», породило недоверие масс к директивам партийного руководства, апатию, глухое недовольство и сопротивление. Сообщения с мест, доклады комиссии по проверке коммун, поступавшие в ЦК КПК, свидетельствовали о тревожном положении, о недовольстве крестьян порядками в коммунах, о том, что это недовольство нашло отражение и в армии. На совещании Политбюро, состоявшемся в феврале—марте 1959 г., Мао Цзэ-дун говорил даже, что «несколько сот миллионов крестьян и бригадиры малых бригад объединились для сопротивления парткомам», что «народ неспокоен, армия неспокойна».

В марте 1959 г. произошло вооруженное восстание в Тибете, местное тибетское правительство по приказу из Пе-

кина было распущено и заменено военным контролем НОА. По официальным китайским данным, партизанские отряды тибетских «мятежников» насчитывали 20 тыс. Регулярные части НОА вели в 1959—1960 гг. затяжные бои с «мятежниками» и в других провинциях Юго-Западного Китая.

Усилились выступления против авантюристической политики Мао Цзэ-дуна и внутри партии. Резкой критике курс Мао Цзэ-дуна был подвергнут на VIII пленуме ЦК КПК в августе 1959 г. Оппозицию группе Мао Цзэ-дуна возглавил видный деятель партии член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера и министр обороны Пэн Дэ-хуай. С критикой маоистского курса выступили также кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэнь-тянь, член ЦК КПК и Секретариата ЦК, заместитель министра обороны и начальник генерального штаба НОА Хуан Кэ-чэн, кандидат в члены ЦК, секретариат комитета КПК пров. Хунань Чжоу Сяо-чжоу. Недовольство «скачком» захватило значительную часть низовых работников партии. Пэн Дэ-хуай и его сторонники выступали, по существу, за отказ от всего курса «трех красных знамен», за возврат к линии VIII съезда партии. «Большой скачок» и «коммунизацию» они с полным основанием называли «мелкобуржуазными фанатическими движениями». В то время группе Мао Цзэ-дуна удалось разгромить оппозицию. VIII пленум принял решение «об антипартийной группе во главе с Пэн Дэ-хуаем», которое в сокращенном виде было опубликовано лишь восемь лет спустя, в августе 1967 г. Пленум постановил снять Пэн Дэ-хуая, Чжан Вэнь-тяня, Хуан Кэ-чэна, Чжоу Сяо-чжоу со всех государственных постов, оставив их, однако, формально в составе руководящих органов партии. На пост министра обороны был назначен Линь Бяо, в 1955 г. введенный в состав Политбюро ЦК КПК вместо репрессированного Жао Шу-ши, а в мае 1958 г. избранный пятым заместителем Председателя ЦК КПК Мао Цзэ-дуна. После пленума под флагом борьбы против «правого уклона» была проведена широкая чистка партии, усилены репрессии против недовольных, в частности в форме массовых высылок на «трудовое перевоспитание» в деревню. В конце 1959 — начале 1960 г. в деревне вновь распространилось «поветрие обобществления», сопровождавшееся произволом местных властей.

Одним из средств подавления оппозиции курсу «трех красных знамен», искусственного стимулирования «большого скачка», а затем и прикрытия его провала, всеобщей военизации страны служил переход группы Мао Цзэ-дуна к открыто авантюристической, великодержавной внешней политике. Общая концепция Мао Цзэ-дуна по вопросам международных отношений была изложена им на заседании Политбюро

ЦК КПК в Бэйдайхэ (август 1958 г.) и в других выступлениях. В Бэйдайхэ он выразил несогласие с курсом СССР и других социалистических стран на оздоровление международной обстановки, утверждая, что «напряженность более выгодна нам и менее выгодна Западу», так как якобы способствует росту влияния коммунистических партий и росту производства в Китае. Мао Цзэ-дун также вновь заявил, что не следует опасаться мировой войны с применением атомного оружия. За громкими фразами о разгроме империализма в случае развязывания им атомной войны скрывался шовинистский расчет на то, что в случае такой войны между СССР и США Китай выживет и, сохранив силы, сможет занять господствующее положение в мире.

В августе 1958 г. группа Мао Цзэ-дуна пошла на обострение обстановки в Тайваньском проливе, начав артиллерийский обстрел прибрежных островов Цзиньмынь и Мацзу, занятых войсками Чан Кай-ши. Эта акция была предпринята в нарушение советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г., без консультаций с Советским Союзом. Та же тенденция обнаружилась и в вооруженном конфликте, спровоцированном на китайско-индийской границе в 1959 г. Правительство КНР начало еще в 1958 г. добиваться пересмотра границы между Китаем и Индией, выдвинуло территориальные претензии, которые были отклонены индийским правительством. В 1959 г. в районе китайско-индийской границы произошли серьезные инциденты. Постепенно и втайне от партийных масс, от народа группа Мао Цзэ-дуна осуществляла во внешней политике курс на отказ от дружбы с СССР. Уже в 1958 г., одновременно с развертыванием «большого скачка» и созданием «народных коммун», правительство КНР начало инспирировать и поощрять акты враждебности по отношению к СССР, к советским людям, работавшим в Китае. Политические и экономические провалы маоисты пытались компенсировать или маскировать усилением националистических настроений, натравливанием китайского народа на Советский Союз, клеветой на КПСС. Для этой цели был использован, в частности, спровоцированный китайскими властями отзыв из Китая в августе 1960 г. советских специалистов. Развернулась активная пропаганда лозунга «опоры на собственные силы», который во внешнеполитическом плане выражал намерение группы Мао Цзэ-дуна прервать связи КНР с СССР и другими социалистическими странами.

Не менее отчетливо национализм руководства КПК проявился и в попытках навязать международному коммунистическому движению свой антиленинский курс. В апреле 1960 г. оно обнародовало свои разногласия с международным коммунистическим движением, опубликовав сборник статей «Да

здравствует ленинизм», приуроченный к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Как указывалось в Открытом письме ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза от 14 июля 1963 г., «в этом сборнике, основу которого составляли передержки и усеченные и неправильно истолкованные положения известных ленинских работ, содержались положения, по существу направленные против основ Декларации Московского совещания 1957 г.»[9]. Речь шла о выступлениях против политики мирного сосуществования, против возможности предотвращения мировой войны в современную эпоху, против использования как мирного, так и немирного пути развития социалистической революции.

Затем руководство КПК использовало сессию Генсовета Всемирной федерации профсоюзов для критики Декларации 1957 г. и позиции КПСС и других марксистско-ленинских партий, т. е. вынесло разногласия на открытую трибуну беспартийной организации.

На Бухарестском совещании коммунистических партий 1960 г. представители руководства КПК вели дело к углублению разногласий. Наконец, на Совещании представителей 81 коммунистической и рабочей партии в Москве (ноябрь 1960 г.) китайская делегация упорно пыталась навязать другим партиям «особый курс» руководства КПК и только тогда, когда выяснилась угроза полной ее изоляции, подписала Заявление Совещания.

В целом политика «большого скачка» и «коммунизации» закончилась полным провалом. Ее результатами были экономический хаос, голод, резкое обострение внутриполитического положения в стране и ухудшение позиций КНР на международной арене.

Усилился идейный кризис маоизма и процесс падения престижа Мао Цзэ-Дуна и его «идей» как в самом Китае, так и за его пределами.

ПЕРИОД «УРЕГУЛИРОВАНИЯ». ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ «БОЛЬШОГО СКАЧКА», ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И РАСКОЛ В РУКОВОДСТВЕ КПК (1961—1965 гг.)

Оказавшись перед лицом полного провала «китайской модели» социализма и экономического хаоса, группа Мао Цзэдуна вынуждена была пойти на фактический отказ от курса «трех красных знамен». В 1961—1962 гг. под влиянием здоро-

---

[9] Открытое письмо ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза, М., 1965, стр. 10.

вых сил партии была принята политика, названная курсом на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» народного хозяйства.

Поворот к решительным мерам по ликвидации последствий «большого скачка» был определен в решениях IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.). Хотя в коммюнике о работе пленума курс «трех красных знамен» всячески восхвалялся, было, однако, признано тяжелое состояние сельского хозяйства, легкой промышленности, «трудности в снабжении» и т. д. Пленум решил, что с 1961 г. вся страна должна сконцентрировать свои силы на укреплении сельскохозяйственного фронта, на неуклонном проведении курса «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, промышленность — ведущая сила». В решениях пленума предусматривалась необходимость коренной перестройки «народных коммун». приведшей на практике к их фактической ликвидации. В развитие установок IX пленума в 1961—1962 гг. был принят ряд постановлений, в которых определялись основные меры «урегулирования» в области сельского хозяйства, промышленности, торговли, просвещения и т. д.

Новый курс вырабатывался в острой борьбе между маоистской группой и теми руководителями КПК, партработниками и рядовыми коммунистами, которые обоснованно видели причины кризиса в авантюризме и субъективизме Мао Цзэдуна. Об этом свидетельствует и выступление Мао Цзэ-дуна на IX пленуме, в котором он не отказался от своих установок периода «большого скачка» и дал понять, что считает принимаемые пленумом решения временными. Группа Мао Цзэ-дуна провела на пленуме решение о продолжении и усилении преследований всех недовольных ее авантюристической политикой. Пленум решил «с большим размахом» развернуть по всей стране новое «движение за упорядочение стиля городских и сельских работников». Это решение пленума дало толчок новой кампании по чистке КПК, сопровождавшейся массовыми репрессиями (вплоть до расстрелов), высылкой кадровых работников в деревню «на перевоспитание». IX пленум решил также создать шесть бюро ЦК КПК (Северо-Восточное, Северное, Восточное, Центрально-Южное, Юго-Западное и Северо-Западное) для усиления руководства «от имени ЦК» партийными комитетами соответствующих провинций, городов и автономных районов.

На основе решений IX пленума для ликвидации разрушительных последствий «большого скачка» был проведен ряд крупных экономических мероприятий: упорядочена деятельность «народных коммун», резко свернуто капитальное строительство, прекращено массовое сооружение мелких примитивных предприятий, часть промышленных предприятий и строек

была закрыта или законсервирована, многие предприятия переориентированы с выпуска промышленного оборудования на производство сельскохозяйственного инвентаря и предметов повседневного обихода. Резко сократилась численность рабочего класса. В 1961—1962 гг. из городов в деревни в административном порядке было переселено свыше 30 млн. человек.

В промышленности особый упор делался на развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей, производство сельскохозяйственного инвентаря, химических удобрений и ядохимикатов, электроэнергии. Для улучшения качества продукции и роста производительности труда был частично восстановлен принцип оплаты по труду. Но по-прежнему главное внимание уделялось факторам морально-политического и административного воздействия — проповеди аскетизма, военизации и т. п.

Ценой громадных усилий и затрат к концу 1962 г. — последнего года второй пятилетки, сорванной «большим скачком», удалось добиться лишь прекращения спада производства. Основной упор в 1961—1965 гг. делался в КНР на восстановление сельского хозяйства. Главной хозяйственной единицей в деревне стали самостоятельные производственные бригады, состоящие из 20—30 дворов и основанные на хозрасчете, с правом собственности на землю и прочие средства производства. Крестьянам были возвращены приусадебные участки и домашнее имущество, разрешено держать свиней и домашнюю птицу. Однако «народная коммуна», хотя и в значительно урезанном виде, была номинально сохранена, выполняя главным образом функции низовых органов власти.

Значительные усилия прилагались к расширению производства химических удобрений и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, а также развитию ирригации в основных зерновых и хлопкопроизводящих районах. Все это позволило сельскому хозяйству к 1965 г. восстановить производство примерно до уровня 1957 г. Одновременно на протяжении ряда лет производились крупные закупки зерна в капиталистических странах. Однако продовольственный вопрос остается в Китае исключительно важной проблемой. Темпы роста производства зерна отстают от темпов роста населения. Весьма слабой остается материально-техническая и финансовая база производственных бригад. Ввиду слабости экономической базы производственных бригад китайское руководство для сохранения и укрепления коллективных хозяйств продолжало широко применять политические меры воздействия. В деревне была развернута интенсивная «кампания за усиление классовой борьбы и социалистическое воспитание крестьян», повсеместно созданы союзы батраков и бедняков.

Эта кампания фактически была направлена не только против бывших помещиков и кулаков, но и против широких середняцких масс. Большой размах приняла также военизация производственных бригад. Подобные политико-административные меры не способны, разумеется, служить долговременным фактором, стимулирующим подъем сельского хозяйства.

Фактором, сдерживающим развитие китайской экономики, оставался провозглашенный в Китае националистический курс «опоры на собственные силы», направленный на обособление и свертывание экономических связей со странами социалистического содружества. Нарушение китайской стороной ранее принятых на себя обязательств по экономическому сотрудничеству нанесло серьезный ущерб социалистическим государствам, и в первую очередь самому Китаю: потребовалось организовать и освоить собственное производство широкой номенклатуры изделий, отвлечь крупные материальные средства и усилия научно-исследовательских коллективов, налаживать ничем не оправданную мелкосерийность производства. Целью политики «опоры на собственные силы» является создание самодовлеющего национального хозяйства, сведение к минимуму или прекращение экономических отношений Китая с социалистическими странами, ослабление уз дружбы социалистических государств и подрыв их единства. Этот лозунг уже в то время, по существу, означал все больший отрыв от мировой социалистической системы и в то же время расширение хозяйственных связей с капиталистическими странами (Японией, ФРГ и пр.). В годы «урегулирования» произошла переориентация внешней торговли Китая на капиталистические государства. Правительство КНР пошло на уступки буржуазным элементам внутри страны, продлив выплату процента на капитал, вложенный в национализированные частные предприятия.

Таким образом, на рубеже третьей пятилетки, которая по официальным заявлениям должна была начаться в 1966 г., экономика КНР оказалась перед лицом целого ряда острых противоречий. Несмотря на некоторые положительные сдвиги, волюнтаристские принципы экономической политики, проводимой с 1958 г., остались во многом неизменными. Как и прежде, основной упор делался на внеэкономические факторы стимулирования производства, усилия концентрировались не на комплексном развитии экономики, а лишь на развитии ее отдельных отраслей, продолжалась ставка на экстенсивное использование огромных трудовых ресурсов страны при консервации низкого жизненного уровня населения. Экономические же стимулы развития производства оставались в загоне. Громадные средства тратились на создание собственного ракетно-ядерного оружия.

Огромный ущерб социалистическому развитию страны наносил антисоветский, раскольнический курс китайского руководства и обстановка культа личности в целом. Под давлением маоистов в политической практике в Китае продолжала возрастать роль насилия, чрезвычайные методы военного времени возводились в закон жизни государства. Политические порядки в КНР характеризовались систематическим нарушением демократических норм деятельности партийных и государственных органов. Были преданы забвению права граждан, записанные в Конституции КНР. Местные и высшие органы государственной власти функционировали крайне нерегулярно, круг их полномочий был резко сужен, а деятельность окружена покровом тайны.

Роль представительных органов была сведена к простой формальности. После 1958 г. сессии всекитайского съезда партии не созывались ни разу, хотя, по уставу партии, они должны были собираться ежегодно. Очередной IX съезд КПК должен был состояться, по уставу, в 1961 г., а состоялся только в 1969 г. Приверженность группы Мао Цзэ-дуна к военизации партийной и государственной жизни нашла свое выражение в перенесении в партию и государственный аппарат норм казарменной дисциплины. Лозунг «учиться у армии» стал фактически основной политической доктриной маоистского руководства. Результатом всего этого явилось принижение роли рабочего класса, воспитание политической пассивности, покорности масс, расцвет бюрократизма, администрирование и произвол в решении коренных проблем экономической и социальной жизни страны. Эти характерные черты политической жизни Китая с особой силой обнаружились во время так называемой «великой пролетарской культурной революции».

Несмотря на систематические чистки партийного и государственного аппарата и преследование инакомыслящих, мелкобуржуазно-националистический курс маоистского руководства КПК вызывал недовольство среди широких масс трудящихся, растущую оппозицию в партии. На протяжении ряда лет китайское руководство тщательно скрывало признаки недовольства его политикой, создавая видимость единодушной поддержки линии Мао Цзэ-дуна партией и народом. Однако на рубеже 1965—1966 гг. кризис в партии принял настолько острый характер, что замалчивать его стало невозможно. XI пленум ЦК КПК, состоявшийся в августе 1966 г., был вынужден официально признать, что «сила сопротивления» линии Мао Цзэ-дуна во всех звеньях партийного и государственного аппарата «достаточно мощна и упорна».

В обстановке культа личности Мао Цзэ-дуна, репрессий и беззаконий, продолжавших царить в КНР, люди, недоволь-

ные политикой руководства, были лишены, естественно, возможности выступить с развернутым изложением своего мнения перед партией и народом. Однако даже по тем скудным сведениям, которые все же проникали в китайскую печать, можно установить, что сомнению и критике подвергся весь курс Мао Цзэ-дуна, нашедший свое воплощение в пресловутом «большом скачке».

Ухудшение обстановки в КНР в 1961—1962 гг., недовольство кадровых работников политикой оказывали влияние на Лю Шао-ци и других руководителей КПК, прежде поддерживавших Мао Цзэ-дуна. В речи на праздновании 40-летия со дня основания КПК (30 июня 1961 г) Лю Шао-ци выдвинул тезис о том, что политика КПК до «большого скачка» основывалась на положениях Маркса и Ленина, а курс «большого скачка» прямо связан с именем Мао Цзэ-дуна. В речи неоднократно подчеркивалась необходимость единства всей партии, всей нации, всей страны. Одновременно с таким слабо завуалированным отмежеванием от курса «большого скачка» Лю Шао-ци и связанные с ним партийные руководители попытались несколько приглушить кампанию прославления «идей» Мао Цзэ-дуна. В конце 1961 — начале 1962 г. Лю Шао-ци и его сторонники стремились приостановить чистку партии, перевести кампанию «упорядочения стиля» на рельсы идеологического воспитания, остановить выискивание и уничтожение «правых» и тем самым приглушить недовольство коммунистов, сплотить партийные организации.

В январе 1962 г. Лю Шао-ци на созванном им расширенном рабочем совещании в ЦК КПК кадровых работников высших пяти ступеней (на котором присутствовало 7 тыс. человек) отметил, что «нынешние трудности на $^3/_{10}$ — результат стихийных бедствий, а на $^7/_{10}$ — результат ошибок», что в выступлении Пэн Дэ-хуая (и солидаризировавшихся с ним коммунистов, объявленных «правыми») «многое соответствует фактам». Борьбу против «правых» в самых жестких формах он охарактеризовал как «ошибочную борьбу, перегиб». В августе 1962 г. в КНР стало широко распространяться в качестве «важного материала» для изучения в системе партполитпросвещения переизданная работа Лю Шао-ци «О самовоспитании коммуниста», написанная им в 1939 г. В работе была сохранена специальная глава «Быть достойными учениками Маркса и Ленина», причем, несмотря на оговоренную новую редакцию, в главе не упоминалось, что таким учеником является Мао Цзэ-дун. Основные главы были посвящены отстаиванию «товарищеского подхода» во внутрипартийной борьбе, критике «абсолютистского подхода», при котором, как указывалось в работе, «кадрам партии наносятся тяжелые удары», «искусственно выискиваются объекты борь-

бы для ведения борьбы ради борьбы» и сама внутрипартийная борьба «превращается в детскую забаву».

Происходил процесс складывания оппозиции политике Мао Цзэ-дуна. В научных и художественных кругах, среди кадровых работников на местах и даже в центре участились выступления, содержавшие скрытую критику «идей» и политики Мао Цзэ-дуна. Широкий резонанс в стране получили едва завуалированные критические выступления в печати видного экономиста Сунь Е-фана, писателя Шао Цюаньлиня, известного писателя и историка, заместителя председателя народного комитета Пекина У Ханя, секретарей пекинского горкома КПК Дэн То и Ляо Мо-ша.

Большинство партийных и хозяйственных руководителей во главе с Лю Шао-ци стремились возродить опыт социалистического строительства первой пятилетки, закрепленный в решениях VIII съезда КПК, а также утвердить часть мер, введенных в чрезвычайном порядке в 1961—1962 гг. Представители оппозиции квалифицировали курс Мао Цзэ-дуна как «фанатизм» и «горячку», а «генеральную линию» и «большой скачок» — как «хвастовство», «подмену действительности утопией». Тезис Мао Цзэ-дуна о «ветре с Востока» характеризуется как «великое пустозвонство». Режим произвола, возобладавший в КНР, клеймился как «деспотическая тирания». Оппозиция обвиняла группировку Мао Цзэ-дуна в «чрезмерном самомнении», «неуважении к массам».

Во внутрипартийном плане оппозиция требовала ликвидации влияния сторонников Мао Цзэ-дуна в руководстве партией, которые «не выполняют обещанного» и «не заслуживают доверия», а также реабилитации противников «большого скачка», репрессированных после VIII пленума ЦК КПК (август 1959 г.). Однако сопротивление авантюристической политике маоистского руководства не приобрело в рядах КПК организованного характера и проявлялось преимущественно в пассивной форме. Волна недовольства и критических выступлений, охвативших многие партийные организации в 1961—1962 гг., появление новых тенденций в развитии внутрипартийной жизни и в экономической политике привели Мао Цзэ-дуна и его группу к выводу, что дальнейшее развитие этих процессов несет в себе прямую угрозу их положению в партии и в стране. Со второй половины 1962 г., как только наметились первые признаки стабилизации экономического и продовольственного положения, Мао Цзэ-дун и его сторонники приступили к осуществлению серии мероприятий, направленных на то, чтобы укрепить свое пошатнувшееся положение в руководстве, создать необходимые, с их точки зрения, условия для беспрепятственного осуществления авантюристической внутренней и внешней политики. Главным содер-

жанием этих мероприятий в области партийно-политической жизни Китая был курс на ликвидацию партийной и государственной демократии и перестройку всей работы партийных и государственных органов на основе организационных принципов армии, усиление пропаганды культа личности Мао Цзэ-дуна.

Контрнаступление на партию Мао Цзэ-дун и его группа начали с попыток подвести «теоретическую базу» для задуманных ими антидемократических мер. Сначала на рабочем совещании ЦК КПК в Бэйдайхэ (август 1962 г), а затем, в развернутом виде, в выступлении на X пленуме ЦК КПК (сентябрь 1962 г.) Мао Цзэ-дун выдвинул «теорию» «волнообразного» развития классовой борьбы в течение всего периода строительства социализма — маоистскую разновидность антимарксистской концепции о якобы продолжающейся до полного коммунизма острейшей классовой борьбе. «Отныне,— заявил Мао Цзэ-дун,— мы должны говорить об этом каждый год, каждый месяц, каждый день». Маоисты записали в решения пленума тезис об «исторической закономерности» классовой борьбы «на протяжении всего исторического периода перехода от капитализма к коммунизму», провели тезис о необходимости очередного «социалистического воспитания» народа. В ответ на призывы к смягчению форм внутрипартийной борьбы, на критику курса «большого скачка» Мао Цзэ-дун и его сторонники провели в коммюнике пленума тезис о «важном историческом значении VIII пленума ЦК 8-го созыва», который «победоносно разгромил наступление правого оппортунизма, т. е. ревизионизма, отстоял линию партии». В выступлении на пленуме Мао Цзэ-дун объявил КПСС «ревизионистской» партией. Пленум официально вывел из состава секретариата ЦК сторонников Пэн Дэ-хуая — Хуан Кэ-чэна и Тань Чжэна.

X пленум ЦК КПК открыл новый этап борьбы внутри руководства КПК, приведший в конечном счете к «культурной революции».

Особое внимание маоисты уделяли укреплению своих позиций в армии. Для этого маоистское руководство, с одной стороны, применяло метод репрессий и чисток, а с другой — интенсивную идеологическую обработку военнослужащих с безудержным восхвалением Мао Цзэ-дуна и все более широкое распространение антисоветизма под предлогом «борьбы с современным ревизионизмом». Уже в 1960 г. под руководством нового министра обороны Линь Бяо развернулась кампания за превращение армии в «школу идей Мао Цзэ-дуна».

С 1963 г. по указанию Мао Цзэ-дуна по всей стране началось проведение массовых общественно-политических кампаний («учиться у Лэй Фэна», «учиться у Ван Цзе», «учиться у

«Оуян Хая»), а затем, с начала 1964 г. в еще более широких масштабах была развернута кампания «учиться у НОА». Эта кампания ставила целью военизировать весь партийно-политический аппарат и всю систему идейно-политической и организационной работы.

В 1964—1965 гг. Мао Цзэ-дун и его группа попытались насадить на предприятиях и в учреждениях систему политотделов, чтобы внедрить армейский стиль работы. К середине 1964 г. политотделы были созданы в промышленности, на транспорте, в торговле, финансовых органах. Их руководство назначалось вышестоящими партийными организациями и подчинялось политотделу при соответствующем отделе ЦК КПК. Кадры политотделов стремились подобрать из представителей армейских политработников, из числа сторонников Мао Цзэ-дуна. Одновременно с пропагандой военизации в 1963—1965 гг. развертывалась пропаганда культа Мао Цзэ-дуна. С конца 1965 г. начало распространяться «указание Линь Бяо о непосредственном значении изучения работ Председателя Мао». Согласно этому указанию, чтение и изучение той или иной работы Мао Цзэ-дуна дает немедленные практические результаты: устраняет неполадки в производстве, ведет к созданию новых образцов машин и механизмов, прокладывает путь к спортивным рекордам.

Однако Мао Цзэ-дуну и его группе не удалось в 1963—1965 гг. поставить партию и органы народной власти под свой жесткий контроль. Наступление на партию натолкнулось на серьезное противодействие китайских коммунистов. В области организационно-политической оно проявлялось главным образом в форме скрытого неподчинения маоистским установкам и указаниям, в стремлении всеми мерами спасти кадры партии, специалистов от чисток и ударов маоистской группировки. В центре и на местах коммунисты — ветераны революционной борьбы, партийная интеллигенция — пытались затормозить процесс «внедрения» маоистских идей и установок, привлечь внимание общественности к жизненно важным вопросам развития экономики и культуры Китая.

Чем больше выявлялась недейственность попыток Мао Цзэ-дуна и его группы превратить коммунистическую партию в послушное, военизированное орудие, тем откровеннее вырисовывалось их стремление сделать инструментом осуществления маоистских установок армию и политически незрелую молодежь.

Замысел разгромить существующий партийно-политический аппарат и заменить его, опираясь на армию и хунвэйбинов, послушной военизированной политической организацией, видимо, определился после того, как в конце 1965 г. резко обострился конфликт между группировкой Мао Цзэ-дуна и

реалистически мыслящими кадрами партии по вопросу о путях и методах экономического строительства и о внешнеполитическом курсе.

Внешняя политика КНР в 1961—1965 гг. характеризовалась все более открытой антисоветской направленностью. Свои идеологические разногласия с КПСС маоистское руководство планомерно распространяло на межгосударственные отношения. В 1961—1965 гг. КНР свела до минимума экономические, научно-технические и культурные связи с Советским Союзом. В китайской печати была развернута клеветническая антисоветская кампания. В начале 1965 г. пекинское руководство открыто предъявило территориальные претензии к СССР, заявив, что Советский Союз якобы «захватил у Китая около 1,5 млн. *кв. км* его территории». Одновременно пропагандировались претензии на поглощение территорий МНР и других стран. Систематический характер приобрели провокационные нарушения китайско-советской границы.

Вместе с тем пекинские лидеры усилили раскольническую деятельность в международном коммунистическом движении. В июле 1963 г. руководство КПК опубликовало документ под претенциозным названием «Предложения о генеральной линии международного коммунистического движения» («25 пунктов»). В «25 пунктах» была сделана попытка ревизовать основные положения марксистско-ленинской теории о руководящей роли пролетариата в мировом революционном процессе, противопоставить национально-освободительное движение мировой социалистической системе и рабочему движению в капиталистических странах, отказаться от установок, выработанных Московским совещанием коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. относительно характера современной эпохи, борьбы против идеологии и практики культа личности, методов революционной борьбы, связи между борьбой международного рабочего класса и национально-освободительным движением.

ЦК КПСС и Советское правительство все эти годы последовательно стремились к тому, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения советско-китайских отношений, найти пути к урегулированию имеющихся разногласий. Однако все позитивные акции с советской стороны неизменно отвергались маоистским руководством. В то же время КПСС давал решительный отпор наскокам маоистов на согласованную линию международного коммунистического движения.

Антисоветская кампания в Китае продолжала нарастать. В этих условиях американские империалисты усилили свою агрессию в Юго-Восточной Азии. Не случайно систематические бомбардировки территории ДРВ авиацией США начались через месяц после того, как мировая печать сообщила

об интервью Мао Цзэ-дуна американцу Э. Сноу в январе 1965 г., в котором он сказал, что «китайцы будут воевать лишь в том случае, если США нападут на Китай». Таким образом, от попыток столкнуть на поле брани СССР и США маоисты перешли к прямому попустительству империалистической агрессии. Мао Цзэ-дун и другие китайские лидеры заняли негативную позицию на встречах в феврале 1965 г. с советской правительственной делегацией, направлявшейся в ДРВ и КНДР и сделавшей остановку в Пекине. В марте была организована злобная антисоветская демонстрация перед зданием посольства СССР в Пекине. Усилилась антисоветская кампания в прессе. В опубликованной в ноябре 1965 г. в газете «Жэньминь жибао» антисоветской статье маоистская группа провозгласила задачу «политически и организационно размежеваться» с КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями.

К 1965 г. в руководящих органах КНР и КПК практически сложились две группировки, два центра, отношения между которыми становились все более напряженными. 1965 год проходил под знаком подготовки обеих группировок к возможным серьезным столкновениям. Лю Шао-ци и его сторонники, видимо, надеялись, что исход борьбы решится либо в результате естественного ухода Мао от политической деятельности, либо в результате персональных перемещений в руководстве партии и КНР.

Мао Цзэ-дун активно готовил к предстоящей борьбе армию. В мае 1965 г. в НОА были отменены воинские звания, усилилась личная зависимость офицерского корпуса от Военного совета ЦК КПК и от Линь Бяо. В китайской печати с 1965 г. все чаще стали появляться заявления об армии как об «основной опоре диктатуры пролетариата», как о «наиболее послушном орудии диктатуры».

Неудача попыток Мао Цзэ-дуна и его сторонников поставить партию под свой жесткий контроль, навязать свою схему организации, усиление борьбы в руководстве КПК по вопросам внутренней и внешней политики определили атмосферу, в которой вызревал маоистский замысел «культурной революции».

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» — РАЗРУШЕНИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАДСТРОЙКИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ (1965—1969 гг.)

Цели задуманной Мао Цзэ-дуном и его сообщниками так называемой культурной революции заключались в том, чтобы устранить из руководящих органов партии всех несогласных

с политикой Мао Цзэ-дуна, прежде всего сторонников решений VIII съезда КПК, насильственно насадить «маоцзэдуновские идеи», превратить партию, армию и все звенья государственного аппарата в орудие режима личной власти и осуществления великодержавного гегемонистского курса. В политическом и идеологическом плане одна из целей «культурной революции» заключалась в стремлении навязать партии и народу маоистскую схему развития Китая. Концепция «казарменного коммунизма» выражалась в призывах: «в промышленности учиться у дацинских нефтяников, в сельском хозяйстве — у дачжайской производственной бригады», «всей стране учиться у НОА», «усилить подготовку на случай войны и стихийных бедствий» и т. д.

Первые признаки «культурной революции» проявились в октябре 1965 г., когда Мао Цзэ-дун на рабочем совещании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК выдвинул требование развернуть политическую кампанию против У Ханя — автора исторической драмы «Разжалование Хай Жуя». Этот призыв встретил противодействие, оппоненты Мао Цзэ-дуна хорошо понимали, что за частным вопросом о критике У Ханя скрывается значительно более широкий замысел — поход против руководящих кадров, не согласных с Мао.

В начале ноября 1965 г. Мао Цзэ-дун уехал в Шанхай. В его отсутствие в Пекине под видом осуществления его требований Группа по делам культурной революции («группа пяти») при ЦК КПК во главе с Пэн Чжэнем в начале февраля 1966 г. подготовила свою инструкцию по проведению «культурной революции», которая от имени ЦК КПК была разослана на места. Авторы этого документа стремились перевести критику У Ханя в план научной дискуссии и тем самым свести на нет предполагаемую политическую кампанию. Такая позиция была расценена как прямой вызов самому Мао Цзэ-дуну.

Весной 1966 г. стали все более четко вырисовываться контуры маоистского плана наступления на партию, предусматривавшего поэтапный разгром противников Мао. Согласно этому плану, первый удар направлялся против столичного горкома партии во главе с Пэн Чжэнем и Отдела пропаганды ЦК КПК. 16 мая 1966 г. было принято «уведомление» ЦК КПК об отмене тезисов «группы пяти», о ее роспуске и создании Группы по делам культурной революции в новом составе. Вслед за этим развернулась широкая открытая кампания против Пэн Чжэня и пекинского горкома КПК, в которой верные Линь Бяо военные играли активную роль. Таким образом, «культурная революция» вступила в свою открытую фазу.

4 июня 1966 г. было опубликовано решение ЦК КПК о ре-

организации пекинского горкома и о назначении новых секретарей. Одновременно с этим происходила смена состава редакций пекинских газет и началось массовое закрытие газет и журналов в центре и на местах. Антимаоистская оппозиция тем самым лишалась основных средств агитации и пропаганды. В учебных заведениях столицы под руководством Группы по делам культурной революции развернулась подготовка будущих хунвэйбинов — «штурмовых отрядов» Мао Цзэ-дуна для наступления на партию; были прекращены занятия в школах и вузах и мобилизованы учащиеся. Важной мерой маоистского руководства в подготовке хунвэйбинов для наступления на партию был разгром центральных и местных руководящих органов китайского комсомола в середине июня 1966 г. Выступления учащейся молодежи против партии направлялись призывом Мао Цзэ-дуна бороться с «буржуазным перерождением» партийных руководителей, со «стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути», с обюрокрачиванием верхушки.

В ходе борьбы против парткомов и руководства вузов возник конфликт между хунвэйбинами и «рабочими группами», направленными по инициативе Лю Шао-ци и его сторонников в ЦК КПК в учебные заведения в начале июня. Антимаоистская оппозиция через «рабочие группы» стремилась поставить «культурную революцию» под свой контроль, подавить движение хунвэйбинов и предотвратить погром партийных органов. В ответ на это в конце июля последовал приказ Мао Цзэ-дуна отозвать из вузов «рабочие группы», которые затем были распущены.

Введя в Пекин новые воинские части и мобилизовав отряды столичных хунвэйбинов, Мао Цзэ-дун и его сторонники решили принудить ЦК КПК к признанию необходимости «культурной революции». С 1 по 12 августа 1966 г., четыре года спустя после X пленума, был проведен XI пленум ЦК Коммунистической партии Китая, в котором не участвовали многие члены ЦК, уже ставшие жертвами маоистских преследований.

Встретившись на пленуме с противодействием своей тактике некоторой части присутствовавших членов ЦК, маоисты предприняли попытку пресечь дальнейшую активизацию оппозиции. Мао Цзэ-дун 5 августа 1966 г. обнародовал свою дацзыбао (газета больших иероглифов) под названием «Огонь по штабам!», означавшую призыв к разгрому центральных и местных партийных органов, объявленных «буржуазными штабами».

Во внешней политике пленум принял курс на борьбу против Советского Союза и других социалистических стран. Пленум утвердил антисоветские мероприятия и выступления ма-

оистов в предшествовавшие годы и поставил задачу «четко отмежеваться» от КПСС и других марксистско-ленинских партий, «довести борьбу против них до конца»[10].

Документы пленума зафиксировали антисоветскую направленность «культурной революции», которой пленум уделил основное внимание. Решения XI пленума означали, что Мао Цзэ-дун и его сторонники узаконили от имени ЦК КПК широкое наступление на партию под флагом «культурной революции».

Вскоре после пленума Группе по делам культурной революции, возглавляемой Чэнь Бо-да и Цзян Цин, были присвоены чрезвычайные полномочия. ЦК КПК как высший руководящий орган практически перестал существовать.

Сразу же после пленума группа Мао Цзэ-дуна провела смотр своих ударных «штурмовых отрядов». С 18 августа по 26 ноября 1966 г. в Пекине было проведено восемь митингов, на которых присутствовало в общей сложности до 13 млн. хунвэйбинов. На митингах выступали Мао Цзэ-дун, Линь Бяо и другие китайские руководители, называвшие хунвэйбинов авангардом «культурной революции». Для организации погромов партийных органов на местах хунвэйбинам разрешили бесплатно разъезжать по стране, используя все виды транспорта. Из армейских складов им выдавалось обмундирование, предоставлялось бесплатное питание. Отряды хунвэйбинов действовали под защитой армии. Своим девизом хунвэйбины сделали слова Мао Цзэ-дуна «бунт — дело правое».

Бесчинства хунвэйбинов встретили сопротивление трудящихся, которые по призыву коммунистов защищали партийные комитеты, объявляли забастовки или даже вступали в сражение с погромщиками. Против погромов органов партии в декабре 1966 г. выступили такие видные партийные и государственные деятели, ветераны Коммунистической партии Китая, как Чжу Дэ, Хэ Лун и др. Демагогический характер тактики маоистов, мобилизовавших против партии под лозунгами «культурной революции» беспартийную молодежь, становился слишком очевидным.

В этих условиях группа Мао Цзэ-дуна попыталась расширить социальную базу «культурной революции». В ноябре—декабре 1966 г. маоистам удалось создать на промышленных предприятиях организации цзаофаней (бунтовщиков). В них входили преимущественно служащие, малоквалифицированные рабочие, ученики и так называемые «и рабочие, и крестьяне». Используя демагогию, маоисты сумели политически

---

[10] «Жэньминь жибао», 14.VIII.1966.

расколоть китайских трудящихся и привлечь в ряды цзаофаней наиболее отсталые слои.

С января 1967 г. Мао Цзэ-дун и его сторонники перевели «культурную революцию» в новую фазу — так называемого захвата власти, во время которого предполагалось полностью разгромить руководящие партийные органы в центре и на местах, народные комитеты — конституционные органы власти, массовые организации трудящихся (профсоюзы) и создать новые, маоистские органы власти. Роль застрельщиков на новом этапе отводилась цзаофаням, которые, по замыслу маоистов, должны были олицетворять «революционные массы рабочих, крестьян и служащих».

Как показали события, действия цзаофаней послужили ширмой для установления военного контроля в стране. В январе 1967 г. Мао Цзэ-дун на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК заявил: «В современной обстановке, в условиях исключительного обострения борьбы двух классов армия не может не вмешиваться, должна вмешиваться и поддерживать левые группировки». Под видом «поддержки левых» (т. е. цзаофаней) армия в январе—феврале 1967 г. установила военный контроль на фабриках, заводах, учреждениях в городах и над сельскохозяйственным производством в деревне. В самой армии проведение «культурной революции» было запрещено особым решением Военного совета ЦК КПК от 28 января 1967 г.

В конце января 1967 г. маоисты выдвинули задачу создания временных органов власти, названных «ревкомами». Маоисты включили в их состав представителей «революционных массовых организаций», «ответственных военнослужащих» и «революционных руководящих работников местных партийных и административных учреждений»; по замыслу и терминологии маоистов, «ревкомы» должны были стать «соединением трех сторон». «Идея» Мао Цзэ-дуна состояла в создании новой политической структуры общества, при которой партия, армия и народ были бы сцементированы шовинистической великоханьской идеей борьбы за превращение Китая в мировую державу, противостоящую системе социализма. В период «культурной революции» процесс «соединения трех сторон» предусматривал, по замыслу Мао Цзэ-дуна, длительную борьбу со всеми его противниками в партии, армии и народных массовых организациях, чистку партии во всех ее звеньях. Сформулированная в самом общем виде установка на «соединение трех сторон» давала Мао Цзэ-дуну и его сторонникам широкий простор для политического маневрирования, сталкивания различных сил для ослабления главных противников в определенные моменты «культурной революции».

С первых же дней борьбы за «захват власти» маоисты столкнулись с сопротивлением народных масс и здоровых сил партии. Январь 1967 г. был отмечен широким забастовочным движением в важнейших промышленных центрах страны. Наступление на партию, организационная ликвидация парткомов и всей структуры руководящих органов партии, массовые репрессии против кадровых работников обострили борьбу в руководстве партии. В феврале 1967 г. группа членов Политбюро ЦК потребовала реабилитации подвергшихся избиению партийных кадров и прекращения «культурной революции». Впоследствии эта тенденция была названа «февральским противотечением».

Весной и летом 1967 г. маоисты вновь усилили наступление хунвэйбинов и цзаофаней против партии. Чтобы ослабить и расколоть силы оппозиции на местах, а затем разгромить их, Мао Цзэ-дун и его сторонники начиная с апреля 1967 г. развернули широкую кампанию открытой критики Лю Шао-ци. Эта критика использовалась для нападок на организационные и идеологические принципы КПК, на решения и установки, принятые партией в те годы, когда она отвергала линию Мао Цзэ-дуна. Под прицелом маоистов оказалось отрицательное отношение здоровых сил партии к ускоренному кооперированию, к «большому скачку» и народным коммунам, к искусственному раздуванию «классовой борьбы» в условиях социалистического строительства. Постепенно критика стала направляться не только против Лю Шао-ци, но и против многочисленных партийных работников в центре и на местах. Газеты писали, что выступление против Лю Шао-ци должно сочетаться «с критикой горстки контрреволюционных ревизионистов в каждой организации, в каждом учреждении»[11].

Новое выступление маоистов против партии, усилившиеся нападки маоистов на представителей военного командования вызвали резкое обострение обстановки в стране. Одним из наиболее серьезных проявлений острой политической борьбы явились события в г. Ухане в июле 1967 г. Они показали, что определенная часть военного руководства недовольна «культурной революцией». Суть уханьских событий состояла в том, что 20 июня 1967 г. цзаофани из местной организации «Миллион героев» при поддержке военных арестовали и избили направленных из Пекина в Ухань видных деятелей маоистского руководства Се Фу-чжи и Ван Ли. Для подавления уханьского выступления пекинские власти перебросили авиадесантную часть, провели чистку руководства военного округа

---

[11] «Жэньминь жибао», 20.VII.1967.

га и организации цзаофаней. Положение в Уханьском военном округе не было исключением.

Обострение политической обстановки в стране, сопротивление антимаоистских сил, раскол и борьба в лагере самих маоистов, вооруженное выступление армии против «левых» создали к осени 1967 г. серьезную угрозу планам Мао Цзэ-дуна по учреждению «ревкомов» и продолжению «культурной революции».

Маоистское руководство вынуждено было перейти к новой тактике, предусматривавшей более широкие формы политического маневра. Существо тактического поворота маоистов состояло в том, чтобы приглушить борьбу «левых» и прекратить нападки на армию. В целях привлечения на свою сторону партийных кадров и рядовых членов партии, нейтрализации и раскола оппозиции Мао Цзэ-дун и его сторонники заявили о намерении возобновить деятельность партии и созвать в будущем очередной, IX съезд КПК. В октябре 1967 г. Мао Цзэ-дун дал указание вплотную приступить к реорганизации партии, начать массовую чистку. План Мао Цзэ-дуна по «восстановлению» партии нашел отражение в выступлении Се Фу-чжи на заседании пекинского «ревкома» (24 октября 1967 г.) и в документе группы Мао Цзэ-дуна от 27 ноября 1967 г. «Уведомление ЦК КПК по поводу опроса мнений о созыве IX съезда». Как откровенно заявил Се Фу-чжи, партийный съезд «должен облегчить реорганизацию и чистку партийных организаций», «согласовать» эти процессы с «новым Уставом партии», т. е. стать важным средством осуществления планов Мао Цзэ-дуна.

Основные моменты маоистского плана реорганизации партии, как видно из этих документов, состояли в пересмотре программы и Устава партии, принятых VIII съездом КПК, в подмене марксизма-ленинизма как теоретической основы КПК «идеями» Мао Цзэ-дуна. В «уведомлении» было выдвинуто требование «построить партию на основе идей Мао Цзэ-дуна, пересмотреть программу и Устав партии». По сообщению хунвэйбиновской печати, в декабре 1967 г., согласно указанию Мао Цзэ-дуна, была создана комиссия по составлению проекта нового Устава, руководство которой возлагалось на Группу по делам культурной революции. Ведущую роль в работе комиссии играли Чэнь Бо-да, Кан Шэн, Яо Вэнь-юань и Чжан Чунь-цяо.

Маоистский план предусматривал чистку партии от противников Мао Цзэ-дуна, объявленных «изменниками, шпионами, предателями, контрреволюционерами и ревизионистскими элементами». В выступлении Се Фу-чжи, в «уведомлении» речь шла о чистке до съезда и без санкции съезда членов ЦК, несогласных с политикой Мао Цзэ-дуна. В документе

подчеркивалось, что «вопрос должен стоять о принятии к ним мер и исключении их из партии», а не об их участии в работе съезда. Маоисты планировали массовый прием в партию цзаофаней и хунвэйбинов, т. е. всех тех, кто отличился в погроме организаций КПК в ходе «культурной революции», и, наконец, формирование верного и преданного лично Мао Цзэ-дуну руководства партии всех ступеней. С этой целью делегаты IX съезда должны были назначаться сверху. В состав ЦК, который будет образован съездом, говорилось в «уведомлении», должны войти «новые силы, которые проявили себя в ходе культурной революции». Таким образом, уже первые документы о подготовке IX съезда свидетельствовали о том, что маоисты взяли курс на создание, по существу, новой партии, с новой программой и Уставом, которая должна была стать главным средством осуществления «идей» и политики Мао Цзэ-дуна.

Осуществление плана по реорганизации партии с самого начала натолкнулось на серьезные препятствия. Цзаофани во многих случаях не довольствовались положением «контролеров», стремясь приобрести доминирующее влияние при воссоздании партийных организаций. В свою очередь, коммунисты нередко отвергали антипартийные по сути методы реорганизации партии, часто отказывались подчиняться цзаофаням.

Кадровые партийные и военные работники рассчитывали, что в ходе восстановления системы партийных органов им удастся закрепить свои позиции, ограничить притязания хунвэйбинов и цзаофаней, сохранить основной кадровый состав партии, пожертвовав небольшой группой видных политических фигур.

Активисты «культурной революции», стремившиеся занять решающие позиции в маоистской политической системе, встречали настойчивый отпор со стороны военных. Надеясь ликвидировать противодействие армии попыткам «левых» укрепиться в «ревкомах», Мао Цзэ-дун добился снятия ряда высших военных руководителей страны, и прежде всего Ян Чэн-у, одного из весьма близких тогда к Линь Бяо людей, исполняющего обязанности начальника генштаба НОА и одновременно главы системы партийных организаций в армии.

В апреле—мае 1968 г. маоисты усилили кампанию по «революционизации ревкомов» и «чистке классовых рядов», посредством которой они стремились добиться более надежного состава «ревкомов». «Чистка классовых рядов» привела к новому оживлению деятельности хунвэйбинов и цзаофаней. Усилившиеся за время своего существования, их организации создали региональные и отраслевые объединения, стали выдвигать собственные платформы, открыто отвергали указания

центра и местных «ревкомов», усиливали нападки на «ревкомы» и армию.

Маоистский центр сделал попытку стабилизировать положение в провинциях силами специальных войск центрального подчинения. 10 июня 1968 г. была разослана директива ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета ЦК КПК и Группы по делам культурной революции при ЦК КПК о введении в большие и провинциальные военные округа частей НОА. В директиве говорилось, что в районы, где уже созданы «ревкомы», «для их укрепления», а в районы, где еще не достигнуто «широкое объединение», для ускорения формирования «ревкомов» вводятся специальные войска, непосредственно подчиненные Военному совету ЦК КПК. На части центрального подчинения возлагалась задача изъять «в принудительном порядке» все оружие, захваченное у армии, арестовать и наказать «зачинщиков беспорядков и их наиболее упорных сторонников, уклоняющихся от сдачи оружия». Директива предписывала открывать огонь по тем, кто окажет вооруженное сопротивление, решительно пресекать действия тех, кто «продолжает чинить смуту и беспорядки и подстрекать массы к нападению на командиров и бойцов НОА».

«Чистка классовых рядов» и связанное с ней наступление цзаофаней и хунвэйбинов усилили недовольство как кадровых работников, так и военных деятелей на местах. Усиление хаоса, чреватого углублением политического раскола и дезорганизацией экономики, резкое недовольство армии вынудило Мао Цзэ-дуна и его окружение свернуть наступление «левых», убрать с политической арены хунвэйбинов и цзаофаней. 28 июля 1968 г. пекинские руководители во главе с Мао Цзэ-дуном устроили встречу с вожаками хунвэйбиновских организаций, на которой были даны новые указания о прекращении «борьбы с применением силы». Мао Цзэ-дун заявил, что эта борьба вызывает недовольство рабочих, крестьян, солдат, населения и «большинства учащихся», что хунвэйбины оторвались от них, что они не столько занимаются борьбой с «черной бандой», сколько междоусобными распрями. Для обоснования и оправдания ликвидации организаций хунвэйбинов и цзаофаней, использовавшихся маоистами в качестве ударной силы в 1966—1968 гг., был выдвинут тезис о создании и решающей роли так называемых рабочих агитбригад в учебных заведениях и в учреждениях, где имелись хунвэйбиновские и цзаофаневские организации. По указанию Мао Цзэ-дуна, обнародованному 15 августа 1968 г.[12], они создавались в вузах страны, а также во всех «прочих местах скопления интеллигенции». Костяк и руководство «рабочих

---

[12] «Жэньминь жибао», 15.VIII.1968.

агитбригад» составляли военные, занимавшиеся непосредственно их организацией, а также часть рабочих. С целью приглушить недовольство рабочих, фактически лишенных в ходе «культурной революции» политических и экономических прав, и одновременно замаскировать военно-полицейские мероприятия по подавлению хунвэйбинов и цзаофаней маоисты использовали демагогический лозунг «Рабочий класс должен руководить всем».

Решительная позиция армии обеспечила маоистам быстрое завершение формирования провинциальных «ревкомов» во всей стране. Армия и армейские кадры заняли господствующие позиции в политической жизни страны. Решающая роль в поддержании общественного порядка принадлежала специальным воинским частям, находившимся в непосредственном подчинении Военного совета ЦК КПК. Хотя командный и политический состав НОА подвергся значительной чистке, армия в целом оставалась единственной организованной силой, партийная система которой не была разрушена «культурной революцией». После удаления с политической арены хунвэйбинов и цзаофаней позиции армии, ее воздействие на формирование политической структуры страны усилились.

С созданием по всему Китаю «ревкомов» маоисты сосредоточили основное внимание на «упорядочении партии» и подготовке IX съезда КПК. Новую фазу в реализации планов группы Мао Цзэ-дуна в отношении партии открыл состоявшийся с 13 по 31 октября 1968 г. XII расширенный пленум ЦК КПК. Одной из главных задач пленума была легализация осуществленного в процессе «культурной революции» разгрома руководящих органов партии и народной власти. Пленум одобрил все «указания» Мао Цзэ-дуна и выступления Линь Бяо во время «культурной революции», деятельность Группы по делам культурной революции.

Пленум утвердил доклад по расследованию «преступлений» Лю Шао-ци, представленный Группой по расследованию специальных дел при ЦК КПК. Было объявлено, что Лю Шао-ци «навсегда исключается из партии» и отстраняется от всех постов не только внутри, но и вне партии. Пленум объявил о решении созвать IX съезд КПК «в подходящее время» и принял проект нового Устава КПК, который, однако, не был опубликован. Во внешнеполитической части коммюнике пленума проповедовался антисоветизм, содержался призыв к организации в мировом масштабе «широкого единого фронта» борьбы против «американского империализма и советского ревизионизма»[13].

XII пленум ЦК КПК, открывший подготовку к проведе-

---

[13] «Жэньминь жибао», 1.XI.1968.

нию IX съезда партии, дал новый толчок к внутриполитической борьбе в стране. Цзаофани и хунвэйбины, оттесненные на второй план при создании «ревкомов», надеялись вернуть свои позиции, добиваясь автоматического принятия их в партию, военные же и старые партийные кадры всячески стремились помешать этому.

В порядке подготовки к съезду в некоторых провинциях маоистами были проведены партийные конференции. Такие конференции в ноябре 1968 г. состоялись в девяти провинциях: Гуандуне, Гуйчжоу, Хунани, Хэнани, Юньнани, Хубэе, Сычуани, Чжэцзяне и Шаньдуне. Маоистское руководство, по-видимому, стремилось выявить, насколько им обеспечена поддержка партийных кадров на местах.

Кроме того, в сельских местностях, районах, в местах содержания заключенных были учреждены так называемые школы 7 мая [14], где большинство партийных кадров должно было пройти «проверку и перевоспитание» в принудительном порядке. Сроки содержания кадровых работников в этих «школах» устанавливались от нескольких месяцев до многих лет — в зависимости от того, к какой категории он был отнесен.

В декабре 1968 г. маоисты вынуждены были сделать дальнейший шаг в пресечении деятельности хунвэйбинов. 22 декабря 1968 г. «Жэньминь жибао» сообщила об очередном «новейшем указании» Мао Цзэ-дуна: «Крайне необходимо грамотной молодежи направиться в деревню для перевоспитания». По самым скромным подсчетам, за зиму 1968—1969 гг. из городов было выселено не менее 10 млн. человек.

Новогодние передовые статьи «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» от 31 декабря 1968 г. содержали еще одно «новейшее указание» Мао Цзэ-дуна: «сократить сферу удара, расширить сферу воспитания», «своевременно освобождать» тех, кто «осознал» свои прегрешения. Это указание свидетельствовало о том, что в условиях ослабления позиций «левых», возрастания роли армии и местных военных деятелей Мао Цзэ-дун и его окружение стремились привлечь на свою сторону и подчинить своему влиянию часть партийных кадров, чтобы создать известный противовес военным во вновь создаваемой партии. Накануне приближающегося съезда обострилась также борьба различных сил в руководстве партии.

IX съезд КПК, состоявшийся в Пекине в апреле 1969 г., оправдал и узаконил разгром в ходе «культурной револю-

---

[14] Название школ отражало маоистскую идею «перевоспитания» кадровых работников партии в духе установок, изложенных в письме Мао Цзэ-дуна к Линь Бяо от 7 мая 1966 г.

ции» руководящих органов партии и народной власти, отстранение от руководства страной представителей, выступавших против курса Мао Цзэ-дуна. Съезд утвердил в качестве идейных, теоретических и организационных основ партии маоизм, враждебную марксизму-ленинизму реакционную политическую доктрину Мао Цзэ-дуна. Борьба с Советским Союзом и другими странами социализма была провозглашена в качестве одной из коренных задач китайского государства (см. разд. «Съезды КПК»).

Как указывали в 1969 г. на международном Совещании коммунистических и рабочих партий представители КПСС и других братских партий, IX съезд создал новую ситуацию, которая оказывает серьезное отрицательное воздействие на всю мировую обстановку и условия борьбы антиимпериалистических сил.

КНР ПОСЛЕ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ». УГЛУБЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ (1969—1973 гг.)

«Культурная революция» ввергла страну в состояние глубокого политического кризиса, замедлила экономическое развитие КНР. Вследствие этого Китай и на 25-м году существования Народной Республики продолжает оставаться аграрной страной со слаборазвитой промышленностью. В 1971 г. Китайская Народная Республика, население которой составляет около $^{1}/_{5}$ населения земного шара, производит менее 4% мировой промышленной продукции, и в частности электроэнергии — 1,4%, нефти — 1, стали — 3,6, автомобилей — 0,18% общемирового производства.

Сельское хозяйство, в котором занято около 650 млн. человек, развивается крайне медленно. Быстрый прирост населения, составляющего в 1973 г., по различным оценкам, около 800 млн., при нынешних темпах сельскохозяйственного производства означает прогрессирующее снижение производства и потребления на душу населения. Если в 1957 г. производство зерна на душу населения составляло 286 *кг*, то в 1972 г. оно снизилось до 260 *кг*.

Вследствие отставания в развитии экономики удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся хронически остается на чрезвычайно низком уровне.

Подчинение народного хозяйства целям максимального наращивания военной мощи ради осуществления экспансионистской политики привело к тому, что государственная и кооперативная собственность используется не в интересах трудящихся. Развитие экономики утрачивает общественное,

социалистическое содержание и создает угрозу дальнейшей деформации экономического базиса китайского общества.

В результате «культурной революции» политическая власть в Китае была сосредоточена в руках небольшой военно-бюрократической группировки Мао Цзэ-дуна. Главной опорой нынешнего режима остается армия, являющаяся наиболее влиятельной политической силой, поставщиком руководящих кадров в партийный и государственный аппараты.

Характерно, что после IX съезда КПК, особенно до 1972 г., произошло дальнейшее усиление во всей структуре маоистских органов партии и административного аппарата роли и влияния армии. В провинциальных партийных комитетах, вновь сформированных в 1970—1971 гг., военные составили подавляющее большинство. Во многих провинциях, городах, уездах и т. д. командиры или политкомиссары расквартированных в них воинских частей возглавили одновременно комитеты партии. Военные были назначены на многие ответственные посты в аппарате Госсовета, возглавили министерство внешней торговли, сельского и лесного хозяйства, энергетики, водного хозяйства.

Захват военными деятелями доминирующего положения в общественной жизни страны резко обострил борьбу различных фракций маоистов в правящей верхушке. Соперничавшие группы «прагматиков» во главе с Чжоу Энь-лаем и ультрамаоистских деятелей во главе с Кан Шэном и Цзян Цин (жена Мао Цзэ-дуна) объединились перед угрозой установления сторонниками Линь Бяо полного контроля над органами власти в стране. В результате в сентябре 1971 г. была устранена группировка Линь Бяо. Падение Линь Бяо и других влиятельных деятелей привело в целом к ослаблению позиций военных и временному прекращению существования единой военной группы в руководящей верхушке КНР и в то время значительно усилило борьбу за контроль над армией.

С конца 1971 г. блок представителей ультрамаоистского крыла и «прагматиков» упорно стремился изменить в свою пользу соотношение сил в центральных и местных органах партии, с тем чтобы превратить ее в массовый организационный противовес армии и средство контроля над военными. В частности, этой цели служит политическая кампания «критика Линь Бяо, упорядочение стиля», развернутая маоистами во второй половине 1971 г. и продолжающаяся в настоящее время. Важным средством укрепления позиций этих группировок маоистов, особенно фракции Цзян Цин, было оживление под руководством маоистов деятельности комсомола, профсоюзов, женских организаций, организаций бедняков и низших середняков.

Состоявшийся в августе 1973 г. X съезд КПК привел к усилению позиций радикально-маоистских сил в высших руководящих органах партии (ЦК КПК, Политбюро ЦК). Эти политические силы, опираясь на кадры активистов «культурной революции», пытаются захватить руководство в провинциях. Осуществленное в декабре 1973 г. перемещение командующих многих больших военных округов, сопровождающееся фактически отстранением их от руководства провинциальными парткомами,— важный шаг группировки Мао Цзэ-дуна в установлении контроля над местными партийными организациями.

Представители армейского командования, в свою очередь, стремились сохранить свои позиции в КПК. Они заинтересованы в функционировании партии, которая, находясь под их контролем, служила бы рычагом управления и руководства экономикой, гражданским строительством, регулированием социальных отношений в стране и т. д.

Маоисты, проводя «упорядочение и строительство партии», испытывали постоянный страх перед тем, что даже эта новая партия станет центром консолидации антимаоистских сил. Отсюда постоянные чистки, перетряхивания едва организованных партийных комитетов провинциального и уездного звена. Маоистская пропаганда постоянно заявляла о необходимости укрепления «единого руководства партии», т. е. прежде всего усиления авторитета лично Мао Цзэ-дуна. Подчеркивая важность установки Мао «партия руководит всем» и требуя ее осуществления на практике, маоисты рассчитывали тем самым в первую очередь усилить влияние партийных органов на армию, поскольку армейские руководители, как заявляет пекинская пропаганда, должны чувствовать себя «членами одной бригады» (т. е. руководства парткома) наравне с кадровыми работниками и представителями «революционных масс». Однако воссоздание партии практически ничего не меняло в нынешнем механизме политической власти, имя партии и ее авторитет использовались для прикрытия существующего военно-бюрократического режима и его укрепления.

Государственное строительство КНР также поставлено на службу делу укрепления военно-бюрократического режима. Население Китая, по существу, находится в бесправном положении — Конституция КНР, принятая в 1954 г., фактически растоптана, разогнаны конституционные органы власти— собрания народных представителей. Высший законодательный орган КНР — Всекитайское собрание народных представителей — не собиралось более восьми лет. Оставались вакантными ряд важных государственных постов, в том числе такие, как пост министра обороны и др. Не было назначено

ни одного нового заместителя премьера Госсовета. Следует отметить, что нынешнее правительство КНР вот уже почти десять лет работало без конституционного мандата. В органах государственного управления все еще продолжается кампания «борьбы, критики и преобразований». Многие министерства и ведомства находились в неопределенном состоянии, поскольку процесс перестройки госаппарата (особенно центральных ведомств) не был завершен. Из 80 центральных учреждений (40 министерств, 9 комитетов, 23 управления, 7 канцелярий и секретариат), входивших в Госсовет до «культурной революции», к середине 1973 г. функционировало 42 (некоторые министерства были объединены), однако только в 19 из них имелись главы этих ведомств.

Таким образом, маоистам длительное время не удавалось полностью создать новую политическую структуру власти. Главным препятствием этому, как показали события, являлась непрекращающаяся борьба в правящей верхушке, которая имела тенденцию к дальнейшему обострению.

В результате «культурной революции» открылся новый этап в реализации шовинистического курса группы Мао Цзэдуна на международной арене. В целом существо курса маоистов осталось неизменным, хотя и появились отдельные новые моменты. Еще более открыто выявилось стремление Пекина к сближению на основе антисоветизма и демонстрации враждебности к большинству стран социалистического содружества с рядом крупнейших империалистических стран.

Объявление антисоветизма одной из главных задач маоистского руководства, организация новой серии вооруженных провокаций на советско-китайской границе определили перелом в политике правящих кругов ряда крупнейших империалистических стран в отношении Пекина, усилили их интерес к установлению более широких контактов с КНР как по линии экономических, так и по линии межгосударственных связей.

В конце 1970 — начале 1971 г. наметился поворот в позиции правящих кругов США в вопросе признания КНР и ее прав в ООН. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1971 г. делегация США после 20 лет упорного противодействия требованиям Советского Союза и других стран признать законные права Китая выступила в поддержку резолюции о принятии КНР в ООН. Такое изменение политики правящих кругов империалистических держав является попыткой сделать отношения с Китаем важным элементом в их новой стратегии борьбы против мирового социализма, международного коммунистического и национально-освободительного движения. Великодержавно-шовинистическая политика маоистов, рассчитанная на использование противоре-

чий между социализмом и империализмом в своих националистических целях, фактически способствует этим планам империалистов.

В борьбе за превращение в «особый», «третий» мировой центр Пекин стремится резервировать и прежние направления своей политики — планы блокирования на антисоветской основе с капиталистическими странами.

Рассчитывая создать почву для сближения с этими странами, демонстрируя свое противостояние политике социалистических стран по всем линиям, маоисты выступают против совещания по вопросам европейской безопасности, против предложений о сокращении и ограничении вооружений, о создании системы коллективной безопасности в Азии, попрежнему проводят политику разжигания и использования очагов напряженности на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии.

Не оставляет Пекин и попыток стать во главе стран «третьего мира». С этой же целью он использует формулу, лишенную классового содержания и адресованную правящим кругам «малых» и «средних» стран, о борьбе против «двух сверхдержав».

Не отказываясь, во всяком случае на словах, от поддержки национально-освободительных движений, пекинское руководство держит курс на укрепление межгосударственных отношений с странами «третьего мира», не гнушаясь контактов с реакционными и открыто антикоммунистическими режимами типа чилийской хунты.

От объявлений ООН «инструментом империалистической и неоколониалистской политики» и попыток противопоставления ей «организации борющихся наций» пекинские руководители перешли к иной политике. Целью своего вступления в ООН маоисты объявили стремление использовать ее трибуну для защиты якобы интересов развивающихся стран. Однако их выступления против предложений о разоружении, клеветнические нападки на политику Советского Союза и других социалистических стран показали всему миру истинную цену деклараций Пекина.

Пекинские лидеры продолжают раскольническую политику в отношении социалистического лагеря, пытаясь «совершенствовать» свою тактику «дифференцированного подхода».

Вынужденные считаться с позицией марксистско-ленинских партий на международном Совещании 1969 г., с решительной позицией Советского Союза в период вооруженных конфликтов на советско-китайской границе, маоисты пошли на переговоры по пограничным вопросам, предложенные правительством СССР. Однако продолжающиеся более четырех

лет переговоры по вине китайской стороны до сих пор не дали положительных результатов. Китайское руководство отвергло все конструктивные предложения Советского правительства о мерах нормализации отношений между двумя странами, и в частности, предложение СССР от 8 июля 1970 г. об обмене декларациями о взаимном ненападении, от 15 января 1971 г.— о заключении договора о неприменении силы в отношениях между СССР и КНР, включая обычное, ракетное и ядерное оружие, от июня 1973 г.— о заключении договора о ненападении между СССР и КНР.

В целом внешнеполитический курс Пекина в начале 70-х годов еще раз подтвердил правильность оценки, данной в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий: «Внешняя политика Китая фактически порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание» [15].

X съезд КПК вновь подтвердил антисоциалистическую сущность внутренней и внешней политики китайского руководства.

С точки зрения внутренних проблем Китая X съезд КПК лишь продолжил линию IX съезда и те тактические отступления, которые маоисты вынуждены были сделать после «дела Линь Бяо», сосредоточив главное внимание на ослаблении напряженности в обществе, вызванной «сентябрьскими событиями» 1971 г. Именно поэтому «дело Линь Бяо» и формирование нового руководства стали центральным вопросом съезда. Однако в опубликованных материалах съезда, кроме бранных слов и ярлыков, не содержится ничего такого, что давало хотя бы намек на подлинную суть «сентябрьских событий».

Съезд подтвердил тезис о том, что «партия должна руководить всем», который стал настойчиво пропагандироваться после сентября 1971 г. Речь, разумеется, идет о руководстве маоистской партии, главные руководящие звенья которой стремятся взять в свои руки «левые» и с помощью партии укрепить свое положение в стране, и прежде всего усилить влияние в армии. «Руководящая роль партии» — это руководящая роль маоистской группировки, которая перетряхнула партию и влила в нее огромную массу хунвэйбинов и других «активистов культурной революции».

В области внешней политики X съезд подтвердил курс маоистов на борьбу против Советского Союза и других социалистических стран, на противодействие разрядке между-

---

[15] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г., М., 1969, стр. 71.

народной напряженности и мирным инициативам социалистического содружества. Международная обстановка в целом рассматривается в документах съезда под углом зрения маоистского тезиса о неизбежности мировой войны, и прежде всего обострения борьбы между СССР и США.

Характер процессов, происходящих в КНР, и принципиальная позиция КПСС и всего советского народа в отношении КНР и политики маоистов нашли концентрированное выражение в Резолюции XXIV съезда по Отчетному докладу ЦК КПСС. Съезд указал, что «в условиях, когда китайские руководители выступают со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой, направленной на борьбу против социалистических стран, на раскол международного коммунистического и всего антиимпериалистического движения», единственно правильной позицией является позиция «последовательного отстаивания принципов марксизма-ленинизма, всемерного укрепления единства мирового коммунистического движения, защиты интересов социалистической Родины» [16].

Продолжая принципиальную борьбу против антиленинской идеологии и практики маоистов, КПСС и Советское правительство, как подчеркнул XXIV съезд, выступают в то же время за нормализацию отношений между СССР и КНР, за восстановление добрососедских отношений и дружбы между советским и китайским народами. «Улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой,— говорится в Резолюции XXIV съезда КПСС,— отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих стран — интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма» [17].

---

[16] Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 192.
[17] Там же.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Образование КНР, установление тесных дружеских отношений с Советским Союзом и принятие научно обоснованной генеральной линии КПК имели определяющее значение в переходе Китая на социалистический путь развития. В истории КНР довольно четко выделяются два периода, два различных направления экономической политики.

В период с 1949 по 1957 г. осуществлялась политика, по преимуществу отражавшая точку зрения социалистических сил, зафиксированную в генеральной линии КПК в переходный период. После 1957 г. начался период, основным содержанием которого является отказ от прежней линии социалистического строительства и переход на рельсы «особого курса», на путь авантюристического, волюнтаристского экспериментирования в экономическом строительстве, подчинения этого строительства национал-шовинистическим устремлениям китайского руководства.

В конкретных условиях внутренней и международной обстановки, сложившейся в 50-х годах, Мао Цзэ-дун и его сторонники были вынуждены согласиться с генеральной линией партии, которая предусматривала одновременное и постепенное решение основных задач переходного периода в течение довольно длительного времени — осуществление социалистической индустриализации и социалистических преобразований, создание материально-технической базы социализма и утверждение социалистических производственных отношений. В 1949—1957 гг. Китай встал на путь социалистического строительства. Этот период в общих чертах характеризуется переходом Китая на социалистические рельсы, созданием в стране первоначальных, основных элементов социалистического базиса, становлением в целом социалистических производственных отношений, появлением многих существенных институтов социалистической надстройки.

VIII съезд КПК в 1956 г., подтвердив генеральную линию партии в переходный период, наметил конкретную экономическую программу развития на вторую пятилетку (1958 — 1962). Второй пятилетний план предусматривал довольно

высокие темпы развития народного хозяйства, особенно промышленности, и в целом обеспечивал стабильное поступательное развитие экономики по пути индустриализации страны и дальнейшее упрочение материальных основ социализма.

В 1957 г. группировка в руководстве во главе с Мао Цзэ-дуном развернула широкое наступление на генеральную линию. Итогом этого наступления была вторая сессия VIII съезда КПК в мае 1958 г., перечеркнувшая генеральную линию и решения съезда. В дальнейшем сначала был до неузнаваемости деформирован, а затем и вовсе отброшен принятый в 1956 г. второй пятилетний план развития народного хозяйства. На смену пришли курс «большого скачка», «народных коммун», бесплановость и дезорганизация всей хозяйственной жизни страны.

Провал «большого скачка» и «народных коммун» привел к экономическому и политическому кризису, в результате которого экономика страны была отброшена на несколько лет назад. Руководство народным хозяйством перешло к представителям группировки более «умеренных» китайских руководителей.

В течение 1961—1965 гг., получивших название периода «урегулирования», экономическая политика китайского руководства имела весьма противоречивый характер. С одной стороны, эта политика включала в себя некоторые вынужденные мероприятия, вызванные провалом «большого скачка», и поиски путей и методов повышения эффективности народного хозяйства, с другой — она содержала, особенно к концу периода «урегулирования», попытки направить экономическое развитие Китая в русло милитаризации, подчинить это развитие требованиям «особого курса» китайского руководства. Мероприятия по «урегулированию» были частичным возвратом к методам ведения и организации народного хозяйства, характерным для периода первой пятилетки. Они позволили стабилизировать и в значительной степени восстановить подорванное «большим скачком» народное хозяйство.

Экономическая политика, проводившаяся в годы «урегулирования», была отвергнута в период «культурной революции» без замены ее какой-либо другой ясной экономической программой. Ни XII пленум ЦК КПК в 1968 г., ни IX съезд в 1969 г., ни X съезд в 1973 г. не ставили вопросов экономического строительства, не обсуждали путей и методов решения наиболее острых народнохозяйственных задач, перспектив дальнейшего экономического развития страны.

Уже более полутора десятка лет у китайского руководства не существует научно обоснованной экономической про-

граммы, направленной на строительство социализма. Более того, за эти годы стало ясно, что цели, которым китайское руководство подчиняет экономическое развитие страны, далеки от строительства социализма. Важнейшее принципиальное отличие экономической политики маоистского руководства от генеральной линии КПК 1952 г. состоит в подмене главной цели — построения социализма в Китае — гегемонистскими и великодержавно-шовинистическими устремлениями этого руководства, стремлением к созданию «великого и мощного Китая» через милитаризацию, наращивание военно-экономического потенциала, усиление военно-бюрократической диктатуры.

Основными, определяющими моментами этой политики являются:

— Милитаризация экономики и общественной жизни страны. Централизация усилий и средств везде, где это касается военно-экономического потенциала государства. Использование всех доступных ресурсов прежде всего для роста военной мощи. Уродливое, однобокое развитие современной индустрии преимущественно только в тех отраслях, которые входят в военно-промышленный комплекс или тесно с ним связаны.

— Отказ государства от централизованных мероприятий, направленных на развитие отраслей экономики общегражданского назначения. Установка на «самообеспечение», «саморазвитие», «опору на собственные силы» как в масштабах отдельных отраслей, так и в рамках замкнутых административно-хозяйственных образований полунатурального типа, и при этом — максимальное изъятие прибавочного продукта из промышленности и сельского хозяйства этих образований в пользу военно-промышленного комплекса. Экстенсивное развитие мелкого производства, консервация низкого уровня развития производительных сил там, где это связано с удовлетворением повседневных производственных и жизненных потребностей населения.

— Нещадная эксплуатация государством трудовых ресурсов страны, неквалифицированного ручного труда. Военизация труда и жизни населения. Полупринудительный и даже принудительный труд в ходе «массовых кампаний» и «движений». Консервация бедности и низкого жизненного уровня китайских трудящихся.

— Административно-волевой подход к решению хозяйственных вопросов. Резкое сужение сферы применения экономических методов воздействия на развитие народного хозяйства. Авантюризм в планировании.

Вследствие осуществления этой экономической политики в Китае в основном уже сложились и все более обособляют-

ся один от другого два сектора в народном хозяйстве: военный и гражданский.

Отсутствие ясно и четко сформулированной экономической политики, ее целей, важнейших задач, путей и методов их решения в течение многих лет китайское руководство пытается компенсировать пропагандой ряда «установок», «курсов» и лозунгов, выдаваемых за «разработку» и «теоретическое обоснование» экономической политики. К их числу прежде всего относятся такие «установки», как «больше, быстрее, лучше, экономнее», «сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила», «опора на собственные силы», «идти на двух ногах» и т. д., пропагандирующиеся уже второй десяток лет. При этом трактовка этих «установок» и лозунгов сторонниками и противниками Мао Цзэ-дуна в ходе борьбы внутри китайского руководства была иногда прямо противоположной, что лишний раз свидетельствует об их непригодности в качестве устойчивых долговременных ориентиров в экономическом строительстве.

После IX съезда КПК «великим стратегическим курсом» Мао Цзэ-дуна был назван лозунг «Готовиться к войне, к стихийным бедствиям», который затем был дополнен словами «готовиться к голоду», «глубже рыть убежища, больше запасать зерна». Этот «великий стратегический курс» пропагандируется и сегодня, причем все тяготы подобной «подготовки» опять-таки взваливаются на плечи трудящихся. X съезд, подтвердив прежние лозунги, охарактеризовал Китай как экономически бедную, развивающуюся страну и не дал никаких «рецептов» экономического развития и преодоления бедности, кроме новых призывов к «упорному труду» и материальным лишениям, развертыванию «массовых движений» и ориентации на такие «образцовые ячейки» маоистского социально-экономического государственного устройства, как «Дацин» и «Дачжай».

И сегодня маоистское руководство, заговаривая об экономическом строительстве, как и прежде, не показывает своему народу никаких перспектив на улучшение его положения, обещая лишь войны, материальные лишения, тяжкий труд и бедствия.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Начало широкому и повсеместному внедрению насильственно-административных методов руководства и военизации общественной жизни в КНР было положено в 1958 г. в связи с проведением группой Мао Цзэ-дуна особого политиче-

ского курса, который ей удалось навязать КПК и китайскому народу.

Главная цель Мао Цзэ-дуна заключалась в форсированном создании милитаристского государства на сугубо великоханьской, шовинистической основе. Для ускорения темпов военно-экономического развития была проведена тотальная мобилизация людских и материальных ресурсов, созданы своеобразные трудовые армии, которые широко использовались для добычи полезных ископаемых, выплавки кустарными методами чугуна и стали, на ирригационных работах, дорожном строительстве. «Народные коммуны», куда согнали сотни миллионов крестьян, создавались как военизированные трудовые организации. Члены этих «коммун» распределялись по полкам, батальонам, ротам и взводам и должны были вести коллективный образ жизни на основе казарменной дисциплины. Вся страна, по существу, была превращена в военный лагерь. Не случайно в то время пропагандировался лозунг «Весь народ — солдаты».

Во второй половине 60-х годов, особенно в период «культурной революции», процесс милитаризации общественно-экономической жизни усилился. В годы «культурной революции» Мао Цзэ-дун широко использовал армию в борьбе за власть. IX съезд КПК узаконил установление режима военно-бюрократической диктатуры. II пленум ЦК КПК девятого созыва (сентябрь 1970 г.) потребовал, чтобы «Народно-освободительная армия Китая, широкие массы народных ополченцев и весь народ еще более усилили подготовку к войне в идейном, материальном и организационном отношениях».

После IX съезда КПК в стране особенно интенсивно происходил процесс милитаризации и нагнетания военной истерии. Газета «Жэньминь жибао» подчеркивала: «Мы ни на один день не должны забывать о подготовке на случай войны... Нам не только нужна могучая регулярная армия, нам необходимо широко создавать народное ополчение» [1].

Китайская пропаганда утверждает, что «надлежащая подготовка на случай войны — это важный аспект выполнения основной линии партии в период социализма и задача на длительное время». В начале 1973 г. в стране стало широко распространяться указание Мао Цзэ-дуна: «Глубже рыть убежища, больше запасать зерна». Уже много лет китайские руководители пугают свой народ «угрозой с Севера», ссылаясь «на концентрацию советских войск» вдоль советско-китайской границы. О мифической угрозе «внезапного нападения» на Китай со стороны Советского Союза говорилось на X съезде КПК.

---

[1] «Жэньминь жибао», 1.VII.1971.

Милитаризм в КНР представляет собой реакционную систему, призванную путем военного принуждения и насилия обеспечить группировке Мао Цзэ-дуна политическую власть в стране и создать благоприятные внутренние условия для осуществления ею великодержавно-шовинистических гегемонистских замыслов на международной арене.

Одно из важнейших проявлений милитаризма в современном Китае — чрезмерное усиление роли вооруженных сил во всей общественно-экономической жизни страны. Уже после провала «большого скачка» Мао Цзэ-дун и его окружение, стремясь восстановить свое прежнее влияние, были вынуждены искать поддержку у военного руководства.

В период «культурной революции» маоисты использовали армию для подавления сопротивления не только своих политических противников, но и широких народных масс. Опора на военных в обстановке разгрома конституционных органов власти и партийных комитетов на местах привела к укреплению власти армии на всех уровнях политического, идеологического и экономического руководства обществом. Армия была объявлена «основным орудием диктатуры пролетариата», «главной составной частью аппарата государства» и, как писала китайская печать, должна была представлять собой «не только вооруженную силу, но и политическую, идеологическую, производственную и воспитательную силу». Маоисты использовали армию для жесткого военного надзора как в городе, так и в деревне. На военных возлагалась обязанность «участвовать в работе по оказанию поддержки промышленности, сельскому хозяйству и широким массам левых, по осуществлению военного контроля и военно-политического обучения».

В эти годы военные взяли под свой контроль промышленные и транспортные предприятия, «народные коммуны», учреждения, министерства и ведомства, учебные заведения и т. д. Немало промышленных предприятий было военизировано. На многих заводах и фабриках вместо цехов, участков и бригад были созданы роты, взводы, отделения, введена военная дисциплина. Представители армии и «ревкомы», используя различные методы принуждения, пытались добиться укрепления производственной дисциплины, роста промышленного производства, снижения себестоимости и улучшения качества продукции.

В деревню в период посевных работ и сбора урожая в «коммуны» и производственные бригады направлялись специальные военные отряды «поддержки сельского хозяйства», призванные стимулировать у крестьян трудовой подъем, а также следить за правильным распределением продуктов. Сообщалось, например, что только из войск пекинского гар-

низона весной 1969 г. в 7400 больших производственных бригад направлено больше 110 тыс. командиров и солдат, что военные отряды подавляли недовольство крестьян[2].

В результате роль армии во всех областях общественно-экономической жизни усилилась настолько, что Мао Цзэ-дун и его окружение увидели в этом реальную угрозу своей собственной власти. Маоисты стали принимать меры, направленные на некоторое ослабление роли армии и упрочение своей власти. В сентябре 1971 г. были смещены с поста Линь Бяо и ряд военных руководителей, что нанесло удар по части высшего военного руководства. Видимо, как создание известного противовеса армии надо рассматривать активизацию работы маоистов в ополчении, в частности, создание и укрепление подразделений народных ополченцев в городах. Ныне народное ополчение объявлено «основной опорой диктатуры пролетариата и залогом победы в антиагрессивной войне». В период «культурной революции» подобное утверждение применялось по отношению к армии.

Между тем, армия все еще остается наиболее организованной и влиятельной политической силой в стране. Военные составляют значительную часть в ЦК КПК и занимают многие важные посты в центральном правительственном аппарате. Очень сильно влияние военных в провинциях и автономных районах. Из числа военных рекрутируются руководящие кадры для различных партийных и административных органов.

Одно из важнейших проявлений милитаризма состоит в постоянном росте военных расходов, идущих на содержание и увеличение армии, производство вооружения, развитие военной экономики. По официальным китайским данным, в 1957 г. на военные нужды было израсходовано 5,5 млрд. юаней[3], в 1970 г., по оценке специалистов,— около 20 млрд. юаней и в 1973 г.— более 20 млрд. юаней. Если в 1957 г. на долю военного сектора приходилось менее $^1/_5$ всех расходов по госбюджету, то в последние годы — свыше $^1/_3$. Характерно, что Китай, занимая по размеру национального дохода на душу населения одно из последних мест в мире, опережает подавляющее большинство стран по абсолютной величине военных расходов.

Как отмечает иностранная печать, милитаризация экономики и гонка вооружений болезненно отражаются на китайской экономике. Газета «Вашингтон Пост» 15 января 1973 г. писала: «В настоящее время все развитие китайской экономики нарушается абсолютным и полным приоритетом, кото-

---

[2] «Жэньминь жибао», 12.VI.1971.

[3] Великое десятилетие (Вэйдады шинянь), Пекин, 1959, стр. 21.

рый предоставляется национальной обороне... Приоритет в отношении использования всех промышленных ресурсов — от стали до станков — предоставляется самолетостроению, производству ракет, боеприпасов и всему прочему, что связано с вооруженными силами Китая».

Нынешнее китайское руководство искусственно разделяет экономику на два в значительной степени обособленных сектора: военный и гражданский. Первый сектор строится на вполне современной индустриальной основе и находится на особом положении с точки зрения обеспечения материальными и финансовыми ресурсами, квалифицированными кадрами. Второй сектор, включающий производство предметов широкого потребления и продовольствия, обслуживающий сельское хозяйство и другие гражданские отрасли, преимущественно базируется на примитивной технике и ручном труде. В соответствии с принципом «опоры на собственные силы» этот сектор в значительной степени находится на самообеспечении, использует скудные местные ресурсы. Из-за перебоев в материально-техническом снабжении, нехватки средств дальнейшее развитие гражданского сектора экономики сильно затруднено.

В последние годы финансирование армии и развитие военного сектора экономики все больше осуществляется за счет жизненных нужд китайского народа, что приводит к систематическому снижению доли фонда потребления в национальном доходе: с 78% в 1957 г. до 77% в 1965 г. и 73% в 1970 г. (по нашей оценке). Вместе с тем в самом фонде потребления непрерывно возрастает доля средств, расходуемых на содержание военнослужащих; заработная плата китайского рабочего в последние годы стала ниже, чем в конце первой пятилетки.

Следствие непрерывного роста военных расходов — «экономия» государственных ассигнований на здравоохранение и расходы на социально-культурные мероприятия. Результатом этого, в частности, являются отказ от государственного финансирования школ начального образования, которые теперь содержатся на средства предприятий, «коммун», производственных бригад, уличных комитетов; почти полное прекращение жилищного строительства по государственному бюджету.

Форсируя развитие военной промышленности, маоисты уделяют главное внимание соответствующим отраслям тяжелой промышленности, осуществляют гонку вооружений. При этом особое значение придается развитию атомной и ракетной промышленности и исследованиям в данных областях. Так, по подсчетам американского экономиста Чжэн Чжуюаня, объем производства военной продукции 1965 г. удвоил-

ся по сравнению с 1961 г.[4]. В последующие годы происходило ускорение и дальнейшее развитие этого процесса. Несмотря на протесты мировой общественности, Китай систематически проводит испытания ядерного оружия в атмосфере. Усиленно ведутся работы по совершенствованию и развертыванию систем баллистических ракет среднего радиуса действия, способных нести ядерные боевые заряды, осуществляется подготовка к пробным запускам межконтинентальных баллистических ракет. Не прекращается рост производства обычного вооружения, особенно это относится к самолетам, бронетанковой, некоторым видам военно-морской и электронной техники.

За последнее десятилетие развитие промышленности все более подчиняется милитаристским планам группы Мао Цзэ-дуна, прежде всего наращиванию военного потенциала. Производство в металлургической, нефтяной и угольной промышленности, электроэнергетике, машиностроении, химии направлено на то, чтобы увеличить поставки сырья, топлива, электроэнергии, материалов и полуфабрикатов предприятиям военной промышленности.

В КНР на протяжении многих лет под лозунгом «подготовки на случай войны» широко ведется работа по превращению каждой провинции, автономного района, крупного города в «самостоятельные, самообеспечивающиеся производственные комплексы», способные в основном снабдить себя сырьем, топливом, многими видами машин и оборудования. В 1973 г. выдвинута задача превращения каждой провинции в «мощную индустриальную базу»[5]. Китайская печать не скрывает, что при создании самообеспечивающихся производственных комплексов большое внимание придается «глубоко эшелонированному размещению» и «стратегическому расположению» промышленности, что важно в связи с подготовкой к войне.

Даже развитие мелкой местной промышленности в известной степени подчинено военным целям. В начале июня 1970 г. газета «Жэньминь жибао» подчеркивала: «Развивая местную промышленность, мы должны всегда держать порох сухим и исходить из необходимости подготовки на случай войны, должны придерживаться принципа работы и на мирное и на военное время, удовлетворяя гражданские и военные нужды».

С конца 50-х годов система внешнеэкономических связей Китая стала интенсивно перестраиваться в интересах велико-

---

[4] Cheng Chu-yuan, The Machine-Building Industry in China, Chicago, 1971, стр. 207.

[5] «Жэньминь жибао», 5.IX.1973.

державно-шовинистических планов маоистов. В связи с этим активно расширялось экономическое сотрудничество с империалистическими странами.

Учитывая антисоветскую политику нынешнего пекинского руководства, империалистические круги многих капиталистических стран, особенно стран НАТО, ослабили ограничения в торговле с КНР. Маоисты используют торговые и иные связи с капиталистическими странами для наращивания своего военно-экономического потенциала. В Китай в значительных количествах ввозятся товары стратегического назначения, включая приборы и материалы для ракетного производства и атомной промышленности. Из зарубежной прессы известно, что Китай вербует в капиталистических странах специалистов в различных областях науки и техники, связанных с военным производством.

В стране осуществляется также неуклонная военизация китайской науки. Уже длительный период она односторонне развивается в военных интересах. Лучшие научные и технические кадры поставлены на службу военной машины, особенно в целях реализации ракетно-ядерной программы. При этом китайская экономика испытывает острейшую нехватку специалистов. Успехи науки и техники в Китае прежде всего определяются результатами в разработке ракетно-ядерного вооружения. По оценке специалистов, не менее $^3/_4$ всех расходов на научные исследования направляются в КНР на разработки в ракетно-ядерной области.

Милитаризация экономики явилась одной из важнейших причин, приведших к срыву намеченной ранее программы построения социализма в Китае, которая была выдвинута в 1952 г. и предусматривала 15-летний срок для выполнения основных задач переходного периода, включая осуществление социалистической индустриализации.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В результате проводимой пекинским руководством экономической политики (всемерное наращивание военно-экономического потенциала, замораживание низкого уровня жизни населения, ограничение капитальных затрат в сельском хозяйстве и гражданских отраслях промышленности, недооценка экономических форм и методов хозяйствования и т. д.) общая хозяйственная ситуация на начало 1974 г. продолжает оставаться напряженной. Несмотря на оптимистические оценки официального Пекина народнохозяйственных итогов 1973 г., действительное экономическое положение неблагополучно (табл. 1—4).

Таблица 1

Важнейшие экономические показатели КНР, *млрд. юаней*

Отрасль	1952 г.*	1957 г.	1966 г.	1972 г.	1973 г.
Промышленность . . .	31,0	70,0	135,0	173,0	187,0
Сельское хозяйство . .	43,0	54,0	55,0	64,5	68,4
Промышленность и сельское хозяйство	74,0	124,0	190,0	237,5	255,4
Национальный доход . .	55,0	84,0	133,0	166,0	178,0

* За 1952, 1957 гг. официальные данные; 1966, 1972, 1973 гг. — оценка; все данные в ценах 1957 г.

Косвенные данные показывают, что темпы экономического роста в сфере материального производства в последнее время сократились. Согласно произведенным расчетам, среднегодовые темпы прироста за семь лет (1967—1973) в промышленности составили 4,8%, в сельском хозяйстве — 3,1, в создании национального дохода — 4,3%. Структура народного хозяйства за последние годы не претерпела заметных изменений. Сельское хозяйство по-прежнему стоит на первом месте в создании национального дохода и вместе с отраслями промышленности, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье, дает более 50% национального дохода. В общих затратах труда продолжает абсолютно преобладать ручной труд. В 1973 г. углубились общехозяйственные диспропорции: между производством и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и производством предметов потребления. Это в значительной степени объясняется отсутствием единой системы народнохозяйственного планирования.

Анализ материалов китайской печати свидетельствует о наличии серьезных трудностей в важнейших отраслях промышленности (угольной промышленности, металлургии, машиностроении, текстильной, пищевой), что в первую очередь связано с нехваткой сырья, топлива, с физической и моральной изношенностью машин и оборудования, с недостатком транспорта. Все возрастающий импорт промышленного оборудования, машин, транспортных средств (в 1973 г. КНР закупила за рубежом комплектное оборудование для 26 про-

Таблица 2

Темпы развития экономики КНР *

Отрасль	Рост, %					Среднегодовой прирост, %			
	1957 г. по сравнению с 1952 г.	1973 г. по сравнению с 1952 г.	1973 г. по сравнению с 1957 г.	1973 г. по сравнению с 1966 г.	1973 г. по сравнению с 1972 г.	1953—1957 гг.	1953—1973 гг.	1958—1973 гг.	1967—1973 гг.
Промышленность . . .	228,0	603,0	267,0	139,0	108,0	18,0	8,9	6,4	4,8
Сельское хозяйство . .	125,0	159,0	127,0	124,0	106,0	4,5	2,3	1,5	3,1
Совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства	—	345,0	206,0	135,0	107,5	—	6,1	4,6	4,4
Национальный доход . . .	153	324,0	212,0	134,0	107,2	8,9	5,8	4,8	4,3

* Расчеты произведены в ценах 1957 г. Данные округлены. 1953—1957 гг.— официальные данные КНР; 1958—1973 гг.— расчетные данные.

мышленных предприятий) не может удовлетворить потребность огромной страны в современных средствах производства. Официальная пекинская пропаганда пытается сгладить факт существования серьезных трудностей во многих отраслях промышленности в 1973 г., указывая на относительно высокие темпы роста сельскохозяйственного производства в этом году по сравнению с неурожайным 1972 годом (по оценке — 6% прироста). В связи с этим приводятся лишь данные о росте совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (8% прироста). Продолжают обостряться межотраслевые диспропорции (между сырьевыми отраслями и обрабатывающими и др.) и внутриотраслевые.

На развитии промышленности пагубно сказывается низкий технический уровень средств транспорта, и прежде всего железнодорожного. В локомотивном парке преобладают паровозы (до 90%), около половины которых — устаревшей конструкции, ощущается острая нехватка товарных вагонов, средств механизации погрузочно-разгрузочных работ и т. д. Чрезвычайно малочислен автомобильный парк, на низком уровне находится автодорожное хозяйство. Средства водного

Таблица 3

Удельный вес промышленности и сельского хозяйства в совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, %

Отрасль	1952 г.	1957 г.	1966 г.	1972 г.	1973 г.
Промышленность	42	56	71	73	73
Сельское хозяйство	58	44	29	27	27
Совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства	100	100	100	100	100

транспорта, портовые сооружения, навигационные средства далеко не отвечают современному техническому уровню. В целом имеющиеся в КНР современные виды транспорта не удовлетворяют потребности страны в перевозках грузов.

В 1973 г. в области сельского хозяйства были достигнуты довольно высокие показатели роста производства (зерно, включая батат и картофель,— 220 млн. *т*, хлопок — 1,95 млн. *т*, свиньи — 195 млн. голов) по сравнению с 1972 г. (неурожайным), однако процент роста оказывается незначительным при сопоставлении этих цифр с итогами лет, более или менее благоприятных с точки зрения погодных условий. (Например, если стоимость валовой продукции сельского хозяйства в 1973 г. возросла на 6% по сравнению с 1972 г., то по сравнению с 1971 г.— всего лишь на 3%.) Вследствие нехватки рабочих рук на сельскохозяйственных работах, а также необходимости расширения пахотного фонда все острее становится проблема механизации работ. По-прежнему ощущается нехватка минеральных удобрений, отсутствуют необходимые средства для капитальных затрат на ирригационное строительство и т. д.

В 70-е годы происходило неуклонное возрастание объема внешней торговли КНР. Пекин по-прежнему ориентируется на капиталистический рынок, продолжает расти удельный вес развитых капиталистических стран в товарообороте страны. (В 1973 г. он возрос до 57% против 43% в 1972 г.) Несмотря на значительный рост внешнеторгового оборота, недостаток экспортных ресурсов приводит к обострению проблемы платежеспособности страны на международных рынках.

Таблица 4

Отраслевая структура формирования национального дохода КНР, %*

Отрасль	1952 г.	1957 г.	1966 г.	1972 г.	1973 г.
Сельское хозяйство	59,2	49,2	39,5	37,5	38,5
Промышленность	18,0	26,9	35,5	36,5	36,5
Строительство	3,0	4,2	5,0	5,5	5,0
Транспорт и связь	4,0	4,4	5,5	5,5	5,0
Торговля и прочее	15,8	15,3	14,5	15,0	15,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* 1952, 1957 гг.— официальные данные КНР.
1966—1973 гг.— расчетные данные.

Дальнейшее наращивание военно-экономического потенциала КНР при низком общем уровне экономического развития, ограниченности накоплений и невозможности получения широкой экономической и военной помощи извне неизбежно ведет к нарушению общественного воспроизводства в целом. Напряженная экономическая ситуация в стране настоятельно требует изменения экономической политики китайского руководства.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Процесс развития промышленности КНР, крайне сложный и противоречивый, можно разделить на два больших периода, которые коренным образом отличаются по своим целям, формам и методам промышленного строительства. Первый большой период охватывает 1949—1957 гг., второй начался в 1958 г. и продолжается по настоящее время.

Период 1949—1957 гг. характеризовался несомненными успехами в развитии промышленности: непрерывным быстрым ростом основных фондов, численности занятых и выпуска промышленной продукции; высокими темпами научно-технического прогресса практически во всех отраслях промышленности; прогрессивными изменениями отраслевой структуры; в основном соответствием развития военной промышленности экономическим возможностям страны; непрерывным улучшением технико-экономических показателей

промышленности. Эти достижения объяснялись тем, что руководство КПК народным хозяйством, в том числе промышленностью, осуществлялось в целом на основании объективных экономических законов, с учетом опыта СССР и других социалистических стран, а также благодаря их всесторонней помощи. Вплоть до конца 1957 г. развитие промышленности проходило в рамках принятой программы социалистической индустриализации.

Отличительными особенностями второго периода промышленного развития КНР являются: чередование спадов и подъемов производства; уменьшение объема капитального строительства; периодическое чрезмерное возрастание роли мелкого производства; усиление милитаризации промышленности и, как следствие, все более однобокое развитие этой отрасли экономики в интересах наращивания военно-промышленного потенциала; замедление темпов научно-технического прогресса; сокращение помощи СССР, а затем и прямой отказ от нее. После 1957 г. китайское руководство фактически прекратило осуществление социалистической индустриализации. Промышленное развитие все более подчинялось великодержавно-гегемонистским планам маоистов.

К 1952 г. был завершен восстановительный период, главным итогом которого явилось создание необходимых условий для индустриализации страны. Это нашло выражение в восстановлении разрушенного войной хозяйства и в укреплении народно-демократического строя, в сосредоточении в руках государства командных высот в промышленной сфере.

Огромное значение для восстановления и развития китайской промышленности и других отраслей имела помощь и поддержка социалистических стран. Социалистическая система была той силой, которая оградила Китай, становившийся на путь социалистического строительства, от военной интервенции и экономической экспансии империалистических государств. Помощь социалистического лагеря сыграла решающую роль в успешном преодолении КНР экономической блокады мирового империализма, способствовала быстрому преодолению хозяйственного хаоса, царившего в стране.

Как известно, в феврале 1950 г. между СССР и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Одновременно с этим договором был заключен ряд важных для Китая экономических соглашений. В частности, Советский Союз принял на себя обязательства по оказанию КНР помощи в восстановлении, реконструкции и расширении 50 промышленных предприятий, включая Аньшаньский металлургический комбинат. При этом КНР был представлен на льготных условиях (1% годовых) кредит в сумме 1,2 млрд. руб. (300 млн. ам. долл.), предназначенный для

оплаты поставляемых из СССР оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, шахт и рудников, транспортного оборудования и т. д.

Общее улучшение экономического положения благоприятствовало восстановлению китайской промышленности. Рост сельскохозяйственного производства, увеличение выпуска товаров широкого потребления, развитие торговли способствовали увеличению накоплений, предназначенных для финансирования промышленности. Повышение покупательной способности населения, прежде всего крестьянства, увеличивало спрос на промышленные товары.

В 1952 г. валовая продукция промышленности по сравнению с 1949 г. возросла на 145% [6]. За этот период продукция современной промышленности увеличилась на 178,6%. Ее удельный вес в валовой продукции промышленности составил 64,2% против 56,4% в 1949 г.

К концу восстановительного периода объем производства основных видов промышленной продукции превзошел высший уровень, достигнутый когда-либо до победы революции: по выработке электроэнергии — на 21,9%, по добыче угля — на 7,4, производству стали — на 46,2, металлорежущим станкам — на 154,8, хлопчатобумажным тканям — на 37,4, сахару — на 9% [7].

В 1952 г. доля социалистического уклада в промышленности по объему валовой продукции составила 56%, а в тяжелой промышленности — 80%. На долю государственного сектора приходилось: нефтедобычи — 100%, выплавки черных металлов — 90, добычи угля — 88, производства электроэнергии — 79%, половина металлорежущих станков.

В 1957 г. был успешно завершен первый пятилетний план. За пять лет валовая продукция промышленности увеличилась на 144,9% против 98,3% по плану, в том числе производство средств производства возросло на 210,5%, а производство предметов потребления — на 83%. Среднегодовые темпы роста в промышленности составили 18%, из них в производстве средств производства — 25,4%, в производстве предметов потребления — 12,8%. Темпы промышленного производства в Китае в этот период были одними из самых высоких в мире. За пятилетку значительно увеличился объем производства важнейших видов промышленной продукции (см. показатели развития промышленности КНР за 1949—1957 гг.) [8]:

---

[6] Великое десятилетие, стр. 77.

[7] Там же, стр. 92.

[8] Там же, стр. 84—89, 92; Настоящее и прошлое металлургической, электроэнергетической, угольной, машиностроительной, текстильной про-

	1949 г.	1952 г.	1957 г.
Валовая продукция промышленности, млрд. юаней			
в неизменных ценах 1952 г.,	14,0	34,3	78,4
в неизменных ценах 1957 г.,	—	—	70,4
Капиталовложения в промышленность, млрд. юаней	0,4 (1950 г.)	1,7	7,2
Численность занятых в промышленности (без кустарной), млн.	3	5,3	7,3
Производство продукции:			
уголь, млн. *т*	32,4	66,5	130,0
нефть, млн. *т*	0,12	0,44	1,46
электроэнергия, млрд. *квт·ч*	4,3	7,3	19,3
сталь, млн. *т*	0,16	1,35	5,35
чугун, млн. *т*	0,25	1,9	5,9
минеральные удобрения, млн. *т*	0,03	0,18	0,63
металлорежущие станки, тыс. шт.	1,6	13,7	28,0
автомобили, тыс. шт.	—	—	7,5
цемент, млн. *т*	0,7	2,9	6,9
хлопчатобумажные ткани, млрд. *м*	1,9	3,8	5,1
сахар, млн. *т*	0,2	0,45	0,86

В отраслевой структуре промышленности произошли прогрессивные изменения, в частности доля средств производства в общепромышленном производстве (без кустарной промышленности) повысилась с 35,6% в 1952 г. до 52,2% в 1957 г. Практически заново был создан целый ряд важнейших отраслей: автомобильная, авиационная, производство крупного проката и отдельных видов высококачественных легированных сталей, комбайнов, электрогенераторов мощностью 6—15 тыс. *квт*, оборудования для доменных печей объемом до 1000 куб. *м* и мартенов емкостью 250 *т*, буровых установок для бурения на глубину 1200 *м*, одноковшовых экскаваторов с емкостью ковша 3 куб. *м*. Только отраслями тяжелой промышленности был освоен выпуск 4532 новых видов продукции. Из них в машиностроении — 2808 видов, в химической промышленности — 823, в черной металлургии — 562, цветной металлургии — 245 [9]. Большинство этих видов продукции производилось на основе советской научно-технической документации. Удельный вес современной промышленности в валовой продукции промышленности увеличился с 64,2% в 1952 г. до 70,2% в 1957 г.[10]. В 1956 г. было в основном завершено социально-экономическое преобразование частнокапиталистического и кустарно-ремесленного укладов.

мышленности нашей страны (Вого ганте, дяньли, мэйтань, цзисе, фанчжи, цзаочжигунъе цзиси), Пекин, 1958, стр. 122—123; Развитие экономики стран народной демократии (обзор за 1957 г.), М., 1958, стр. 33—79.

[9] Экономическое строительство нашей страны и жизнь народа (Вогоды гоминь цзинцзи цзяньшэ хэ жэньминь шэнхо), Пекин, 1958, стр. 70.

[10] Великое десятилетие, стр. 80.

В течение первой пятилетки капиталовложения в промышленность составили 25 млрд. юаней, из них в тяжелую промышленность было направлено 85% всех средств, а в легкую промышленность — 15%. В эти годы велось строительство более 900 крупнейших (сверхлимитных) промышленных предприятий, из них 135 с помощью СССР. 537 предприятий[11], включая 65 строившихся с помощью Советского Союза, было введено в эксплуатацию полностью или частично. В целом основные производственные фонды в промышленности удвоились.

В 1957 г. Китай по производству стали занял 9-е место в мире (в 1949 г.— 26-е место), по чугуну — 7-е (23), по углю — 5-е (9), электроэнергии — 13-е (25).

Вместе с тем в годы первой пятилетки в развитии промышленности имелись отдельные недостатки и трудности: диспропорции между развитием тяжелой и легкой промышленности, добывающими и обрабатывающими отраслями, узость номенклатуры производимой продукции, нехватка квалифицированных кадров и т. д. В 1956 г. группа Мао Цзэ-дуна предприняла попытку искусственно форсировать темпы промышленного развития, что вызвало большие экономические трудности.

Период 1958—1972 гг. В целом к концу первой пятилетки были подготовлены благоприятные экономические и политические предпосылки для дальнейшего успешного развития промышленной базы страны. Однако отказ от генеральной линии КПК в переходный период, выдвинутой в 1952 г., от решений VIII съезда КПК (1956) и переход к авантюристической политике «большого скачка» не только не позволил закрепить и развить достигнутые успехи, но и привел в конечном итоге к тяжелым последствиям. В 1958—1960 гг. политика социалистической индустриализации фактически была заменена авантюристической политикой «сверхиндустриализации».

В годы «большого скачка» был сделан основной упор на форсированное развитие черной металлургии и связанных с ней отраслей, при этом широкое распространение получило мелкое промышленное производство с отсталыми технологическими методами производства.

За два года (1958, 1959), по официальным китайским данным, объем валовой промышленной продукции возрос более чем в 2 раза. Однако советские и зарубежные экономисты считают, что эти данные сильно завышены.

Рост промышленного производства в период «большого

---

[11] «Жэньминь жибао», 14.IV.1959; З. А. Муромцева, Проблемы индустриализации Китайской Народной Республики, М., 1971, стр. 36.

скачка» в значительной степени происходил на нездоровой основе: за счет массового строительства кустарных предприятий в ключевых отраслях промышленности, резкого снижения качества продукции, работы существующего оборудования на износ, вовлечения в производство большого числа дополнительной рабочей силы в ущерб другим отраслям народного хозяйства, и прежде всего сельскому хозяйству.

Следует также подчеркнуть, что быстрый рост производства в 1958 и 1959 гг. во многом объясняется вводом в действие новых предприятий, заложенных еще в первой пятилетке. Многие из этих предприятий были построены с помощью СССР и оснащены современным оборудованием.

По китайским данным, в 1958—1959 гг. введено более 1370 сверхлимитных предприятий, но эти данные явно завышены.

В общем объеме производства КНР за 1960 г. выпуск продукции на предприятиях, построенных при техническом содействии Советского Союза составил: по чугуну — 30%, стали — около 40, прокату — свыше 50, грузовым автомобилям — 80, тракторам — более 90, синтетическому аммиаку — 30, выработке электроэнергии — 25, производству паровых и гидравлических турбин — 55, производству генераторов — около 20, производству алюминия — 25, продукции тяжелого машиностроения — более 10% и т. д.[12].

Естественным результатом провала авантюристической политики «большого скачка» в области промышленности явился глубокий кризис и дезорганизация промышленного производства, начавшиеся во втором квартале 1960 г. К 1962 г. объем валовой продукции промышленности значительно сократился по сравнению с 1959 г., а капиталовложения в промышленность уменьшились более чем в 6 раз (табл. 5).

В создавшихся тяжелых условиях часть китайского руководства, нередко вопреки первоначальным установкам Мао Цзэ-дуна, предприняла ряд важных мер, направленных на оздоровление экономического положения в стране, на частичное устранение ошибок в руководстве промышленностью, типичных для периода «большого скачка». В 1963 г. удалось стабилизировать промышленное производство и обеспечить в последующем его восстановление, продолжавшееся вплоть до середины 1966 г.

В результате политики «урегулирования» к началу 1966 г. сложились известные объективные условия для возврата страны на путь планового экономического строительства в духе решений VIII съезда КПК. В этот период началась раз-

---

[12] Ленинская политика СССР в отношении Китая, М., 1968, стр. 203.

работка третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства страны на 1966—1970 гг. Процесс дальнейшего оздоровления экономики был прерван так называемой культурной революцией, развязанной группой Мао Цзэ-дуна с целью упрочения своих позиций и возврата страны на путь экономического авантюризма. «Культурная революция» оказала пагубное воздействие на процесс промышленного развития и индустриализации страны. Произошло падение промышленного производства, уровень которого по ряду важнейших показателей оставался ниже уровня 1966 г. вплоть до конца 1969 г. (см. табл. 5).

Таблица 5

Важнейшие показатели развития промышленности КНР за 1958—1972 гг. *

Показатели	Единица измерения	1958 г.	1959 г.	1962 г.	1966 г.	1967 г.	1969 г.	1971 г.	1972 г.
Валовая продукция промышленности в неизменных ценах 1957 г.	млрд. юаней	90—92	112—117	89	135	110	135	160	173
Капиталовложения в промышленность . . .	млрд. юаней	17,3	20,2	3	6,5	. . .	. . .	13,7	15
Численность занятых в промышленности . . .	млн. человек	23	21	13,5	15	. . .	20	22	24
Производство продукции:									
уголь	млн. *т*	226—230	292—300	200	245	170	225	280	300
нефть и смола .	»	2,3	3,7	5,8	12	10	15	25	29
электроэнергия	млрд. *квт·ч*	27,5	41,5	35	70	55	65	77	83
сталь	млн. *т*	8	10—11	8	13	10	13	21	23
минеральные удобрения	»	0,8	1,33	2,4	8,5	7,5	9	16,8	20
металлорежущие станки	тыс. шт.	30	33	20	42	35	40	55	60
автомобили . . .	»	16	19	18	52	40	50	60	65
цемент	млн. *т*	9,3	106,6	8	13	10	13	16,3	17
хлопчатобумажные ткани . .	млрд. *м*	5,7	7,5	4	6,8	6	7	8,5	8,5
сахар	млн. *т*	0,9	1,13	0,7	1,6	1,7	1,7	2	1,9

* За 1958—1959 гг.— официальные китайские данные, за исключением данных о валовой продукции, о численности занятых, производстве угля, стали (1959 г.), металлорежущих станков, цемента (1959 г.); за 1962—1972 гг.— расчеты советских и зарубежных китаеведов.

В эти годы значительно сократились масштабы капитального строительства. В 1968—1969 гг. китайская печать упоминала о вводе в строй лишь нескольких десятков промышленных объектов. К тому же капитальное строительство велось преимущественно в отраслях, обслуживающих военное производство. Одновременно большое внимание стало уделяться массовому строительству мелких и средних предприятий полукустарного типа, входивших в систему местной промышленности.

Резко ухудшились важнейшие технико-экономические показатели. Производительность труда в 1967 г. сократилась по сравнению с 1966 г. не менее чем на 25—30%. Вновь резко снизилось качество продукции. Произошло заметное сокращение объема работ по освоению производства новых видов промышленных изделий.

Усилилось техническое отставание китайской промышленности от мирового уровня. На фоне общего упадка и застоя в промышленном производстве в эти годы исключением явились отрасли военной промышленности, особенно ракетно-ядерный комплекс, развитие которых всячески форсировалось китайским руководством.

В начале 70-х годов положение в промышленности было в основном восстановлено, и в 1970 г. были превышены показатели, достигнутые в 1966 г. В 1969—1972 гг. происходил медленный и весьма болезненный процесс ликвидации последствий «культурной революции». В этот период улучшалось руководство промышленными предприятиями и организация производства. Всеми методами, включая насильственное принуждение, укреплялась трудовая дисциплина, велась работа по повышению качества и увеличению выпуска продукции.

В 1970—1972 гг. усилилось внимание к развитию тяжелой промышленности, прежде всего таких ее отраслей, как горнодобывающая, топливная, энергетическая, некоторые отрасли машиностроения. Особое значение стало придаваться черной металлургии. В 1971 г. было заявлено, что «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, черная металлургия — основа промышленности» и что «темпы социалистической индустриализации зависят главным образом от черной металлургии. Без нее не может быть речи о механизации сельского хозяйства».

В 1971—1972 гг. вследствие некоторой стабилизации экономики возросли масштабы капитального строительства в промышленности; подавляющая часть капиталовложений была направлена в тяжелую промышленность. По данным иностранной печати, в 1971 г. в Китае было построено и введено в строй около 100 крупных и средних промышленных пред-

приятий[13], а также значительное количество мелких. В 1971—1972 гг. большое внимание стало уделяться вопросам повышения технического уровня и модернизации оборудования в промышленности. В печати сообщалось о технической реконструкции и модернизации ряда старых предприятий, а также оборудования на отдельных заводах, фабриках, рудниках, электростанциях и т. д. Подобные мероприятия проводились и по отношению части мелких заводов и фабрик. В частности, в октябре 1972 г. было сообщение о том, что проведена техническая реконструкция $^1/_7$ всех небольших заводов химических удобрений в КНР.

В начале 70-х годов в китайской печати усилилась пропаганда по активизации научно-исследовательской и экспериментальной работы, внедрения в производство достижений науки и техники (особенно это характерно для второй половины 1972 г.). Судя по сообщениям иностранной печати, расширились научно-технические контакты КНР с развитыми капиталистическими странами.

Несмотря на восстановление и последующее увеличение производства, положение в промышленности оставалось весьма сложным. Значительный удельный вес занимали технически и экономически отсталые формы промышленности, базирующиеся на ручном труде. По сообщениям печати, в 1970—1972 гг. на долю мелких местных предприятий приходилось около 40% валового промышленного производства. Китайская промышленность страдает из-за неравномерного развития отдельных отраслей, что порождает наличие серьезных диспропорций межотраслевого и внутриотраслевого характера. На развитии промышленности КНР неблагоприятно отражается техническая отсталость многих предприятий, входящих в систему не только местной, но также промышленности центрального подчинения.

Отраслевая структура китайской промышленности вследствие отсталости и недостаточной дифференцированности не отвечает требованиям научно-технического прогресса и повышения эффективности общественного производства. Китайская промышленность испытывает острую нехватку квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, научного персонала. Слабо развиты в этой отрасли производственная специализация, кооперирование и комбинирование производства. Проводимая в КНР политика создания в рамках отдельных провинций, округов, городов замкнутых самообеспечивающихся промышленных комплексов, базирующихся на системе многоотраслевого производства и принципе «опоры на собственные силы», противоречит принципам об-

[13] «Цзуго», 1972, № 98.

щественной организации труда, основанной на разделении труда.

Промышленность в 1973 г. Из материалов, публиковавшихся в 1973—1974 гг. в китайской печати, видно, что 1973 год не внес каких-либо существенных изменений в политику китайских руководителей, определяющую основные направления развития промышленности страны. По-прежнему магистральная линия этой политики была направлена на параллельное развитие централизованного военно-промышленного комплекса и системы разобщенных самообеспечивающихся территориально-хозяйственных единиц.

К числу наиболее привилегированных отраслей, играющих решающую роль в наращивании военно-промышленного потенциала КНР, как и прежде, относились черная и цветная металлургия, угольная и нефтяная отрасли промышленности, электроэнергетика, некоторые отрасли машиностроения и химической промышленности, а также военная промышленность. Им отдавалось предпочтение при распределении централизованных капиталовложений и материальных ресурсов, и тем самым создавались благоприятные условия для их развития.

Прошедший X съезд КПК вновь подтвердил неизменность этого курса, еще острее подчеркнув необходимость «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, служить народу». Съезд фактически не поставил никаких новых целей и задач перед промышленностью страны, а при оценке предшествовавших съезду достижений Чжоу Энь-лай ограничился лишь декларативным заявлением о том, что «с промышленностью дело обстоит хорошо».

Анализ материалов китайской печати и сообщений других зарубежных источников показывает, что в действительности положение в этой отрасли неблагополучно, поскольку до настоящего времени не решены многие проблемы, существенно влияющие на развитие промышленности страны (обеспечение сырьем, топливом и электроэнергией, обновление устаревшего производственного оборудования, проблема квалифицированных кадров и др.).

В первые месяцы 1973 г. китайское руководство продолжало уделять внимание экономическим формам и методам хозяйствования. Однако после X съезда со страниц газет почти исчезли такие категории, как хозяйственный расчет, прибыль, рентабельность и т. п.

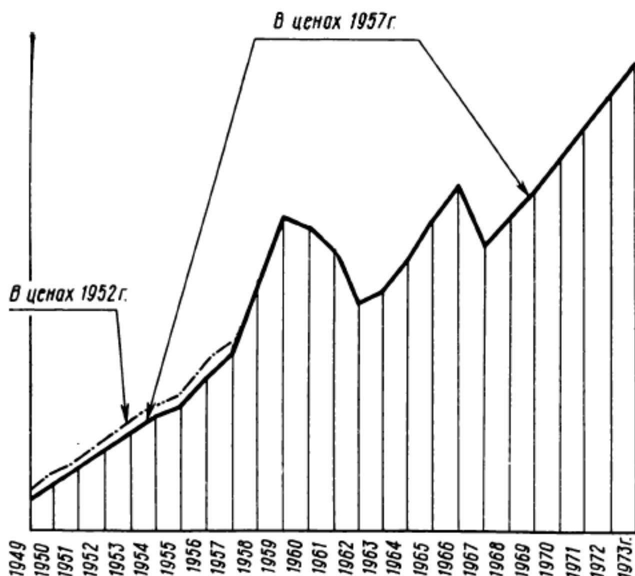
В обстановке дефицита многих видов продукции продолжалась широкая кампания по экономии материальных ресурсов за счет сокращения удельного расхода материалов при производстве продукции. Продолжалась начатая в последние годы работа по инвентаризации складов промыш-

ленных и иных предприятий, в результате которой было выявлено значительное количество омертвленных материальных ценностей, что позволило несколько смягчить дефицит в отдельных видах сырья, оборудования, материалов и т. д.

До сих пор в китайской промышленности имеются серьезные диспропорции в развитии отдельных отраслей. Наиболее резко эти диспропорции проявились в значительном отставании топливно-энергетической базы, особенно угольной и электроэнергетической отраслей, от нужд промышленности и сельского хозяйства Китая. Известная стабилизация промышленного производства в последние годы, освоение ранее неиспользовавшихся мощностей в металлургической промышленности, тяжелом машиностроении и ряде других отраслей, некоторое расширение капитального строительства, увеличение использования электроэнергии в сельском хозяйстве вызвали острую нехватку электроэнергии. Попытки китайского руководства хотя бы частично ликвидировать отставание электроэнергетической промышленности за счет строительства большого числа мелких электростанций, видимо, не принесли желаемых результатов. Из-за недостатка каменного угля в стране до настоящего времени недоиспользуются производственные мощности крупных цементных предприятий и предприятий других энергоемких отраслей промышленности.

Резкое отставание электроэнергетической промышленности заставило китайских руководителей сместить основной акцент в капитальном строительстве 1973 г. на строительство и расширение крупных и средних тепловых и гидравлических электростанций. Велось строительство нескольких десятков сравнительно крупных и средних угольных шахт. Продолжавшееся в истекшем году широкое капитальное строительство в нефтяной промышленности объяснялось помимо всего прочего определенными политическими целями, связанными с началом экспорта нефти в Японию, а также перспективами ее вывоза в ряд стран Юго-Восточной Азии.

Капитальное строительство в электроэнергетической, угольной и нефтяной отраслях промышленности происходило за счет замедления развития ряда других отраслей промышленности Китая. В 1973 г. китайским руководителям, как об этом следует из сообщений китайской печати, пришлось ограничить число пусковых объектов в отдельных отраслях промышленности, в зависимости от их важности и наличия хороших условий ввести строгую очередность в строительстве важнейших объектов, постоянно маневрировать имеющейся техникой и людьми для своевременного завершения намеченного строительства. В отдельные периоды на пусковых объектах сосредоточивалось до 80% всех людских и материальных ресурсов, имеющихся в распоряжении строитель-

Динамика изменения валовой промышленной продукции КНР в 1949—1973 гг., в млрд. юаней

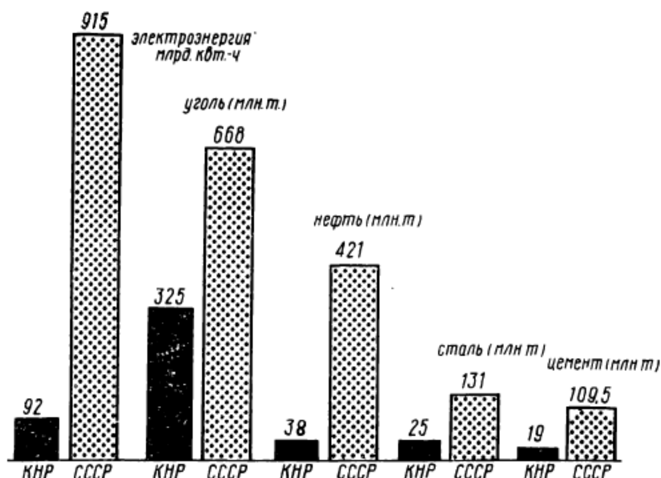
ных организаций, занятых на том или ином объекте [14]. Китайская печать все чаще вынуждена открыто говорить о том, что страна испытывает нехватку средств для нужд капитального строительства [15].

В истекшем году, видимо ценой огромных усилий, удалось сохранить темпы прироста валовой продукции промышленности на уровне 1972 г. В печати сообщалось о росте выпуска валовой продукции промышленности в ряде крупнейших промышленных городов и провинций Китая. Так, валовая продукция промышленности Шанхая увеличилась на 8% (в том числе легкой промышленности — более чем на 10%), Тяньцзиня — более чем на 9%, пров. Ляонин — более чем на 9% по сравнению с 1972 г. Валовая продукция промышленности Пекина увеличилась в 3 раза по сравнению с 1965 г. Однако, как показывает анализ, прирост производства ряда важных видов промышленной продукции несколько снизился по сравнению с 1972 г. Так, прирост выплавки чугуна в 1973 г. составил 8%, стали — 9 против 9 и 9,8% соответственно в 1972 г.

---

[14] «Жэньминь жибао», 20.I.1974.

[15] «Хунци», 1973, № 3; «Жэньминь жибао», 11.III.1973.

Производство важнейших видов промышленной продукции в КНР и СССР

По предварительным данным, можно дать следующую оценку уровня промышленного производства КНР в 1973 г. (для сравнения приводятся показатели 1972 г.):

	1972 г.	1973 г.
Валовая продукция, млрд. юаней	173	187
Электроэнергия, млрд. *квт·ч*	83	92
Уголь, млн. *т*	300	325
Нефть, млн. *т*	29	38
Чугун, млн. *т*	24	26
Сталь, млн. *т*	23	25
Алюминий, тыс. *т*	120	130
Минеральные удобрения, млн. *т*	20	24
Цемент, млн. *т*	17	19
Металлорежущие станки, тыс. *т*	60	65
Автомобили, тыс. шт.	65	70
Хлопчатобумажные ткани, млрд. *м*	8,5	8,7
Сахар, млн. *т*	1,9	2,2
Пищевые растительные масла, млн. *т*	1,4	1,5

Приведенные данные свидетельствуют о некотором увеличении производства электроэнергии и добычи каменного угля в 1973 г. Однако полностью разрешить проблемы, связанные с удовлетворением спроса промышленности на эти виды продукции, не удалось. Страна по-прежнему испытывает острую нехватку электроэнергии и каменного угля. Это подтверждается широко рекламирующимися достижениями в области их экономии. По неполным данным, в 1973 г. электростанции

страны сэкономили за счет уменьшения расходов на собственные нужды 1 млн. *т* энергетических углей, 5 млрд. *квт·ч* электроэнергии [16]. По свидетельству зарубежной печати, экономия топлива и электроэнергии непосредственно затрагивает быт населения страны: резко ограничено освещение городских улиц, жилых квартир, а для включения в комнате лампочки напряжением выше 40 ватт требуется специальное письменное разрешение соответствующих организаций [17].

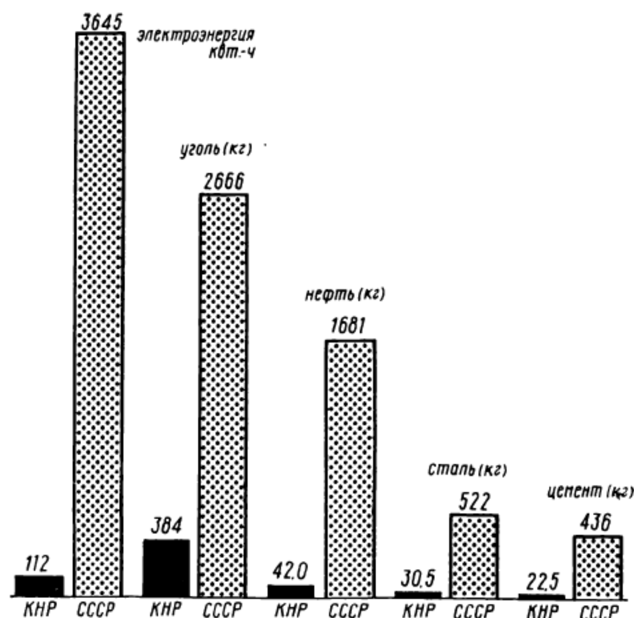
Следует отметить, что приведенные данные об абсолютных размерах производства включают также продукцию мелкой промышленности, качество которой зачастую является очень низким. В 1973 г. доля продукции мелкой промышленности продолжала оставаться очень высокой, например в производстве азотных удобрений — 54% (1972 г.— свыше половины), в производстве цемента — более 50% (1972 г.— 48%) [18].

Китайское руководство по-прежнему придавало большое значение развитию мелких местных предприятий. Как правило, такие предприятия строились силами местных властей и народных коммун за счет их средств без каких-либо дотаций из централизованных фондов. Партийным и хозяйственным руководителям на местах предписывалось развивать производство на таких предприятиях за счет собственных сил и средств, что на деле вело к дальнейшему безграничному росту интенсификации труда. Гонконгский журнал «Фар Истерн Экономик Ревью» со ссылкой на газету «Шэньси жибао» писал о том, что все жалобы местных руководителей на нехватку средств для развития местных промышленных предприятий пресекались директивами из центра «использовать энергию и труд человека для замены недостающих материальных ресурсов» [19]. Китайское руководство в 1973 г. продолжало предпринимать попытки установления «единого планирования и всестороннего учета» в мелкой промышленности, о чем свидетельствует ряд материалов установочного характера, опубликованных в центральной китайской печати [20].

Как и в 1972 г., китайское руководство принимало меры по ограничению отлива рабочей силы из сельского хозяйства в мелкую промышленность. В связи с этим рекомендовалось не отвлекать рабочую силу из сельского хозяйства в местную промышленность, в которой проблема обеспечения рабочей силой действующих и строящихся предприятий должна решаться путем использования внутренних резервов и пере-

---

[16] «Жэньминь жибао», 29.XII.1973.
[17] «Christian Science Monitor», 4.XII. 1973
[18] «Жэньминь жибао», 10.I.1974; «Peking Review», 1974, № 3.
[19] «Far Eastern Economic Review», 1. X. 1973.
[20] «Жэньминь жибао», 19.II.1973.

Производство важнейших видов промышленной продукции в КНР и СССР на душу населения

распределения рабочей силы между отдельными промышленными предприятиями.

В течение 1973 г. в китайской печати много писали о проблемах подготовки технических и научных кадров. С этой целью предлагалось шире использовать старые кадры. Это свидетельствовало о том, что китайское руководство вынуждено отойти от теоретической маоистской концепции первых лет «культурной революции», состоявшей в принижении роли технической квалификации в развитии промышленности страны. В этом году продолжалась активизация научно-исследовательской и экспериментальной работы, особенно в области новейших направлений науки и техники (новейшие средства связи, радиоэлектроника, лазерная техника и др.). По сообщениям зарубежной печати, Китай проявлял большую активность в получении и использовании различной технической документации, касающейся современных достижений в этих областях за рубежом.

В угольной промышленности в 1973 г. проводилась кампания за развитие массового движения по увеличению производства угля, улучшению его качества и снижению себестоимости добычи. В связи с недостатком топлива в стране продолжалась кампания за строжайшую его экономию. Добыча

угля в Китае в 1973 г., по предварительным оценкам, составила 325 млн. *т*, т. е. примерно 10% мировой добычи.

В настоящее время в стране имеется более десятка крупных угольных центров с ежегодной добычей более 10 млн. *т*. Крупнейшими центрами угольной промышленности страны являются Фусинь, Фушунь, Кайлуань, Хуайнань, Датун, Хэган, Цзиси и некоторые другие.

Поскольку в последние годы строительство крупных современных предприятий в угольной промышленности ведется в ограниченных масштабах, рост производственных мощностей по добыче угля происходит главным образом за счет ввода в эксплуатацию мелких шахт. В 1973 г. в пров. Гуйчжоу была пущена шахта мощностью 1,2 млн. *т* угля в год, на шахте добывается коксующийся уголь для металлургической промышленности. В пров. Шаньси сдана в эксплуатацию Гаоянская угольная шахта с годовой мощностью также 1,2 млн. *т*. В пров. Хэнань сданы в эксплуатацию две шахты с годовой добычей 900 тыс. *т*. Шахта мощностью 3 млн. *т* угля в год введена в пров. Шаньдун.

Рост добычи угля в стране сдерживается низким уровнем механизации и автоматизации трудоемких работ — нехваткой угольных комбайнов, врубовых и погрузочных машин, транспортных средств, крепежных материалов. В качестве одного из методов увеличения добычи угля в стране пропагандируется повышение интенсификации труда шахтеров. Так, например, по сообщению газеты «Жэньминь жибао», на Кайлуаньских угольных копях за счет интенсификации труда шахтеров в последние три года добыто сверх плана 7 млн. *т* угля.

В настоящее время положение со снабжением углем в стране остается напряженным. В провинциях, расположенных к югу от р. Янцзы, проблема надежного обеспечения углем промышленных предприятий, несмотря на многолетние усилия, все еще не решена. В связи с этим в южных провинциях страны, а также в Тибетском автономном районе ведутся поиски новых месторождений. Согласно сообщениям китайской прессы, в этом районе разведанные запасы угля по сравнению с 1965 г. увеличились на 58% [21], что, вероятно, все же недостаточно для успешного развития угольной промышленности.

Развитие *нефтяной промышленности* в 1973 г. осуществлялось сравнительно высокими темпами. Производство нефти в КНР оценивалось в 38 млн. *т*. Ведущее место в стране по объему добычи занимают Дацинские нефтепромыслы, на до-

---

[21] «Far East Week by Week», 19.X.1973.

лю которых в 1971—1972 гг. приходилось примерно 40% общекитайского производства нефти. В ближайшие годы эти промыслы сохранят за собой положение крупнейшего нефтедобывающего района страны. По сообщению агентства Синьхуа, к началу 1973 г. производственные мощности Дацинских нефтепромыслов увеличились более чем в 3 раза по сравнению с 1965 г., а добыча нефти — в 3,6 раза.

Добыча нефти ведется на промыслах «Шэнли» (пров. Шаньдун), которые, согласно японским источникам, дают более 20% общекитайского производства нефти [22], а также на промыслах Юймынь в пров. Ганьсу и в Цайдамской впадине (пров. Цинхай). Сообщают также, что начались разработки нефтяных месторождений в Бохайском заливе, которые считаются весьма перспективными. Китай уже закупил за рубежом несколько установок для бурения морских скважин. В районе г. Тяньцзиня обнаружено, по данным китайской прессы, новое месторождение высококачественной нефти Даган. Предполагается, что здесь будет создан еще один центр нефтедобычи.

В стране ощущается недостаток нефтехранилищ, транспортных средств по перевозке нефти к местам переработки, а также производственных мощностей нефтеперерабатывающей промышленности. По сообщению, относящемуся к августу 1973 г., мощности нефтеперерабатывающих заводов в КНР оценивались в 28 млн. *т* в год. Ведущие предприятия этой отрасли находятся в городах Пекин, Ланьчжоу, Шанхай, Далянь, Юймынь и Карамай на нефтепромыслах Дацин [23].

До последнего времени в стране находилось в эксплуатации всего пять нефтепроводов. В октябре 1973 г. появилось сообщение о том, что в КНР завершено строительство нефтепровода, соединившего г. Цинь-хуандао с Дацинскими промыслами. Кроме того, прокладка нефтепровода планируется от Дацинских промыслов до порта Далянь, который явится транспортной артерией для вывоза китайской нефти в Японию.

В 1973 г. Китай в небольших объемах экспортировал нефть, около 1 млн. *т* в Японию и небольшое количество — в Таиланд и Гонконг [24].

Объем производства нефтепродуктов в стране далеко недостаточен для полного обеспечения внутренних потребностей китайской экономики. По производству нефтепродуктов Китай занимает 14-е место в мире. В пересчете на душу населения потребление нефтепродуктов в КНР составляет все-

[22] «Тюгоку кэйдзай кэнкю гэппо», 1973, № 2.
[23] «L'Afrique — Asie», Paris, august, 1973.
[24] «Christian Science Monitor», 19.XII.1973.

го около 26 литров и является одним из самых низких в мире.

В *электроэнергетической промышленности,* по данным агентства Синьхуа, в 1973 г. было введено в эксплуатацию на 23% больше новых электроэнергетических мощностей, чем в предыдущем году. Наращивание мощностей осуществлялось главным образом за счет строительства мелких ГЭС и расширения действующих электростанций. По сообщению китайской прессы, в настоящее время количество мелких гидроэлектростанций в стране достигло 50 тыс., а их суммарная мощность увеличилась в 8 раз по сравнению с 1965 г. В печати отмечался существенный рост производства электроэнергии в отдельных провинциях КНР. В частности, агентство Синьхуа сообщало о том, что в пров. Чжэцзян выработка электроэнергии в 1973 г. увеличилась на 41%, в пров. Хунань — на 40, в пров. Фуцзянь — на 35, в пров. Цинхай — на 10,7% по сравнению с 1972 г.

Увеличивающиеся в стране потребности в электроэнергии и ее острая нехватка вынуждают китайское руководство выделять значительные суммы из госбюджета на создание крупного энергетического оборудования, реконструкцию и расширение современных предприятий электроэнергетической промышленности. В 1973 г. введен в эксплуатацию первый в КНР гидрогенератор отечественного производства мощностью 300 тыс. *квт.* На 2-й Дацинской ТЭС пущены в эксплуатацию два новых агрегата, вступил в строй второй агрегат мощностью 125 тыс. *квт* на Миньханьской ТЭС в Шанхае и такой же мощности агрегат на Циньинской ТЭС в пров. Шэньси [25]. В 1973 г. китайская печать сообщала, что получен рекордный прирост новых электроэнергетических мощностей, а к концу 1973 г. мощность ГЭС в стране возросла в 3 раза по сравнению с 1965 г.

Около 80% всей выработанной электроэнергии в стране приходится на тепловые электростанции, работающие преимущественно на каменном угле.

В последние годы китайские внешнеторговые организации активно закупают энергетическое оборудование для тепловых и гидравлических электростанций в разных странах — СССР, Японии, Швеции, Италии, Франции и др. В частности, в Японии и Италии закуплено комплектное оборудование для тепловых электростанций мощностью по 125 тыс. *квт.* Несмотря на прирост мощностей, в стране по-прежнему ощущается острый дефицит электроэнергии, о чем свидетельствуют постоянные призывы в печати к строжайшей ее экономии. По производству электроэнергии на душу населения (менее

---

[25] «Жэньминь жибао», 19.IX.1973.

112 *квт·ч*) КНР занимает одно из последних мест в мире. В КНР слабо развито объединение электростанций в энергосистемы. До сих пор в стране нет не только единой энергосистемы, но и объединенной энергосистемы восточной части страны. Строительство линий электропередач осуществляется сравнительно низкими темпами. В частности, сообщалось о том, что за восемь месяцев 1973 г. в стране построены линии электропередач протяженностью около 1 тыс. *км*, а также в основном закончено создание электросети в сельских районах пров. Аньхой [26], общая протяженность высоковольтных и распределительных линий электропередач достигла 17 560 *км*.

По сообщениям японских источников, Китай планирует реконструировать имеющиеся электросиловые линии на напряжение в 400 тыс. вольт. Имеются сведения о том, что Китай ведет переговоры с крупной гонконгской компанией о строительстве атомной электростанции в пров. Гуандун.

Отдельные публикации китайской печати, характеризующие положение в *металлургической промышленности* страны, свидетельствуют о том, что прирост производства черных металлов в 1973 г. был по сравнению с 1972 г. несколько ниже. В частности, в еженедельнике «Пекин Ревью» сообщалось, что выпуск чугуна и стали в Китае в 1973 г. возрос более чем в 2 раза по сравнению с 1965 г.[27]. Из этого следует, что выплавка стали в КНР в 1973 г., по-видимому, не превышала 25 млн. *т*, включая продукцию, произведенную на мелких полукустарных предприятиях местного значения [28]. Снижение темпов прироста выплавки стали можно объяснить прежде всего тем, что к 1973 г. были практически исчерпаны производственные возможности имеющихся в стране предприятий черной металлургии. Это подтверждается возобновлением Китаем крупных закупок сталеплавильного и прокатного оборудования в западноевропейских странах и Японии, а также строительством новых металлургических предприятий. Так, китайские внешнеторговые делегации в 1973 г. вели переговоры с Японией о закупке двух станов горячего и холодного проката полосовой стали, а также другого оборудования для металлургических предприятий с суммарной мощностью примерно 4 млн. *т* продукции в год.

По сообщению газеты «Жэньминь жибао», в 1973 г. в одном из внутренних районов Китая построен новый современный металлургический комбинат, оснащенный отечественным оборудованием. Это предприятие, местонахождение

---

[26] Информационный бюллетень агентства Синьхуа (ИБАС), 10.VII.1973.

[27] «Peking Review», № 2, 11.I.1974.

[28] Производство чугуна и стали в КНР в 1965 г. было на уровне 13 и 11,5 млн. *т* соответственно.

которого не указывается, начало выдавать высококачественный чугун и сталь [29].

В то же время продолжается наращивание мощностей сырьевой базы металлургической промышленности. Согласно сообщению китайской прессы, в 1973 г. в стране было введено в эксплуатацию новых производственных мощностей по добыче, обогащению и агломерации железных руд на 80% больше, чем в 1972 г.[30], а также значительно увеличена добыча железной руды в пров. Ляонин и других районах Китая. В целях дальнейшего развития горнодобывающей промышленности в Англии закуплена крупная партия горнорудного оборудования на сумму 14,25 млн. ф. ст. Это самая крупная сделка Китая по импорту горнорудного оборудования в последние годы.

Несмотря на рост производства продукции металлургической промышленности, Китай по-прежнему вынужден закупать за рубежом большое количество высококачественного стального проката. В 1973 г. КНР только с Японией подписала контракты на импорт более 3 млн. *т* стального проката. По оценке зарубежных экономистов, в настоящее время металлургическая промышленность Китая удовлетворяет примерно 85% потребностей страны в стальном прокате. Производство основных видов продукции черной металлургии в пересчете на душу населения остается на чрезвычайно низком уровне [31]. Доля Китая в мировом производстве чугуна и стали в последние годы не превышает 5 и 4% соответственно.

В *машиностроительной промышленности* в 1973 г. основные усилия были направлены на увеличение производства оборудования для горнорудной, нефтяной, химической и электроэнергетической промышленности, сельскохозяйственных машин и инвентаря, крупных и прецизионных станков, электронной техники.

Темпы роста производства горнорудного оборудования в 1973 г. были значительно ниже, чем в предшествующие два года. Одной из причин этого является большой дефицит конструкционных материалов, особенно проката. Некоторые крупные предприятия, такие, как Ланьчжоуский завод нефтяного и химического машиностроения и Тайюаньский завод тяжелого машиностроения, вынуждены были передать заводам горнорудного машиностроения часть своих ресурсов, в том числе проката и других материалов.

---

[29] «Жэньминь жибао», 4.I.1974.

[30] Там же.

[31] Производство чугуна и стали на душу населения в странах—членах СЭВ выше, чем в КНР, в 8—10 раз.

В горнорудном машиностроении в наибольшей степени возросло производство дробильно-размольного, обогатительного и агломерационного оборудования, экскаваторов, буровых станков. Изготовлены, например, две агломашины с площадью спекания 90 кв. *м* каждая и установка магнитного обогащения с постоянным цилиндрическим магнитом. Предпринимались усилия по специализации заводов горнорудного машиностроения и повышению качества выпускаемой продукции. В продукции горнорудного машиностроения сравнительно большой удельный вес составляло оборудование мелких шахт и рудников.

Заводы металлургического машиностроения несколько увеличили выпуск прокатного оборудования. В частности, печать сообщала об изготовлении крупного рельсобалочного стана, полосового стана, высокоскоростного стана холодной прокатки труб (изготовлен на Тайюаньском заводе тяжелого машиностроения; смонтирован на Чэндуском заводе бесшовных труб). Из-за недостаточного объема производства прокатного оборудования некоторые металлургические предприятия вынуждены были изготавливать и монтировать это оборудование собственными силами.

В 1973 г. принимались также меры по увеличению выпуска электроэнергетического оборудования как за счет более полного использования производственных мощностей на крупных шанхайских и харбинских заводах энергетического машиностроения, так и строительства новых цехов на пекинских заводах этой отрасли машиностроения. На Харбинском турбинном заводе построен первый в Китае стенд для испытания длинных лопаток крупных паровых турбин.

В 1973 г. по сравнению с предшествующим годом на 20% увеличилось производство 11 из 14 главных видов сельскохозяйственной техники, в число которых в Китае включают маломощные тракторы с ручным управлением, небольшие двигатели внутреннего сгорания, простые водяные насосы и ручные тележки. Как и в прежние годы, сельскохозяйственные машины и инвентарь производились в основном на небольших машиностроительных заводах местной промышленности, которые имеются в 2100 уездах страны. Эти заводы выпускают более 1500 видов машин и орудий. Чрезмерно большая номенклатура сельскохозяйственной техники при почти полном отсутствии ее унификации и стандартизации весьма усложняет комплектацию и ремонт машин для сельского хозяйства.

Китайская печать сообщала об изготовлении в опытном порядке ряда новых машин и приборов, в том числе координатно-расточного станка с числовым программным управлением, фрезерно-строгального станка весом 420 *т*, полунавес-

ного комбайна, башенных кранов с вертикальным самоподъемом, этиленового компрессора с числом оборотов 15 тыс. об/мин, керамических фильтров, ЭВМ на интегральных схемах с быстродействием 1 млн. операций в секунду и др. Однако машиностроение КНР обеспечивало потребности страны лишь на 80—85% [32], в результате чего Китай продолжал в больших количествах импортировать оборудование для промышленности, транспорта, дорожного строительства, связи и других отраслей. По японским данным, Китай в 1973 г. импортировал из Японии, США, стран Западной Европы 26 промышленных предприятий на сумму 1,2 млрд. долларов.

В *химической промышленности* в 1973 г. основное внимание уделялось увеличению производства минеральных удобрений, ядохимикатов, пластмасс, химических волокон, медикаментов и химической продукции военного назначения.

Ведущей отраслью химической индустрии КНР остается промышленность минеральных удобрений, в которой продукция мелких заводов продолжает занимать очень большой удельный вес. В 1973 г. на этих заводах, оснащенных технически отсталым оборудованием, произведено 54% всех минеральных удобрений в стране. На долю мелких заводов приходится 75% фосфорных удобрений и 53% аммиака, произведенных всей китайской химической промышленностью в 1973 г.

В 1973 г. построено и введено в строй около 100 мелких заводов азотных и фосфорных удобрений, их общее число в стране превысило 1400 (включая около тысячи заводов азотных удобрений). Если учесть, что каждый мелкий завод производит в год в среднем лишь 3 тыс. *т* аммиака, а для увеличения выпуска удобрений на 1 млн. *т* необходимо, согласно сообщениям китайской печати, сооружение примерно 160 мелких заводов [33], то ввод в строй около 100 мелких заводов не мог обеспечить достаточно большой прирост производства удобрений в стране за истекший год. Вероятно, по этой причине в этом году значительно большее внимание уделялось строительству и реконструкции крупных и средних заводов этой отрасли химической промышленности. Как сообщала китайская печать, в 1973 г. прирост производственных мощностей на крупных и средних заводах был на 50% больше, чем в 1972 г.[34]. Так, были введены в строй Шаньдунский завод синтетического аммиака, завод минеральных

[32] «The China Letter», 1973, № 16.
[33] «Гуанмин жибао», 18.IV.1973.
[34] «Жэньминь жибао», 30.IV.1973.

удобрений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Сянцзянский завод азотных удобрений в пров. Хунань.

Развитие промышленности минеральных удобрений сдерживалось большим дефицитом качественного сырья. Для производства удобрений заводы вынуждены были в большом количестве использовать бедные фосфорсодержащие руды, отработанную серную кислоту, низкокачественный уголь. На использование местных углей и угольной пыли переведено 350 мелких заводов азотных удобрений. В провинциях Хунань, Хубэй, Шэньси, Хэбэй и Гуанси-Чжуанском автономном районе форсированными темпами сооружались небольшие рудники для добычи фосфорных и серных руд. Большое количество сырья импортировалось из-за границы. В частности, в Канаде, Мексике, Иране, Ираке и Кувейте было закуплено около 500 тыс. *т* серы [35].

Развитие других отраслей химической промышленности также осуществлялось в значительной степени за счет увеличения выпуска продукции на мелких заводах. На долю этих заводов приходилось более половины всего производства серной кислоты, едкого натрия, карбида кальция, поливинилхлорида и ядохимикатов.

Чтобы ускорить развитие химической промышленности и повысить ее технический уровень, Китай в 1973 г. заключил контракты с фирмами капиталистических стран на поставку около 30 комплектных химико-технологических установок, в том числе восемь установок по производству мочевины мощностью 1620 *т* в сутки каждая, установки по производству этилена (300 тыс. *т* в год), бутадиена (45 тыс. *т* в год), акрилонитрила (50 тыс. *т* в год), полипропилена (80 тыс. *т* в год), полистиролового волокна (25 тыс. *т* в год) и т. д.

В *цементной промышленности* КНР мелкие заводы продолжают играть довольно значительную роль в снабжении страны цементом. В 1973 г. мелкие заводы дали 50% общего выпуска цемента в стране против 48% в 1972 г. За истекший год производство цемента на этих заводах возросло на 12,2%. С 1970 г. эти заводы обеспечивают ежегодный прирост выпуска цемента более чем в 3 млн. *т*. В 1965—1972 гг. число мелких заводов возросло в 12 раз, а количество выпускаемого ими цемента — в 3,4 раза. В 1973 г. китайская цементная промышленность имела свыше 2800 таких заводов, расположенных в 80% уездов страны (в 1972 г. мелкие цементные заводы были в 70% уездов).

Цемент, производимый мелкими заводами, применяется в основном для удовлетворения потребностей местного ирригационного строительства, изготовления телеграфных столбов,

---

[35] «Sulphur», 1973, july-august.

строительных деталей, труб, черепицы и т. д. Так, 70% цемента, произведенного в истекшем году мелкими заводами пров. Аньхой, было использовано в ирригационном строительстве.

Китай располагает значительным числом сравнительно крупных современных цементных заводов (более 50), многие из которых были построены по проектам и с технической помощью социалистических стран. Однако в настоящее время их производственные мощности используются далеко не полностью, вероятно, из-за отсутствия достаточного количества топлива, а выпускаемая ими продукция идет главным образом на нужды капитального строительства в важнейших отраслях тяжелой индустрии и в военной промышленности.

Легкая промышленность продолжает оставаться одним из главнейших источников накопления средств для капитального строительства и обеспечения форсированной милитаризации страны. Эта отрасль промышленности приобретает все большее значение в создании товарных ресурсов для внешней торговли КНР. Так, доход, который государство получило в 1949—1972 гг. от легкой промышленности Шанхая, в 46 раз превышает ассигнования на развитие этой отрасли промышленности за указанный период. Только за один 1973 год финансовые отчисления от легкой промышленности КНР возросли на 10% по сравнению с 1972 г.[36].

В 1973 г. валовая продукция легкой промышленности Китая возросла на 8% по сравнению с 1972 г., причем наибольший прирост был достигнут в производстве моющих средств, синтетических волокон, велосипедов, часов и т. д.[37].

На развитие легкой промышленности КНР сдерживающее влияние оказывают низкие темпы сельскохозяйственного производства, которое поставляет 70% сырья для этой отрасли промышленности [38]. Большой недостаток сырья испытывался и в 1973 г., что вызывало перебои в работе предприятий легкой промышленности. С целью улучшения снабжения сельскохозяйственным сырьем предприятиям было дано указание создавать в районах, производящих сырье, специальные посреднические службы между предприятиями и «народными коммунами».

Чтобы несколько уменьшить зависимость легкой промышленности от сельскохозяйственного производства, большое внимание уделялось расширению выпуска химических волокон, синтетических моющих средств и других химических продуктов. За 11 месяцев 1973 г. по сравнению с соответст-

---

[36] «Peking Review», 1974, № 1.
[37] «Жэньминь жибао», 29.XII 1973.
[38] «Хунци», 1972, № 6.

вующим периодом 1972 г. выпуск синтетических полиэфирных волокон возрос в 2,6 раза. Предприятия промышленности химических волокон, созданные в большинстве провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, производят семь видов синтетических и искусственных волокон, которые используются для изготовления различных изделий в чистом виде или в смеси с хлопком и шерстью.

При всем разнообразии видов натурального волокна в Китае первостепенное значение для текстильной промышленности имеет хлопок, из которого изготовляется основная масса текстильной продукции — около 90%. Неурожай хлопка в 1972 г. оказал сдерживающее влияние на развитие текстильной промышленности в 1973 г. Производство хлопчатобумажных тканей в истекшем году не намного превысило уровень 1972 г. Увеличение производства удалось достигнуть частично за счет урожая 1973 г., а также за счет увеличения импорта хлопка.

В 1973 г. в китайской печати сообщалось о некоторых достижениях в отдельных отраслях *пищевой промышленности.* Благодаря сравнительно хорошему урожаю сахарной свеклы и тростника в 1972 г. количество сахара, выработанного в период сахароварения 1972—1973 гг., увеличилось на 28% против уровня предыдущего сезона сахароварения, или на 190 тыс. *т* по сравнению с наивысшим уровнем, достигнутым за один сезон со времени образования КНР [39]. В пров. Гуандун, где вырабатывается почти половина выпускаемого в стране сахара, производство сахара в сезоне 1972—1973 гг. увеличилось на 33% по сравнению с предыдущим сезоном [40] и достигло наивысшего уровня. Печать сообщала также об увеличении производства сахара в провинциях Фуцзянь, Юньнань, Цзилинь, Чжэцзян и в автономных районах Гуанси-Чжуанском и Внутренняя Монголия. За последние два года в некоторых провинциях и автономных районах, где раньше не производился сахар, было налажено в опытном порядке выращивание сахарной свеклы, а также освоено производство сахарного песка на нескольких мелких сахарных заводах с целью снабжения местного рынка этим продуктом.

Рост выработки сахара достигнут главным образом за счет лучшего использования оборудования действующих заводов, а также путем строительства мелких предприятий на средства и силами уездных властей и народных коммун. Из крупных предприятий пищевой промышленности, введенных в строй в 1973 г., китайская печать упоминала лишь о сахар-

---

[39] «Жэньминь жибао», 29.IV.1973.
[40] «Жэньминь жибао», 11.VIII.1973.

ном заводе «Линьхэ» в автономном районе Внутренняя Монголия.

Увеличение в 1972 г. сбора табака в провинциях Хэнань, Юньнань и Шаньдун способствовало развитию табачной промышленности. За первый квартал 1973 г. производство сигарет возросло на 7,1% по сравнению с соответствующим периодом предшествующего года.

Другие отрасли пищевой промышленности развивались сравнительно медленно. Основные причины этого — отсутствие сырья, низкий технический уровень действующих предприятий, неблагоприятные погодные условия. Дождливая погода в местах расположения соляных промыслов привела к снижению общего производства соли в стране по сравнению с предшествующим годом.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское население КНР составляет свыше 640 млн. человек, т. е. более 80%. За счет продукции сельского хозяйства формируется в настоящее время значительная часть госбюджета страны. Низкая эффективность сельскохозяйственного производства, огромное население обуславливают продовольственное направление развития сельского хозяйства: под зерновыми, бобовыми, сахароносными и другими продовольственными культурами занято 90% посевной площади. Зерновое хозяйство составляет основу земледелия — в нем занято свыше 60% трудоспособного сельского населения, на его долю приходится 75% посевных площадей[41] и около половины валовой продукции сельского хозяйства. Главные зерновые культуры — рис, пшеница, а также кукуруза, гаолян, овес и т. д. (к зерновым китайская статистика относит также батат и картофель в пересчете 4 : 1). Выращивание технических культур (соя, арахис, хлопок, рапс, сахарный тростник, чай, табак и др.) дает около 15% стоимости валовой продукции сельского хозяйства.

Животноводство Китая значительно отстает от земледелия. Наибольшее развитие получило свиноводство и мелкий рогатый скот. По стоимости животноводство составляет 10—12% валовой продукции сельского хозяйства.

Большое значение в жизни крестьян имеют подсобные промыслы; на них приходится свыше 20% валовой продукции сельского хозяйства.

Важное место в первой пятилетке в мероприятиях по подъему сельскохозяйственного производства занимали улуч-

---

[41] «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, стр. 58.

шение и расширение пахотного фонда. Так, на ирригационное строительство государство ассигновало 2,6 млрд. юаней. Орошаемые площади составили в 1957 г. 34,7 млн. *га* против 21,3 млн. *га* в 1952 г. и 16 млн. *га* в 1949 г. Площади повторных посевов расширились на 12,5 млн. *га*. Было освоено 4 млн. *га* целинных и залежных земель[42]. Пахотный фонд страны в 1957 г. составил 111,8 млн. *га*, коэффициент повторности посевов — 1,4.

Таблица 6

Производство основных видов сельскохозяйственных культур и численность поголовья свиней в 1949—1957 гг. *

Виды сельскохозяйственных культур и скота	Единица измерения	1949 г.	1952 г.	1957 г.	1957 г. к 1952 г., %
Зерновые	млн. *т*	108,0	154,4	185,0	119,8
Соя-бобы	»	5,1	9,5	10,1	106,3
Хлопок-волокно . . .	»	0,4	1,3	1,64	126,1
Арахис	»	1,3	2,3	2,6	113,0
Рапс	»	0,7	0,7	0,89	127,1
Сахарный тростник . .	»	2,6	7,1	10,4	146,5
Сахарная свекла . . .	»	0,2	0,5	1,5	300,0
Чай	»	0,04	0,08	0,11	137,5
Табак (огневой сушки)	»	0,04	0,2	0,25	125,0
Свиньи	млн. голов	57,8	89,7	145,9	162,7

* Составлена на основе данных кн. «Китайская Народная Республика», М., 1970, стр. 60, 79.

Как показывает таблица 6, в 1957 г. сельское хозяйство Китая в значительной степени превзошло уровень 1952 г. По росту объема валовой продукции сельского хозяйства пятилетний план в целом был перевыполнен. Тем не менее развитие сельскохозяйственного производства испытывало определенные трудности, в силу которых некоторые показатели плана не были достигнуты. Так, не были выполнены запланированные показатели по увеличению урожайности зерновых культур, по валовому сбору и по росту урожайности большинства технических культур, в частности по валовому сбору и росту урожайности сахарного тростника соответственно на 21,2 и 20%, табака — на 35,9 и 48,6%. Это явилось следствием главным образом слабого материально-техниче-

[42] Китайская Народная Республика, М., 1970, стр. 77.

ского оснащения сельского хозяйства. В 1957 г. тракторный парк страны составлял всего 24,6 тыс. усл. ед. тракторов (в переводе на 15-сильные), многие районы испытывали недостаток в железном инвентаре и инструментах сельскохозяйственного назначения. Несмотря на увеличение производства химических удобрений в стране, основную массу вносимых в почву удобрений по-прежнему составляли органические. Сельское хозяйство Китая оставалось в глубокой зависимости от погодных условий.

В то же время не были достигнуты (за исключением поголовья свиней) и намеченные первым пятилетним планом показатели по развитию животноводства. Так, по росту поголовья крупного рогатого скота план не был выполнен на 10 млн. голов, лошадей — на 1 млн., овец и коз — более чем на 14 млн. голов. Причины, обусловившие серьезные просчеты в животноводстве, заключались не только в недостаточном развитии его кормовой базы, но и в еще большей степени были связаны с маоистской политикой в деревне в период 1955—1956 гг. Форсирование темпов кооперирования и переход к кооперативам высшего типа, инспирированные Мао Цзэ-дуном в конце первой пятилетки, вызвали убой и массовый падеж скота в сельской местности.

Сельское хозяйство, оставаясь одним из главных источников государственных накоплений (по китайским данным, только за счет «ножниц цен» оно давало 30% доходов, формировавших государственный бюджет страны, в тот период), требовало существенной поддержки со стороны государства.

По второму пятилетнему плану (1957—1962 г.), который был принят VIII съездом КПК в 1956 г., намечалось ускорить развитие сельскохозяйственного производства на основе укрепления его материально-технического оснащения. Наряду с увеличением поставок в деревню сельскохозяйственной техники, химических удобрений, средств защиты растений и других промышленных товаров намечалось создание на государственные средства крупных ирригационных сооружений в бассейнах рек Хуанхэ и Хуайхэ. Воплощению в жизнь этой программы во многом могли способствовать братская помощь и сотрудничество Китая с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Однако маоистское руководство КПК, отбросив марксистско-ленинскую линию строительства социализма в Китае, развернуло в 1958 г. антинародную кампанию «большого скачка» и «народных коммун». По первоначальной «идее» Мао Цзэ-дуна, «народные коммуны» должны были служить формой «ускоренного вступления в коммунизм». Одновременно, используя уравнительную систему распределения и

будучи «самообеспечивающимися комплексами»[43], эти «ячейки» должны были мобилизовать все средства деревни для поступления в государственную казну.

В распоряжение «народных коммун» были переданы не только собственность прежних производственных кооперативов, но и приусадебные участки крестьян, домашний скот, инвентарь и даже часть личных вещей крестьянских семей.

Ликвидация материальной заинтересованности, обезличивание труженика в процессе производства, военизация сельскохозяйственного труда подорвали энтузиазм и веру крестьян в общественное производство. Агротехнические мероприятия периода «большого скачка» (глубокая вспашка, сокращение пахотных площадей, массовое строительство мелких и мельчайших ирригационных сооружений и т. д.), не имевшие серьезного научного обоснования, привели к нарушению культурного слоя почвы, забрасыванию пашни, истощению земли, ее заболачиванию, засолению и эрозии. В 1960 г. сбор основных видов сельскохозяйственных культур оказался ниже уровня 1957 г. «Народные коммуны» продемонстрировали свою нежизненность, явившись шагом назад по сравнению с кооперативами 1957 г.

Упадок сельскохозяйственного производства пагубно отразился на общем состоянии экономики Китая. Для того чтобы приостановить спад производства, стабилизировать его и восстановить нарушенные «большим скачком» народнохозяйственные пропорции, необходимо было добиться оживления прежде всего в сельском хозяйстве. В период так называемого «урегулирования» (1961—1965 гг.) была произведена реорганизация «народных коммун», по существу означавшая возвращение к методам хозяйствования, которые действовали в период осуществления первого пятилетнего плана. «Народные коммуны» стали выполнять главным образом административные функции[44], представляя низший орган государственной власти в деревне.

Возвращение крестьянам приусадебных участков, разрешение вести подсобные промыслы, восстановление, хотя и в ограниченных масштабах, товарно-денежных отношений и принципа материальной заинтересованности, а также значительное увеличение государственных поставок деревне сель-

---

[43] «Народным коммунам» было вменено в обязанность заниматься не только сельскохозяйственным производством, но и промышленностью, торговлей, просвещением и военным делом.

[44] Хозяйственная деятельность «коммун» ограничивалась организацией ремонта сельскохозяйственного инвентаря, решением вопросов кредитования производственных бригад и т. д., так как в собственности «коммуны» осталась часть средств, представлявших ранее неделимый фонд бывших сельскохозяйственных кооперативов.

скохозяйственных орудий и инвентаря, минеральных удобрений, насосного оборудования для ирригационно-дренажных систем и т. д.— содействовали восстановлению и стабилизации сельскохозяйственного производства к 1966 г. на уровне конца первой пятилетки.

Таблица 7

Производство основных видов сельскохозяйственных культур и численность поголовья свиней в 1957—1965 гг. *

Вид сельскохозяйственных культур и скота	Единица измерения	1957 г.	1960 г.	1965 г.
Зерновые	млн. *т*	185	160	185
Соя-бобы . . . ,	»	10,1	4,0	6,8
Хлопок-волокно . .	»	1,64	1,0	1,6
Арахис	»	2,6	1,7	2,3
Рапс	»	0,89	0,7	0,78
Сахарный тростник .	»	10,4	8,5	12,0
Сахарная свекла . .	»	1,50	1,4	1,8
Чай	»	0,11	0,10	0,09
Табак (огневой сушки)	»	0,25	0,23	0,25
Свиньи	млн. голов	145,9	120	150

* Данные за 1957 г. из кн. «Китайская Народная Республика», М., 1970, стр. 79; «Великое десятилетие», М., 1959 г. стр. 109, за 1960—1965 гг. — оценка.

Как показывает таблица, в период «урегулирования» в основном удалось ликвидировать последствия «большого скачка» в сельском хозяйстве. Однако это заняло пять лет, а уровень развития сельскохозяйственного производства оказался законсервированным в течение почти целого десятилетия.

Экономическая политика периода «урегулирования», в ходе которой маоисты вынуждены были отступить от некоторых порочных концепций, в известной мере способствовала восстановлению сельского хозяйства, однако маоисты не оставили своих намерений. Уже в 1961—1963 гг. началась критика, на первых порах сдержанная, принципа материальной заинтересованности; все настойчивее становились требования увеличить фонд накопления за счет уменьшения фонда потребления; развитию товарно-денежных отношений в деревне все более противопоставлялся принцип «самообеспе-

чения» на основе «опоры на собственные силы». В 1964 г. Мао Цзэ-дун выступил с призывом «в сельском хозяйстве учиться у Дачжайской бригады».

Пропаганда «Дачжайского пути» преследовала цель — создать по возможности самообеспечивающиеся хозяйственные единицы, в которых действие товарно-денежных отношений ограничено. Основная задача такой социально-экономической организации — при минимальных затратах со стороны государства («не просить у государства зерна, денег и материалов») обеспечивать максимум сдачи государству сельскохозяйственной продукции за счет изъятия всего прибавочного продукта и даже части необходимого. Дачжайская большая производственная бригада и поныне пропагандируется как «китайский путь» развития социализма в сельском хозяйстве.

Кампания «за социалистическое воспитание», развернутая по инициативе Мао Цзэ-дуна еще в 1962 г. и преследовавшая цель расправиться с теми кадровыми и партийными работниками, которые критиковали политику «большого скачка» и «народных коммун», имела своим логическим продолжением «культурную революцию». В период «культурной революции» маоисты пытались повести наступление на принципы и методы хозяйственной политики, осуществлявшиеся в первой пятилетке и пробивавшие себе дорогу в годы «урегулирования»,— материальное стимулирование, распределение по труду, оживление товарно-денежных отношений, подсобные промыслы, ведение хозяйства на приусадебных участках и т. д. Материальное стимулирование, распределение по труду были объявлены «буржуазными», «черным контрреволюционным ревизионистским товаром».

Мероприятия и лозунги «культурной революции» вызвали беспокойство крестьян: в некоторых провинциях крестьяне стали делить между собой общественные фонды, скот, зерно и даже семена; были заброшены работы по ежегодному ремонту и строительству дамб и плотин. Крестьяне отказывались выполнять план по централизованным государственным закупкам. Угроза срыва посевной кампании и сбора созревшего урожая в 1967 — 1968 гг. заставила маоистское руководство направить в деревню большие контингенты военнослужащих, кадровых работников, служащих государственных учреждений и учащейся молодежи. Со второй половины 1969 г. наряду с административно-политическими методами ведения хозяйства наметилась тенденция к использованию определенных экономических рычагов.

«Культурная революция» затормозила темпы развития сельскохозяйственного производства. В наиболее неблагоприятном положении в 1967—1968 гг. оказались технические

культуры и свиноводство, занятие которыми квалифицировалось как «развитие капитализма» в сельском хозяйстве. Например, поголовье свиней в 1968 г. сократилось примерно на 10 млн. голов. Однако в целом «культурная революция» не оказала на сельское хозяйство такого пагубного влияния, как на промышленность.

В конце 1971 г. такие акции, проводившиеся в деревне в годы «культурной революции», а в некоторых районах и в 1970—1971 гг., как ущемление подсобного домашнего хозяйства крестьян, ограничение развития второстепенных отраслей сельскохозяйственного производства, «укрупнение коммун и слияние бригад», уравнительное распределение доходов в коммунах и бригадах, были осуждены как ошибки «левого уклона». В декабре 1971 г. были опубликованы «Указания ЦК КПК по вопросам распределения в сельских народных коммунах»[45]. Основное содержание этих указаний направлено против «крайне левых» тенденций в хозяйственной практике коммун, на использование экономических стимулов для повышения заинтересованности крестьян в развитии производства.

В настоящее время коллективная собственность в китайской деревне существует в виде собственности производственных бригад (40—50 крестьянских дворов, соответствует по размерам кооперативу низшего типа), больших производственных бригад (170—200 крестьянских дворов, соответствует по размерам кооперативу высшего типа) и «народных коммун» (свыше 1500 крестьянских дворов). В 1973—1974 гг. в китайских сообщениях вновь подтверждается, что основой «трехступенчатой собственности» является низшая ступень — собственность производственной бригады. При этом подчеркивается, что необходимо соблюдать права и сохранять самостоятельность этой единицы, следовать принципу «взаимной выгоды и эквивалентного обмена» во взаимоотношениях между различными ступенями коллективного хозяйства коммун. Собственность производственной бригады «соответствует уровню развития производительных сил» деревни на современном этапе[46]. Иными словами, неразвитая материально-техническая база, преобладание в сельском хозяйстве примитивных орудий труда дает возможность эффективно использовать лишь форму простой кооперации крестьян в рамках производственной бригады Что же касается обобществления производства в масштабах «народных коммун» и больших производственных бригад, то, за исключением небольшого числа по-

---

[45] Основные положения этого документа изложены в журнале «Хунци», 1971, № 13.

[46] «Хунци», 1970, № 2, стр. 6.

казательных хозяйств, оно имеет, по существу, формальный характер.

Меры, принятые китайским руководством для увеличения сельскохозяйственного производства, в сочетании с благоприятными погодными условиями (в 1970—1971 и 1973 гг.) имели определенные результаты.

Таблица 8

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в 1970—1973 гг. *, млн. *т*

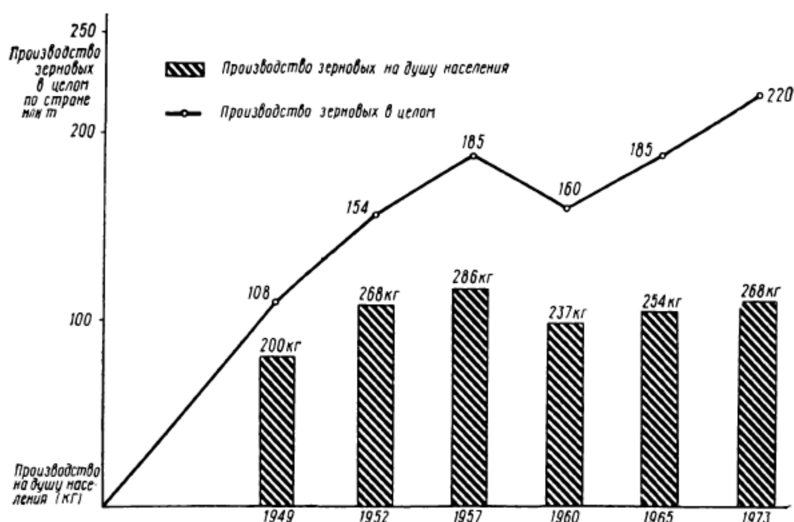
Сельскохозяйственные культуры	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г. (оценка)
Зерновые	210	220	210	220
Соя-бобы	8,2	8,0	7,7	8,3
Хлопок-волокно	1,9	1,8	1,65	1,95
Арахис	2,7	2,7	2,6	2,7
Рапс	0,9	0,92	0,95	1,01
Сахарный тростник	13,7	13,9	16,8	17,0
Сахарная свекла	2,4	2,3	2,9	3,8
Чай	0,12	0,13	0,14	0,15
Табак (огневой сушки)	0,31	0,29	0,32	0,35

* Оценка на основе данных китайских, а также иностранных источников — «Current Scene», «Цзуго», «Foreign Agriculture».

Поголовье свиней росло следующим образом: 1970 г.— 165 млн., 1971 г.— 180 млн., 1972 г.— 190 млн., 1973 г.— 195 млн. (оценка).

На основании этих данных и таблицы можно сказать, что развитие сельскохозяйственного производства (за исключением неурожайного 1972 г.) стабилизировалось. Однако анализ показывает, что за «стабилизацией» скрывается уменьшение производства продовольственных и технических культур на душу населения по сравнению с уровнем 1957 г. Так, по производству зерна на душу населения оно составляет 18 *кг* (в 1973 г.— 268 *кг*, в 1957 г.— 286 *кг*), по производству хлопка — почти 0,13 *кг* (в 1973 г.— 2,37 *кг*, а в 1957 г.— 2,5 *кг*).

Несмотря на некоторое расширение влияния экономических стимулов, главными остаются методы административного и политического воздействия на крестьян. Это подтверждает экономическая политика 1973 г. в деревне. Под влиянием падения сельскохозяйственного производства в 1972 г. и неблагоприятных погодных условий весной 1973 г. маоист-

Производство зерновых в целом по стране и на душу населения

ское руководство усилило политико-административный нажим на крестьянство. Кампании «критика ревизионизма и исправления стиля», «критика Линь Бяо и Конфуция», усиления «классовой борьбы» сменили в китайской печати такие хозяйственные вопросы, как распределение по труду, возможности увеличения доходов членов «коммун» при условии обеспечения ими роста производства в коллективном хозяйстве и т. д. При распределении доходов в 1973 г. подчеркивалось значение «социалистического воспитания крестьян» в духе беззаветного служения революции, а не соблюдения принципа распределения по труду. С новой силой развернулась кампания «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», вести «упорную борьбу с трудностями» при «опоре на собственные силы».

По данным китайской печати, в 1973 г. пахотные площади страны составили 107 млн. *га*, тогда как в 1957 г. они занимали 111,8 млн. *га*, т. е. сократились на 4,8 млн. *га*. В связи с этим многочисленные сообщения китайской печати об освоении заболоченных и засоленных земель, о террасировании горных склонов и т. д., видимо, следует расценивать следующим образом — либо китайская пропаганда сознательно стремится преуменьшить данные о пахотном фонде, чтобы в выигрышном свете показать рост урожайности, либо в этих сообщениях речь идет о восстановлении ранее забро-

шенных земель. Многие исследователи склонны считать, что площадь пашни в Китае составляет в настоящее время 110—112 млн. *га*. Вместе с тем вполне допустимо, что низкий уровень механизации, отсутствие крупных капиталовложений не позволяют полностью освоить даже тот пахотный фонд, который был в 1957 г. По сообщению агентства Синьхуа, за 24 года после провозглашения КНР на равнине у слияния рек Хэйлунцзян, Сунхуацзян и Усулицзян освоено всего 1,33 млн. *га* (следует отметить, что это один из наиболее перспективных районов освоения целинных земель).

Что касается улучшения качества пахотных земель то, видимо, силами крестьян ведется большая работа. Однако орошение и дренаж, борьба с эрозией, выравнивание земельных участков и т. д. требуют не только упорного труда, но и соответствующей техники и научно-технических знаний. По оценке китайской печати, в 1973 г. «общая площадь орошаемых земель в стране более чем удвоилась по сравнению с первым периодом после освобождения». Если за этот период принять данные 1950—1952 гг., то орошаемые площади в настоящее время могут оцениваться в 35—40 млн. *га* (в 1957 г. их было 34,7 млн. *га*).

Главным объектом ирригационного строительства 1973 г. было сооружение глубинных колодцев в Северном Китае. По сообщению агентства Синьхуа, с октября 1972 г. до конца сентября 1973 г. в стране было заложено 300 тыс. колодцев, снабженных насосами. Несмотря на увеличение мощностей насосов в последние годы, доставка воды на поля с помощью коромысел и ведер по-прежнему составляет основу орошения многих районов. Материалы китайской печати свидетельствуют, что в 1973 г. в ряде провинций сдано в эксплуатацию лишь 60% запланированных водохозяйственных объектов, а в некоторых районах — еще меньше.

Как и в прошлые годы, обеспечение сельского хозяйства основными средствами производства почти целиком лежит на плечах самих крестьян. Мелкие предприятия производят для сельского хозяйства 60% азотных и фосфорных удобрений [47] и 80% сельскохозяйственной техники. В китайской печати наряду с признанием того, что «сельскохозяйственное производство отнюдь не является изолированным; ускорение темпов развития сельского хозяйства затрагивает различные отрасли национальной экономики и требует оказания поддержки сельскому хозяйству со стороны самых различных ведомств» [48], имеются сообщения и о том, что поощряются лишь те коллективные хозяйства, которые, опираясь «на соб-

---

[47] «Жэньминь жибао», 30.IV.1973.
[48] «Хунци», 1974, № 1.

ственные силы, помогают государству, а не обременяют его».

Наиболее эффективными мероприятиями, которые проводятся «народными коммунами» в целях повышения сельскохозяйственного производства в последние годы, являются, по всей видимости, применение сортовых семян, повышение коэффициента повторности посевов и продвижение повторных посевов на север, а также увеличение использования минеральных удобрений. Повышение коэффициента повторности позволило увеличить посевные площади в пределах неизменного пахотного фонда и тем самым несколько смягчить земельный голод. Сортовыми семенами, по китайским данным, засевается более 80% рисовых полей. Применение лучших сортов риса позволяет повысить его урожайность на 10% [49]. По данным 11 провинций и городов, площади, отведенные под новые сорта пшеницы, достигли 90% всех пшеничных полей в этих районах. Применение сортовых и элитных семян, особенно в сочетании с соответствующей агротехникой, может создать широкие перспективы повышения сельскохозяйственного производства. Однако в Китае под сортовыми и элитными семенами, как правило, понимают улучшенные сорта местного производства.

За последнее десятилетие увеличились поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений как за счет роста производства их внутри страны (главным образом на мелких предприятиях), так и в значительной степени за счет импорта. По оценкам японской печати, на 1 *га* посевов вносится 24 *кг* химических удобрений в пересчете на действующее вещество [50]. По этому усредненному показателю вряд ли можно составить полное представление о проникновении химии в сельское хозяйство Китая. Подавляющая часть химических удобрений направляется в показательные хозяйства. Другие же хозяйства с низким уровнем доходов во многих случаях не имеют возможности их использовать. Недостаточные агротехнические знания у основной массы крестьян не всегда позволяют использовать химические удобрения эффективно. Имеются сообщения, свидетельствующие о вреде, который приносит неумелое применение химических удобрений.

По оценкам китайской печати, в настоящее время в деревне 50 тыс. мелких гидроэлектростанций, а потребление электроэнергии увеличилось в 4,3 раза по сравнению с 1965 г. Однако данные об уровне потребления электроэнергии в сельской местности в 1965 г. (как и в другие годы) не

---

[49] «Гуанмин жибао», 20.I.1973.

[50] «Кагаку кэйдзай», т. 20, 1973, № 7.

публиковались китайской печатью. Можно лишь отметить, что коллективные хозяйства на свои средства в последние годы строили небольшие энергоустановки мощностью 15—20 *квт.* Большие масштабы приняло такое строительство в 1970—1971 гг., но затем темпы его значительно снизились. Видимо, это объясняется незначительностью эффекта произведенных затрат. Проблема электрификации продолжает оставаться актуальной, так как электрифицированные ирригационно-дренажные системы являются одной из главных гарантий урожая в Китае.

Парк сельскохозяйственной техники остается в Китае бедным. В стране насчитывается 260 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении) [51], из которых большую часть составляют маломощные трактора садово-огородного типа местного производства. По китайским данным, в 1973 г. в стране имелось 230 тыс. рисопосадочных устройств [52]. Работа по созданию рисопосадочных машин ведется в Китае давно, однако такой машины в современном понимании до сих пор нет. Созданное рисопосадочное устройство примитивно и малопроизводительно, а наличие менее чем одного такого устройства на 1 тыс. *га* пашни рисовых полей, по существу, не решает проблемы механизации рисоводства. «Погектарный сбор зерна невелик,— вынуждена признать китайская печать,— уровень механизации очень низок».

Погодные условия 1973 г. были в целом благоприятными для сельского хозяйства. По сравнению с 1972 — неурожайным — годом валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1973 г. примерно на 6%.

Несмотря на рост производства зерновых, продовольственное положение страны — сложное. Импорт зерна на 1973—1974 гг., по оценкам японской печати, остается на уровне 1972—1973 гг., т. е. выше, чем в среднем за годы прошедшего десятилетия.

В 1973 г. был получен хороший урожай технических культур. Так, производство хлопка увеличилось в 1973 г. по сравнению с 1972 г. на 20%. Значительно расширились посевы лубяных культур, в особенности джута. Тем не менее производство технических культур по-прежнему не может удовлетворить потребности страны. Об этом свидетельствует возрастание импорта целого ряда технических культур, например хлопка, сои, соевого масла; последние две — традиционные товары китайского экспорта.

Попытки увеличить темпы развития животноводства наталкиваются на узость кормовой базы. Поголовье крупного

---

[51] «Новое время», 1974, № 2, стр. 25.
[52] «Жэньминь жибао», 19.VIII.1973.

скота растет крайне медленно. Племенная работа направлена главным образом на повышение стойкости скота к суровым условиям его содержания, а не на повышение его продуктивности. Изменение политики по отношению к подсобному домашнему хозяйству благоприятно отразилось на росте поголовья свиней (откармливаются свиньи главным образом в личных хозяйствах крестьян). Неурожайный 1972 год повлиял на развитие свиноводства в 1973 г. По оценкам, рост поголовья свиней в этом году составил менее 3%.

Несмотря на наличие изменений в аграрной политике маоистского руководства в начале 70-х годов, ее стратегическая цель осталась прежней — использовать сельское хозяйство в качестве источника средств для интенсивного наращивания военно-промышленного потенциала при минимальных расходах государства на нужды развития деревни. По этой причине развитие материально-технической базы сельского хозяйства в огромной степени отстает от потребностей народного хозяйства, а состояние сельскохозяйственного производства зависит от стихийных сил природы.

ТРАНСПОРТ

С момента образования КНР в стране достигнуты некоторые успехи в создании современной транспортной системы. В настоящее время на железных дорогах курсирует несколько сот тепловозов. На сети шоссейных дорог используется более полумиллиона грузовых автомобилей. На внутренних водных путях и каботажных линиях имеются современные речные и морские суда, крупные океанские торговые суда заходят в иностранные порты. Парк самолетов гражданской авиации обслуживает более 80 авиалиний, связывающих свыше 70 городов страны (табл. 9). Однако в целом транспорт остается малоразвитым, отсталым.

С 1950 по 1972 г., по оценочным данным, эксплуатационная длина железных дорог увеличилась на 87%, общая протяженность всех дорог — почти в 7 раз, длина судоходных речный путей, доступных для моторных судов,— более чем в 2 раза, длина авиационных маршрутов — в 6 раз. За это время инвентарный парк локомотивов и грузовых вагонов вырос соответственно в 1,8 и 3,8 раза, численность грузовых автомобилей — более чем в 15 раз. С 1958 по 1972 г. тоннаж морского торгового флота увеличился в 2 с лишним раза[53]. Перевозки грузов и грузооборот железнодорожного транспорта возросли соответственно примерно в 6,6 и 8,2 раза, авто-

[53] «Lloyd's Register of Shipping. Statistical Tables», London, 1968, 1972.

Таблица 9

Развитие сети путей сообщения в 1950—1972 гг.,
тыс. *км*

Показатель	1950 г.	1952 г.	1957 г.*	1960 г.	1965 г.	1970 г.**	1971 г.	1972 г.***
Эксплуатационная длина железных дорог	22,5	24,5	29,8	33,0	35,0	40,0	41,0**	42,0
Общая протяженность шоссейных дорог	99,6	126,6	254,6	500,0	550,0	650,0	670,0***	670,0
Длина судоходных речных путей (включая джоночное сообщение)	73,6	95,0	144,1	150,0	—	—	150,0***	150,0
в том числе доступных для моторных судов	24,2	30,5	39,2	50,0***	50,0***	—	—	50,0
Протяженность авиационных линий	11,4	13,1	26,4	37,0	—	—	—	68,4****

* Данные за 1950, 1952, 1957 гг. см. Великое десятилетие, Пекин, 1959, стр. 127.

** Данные за 1960, 1965, 1970 гг. см. People's Republic of China: an Economic Assessment. Joint Economic Committee Congress of the U.S.A., Washington, 1972, стр. 178.

*** Оценка.

**** «Жэньминь жибао», 21. XII. 1973.

мобильного — в 30 и 52 раза, водного транспорта (моторные суда) — в 14,2 и 26,2 раза. Объем перевозок грузов и пассажиров гражданской авиацией увеличился соответственно в 30 и 45 раз. Гражданская авиация насчитывает сейчас около 500 самолетов (табл. 10).

Следует отметить, что достижения в развитии транспорта, несомненно, могли бы быть более значительными, если бы стране не был навязан авантюристический эксперимент в развитии народного хозяйства в виде «большого скачка», а также кампания «культурной революции», которые отрицательно сказались на поступательном движении экономики, в том числе и транспортного сектора.

Транспорт все еще остается слабым звеном в экономике и становится одним из серьезных тормозов хозяйственного прогресса в стране. Железных дорог еще очень мало: отдельные провинции не соединены между собой. Многие провинции и автономные районы имеют лишь одну-две линии. Около половины железнодорожных линий — старые, требующие постоянного ремонта и обновления пути. Лишь несколько тысяч километров дорог имеют асфальтовое и бетонное покрытие. Только половина всех дорог в стране считается пригодной для движения в любую погоду. Строительство местных дорог ведется слабо, вследствие чего многие сельские районы, как правило, не связаны с основными транспортными магистралями.

В настоящее время транспорт КНР характеризуется относительной отсталостью технических средств. Не менее 90% инвентарного парка локомотивов — паровозы, причем около половины созданы до 1950 г. В вагонном парке имеется много старых моделей малой грузоподъемности. На железных дорогах не хватает локомотивов и вагонов, в особенности вагонов специального назначения. Морские суда обеспечивают потребности страны лишь на 40%. Морской и речной флот имеют значительное число устаревших судов.

Парк грузовых автомобилей является малочисленным и устаревшим. До сих пор широко используются гужевой транспорт и мускульная сила людей (переноска, перевозка на ручных тележках, велосипедах). В области гражданской авиации Китай целиком зависит от импорта крупных пассажирских самолетов.

При существующем уровне развития транспортная система не в состоянии без крайнего напряжения справиться с ростом перевозок. Стратегические интересы китайского руководства заставляют принимать энергичные меры по улучшению транспортных связей в стране.

Железнодорожный транспорт. К концу 1973 г. эксплуатационная длина железных дорог составляла приблизитель-

Таблица 10

Перевозки грузов и грузооборот различных видов транспорта в 1950—1972 гг. *

Вид транспорта	1950 г.	1952 г.	1957 г.	1960 г.**	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Железнодорожный								
перевозки, млн. *т* . .	99,8	132,2	274,2	470,0	490,0	570,0	620,0	660,0
грузооборот, млрд. *ткм*	39,4	60,2	134,6	228,0	240,0	280,0	304,0	326,0
Водный (моторные суда каботажного и речного флота)								
перевозки, млн. *т* . .	6,6	14,3	53,8	66,0	70,0	81,0	88,0	94,0
грузооборот, млрд. *ткм*	2,9	10,6	34,4	53,0	56,0	66,0	71,0	76,0
Автомобильный								
перевозки, млн. *т* . .	9,2	22,1	83,7	198,0	210,0	240,0	260,0	280,0
грузооборот, млрд. *ткм*	0,4	0,8	3,9	15,0	16,0	18,0	20,0	21,0
Воздушный транспорт								
грузооборот, млн. *ткм*	0,8	2,4	8,2	—	—	—	—	25,4***
пассажирооборот, млн. пассажиро-*км*	9,8	24,1	79,9	—	—	—	—	449,9

* Данные за 1950, 1952, 1957 гг. см. Великое десятилетие, стр. 127, 129, 131, 135.

** Данные за 1960 г. по железнодорожному транспорту см. People's Republic of China: an Economic Assessment. Joint Economic Committee Congress of the U.S.A. Washington, 1972, стр 178. По остальным видам за 1960 г., а также за 1965, 1970, 1971, 1972 гг.— оценка.

*** «Жэньминь жибао», 21. XII. 1973.

но 44 тыс. *км*. Китайская печать сообщала, что железнодорожные части НОА ускоренными темпами прокладывали новые линии в юго-западных, центрально-южных провинциях, Северо-Западном и Северном Китае, в лесных районах Северо-Востока [54]. Наряду со строительством дорог нормальной колеи в ряде провинций и автономных районов местными силами и средствами строились так называемые местные железные дороги узкой колеи, на которых используются маломощные тепловозы.

В 1973 г. строились новые и реконструировались старые сортировочные станции. В мае была сдана в эксплуатацию сортировочная станция в Нанкине — самая большая в Восточном Китае и одна из крупных современных станций в стране [55].

Парк подвижного состава пополняется за счет увеличения производства железнодорожных вагонов и локомотивов. В 1973 г., по данным китайской печати, выпуск локомотивов, грузовых и пассажирских вагонов возрос более чем в 4 раза по сравнению с 1965 г. Были импортированы несколько сот железнодорожных цистерн и пассажирские вагоны.

Объем грузовых перевозок на железных дорогах увеличился приблизительно на 9, а грузооборот — на 7% по сравнению с 1972 г. В первую очередь транспорт обслуживал металлургическую промышленность. По оценочным данным, в течение года было перевезено около 720 млн. *т* грузов, а грузооборот превысил 350 млрд. *ткм*.

Водный транспорт. В 1973 г. каботажным и речным флотом было перевезено свыше 100 млн. *т* грузов и выполнен грузооборот около 83 млрд. *ткм*, или примерно на 7 и 9% соответственно больше, чем в 1972 г. (оценка).

В 1973 г. первостепенное значение придавалось ускорению реконструктивных и строительных работ в морских портах страны: в строительство девяти ведущих морских портов вложено в 2 с лишним раза больше средств, чем в 1972 г.

В течение года была завершена первая очередь работ по расширению нефтяного района в порту Далянь; в октябре сдана в эксплуатацию первая очередь строящегося нефтяного причала в Циньхуандао; в Тяньцзиньском порту в основном закончены главные работы на новом рейде для стоянки судов тоннажем 35 тыс. *т*, строится причал для танкеров; в основном завершены сооружения нового угольного причала для судов грузоподъемностью 10 тыс. *т* в порту Ляньюньган и реконструкция рейдов к трем старым причалам в Шанхайском порту; в этом же порту строились новый причал для

[54] «Жэньминь жибао», 4.VIII.1973.
[55] «Жэньминь жибао», 24.X.1973.

разгрузки и погрузки химических удобрений без упаковки и объект для снабжения судов горючим. Велись работы по расширению портов Циндао, Яньтай, Бэйхай, Чжаньцзян и Хуанпу (Гуанчжоу).

По свидетельству китайской печати, работы по строительству и реконструкции портов, выполненные в 1973 г., позволили увеличить их суммарную пропускную способность более чем на 15 млн. *т* и сейчас пропускная способность главных морских портов в 12 раз выше, чем в 1950 г.

По оценочным данным, в 1972 г. тоннаж морского флота насчитывал около 1,18 млн. брутто-регистровых тонн, или 0,44% тоннажа мирового морского флота. В 1973 г. продолжалось пополнение флота за счет собственного производства, а также импорта из Японии, Югославии, Румынии, Англии, Норвегии, Голландии. Более 3/4 тоннажа морского флота использовалось в каботажных перевозках. Во внешнеэкономических связях КНР опиралась преимущественно на морской транспорт, причем на долю собственных судов приходилось менее 1/6 общего объема перевозок экспортно-импортных грузов.

КНР заключила с рядом стран соглашения о сотрудничестве в области морского судоходства. Начала функционировать морская линия между портом Хорремшехр (Иран) и Шанхаем; подписаны соглашения с Чили о морских перевозках и открытии морской линии, по которой будут перевозиться пассажиры и грузы между двумя странами[56]. По соглашению с Грецией о морских перевозках греческие суда получили определенные преимущества при транспортировке китайских товаров. Торговое соглашение с Мексикой предусматривает использование во взаимной торговле морских портов обеих стран, при этом Мексике предоставляется режим наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем. В начале декабря парафировано временное соглашение о морском сообщении между КНР и Францией. Развивалось сотрудничество в области морского судоходства с Республикой Шри Ланка. Сейчас КНР имеет торговую связь более чем с 550 портами 140 стран и районов мира.

На речном транспорте основное внимание было направлено на улучшение навигационных условий на реках Янцзы и Чжуцзян и некоторых их притоках. Дноуглубительные работы, проведенные за последние годы на р. Хуайхэ, сделали ее судоходной на протяжении 1 тыс. *км*, годовой объем перевозок в результате этого увеличился с 30 тыс. *т* до 1,1 млн. *т*. В среднем и нижнем течении р. Янцзы были построены и ре-

---

[56] «Жэньминь жибао», 28.I.1973.

конструированы семь портов; общий тоннаж флота на Янцзы за годы народной власти увеличился в 8 раз.

Автомобильный транспорт. В 1973 г., согласно оценочным данным, перевозки грузов автомобильным транспортом составили 304 млн. *т,* а грузооборот — 23 млрд. *ткм,* или соответственно на 8 и 9% больше, чем в 1972 г.

В 1973 г. были реконструированы Сычуань-Тибетская и Цинхай-Тибетская шоссейные дороги, в частности на первой сдан в эксплуатацию новый мост через р. Нуцзян, ширина его проезжей части 8 *м*[57]. Пресса сообщала о быстрых темпах асфальтирования дорог в провинциях Шаньдун, Шаньси, Шэньси, Цзянсу, Юньнань, Цзилинь[58], были сданы в эксплуатацию мосты через реки Миньцзян, Сунхуацзян, Цангпо.

КНР продолжает ввозить автомобили средней и большой грузоподъемности (в том числе и бывшие в эксплуатации) и различную дорожно-строительную технику (из Японии, Франции, ЧССР и др.).

Воздушный транспорт. В 1973 г. Китай продолжал развивать гражданскую авиацию. Закупки пассажирских самолетов с большой дальностью полета (в 1971—1973 гг. было заказано у Англии 35 воздушных судов «Трайдент», у США — 10 самолетов «Боинг-707» и несколько самолетов в СССР) свидетельствуют о намерении расширить внутренние линии и географию международных воздушных связей. До конца года парк гражданских самолетов пополнился по меньшей мере 13 пассажирскими лайнерами. Велась также подготовка к открытию международных линий, строился современный вокзал международного аэропорта в Пекине.

В январе пакистанские самолеты начали совершать рейсы по маршруту Карачи — Равалпинди — Пекин — Шанхай[59]. В феврале официально открылось прямое сообщение между Эфиопией и КНР по маршруту Аддис-Абеба — Шанхай с посадкой самолетов в Бомбее. Самолеты французской авиакомпании «Эр Франс» с сентября начали полеты на трассе Париж — Пекин с одной остановкой в Карачи. До этого самолеты делали остановки в Афинах, Каире, Карачи и Рангуне.

КНР подписаны соглашения о воздушном сообщении с Италией, Норвегией, Швецией, Данией, Грецией, Канадой и СССР. В настоящее время Китай имеет связи более чем со 100 иностранными авиакомпаниями[60].

Помимо перевозок грузов и пассажиров самолеты граж-

---

[57] «Жэньминь жибао», 7.II.1973.
[58] «Жэньминь жибао», 23.XII.1973.
[59] «Жэньминь жибао», 21.I.1973.
[60] «Жэньминь жибао», 21.XII.1973.

данской авиации специального назначения использовались для обслуживания промышленности, сельского хозяйства и других отраслей. По сообщениям газет, за десять месяцев 1973 г. грузовые и пассажирские перевозки увеличились вдвое по сравнению с аналогичным периодом 1972 г.[61].

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ КНР

Одной из неотложных задач народного государства в первые годы после освобождения стало налаживание внутреннего товарооборота в КНР, и прежде всего восстановление и развитие экономических связей между городом и деревней. Важнейшим мероприятием в этом направлении стала организация общей финансово-экономической деятельности в стране, проведенная в соответствии с Постановлением Государственного административного совета ЦНП от 3 марта 1950 г.[62]. В ходе выполнения постановления были централизованы руководство финансово-экономической работой, доходы и расходы государства, учет и распределение материальных ресурсов, установлен контроль над денежным обращением — все это давало возможность осуществить централизацию государственной торговли.

Многоукладность экономики отразилась на внутренней торговле КНР, в которой существовали пять различных форм: государственная, кооперативная, капиталистическая, мелкая и частная и государственно-капиталистическая торговля.

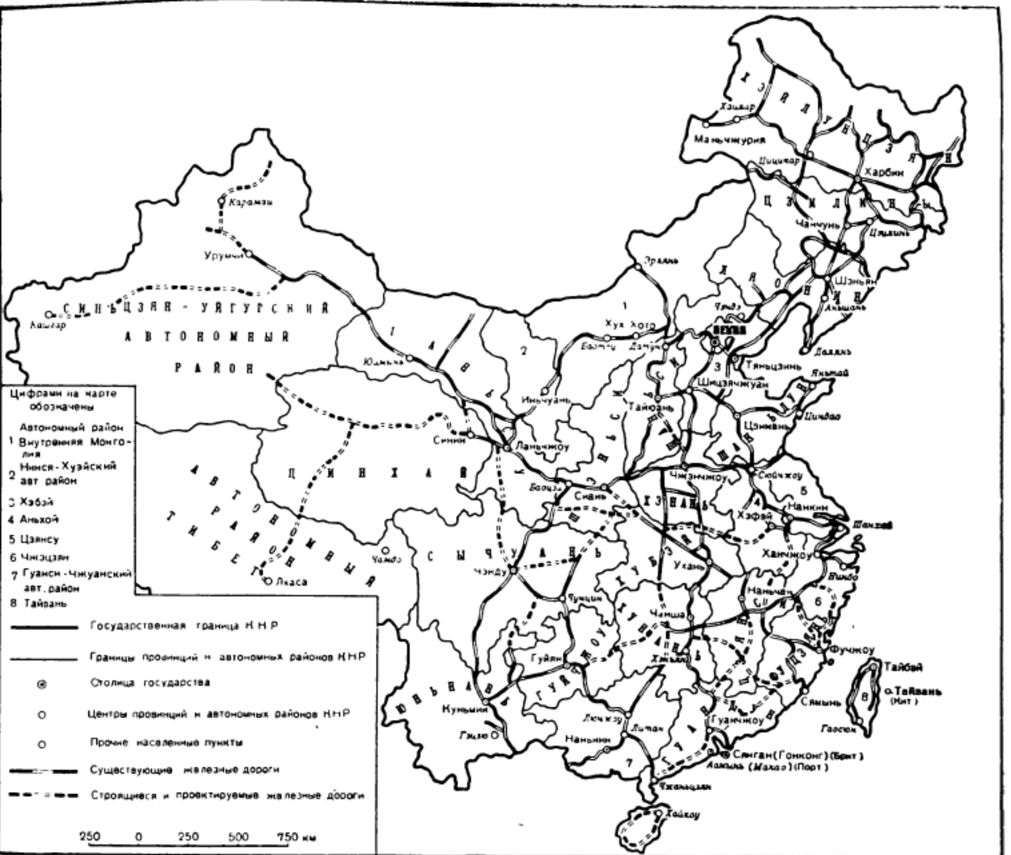
Сразу после образования КНР удельный вес государственной торговли был невелик. По мере укрепления государственного сектора во всей экономике страны происходило и укрепление его позиций во внутренней торговле. Решающие позиции государственная торговля заняла в оптовом обороте. Удельный вес государственной оптовой торговли в общем объеме оптовой торговли страны возрос с 23,2% в 1950 г. до 60,5% в 1952 г. Вместе с кооперативными и госкапиталистическими предприятиями к концу восстановительного периода (1952) государственные торговые предприятия охватывали 63,7% всего оптового оборота страны[63]. К концу восстановительного периода государственный сектор занял решающие позиции во всем внутреннем товарообороте страны.

---

[61] Там же.

[62] Конституция и основные законодательные акты КНР, М., 1955, стр. 177.

[63] Основные показатели развития народного хозяйства КНР, М., 1958, стр. 58.

Железнодорожные пути КНР

С целью нормализации обеспечения нужд сельского и городского населения важнейшими товарами с зимы 1953 г. в КНР начали осуществляться единые плановые закупки и централизованное снабжение населения важнейшими сельскохозяйственными продуктами и товарами широкого спроса.

Осуществление плановых закупок и планового снабжения тканями, зерном и масличными культурами способствовало увеличению их производства и улучшению снабжения ими населения. В условиях еще довольно низких темпов развития сельскохозяйственного производства, а следовательно, и недостатка основных товаров широкого спроса, политика плановых закупок и планового снабжения являлась прогрессивной мерой, призванной регулировать доходы и уровень жизни городского и сельского населения.

В годы первой пятилетки произошло увеличение розничного товарооборота в стране. Значительно возросло потребление различных товаров, расширилась номенклатура промышленных товаров массового потребления, улучшилось их качество. Одновременно с ростом товарооборота расширилась торговая сеть. В экономических связях между городом и деревней произошли структурные изменения: в сельском товарообороте постепенно возрастала доля средств производства.

Однако, несмотря на рост товарооборота, в период первой пятилетки на рынках страны создалось напряженное положение со снабжением населения хлопчатобумажными тканями, растительным маслом, свининой, спрос на эти товары удовлетворялся не полностью. В этих условиях огромное значение имела политика централизованных закупок и снабжения населения, введенная в 1953 г.

В 1956 г. в Китае был открыт свободный рынок, ослабился контроль государства над торговлей второстепенными товарами, крестьяне получили право продавать эти товары на рынке, что привело к общему оживлению торговли в стране.

В первую пятилетку произошли коренные изменения в социально-экономической структуре страны, завершились в основном преобразования сельского хозяйства, частной торговли. Государственный и кооперативный секторы стали играть господствующую роль во внутренней торговле страны. В эти годы в Китае были созданы все предпосылки для складывания в стране единого рынка, укрепилась экономическая база союза рабочих и крестьян.

Проводимая маоистами политика «большого скачка» в экономике отрицательно сказалась на внутренней торговле Китая. В ходе обобществления, проводимого в связи с созданием «народных коммун» в деревнях, у крестьян были

отобраны приусадебные участки, были запрещены ведение личного хозяйства и кустарный промысел, закрыты свободные рынки. Это привело к сужению источников поступления товарной продукции, а следовательно, к сужению всего внутреннего рынка страны.

В период «урегулирования» народного хозяйства государство приняло ряд мер по оживлению товарооборота в стране, улучшению снабжения населения продуктами питания и товарами широкого потребления. К началу этого периода было восстановлено личное хозяйство и возвращены приусадебные участки, которые составляли 5% всей обрабатываемой площади и давали 10% всей сельскохозяйственной продукции [64]. Вновь были открыты свободные сельские рынки, восстановлен кустарный промысел, изделия которого можно было продать на этих рынках.

Важную роль в развитии товарооборота играла снабженческо-сбытовая кооперация, осуществлявшая посреднические связи между городом и деревней. Деятельность этой кооперации вызвала некоторое оживление товарооборота в стране, способствовала укреплению экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, поколебленной в годы «большого скачка». И в эти годы государство продолжало осуществлять жесткое нормирование основных продовольственных товаров. Годы «культурной революции» пагубно отразились на внутренней торговле страны.

Политические кампании чистки партийного и административного аппарата, проводившиеся в это время, привели к разрушению государственного административно-торгового аппарата всей страны. Вследствие прекращения деятельности торговых компаний были нарушены производственные связи между различными звеньями торгового аппарата провинций, уездов, автономных районов.

В годы «культурной революции» маоистское руководство проводило политику создания самообеспечивающихся хозяйственных комплексов. Этой цели должна была служить реформа торговли на селе 1969 г. Маоистское руководство пыталось и торговлю в деревне перевести на рельсы «опоры на собственные силы», наладить ее силами сельских торговых организаций с использованием их собственных средств при максимальной экономии средств государственных.

Попытка китайского руководства поставить развитие внутренней торговли в деревне на рельсы «опоры на собственные силы» ведет прежде всего к искусственному ограничению сферы товарно-денежного обращения, ослаблению

---

[64] Мировая экономика и международные отношения, 1967, № 6, стр. 30.

межрайонных связей, застою внутреннего товарооборота в стране.

В годы «культурной революции» помимо уже существовавшего ограничения норм потребления зерновых, пищевых масел и хлопчатобумажных тканей резко сократилось потребление угля, керосина, спичек, сахара, соли, мыла. Ухудшился качественный состав пайков: карточки на рис и муку отоваривались хорошими сортами лишь на 40%.

Начиная с 1969 г. положение во внутренней торговле Китая постепенно нормализуется. Восстанавливается деятельность министерства торговли, городских специализированных компаний, усиливается руководство розничными магазинами.

В 70-е годы основным курсом ведения внутренней торговли в Китае становится курс «развивать экономику, обеспечивать снабжение» с главными установками: «оказывать поддержку сельскому хозяйству» и «торговля содействует промышленному производству».

Китайская печать начиная с конца 50-х годов не публикует систематизированных статистических данных о состоянии внутренней торговли в стране. Лишь в сентябре 1972 г. агентство Синьхуа сообщило, что за 23 года существования КНР общий объем розничного товарооборота в стране увеличился в 6 раз, т. е. составил, по приблизительным подсчетам, около 100 млрд. юаней. Сравнивая эту цифру с суммой розничной реализации в 68,05 млрд. юаней, намеченной на 1962 г., конец второй пятилетки, можно говорить о тенденции увеличения внутреннего товарооборота в Китае, что объясняется прежде всего объективными закономерностями экономического развития страны с огромным населением.

По отрывочным данным, сообщаемым китайской печатью, можно составить лишь наиболее общую картину состояния внутреннего товарооборота Китая. В первые восемь месяцев 1973 г. объем продажи товаров в Пекине, Шанхае и Тяньцзине возрос на 8—13% по сравнению с 1972 г.[65].

По данным китайской печати, цены в стране после окончания периода восстановления, т. е. с 1952 г., на недорогие товары широкого потребления в основном оставались стабильными. Предметы длительного пользования (часы, швейные машины, велосипеды, шерстяные ткани и т. п.), считающиеся в Китае предметами роскоши, имеются в ненормированной продаже. Они сравнительно дороги и практически недоступны широкому покупателю.

---

[65] ИБАС, 1.Х.1973.

В первом полугодии 1973 г. в Китае были повышены цены на товары, которые покупают лишь иностранцы и незначительная часть китайского населения (меха, кустарно-художественные изделия и т. д.), а также цены в сфере бытового обслуживания иностранцев.

На торговых предприятиях страны в 1973 г., так же как и в годы «культурной революции», продолжалось движение «критика ревизионизма, исправление стиля».

Торговля на селе, несмотря на реформу 1969 г., еще очень несовершенна. Она осуществляется по схеме: снабженческо-сбытовой кооператив — передвижные лавки — торговля вразнос. Путь товаров в деревню отличается многоступенчатостью, хозрасчет отсутствует, торговые точки удалены от потребителя. «Передвижные лавки», организованные снабженческо-сбытовыми кооперативами, занимаются не только продажей товаров, но и закупкой сельскохозяйственного сырья у населения. Транспортные расходы по доставке товаров в отдаленные районы субсидируются государством и не входят в цену товаров. Китайская печать призывает шире развертывать этот курс развития торговли, призывает сельские бригады и «коммуны» развивать подсобный промысел, с тем чтобы обогатить деревенские рынки, шире проводить закупки сельскохозяйственной продукции подсобного промысла у населения, что отвечает главной установке развития торговли: «Оказывать поддержку сельскому хозяйству».

Розничный товарооборот в 1973 г. по сравнению с 1972 г. увеличился на 7%. По всей видимости, рост товарооборота в городах происходит за счет увеличения реализации недорогих товаров и предметов первой необходимости. Товарные запасы в стране незначительны, однако китайские власти пытаются создать внешнее впечатление изобилия товаров на прилавках.

В 1973 г. в Китае по-прежнему сохранялась система нормированного снабжения населения хлопчатобумажными тканями, зерновыми, маслом. В связи с сокращением в 1972 г. сельскохозяйственного производства были урезаны и нормы снабжения населения. В деревнях функционируют свободные рынки, где крестьяне продают излишки продуктов по цене, установленной государством. Однако деятельность этих сельских рынков в настоящее время ограничивается государством.

В стране до сих пор существует обширный «черный рынок», где можно купить по повышенным ценам дефицитные товары.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

25-летний исторический опыт развития КНР показывает, что установление в ходе социально-экономических преобразований прогрессивных производственных отношений без всестороннего подъема производительных сил не может привести к существенному улучшению материального благосостояния трудящихся. Более того, просчеты китайского руководства в хозяйственном строительстве, огромный естественный прирост населения оказали сугубо отрицательное влияние на жизненный уровень китайского народа и неоднократно ставили его на грань полного истощения жизненных ресурсов.

В настоящее время основным источником доходов населения КНР служит общественное производство. В сельском хозяйстве в зависимости от экономического развития в производственных бригадах, «народных коммунах» плата за трудодень колеблется от 0,3 до 1 юаня и выше [66]. Существенным подспорьем для крестьян служат подсобные хозяйства, от которых они получают 25—30% доходов [67].

Источником доходов рабочих, инженерно-технических работников и служащих, число которых в начале 70-х годов составило примерно 50 млн., является заработная плата. В годы первой пятилетки в КНР были осуществлены крупные мероприятия по приведению системы оплаты труда в соответствие с потребностями экономического развития. Правительственными постановлениями рабочие и служащие переводились с натуральных и полунатуральных форм оплаты труда, сохранившихся от военного времени, на денежную заработную плату [68]. На предприятиях за основу была принята восьмиразрядная тарифная сетка с диапазоном между низшим и высшим разрядами 1:3. В некоторых отраслях вводились семи- шести- и даже пятиразрядные сетки. Ставка 1-го разряда в зависимости от народнохозяйственного значения отрасли устанавливалась в размере от 31 до 39 юаней в месяц, 8-го — от 95 до 117 юаней [69]. Тарифная система оплаты дополнялась разного рода доплатами и премиями.

В зависимости от должности заработная плата служащих государственного аппарата делилась на 30 категорий.

---

[66] «Жэньминь жибао», 9.III; 23.IX.1972; 2.VII.1974.

[67] «Жэньминь жибао», 21.IX.1972.

[68] Сборник законов КНР (Чжунхуа жэньминь гунхэго фагуй хуайбянь), т. 2, Пекин, 1965; стр. 684—686; т. 4, Пекин, 1957, стр. 407—411.

[69] По данным китайской печати.

По первым трем категориям (560, 500, 440 юаней в месяц) стало оплачиваться небольшое число лиц — Председатель КНР, председатель Постоянного комитета ВСНП, премьер Государственного совета и их заместители; по 25—30-й категориям (30—18 юаней в месяц) — многочисленный обслуживающий персонал [70]. Разные категории по уровню квалификации были введены для работников здравоохранения, образования, суда и прокуратуры, инженерно-технических работников, переводчиков и т. п.

В начале 50-х годов на промышленных предприятиях и в государственных учреждениях была введена 48-часовая рабочая неделя с одним выходным днем. Оплачиваемые отпуска, за исключением семи праздничных дней (1 Мая, 1 Октября, Праздник весны), в Китае до сих пор отсутствуют. Иногородним разрешается двухнедельная поездка к семье. Пенсионный возраст для мужчин был установлен в 60 лет, для женщин-работниц — 50, для женщин-служащих — 55 лет. Размер начисляемых пенсий в зависимости от стажа — 50—85% среднего заработка [71].

В годы «большого скачка» китайское руководство пыталось искусственно преобразовать складывающуюся систему распределения доходов. В «народных коммунах» вводились система «бесплатного снабжения и заработной платы», обобществление быта; у крестьян отбирались приусадебные участки; в промышленности ликвидировались сдельная оплата труда, премии. В промышленности, в сельском хозяйстве нарушались условия труда: произвольно удлинялся рабочий день (до 12—14 часов в сутки), сокращалось число выходных дней (до двух в месяц). Все это серьезно подрывало производственную активность населения и явилось одной из причин провала «большого скачка».

В годы «урегулирования» китайское руководство вынуждено было шире использовать для повышения трудовой активности принцип распределения по труду. В промышленности восстанавливались сдельная заработная плата, премии, восьмичасовой рабочий день.

В годы «культурной революции» было предпринято наступление на материальные интересы трудящихся, затронувшее широкие слои рабочих и служащих, когда под прикрытием борьбы с «ревизионистским экономизмом» в промышленности, на транспорте отменялись премии, надбавки, ликвидировалась сдельная заработная плата, снижались должностные оклады.

---

[70] Там же, стр. 37.

[71] «Синьхуа баньюэкань», Пекин, 1958, № 5, стр. 142; «China Reconstructs», Peking, 1974, № 5, стр. 35.

В настоящее время китайская пропаганда старается показать, будто «культурная революция» имела благотворное влияние на повышение жизненого уровня трудящихся. По официальным данным, в 1971 г. средняя заработная плата рабочих и служащих без вновь принятых увеличилась в 1,5 раза по сравнению с 1952 г. и составила 650 юаней. В действительности же рост номинальной заработной платы рабочих и служащих имел место в основном в годы первой пятилетки, когда она возросла на 43 пункта, тогда как за последующие 14—15 лет всего на 3 пункта [72]:

	1952 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1971 г.
Средняя заработная плата по стране, юаней в год . . .	446	534	610	637	650
Рост по сравнению с 1952 г., %	100	120	137	143	146

Ввиду повышения цен на важнейшие потребительские товары уже в первую пятилетку рост реальной заработной платы значительно отставал от номинальной. По официальным данным, в 1957 г. сводный индекс розничных цен на предметы первой необходимости по сравнению с 1952 г. повысился на 8,6% [73]. Особенно увеличились цены на продукты животного происхождения (в Шанхае, например, на 30,2%) [74].

В настоящее время только цены на нормированные зерновые продукты, батат и овощи остаются на довольно низком уровне и доступны массовому потребителю. Реализация карточных талонов даже на самую дешевую одежду, обувь является тяжелым бременем для семейных бюджетов рядовых китайцев. Практически простым труженикам недоступно приобретение многих необходимых промышленных изделий (велосипеды, часы, приемники), а также пищевых продуктов в коммерческих магазинах и на рынке, где цены на них в 2—3 раза выше (табл. 11).

По данным гонконгских экономистов, в настоящее время затраты на питание в северных и северо-восточных районах страны равняются 18, в южных — 14 юаням в среднем на человека в месяц, стоимость жизненных средств, включая затраты на одежду, обувь, жилье и т. д.,— соответственно

---

[72] Великое десятилетие, стр. 191.

[73] Там же.

[74] Toshiyuki Mizaguchi, Statistical Analysis of price system in Mainland China, The Institute of Economic Research Hitotsubashi University, Tokyo, 1965, стр. 313.

28 и 24 юаням[75]. Следовательно, у многочисленной части рабочих и служащих месячного оклада (18—30 юаней) едва хватает для выкупа минимума жизненных средств, необходимых для поддержания собственной жизни.

Таблица 11

Государственные розничные цены на отдельные продовольственные и промышленные товары (на конец 60 — начало 70-х годов) *

Товар	Единица измерения	Цена в юанях
Рис очищенный (в зависимости от сорта)	*кг*	0,26— 0,56
Мука пшеничная	»	0,36— 0,40
Свинина	»	1,8— 2,2
Масло растительное	»	1,9— 2,3
Сахар	»	1,5— 1,6
Керосин	»	1,0— 1,1
Ткань хлопчатобумажная (в зависимости от сорта)	*м*	1,4— 2,75
Хлопчатобумажная куртка	шт.	7,0— 9,0
Хлопчатобумажные брюки	пара	6,0— 7,4
Кожаные ботинки	»	18—25
Радиоприемник	шт.	до 180
Часы наручного местного производства	»	110—120
Велосипед	»	135—173
Авторучка	»	2,15—14,08
Газета «Жэньминь жибао»	годовая подписка	18,0

* Составлено по материалам западной и китайской прессы.

Китайское руководство в условиях острой нехватки продуктов потребления вынуждено было в 1971 и 1972 гг. пойти на небольшое повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим, а также частичное восстановление некоторых надбавок. Предприятиям в промышленности разрешалось повысить заработную плату рабочим 1—3-го разрядов на 5,6—8 юаней. В государственном и хозяйственном аппарате надбавку от 2 до 5 юаней в месяц получили рабочие и служащие 25—30-й категорий[76]. Повышение заработной платы затронуло также часть низшего техническо-

[75] По данным китайской печати.
[76] По данным китайской печати.

го персонала в строительстве, сельском хозяйстве (на 3—5 юаней в месяц)[77]. Сейчас более $^3/_4$ рабочих и служащих КНР получают менее 70 юаней в месяц. В местной промышленности месячный заработок квалифицированных рабочих с большим производственным стажем составляет около 40 юаней[78]. Среди рабочих наиболее высокая заработная плата у работников угольной, металлургической и военных отраслей промышленности. Например, у кайлуаньских шахтеров среднемесячный заработок равняется 80 юаням.

В результате роста общей занятости в городах, увеличения государственных закупок сельскохозяйственной продукции, а также повышения закупочных цен на нее денежные доходы городского и сельского населения опережают прирост товарных масс. С целью ослабления инфляционных тенденций в экономике и привлечения народных средств для ускорения хозяйственного строительства государство активно побуждает трудящихся вкладывать свои деньги в сберегательные кассы. Так, сбережения городского и сельского населения в 1971 г. по сравнению с 1965 г. возросли на 28%, в 1972 г. по сравнению с 1971 г.— на 16%. Наиболее высокими темпами вклады растут в сельской местности. За 1965—1970 гг. коллективные и личные вклады крестьян увеличились на 59%. В 1973 г. по сравнению с 1972 г. вклады городского населения выросли на 10,5%, крестьян — на 32%.

Материальные условия жизни китайского народа продолжают оставаться очень тяжелыми. Вследствие огромного недопроизводства материальных благ в стране не удовлетворяются минимальные потребности населения в хлебе, одежде, обуви, жилье. Распределение основных средств существования вот уже на протяжении более 20 лет осуществляется при помощи жесткого нормирования. За истекшие 25 лет Китай очень мало продвинулся в решении одной из самых насущных жизненных проблем — в обеспечении населения продовольственными продуктами. Даже в относительно благоприятные годы в среднем на душу потребляется 2100—2150 *ккал* в сутки при норме 2750—2850 *ккал*. Не произошло и существенных сдвигов в улучшении структуры питания: основным источником энергии, белков, жиров служит растительная пища, за счет которой удовлетворяется примерно 97% потребляемых калорий против 75—50% в экономически развитых странах.

Хотя за последние 10—12 лет обеспечение населения зерновыми, бататом, овощами несколько улучшилось, тем не

---

[77] Там же.
[78] Some Basic Facts about China, Peking, 1974, стр. 36.

менее продовольственная обстановка в стране продолжает оставаться очень напряженной. В 1972 г., например, в некоторых крупнейших городах на рабочего, занятого на тяжелых работах, выдавалось 17 *кг* зерновых (включая батат в пересчете на зерно в пропорции 4:1), на рабочего на легких работах — 14 *кг*, на взрослого иждивенца — 11 *кг*, что на 14—18% ниже норм, утвержденных для соответствующих категорий населения Госсоветом КНР в 1955 г. Еще хуже обстоит дело со снабжением продовольствием жителей мелких городов и сельского населения. В различных районах страны крестьяне испытывают острую нужду в хлебе по нескольку месяцев в году. Месячная норма выдачи растительного масла и мяса составляет 125—250 *г* на человека. Во многих районах крестьяне едят мясо только по праздникам — 3—4 раза в году [79]. В беседе с японской сельскохозяйственной делегацией, посетившей Китай в конце 1971 г., Чжоу Энь-лай вынужден был признать, что в «области продовольствия» китайский народ может только «удовлетворять свои самые элементарные потребности» [80]. С сокращением в 1972 г. валового сбора зерна продовольственная обстановка в стране заметно обострилась. В связи с этим китайская печать активизировала пропаганду за «плановое использование, плановую экономию продовольствия». В условиях острого продовольственного дефицита официальные власти под лозунгом «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям» ведут упорную работу по созданию централизованных, коллективных и индивидуальных запасов зерна.

Крайне неудовлетворительно обеспечивается население такими предметами первой необходимости, как одежда и обувь. На протяжении всей истории КНР прозводство хлопчатобумажных тканей не превышало 10 *м*, а личное потребление — 5—7 *м* на человека в год. Кожаная обувь, меховые и шерстяные изделия производятся в таком небольшом количестве, что в быту населения они практически не известны. Резиновой обуви выпускается значительно больше, однако также крайне недостаточно. В годы первой пятилетки обувная промышленность выпускала всего одну пару резиновой обуви на шесть-семь человек в год [81].

Доставшийся в наследство КНР жилой фонд очень низкого качества и невелик по сравнению с гигантской численностью населения. В городах половину жилья составляли трущобы, опасные для жизни. В Пекине на них приходилось

---

[79] R. O. Whyte, Rural Nuttrition in China, London—New York, 1972, стр. 27.

[80] «Цзуго», 1971, № 92, стр. 14.

[81] Экономика стран социалистического лагеря в цифрах, 1960, М., 1961, стр. 153.

66%, в Чанша — 77% жилого фонда, в Нанкине в трущобах проживало 200 тыс. человек; в Чэнду на человека приходилось в среднем по 1,61 *кв. м* жилья. В первые десять лет в связи с быстрым ростом городов и отставанием жилищного строительства жилая площадь в среднем на городского жителя сократилась. Если, например, в 1949 г. в Пекине на 1 человека приходилось в среднем 3,9 *кв. м* жилой площади, то в 1956 г.— 2,9 *кв. м,* в Шанхае — соответственно — 3,4 и 2,97, в Ухани — 4,06 и 3,06, в Ланьчжоу — 3,10 и 1,6 *кв. м*[82].

Несмотря на чрезвычайно тяжелые жилищные условия, сооружение нового жилья ведется медленно и сосредоточено главным образом в крупнейших городах. Так, по официальным данным, с 1949 по 1971 г. в семи промышленных центрах (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Нанкин, Хух-Хото, Лоян, Хэфэй) жилой фонд возрос на 62 млн. *кв. м,* в том числе в Пекине — на 22 млн. *кв. м,* (из них 14 млн. построено в 1950—1962 гг.), в Шанхае — на 10 млн. *кв.* м. Даже в городах лишь незначительная часть жилого фонда оборудована центральным отоплением и газифицирована. Из-за острой нехватки энергоресурсов жилые дома плохо обогреваются. Квартплата в зависимости от площади и коммунальных удобств составляет 5—15 юаней в месяц.

Очень слабое развитие в КНР получили общественные фонды потребления. Многие виды услуг (образование, здравоохранение и т. п.) большинством населения оплачиваются частично или полностью. Например, в городах плата за обучение одного ученика в начальной и средней школах равняется соответственно 2,5 и 5 юаням за полугодие[83]. Сельские школы в еще большей степени находятся на содержании «народных коммун» и производственных бригад.

Льготами при лечении пользуются рабочие и служащие государственных предприятий материальных отраслей производства и транспорта, служащие государственных учреждений, работники просвещения, здравоохранения, а также учащиеся школ и студенты. В конце первой пятилетки всего 25—27% общей численности рабочих и служащих имели право на эти льготы[84]. Стоимость лечения этой категории трудящихся оплачивается из фондов предприятий и государственного бюджета, но при каждом обращении к врачу они платят регистрационный взнос (5 фэней)[85], а при госпитали-

---

[82] Kang Chao, The Construction Industry in Communist China, Chicago, 1968, стр. 105.

[83] Some Basic Facts about China, стр. 84; «China Reconstructs», 1974, № 4, стр. 41.

[84] Великое десятилетие, стр. 194.

[85] Some Basic Facts about China, Peking, 1974, стр. 90—91.

зации — стоимость питания. Члены их семей возмещают половину расходов на лечение. Стоимость медицинского обслуживания и лекарств в КНР достаточно высока. Расценки на отдельные виды медицинских услуг установлены в следующем размере [86]:

Рентген грудной клетки	3 цзяо
Одно посещение физиотерапевтического кабинета	5 »
Акушерская помощь при рождении ребенка в государственной больнице	5 юаней
Операция аппендицита или грыжи	8 »
Обычная операция	10—15 »
Операция грудной клетки или головного мозга . .	30 »
Лечение ребенка от воспаления легких в государственной больнице (8 дней)	16 »

В еще худшем положении находится здравоохранение в деревне. В последние годы китайская печать усиленно пропагандирует так называемую «революцию в здравоохранении» в деревне, сущность которой состоит, во-первых, в создании института «босоногих врачей», набранных главным образом из знающих грамоту крестьян и прошедших трехшестимесячную специальную санитарную подготовку, и, во-вторых, в организации кооперативной медико-здравоохранительной системы, которая охватывает сейчас 70% больших производственных бригад. Плата за членство в кооперативной медицинской взаимопомощи равняется 1—3 юаням в год. При посещении врача крестьяне уплачивают регистрационный сбор в размере 3—5 фэней [87]. К подготовке «босоногих врачей» и организации кооперативной медицинской взаимопомощи широко привлекаются части НОА. Из 1 млн. с лишним «босоногих врачей» в деревне к началу 1974 г. ими подготовлено более 370 тыс. и организовано кооперативное медицинское обслуживание при более чем 73 тыс. больших производственных бригад [88]. Из-за недостатка лекарств активно поощряется лечение местными средствами и травами. По утверждению китайской печати, самообеспечение лекарствами в некоторых бригадах достигает 50—65% [89].

Китай располагает огромными природными ресурсами для производства материальных благ в количестве, необходимом для удовлетворения насущных потребностей всех членов общества. Утверждение общественной собственности на средства производства открыло, по существу, беспредельные возможности для развития и совершенствования производительных сил.

---

[86] Там же. 1 юань = 10 цзяо = 100 фэней.
[87] Some Basic Facts about China, стр. 74.
[88] «Жэньминь жибао», 27.IX.1973 и 19.I.1974.
[89] «Жэньминь жибао», 16.XII.1972 и 6.II.1973.

Однако крупные провалы в экономическом строительстве, свертывание экономических отношений с СССР и другими социалистическими странами, изнурительная для неокрепшей экономики гонка вооружений стали одной из серьезных причин того, что за время существования КНР в улучшении материальных условий жизни китайского народа произошло мало изменений.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КНР

Внешнеэкономические связи, в том числе и внешняя торговля, играют важную роль в народном хозяйстве Китая. Политика в области внешнеэкономических отношений в период существования КНР, так же как и внешняя политика в целом, делится на два периода. Первый — годы активного сотрудничества Китая с социалистическими странами (1950—1959), второй — период, когда пекинское руководство перенесло идеологические разногласия с Советским Союзом и рядом других стран социалистического содружества на межгосударственные отношения (1960—1973).

После провозглашения Китайской Народной Республики в стране был установлен государственный контроль над внешней торговлей и по мере обобществления основных отраслей народного хозяйства внешнеэкономические связи стали осуществляться преимущественно через специализированные государственные организации. Это дало возможность поставить экономические отношения с зарубежными странами на службу национальным интересам.

Однако в первые годы народной власти на пути развития внешнеэкономических связей возникли препятствия, вызванные экономической блокадой империалистических государств в связи с войной в Корее. В результате ограничений на торговлю КНР во многих случаях лишилась доступа на рынки капиталистических стран, на долю которых в 1950 г. приходилось около $^3/_4$ общего внешнеторгового оборота.

Эти трудности КНР смогла преодолеть при содействии социалистических стран, и в первую очередь с помощью СССР. Финансовая, а также экономическая, производственная и научно-техническая помощь братских стран дала возможность Китаю, несмотря на блокаду со стороны США и других империалистических государств, значительно расширить объем его внешней торговли. Об этом свидетельствуют данные за 1950—1959 гг. (млрд. руб.) [90]:

---

[90] Здесь и далее — по данным стран-контрагентов, а также сообщений зарубежной прессы.

	1950 г.	1952 г.	1957 г.	1959 г.
Оборот	1,6	1,7	2,8	3,9
Экспорт	0,7	0,8	1,5	2,1
Импорт	0,9	0,9	1,3	1,8

В течение первого десятилетия произошли существенные изменения и в товарной структуре импорта и экспорта КНР. В 50-х годах в соответствии с экономической политикой, проводившейся в тот период, удельный вес средств производства в ввозе страны превышал 90%. В вывозе же, хотя еще преобладали товары сельскохозяйственного происхождения, по мере успехов в индустриальном развитии доля промышленных изделий и продукции горнорудной промышленности постепенно возрастала (с 9% в 1950 г. до 27—28% в 1957—1958 гг.).

Количественный рост и качественные изменения характера внешнеэкономических связей КНР в период 50-х годов явились результатом активного развития отношений с социалистическими странами, удельный вес которых во внешнеторговом обороте Китая за 1950—1959 гг. возрос почти в 2 раза (%):

	1950 г.	1952 г.	1957 г.	1959 г.
Социалистические страны . .	38	66	62	68
Капиталистические страны . .	62	34	38	32

В течение второго десятилетия существования КНР, когда народное хозяйство страны подверглось тяжелым потрясениям (последствия «большого скачка» и «культурной революции»), внешнеторговый оборот Китая не увеличился и остался, по существу, на уровне 1960 г.

В период «урегулирования», последовавшего за «большим скачком», произошло значительное (почти на 40%) сокращение объема внешней торговли КНР, затем в продолжение ряда лет отмечалось постепенное его увеличение (более чем на 75% в 1966 г. по сравнению с 1962 г.). «Культурная революция» вновь вызвала спад (более чем на 10% в 1968 г. против 1966 г.). Лишь в 1969 г. началось новое оживление во внешнеэкономических связях (см. данные за 1960—1969 гг., млрд. руб.):

	1960 г.	1961 г.	1965 г.	1966 г.	1969 г.
Оборот	3,6	2,7	3,5	4,0	3,5
Экспорт	1,8	1,4	1,8	2,1	1,8
Импорт	1,8	1,3	1,7	1,9	1,7

В 60-х годах товарная структура внешней торговли КНР претерпела заметные изменения. В импорте страны резко сократился удельный вес машин и оборудования. Если в 1960 г. на эту группу товаров приходилось до 43%, то в 1968 г.— лишь 15% общего ввоза страны. В то же время доля

химических товаров (главным образом минеральных удобрений) возросла с 12 до 25%, зерна, зернопродуктов и продовольственных товаров — с 3 до 12% (в отдельные годы удельный вес этих групп товаров достигал 32—36%). В экспорте КНР главную роль продолжали играть сырьевые товары и полуфабрикаты, удельный вес которых составлял около 50%.

В условиях частых колебаний объема внешней торговли в 1960—1969 гг. неуклонно развивался процесс сокращения доли социалистических государств во внешнеторговом обороте Китая, т. е. происходила переориентация внешнеэкономических связей страны на капиталистический рынок, о чем свидетельствуют данные о распределении внешнеторгового оборота КНР по группам стран (%):

	1960 г.	1961 г.	1965 г.	1966 г.	1969 г.
Социалистические страны	63	53	30	26	20
Капиталистические страны	37	47	70	74	80

С наступлением 70-х годов развитие внешней торговли КНР стабилизировалось. В 1970—1972 гг. среднегодовые темпы роста внешнеторгового оборота равнялись примерно 10%. В 1973 г., по предварительным и оценочным данным, а также с учетом девальвации валют капиталистических стран, объем внешней торговли Китая увеличился по сравнению с предыдущим годом примерно на 35%, а против 1966 г.— более чем на 60%. Однако если принять во внимание повышение цен на мировом рынке и инфляционные тенденции, характерные для последних лет, то, по-видимому, рост физического объема внешнеторгового оборота КНР не был таким значительным (млрд. руб.):

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.
Оборот	4,0	4,4	5,0	6,7
Экспорт	2,0	2,3	2,6	3,1
Импорт	2,0	2,1	2,4	3,6

С началом 70-х годов во внешнеэкономической политике КНР возникают новые качественные явления, которые не были характерны для предыдущего десятилетия. Китайское руководство вопреки своим теоретическим установкам, нашедшим отражение в лозунге «опоры на собственные силы», в течение последних лет прилагает усилия к дальнейшему расширению экономических отношений с капиталистическими странами (прежде всего с индустриально развитыми) с тем, чтобы за счет импорта современной техники и комплектного оборудования пополнить и обновить производственные фонды в промышленности, повысить их технический уровень, уско-

рить темпы развития промышленности, особенно ее военных отраслей. Впервые после «культурной революции» КНР в 1972 г. возобновила закупки комплектного оборудования и лицензий, начала восстанавливать научно-технические связи с зарубежными странами.

В этот период расширилась география экономических и торговых отношений Китая. К концу 1973 г. число стран и территорий, с которыми Китай имел торговые связи, превысило 150, причем более чем с 50 из них товарообмен осуществлялся на договорных основах.

В 1973 г. процесс переориентации внешнеэкономических связей Китая на капиталистические страны еще более усилился. При относительно большом росте общего объема внешнеторгового товарооборота доля социалистических стран в нем значительно уменьшилась по сравнению с 1972 г., так как размер товарообмена между КНР и этой группой государств остался фактически на уровне двух предыдущих лет.

Динамика удельных весов социалистических и капиталистических государств во внешнеторговом обороте Китая в 1970—1973 гг. характеризуется следующими данными (%):

	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.
Социалистические страны . .	19	24	23	21
Капиталистические страны . .	81	76	77	79

Анализ торговли КНР с основными государствами-контрагентами, а также состояние ее экономики позволяют предполагать, что наряду с ростом за последние годы объема товарооборота происходят определенные изменения и в структуре ввоза и вывоза страны. Возросшие потребности в машинах и оборудовании, зерне и хлопке, очевидно, обусловили увеличение закупок этих товаров, а следовательно, и их доли в импорте. В экспорте в определенной степени повышается удельный вес промышленных товаров народного потребления, кустарно-художественных изделий, минерального сырья и отдельных видов продовольственных товаров.

Экономические связи с социалистическими странами. Экономические связи Китайской Народной Республики с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества давали ей значительные преимущества по сравнению с ее торговлей с капиталистическими государствами. КНР закупала в социалистических странах необходимые ей оборудование и материалы, получая при этом неоценимую производственную и научно-техническую помощь. В то же время она продавала социалистическим странам по стабильным ценам широкий круг товаров, многие из которых не находили сбыта на рынках капиталистических государств.

Экономическое сотрудничество с социалистическими странами в течение первого десятилетия существования КНР получило отражение в стремительном росте ее товарообмена с этими государствами. Так, если в 1950 г. товарооборот Китая с социалистическими странами лишь несколько превышал 0,6 млрд. руб., то к концу восстановительного периода (1952) он достигал 1,1 млрд. руб.; в 1957 г. соответствующий показатель приблизился к 1,7 млрд. руб., а в 1959 г. (год максимального объема торговли КНР с данной группой стран) составил 2,6 млрд. руб., превысив уровень 1950 г. в 4,4 раза.

В течение упомянутого периода социалистические страны экспортировали в Китай преимущественно товары производственного назначения, в основном машины и оборудование, а также сырье и материалы, необходимые для восстановления и развития народного хозяйства. Например, в конце 50-х годов удельный вес импорта машин и оборудования (включая комплектные поставки оборудования и материалов для промышленных объектов) из социалистических стран в общем ввозе страны этих товаров достигал 90% и более. В вывозе КНР в социалистические страны главное место принадлежало сырьевым материалам, продовольствию и промышленным товарам народного потребления.

Взаимовыгодные экономические связи Китая с социалистическими странами проявлялись не только в сфере товарного обмена. В период активных политических и экономических отношений КНР со странами социалистического содружества последние оказали ей значительную финансовую и экономическую помощь. Советский Союз, например, предоставил Китаю на льготных условиях кредиты на общую сумму 1,8 млрд. руб.[91].

В 50-х и в начале 60-х годов социалистические государства (СССР, ГДР, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария) оказали КНР экономическую и техническую помощь в строительстве более 350 промышленных предприятий и других объектов[92]. 256 наиболее крупных предприятий были сооружены при содействии Советского Союза[93].

Уровень 1959 г., как отмечалось выше, был максимальным в торговле Китая с социалистическими странами. В начале 60-х годов китайское руководство взяло курс на резкое свертывание экономических связей КНР с этими государствами, что вызвало сокращение торговли. Товарооборот в 1969 г. по сравнению с 1959 г. уменьшился почти в 4 раза (минималь-

---

[91] Китай сегодня, М., 1969, стр. 266.
[92] «Экономическая газета», октябрь, 1973, № 40.
[93] Китай сегодня, стр. 265.

ный уровень — около 0,7 млрд. руб.). Произошли изменения и в структуре торговли КНР с социалистическими странами. Так, например, удельный вес машин и оборудования в импорте из этих стран сократился с 61% в 1960 г. до 33—34% в 1966—1968 гг.

Ввоз этих товаров в стоимостном выражении уменьшился в 1969 г. против 1960 г. почти в 7 раз. Практически прекратились закупки комплектного оборудования, поставки которого в 1960 г. оценивались в сумме около 450 млн. руб. Уменьшился также импорт таких товаров, как нефть и нефтепродукты, прокат черных металлов, трубы, цветные металлы.

В экспорте КНР в социалистические страны также наблюдались существенные изменения. В 60-х годах резко сократились поставки (особенно в страны-члены СЭВ) дефицитных видов промышленного сырья — олова, сурьмы, ртути, концентратов легирующих металлов, а также сырья сельскохозяйственного происхождения — шелка-сырца, шерсти, щетины, кожи и шкур.

Стремясь расколоть единство государств социалистического содружества, подорвать тесные отношения братских стран с Советским Союзом, китайское руководство в области экономических отношений с социалистическими государствами применяет тактику «дифференцированного подхода». Для достижения своих великодержавно-шовинистических целей в одних случаях оно пытается оказывать экономическое давление на торговых партнеров, в других прибегает к маневрированию, предоставлению более льготных коммерческих условий.

Начало 70-х годов отмечено некоторым ростом торговли Китая с социалистическими странами. В 1970 г. товарооборот увеличился против 1969 г. примерно на 6%, в 1971 г. по сравнению с предыдущим годом — еще на 36%. В течение 1971—1973 гг. объем товарооборота КНР с социалистическими государствами оставался примерно на одном уровне (немногим более 1 млрд. руб.), близком к 1965 г., но все еще составлявшем около $^{2}/_{5}$ объема, достигнутого в 1959 г.

Экономические связи с развитыми капиталистическими странами. Ко времени образования КНР основу ее экономических отношений с внешним миром составляли торговые связи с капиталистическими странами, причем на развитые капиталистические государства приходилась преимущественная часть товарооборота. Причинами такого положения были: во-первых, традиционные, налаженные на протяжении многих десятилетий коммерческие связи старого Китая с фирмами развитых капиталистических стран; во-вторых, экономическое засилье стран Запада и Японии в экономике Китая; в-третьих, экспортная специализация и импортный спрос Ки-

тая, которые реализовались главным образом на рынках ведущих империалистических держав.

В 1950 г. на долю развитых капиталистических стран, по данным стран-партнеров, приходилась примерно $^1/_4$ товарооборота КНР, а учитывая Гонконг и Макао, которые в тот период обслуживали главным образом экономические интересы стран империализма, их доля превышала половину объема китайской внешней торговли. В 1952 году — последнем году периода восстановления народного хозяйства — удельный вес указанных государств в товарообороте КНР сократился до 8%, а с учетом Гонконга и Макао — примерно до $^1/_5$ части объема торговли.

С 1952 г. китайское руководство предпринимает шаги, направленные на нормализацию отношений с ведущими капиталистическими странами. Конкретно это проявилось в заключении в том же году первого частного торгового соглашения с Японией, торговых контрактов с фирмами ФРГ в 1953 г., в осуществлении ряда контактов с официальными представителями западных держав на Женевском совещании 1954 г.

Практически торговые отношения Китая с развитыми капиталистическими государствами начали оживляться с 1957 г., когда отдельные страны в одностороннем порядке стали снимать запреты на торговлю с КНР и постепенно расширять списки товаров, разрешенных к продаже. Однако торговля велась в ограниченных размерах и включала товары, предложение которых было невелико либо вообще отсутствовало на рынке социалистических стран. Так, в 1957 г. на развитые капиталистические страны приходилось примерно 18% объема внешней торговли КНР, а в 1959 г. — примерно 17%.

Переориентация на капиталистический рынок, и прежде всего на экономические связи с развитыми в индустриальном отношении государствами, привела к преобладающему положению этой группы стран во внешней торговле КНР. Так, если в 1960 г. на долю развитых капиталистических стран приходилось примерно 18% общего товарооборота Китая, то в 1966 г. их удельный вес повысился до 42%, в 1970 г. — до 50%, в 1973 г. — остался примерно на том же уровне (по предварительным оценочным данным).

Однако этим не исчерпывались экономические последствия переориентации. Расширение торговых отношений с развитыми капиталистическими государствами шло главным образом по линии роста китайских закупок. Это обстоятельство резко обострило проблему оплаты импорта, который не мог более покрываться товарами традиционного вывоза Китая, поскольку в указанных странах отсутствует широкий спрос на них. Проблема торговых расчетов со странами развитого

капитализма постоянно вызывает перенапряжение и без того ограниченных валютных резервов КНР. Это, в свою очередь, ведет к тому, что возможности дальнейшего расширения китайской торговли с развитыми капиталистическими государствами все более связываются с возможностью получения встречных кредитов. Первые опыты получения таких кредитов на краткосрочной основе (до 18 месяцев) осуществлялись еще в начале 60-х годов при закупках зерновых. В последнее время (1973) КНР согласилась на получение и среднесрочных кредитов (до пяти лет) [94], называемых китайской стороной «рассрочкой платежей».

В результате политики экономического блокирования со странами развитого капитализма экономика КНР в значительной степени привязывается к мировому капиталистическому рынку. Так, по данным статистики стран — торговых партнеров Китая, он осуществляет на этом рынке все закупки зерна, текстильного волокна и пряжи, более 90% чугуна и стали, а также удобрений.

Доминирующее положение стран развитого капитализма во внешней торговле КНР оказало влияние на структуру китайской торговли. На протяжении более десяти лет в импорте значительное место (до 25%) занимают зерно и удобрения. Резко сократились закупки машин и оборудования, на долю которых в последние годы приходилось не более 18—20% стоимости ввоза.

В 1973 г., по предварительной оценке, объем товарооборота КНР с развитыми капиталистическими государствами составил 3,3 млрд. руб. по сравнению с 2,3 млрд. руб. в 1972 г., т. е. возрос в 1,4 раза. Торговое сальдо в пользу указанных стран-контрагентов ориентировочно оценивается в 0,5 млрд. руб. Увеличение торговли произошло главным образом за счет резкого расширения товарообмена с Японией (до 1,6 млрд. руб. против 0,9 млрд. руб.) и США (0,8 млрд. руб. против 0,07 млрд. руб.), а также в результате дальнейшего роста торговли с ФРГ (360 млн. руб. против 217 млн. руб.), Англией (225 млн. руб. против 122 млн. руб.), Францией (150 млн. руб. против 129 млн. руб.) и рядом других стран.

По предварительным данным, в 1973 г. экспорт КНР в указанную группу стран имел следующую структуру: сырье растительного и животного происхождения — 30%, минеральное сырье — 12, сырье для производства продовольственных товаров — 11, текстиль и промышленные товары народного потребления — 47%; структура китайского импорта формировалась так: черные и цветные металлы — 40%, машины и оборудование — 20, зерновые — 16, прочие товары — 24%.

[94] «Daily Telegraph», 7.XII.1973.

В том же году из развитых капиталистических стран в КНР импортировалось: 6,5 млн. *т* зерна, более 10 тыс. грузовых автомашин, около 20 морских судов, 3 млн. *т* стального проката[95]. Были подписаны контракты на закупку промышленных товаров на 0,75 млрд. руб., в том числе техники для угольных шахт — из Англии, удобрений и теплоэлектростанций — из Японии, нефтехимического комбината — из Франции. Кроме того, заключены крупные контракты (на сумму 150 млн. руб.) с США на строительство в Китае восьми заводов по производству аммиака. США также поставили КНР десять самолетов «Боинг-7»[96].

Экономические связи с развивающимися странами. Экономические связи с развивающимися странами имеют важное значение для Китая. Углубление экономических отношений с ними является основным средством определенного политического сближения китайского руководства с этой группой государств.

Начало и середина 50-х годов — период становления и развития экономических отношений КНР с развивающимися странами. В это время постепенно расширяется торговля с этой группой государств; Китай начинает предоставлять им экономическую помощь. Закладывается фундамент для дальнейшего укрепления взаимовыгодных экономических связей. Однако период «большого скачка» оказал отрицательное влияние, вызвав уменьшение объема торговли. Расчет, основанный на данных стран-партнеров, показывает, что если в 1960 г. товарооборот Китая с развивающимися странами незначительно превышал 400 млн. руб., то в 1961 г. он снизился почти до 350 млн. руб. Затем торговля начала возрастать, и к 1966 г. объем достиг почти 700 млн. руб. В годы «культурной революции» вновь произошло сокращение экономических связей. Объем товарооборота в 1967 г. уменьшился почти на 100 млн. руб.

С началом 70-х годов китайское руководство заметно активизировало свою политику в отношении развивающихся стран. КНР заинтересована в расширении экономических связей с ними не только по политическим, но и по экономическим причинам. Прежде всего Китай нуждается в ряде сырьевых товаров, которые он получает из этих стран. К таким товарам относятся каучук (из Малайзии и Шри Ланка), хлопок (из АРЕ, Судана, Сирии), фосфаты (из Алжира и Марокко), сера (из Ирака и Мексики), медь (из Замбии, Чили и Перу) и некоторые другие.

---

[95] В том числе США поставили 4 млн. *т* зерновых, Япония—2,7 млн. *т* стального проката, 9 тыс. грузовиков, 15 морских судов.

[96] «The Time», 31.XII.1973.

Помимо этого, торговые отношения с развивающимися странами выгодны Китаю, поскольку КНР, имея положительное сальдо в торговле с ними, получает возможность приобретения свободно конвертируемой валюты, которую она может использовать для погашения части пассивного сальдо в торговле с развитыми капиталистическими государствами.

Китайские экспортно-импортные организации кроме таких традиционных товаров китайского экспорта, как чай, консервированное мясо, текстиль, обувь, велосипеды, швейные машины, стремятся поставлять развивающимся странам и другие товары, часто не очень высокого качества, не пользующиеся спросом на рынке развитых стран. При этом КНР довольно часто устанавливает цены на свои товары значительно ниже цен на аналогичные товары, произведенные в развитых странах. Это является одним из важных средств расширения китайского экспорта в развивающиеся страны.

Экономические связи КНР с развивающимися странами не ограничиваются торговлей. Китай оказывает экономическую, в том числе финансовую и техническую, помощь 37 странам. Как показывают подсчеты на основе данных, опубликованных в зарубежной прессе, с 1956 по 1973 г. КНР приняла на себя обязательства по предоставлению экономической помощи на сумму более 3 млрд. долл., из которых на долю стран Азии приходится около 44%, Африки — свыше 51 и Латинской Америки — примерно 5%.

Китайские кредиты, как правило, беспроцентные (исключение составляют три кредита из расчета 2—2,5% годовых — два Индонезии и один Бирме). Сроки использования кредитов, по соглашениям, различны — от 5 до 20 лет, погашение осуществляется в течение 10—40 лет. Кредиты предоставляются, как правило, китайскими товарами и лишь иногда часть суммы выделяется в валюте. Погашение кредитов производится либо товарами национального экспорта страны-получательницы, либо валютой.

Помимо кредитов Китай предоставляет и безвозмездную помощь, которая в целом составляет примерно 250 млн. долл. (около 8% всей помощи), в том числе 205 млн. долл.— трем азиатским странам — Непалу, Камбодже и Шри Ланка. Кроме того, безвозмездная помощь была оказана Лаосу, Чили и восьми африканским странам, но ее размеры очень малы, и она имеет значение больше в политическом плане, нежели в экономическом.

Экономическая помощь КНР развивающимся странам внешне выглядит довольно привлекательно. Однако, как явствует из сообщений прессы стран — получательниц этой помощи и других зарубежных государств, реализация ее не всегда удовлетворительна. К концу 1973 г. Китай фактически

предоставил помощь, не превышающую 40% его общих обязательств, причем выполнение их не всегда ведется достаточно быстрыми темпами.

Странам Азии Китай начал предоставлять экономическую помощь в середине 50-х годов, в 1965 г. она достигла максимума, а в годы «культурной революции» почти прекратилась. С 70-х годов эта помощь вновь усиливается. Особое внимание КНР обращает на страны Ближнего и Среднего Востока. Так, например, в 1972 г. КНР обещала предоставить пять кредитов странам Азии, из них четыре — странам Ближнего Востока. Всего с 1956 по 1973 г. Китай взял обязательства по предоставлению странам Азии помощи на сумму более 1 млрд. долл.

Оказание помощи африканским странам со стороны КНР фактически началось с 1960 г. В течение 60-х годов Китай объявил о предоставлении странам Африки кредитов и безвозмездной помощи на сумму в 550 млн. долл. В это время китайское руководство основное внимание уделяло таким странам, как Алжир, Египет, Гвинея, Мали, Конго и Танзания, на долю которых пришлось около 70% всей китайской помощи государствам этого континента. В 1968 и 1969 гг. китайская помощь значительно уменьшилась. В эти годы не было предоставлено ни одного кредита, сократилась техническая помощь по ранее принятым обязательствам.

Размеры экономической помощи КНР развивающимся государствам Африки в начале 70-х годов увеличились. Так, в 1970 г. Китай взял новые обязательства на сумму в 450 млн. долл. В 1972—1973 гг. расширение помощи шло в основном за счет кредитов странам, которые раньше их не получали (Бурунди, Дагомея, Маврикий, Руанда, Сьера-Леоне, Того и Тунис).

Странам Латинской Америки Китай начал оказывать помощь в 1971 г. и размеры ее пока незначительны. Подобные обязательства у КНР имеются в отношении Гайаны, Чили и Перу, причем из 170 млн. долл. общей помощи 100 млн. приходится на долю Чили.

Китай проводит в развивающихся странах проектные и изыскательные работы, направляет специалистов, которые участвуют в строительстве, монтаже и пуске предприятий, сооружаемых в счет китайских кредитов. Китай имеет обязательства по сооружению около 400 промышленных и других объектов, из которых лишь немногим более 100 завершены и сданы в эксплуатацию. Это в основном предприятия легкой и пищевой промышленности, а также сельскохозяйственные объекты.

В 1973 г. КНР продолжала уделять внимание развитию экономических связей с развивающимися странами. Товаро-

оборот с ними, по предварительным данным, превысил 1 млрд. руб., однако в связи со значительным увеличением торговли КНР с развитыми капиталистическими странами удельный вес их во внешней торговле Китая снизился до 17% против 20 в 1972 г. В структуре торговли КНР с этой группой стран существенных изменений не произошло. Китай импортирует каучук, хлопок, фосфаты, серу, медь. Впервые закуплен бразильский кофе, эквадорские бананы. Экспорт Китая состоит в основном из таких традиционных товаров, как текстиль, обувь, велосипеды, швейные машины, лабораторное и конторское оборудование, чай, консервированное мясо, рис и др. Китайский экспорт машин и оборудования пока незначителен, однако внешнеторговые организации КНР стремятся к его увеличению.

По объему торговли среди развивающихся стран на первом месте стоят страны Азии, особенно Юго-Восточной Азии. В 1973 г. сделаны определенные шаги к восстановлению торговли с Таиландом, развиваются торгово-экономические отношения со странами Среднего и Ближнего Востока. Торговля КНР с Африкой во многом обусловлена увеличением китайской экономической помощи — большая часть кредитов африканским странам предоставляется в товарной форме. В 1973 г. КНР приложила значительные усилия к расширению торговых отношений со странами Латинской Америки, установлены торговые отношения с Эквадором, подписаны соглашения с Венесуэлой и Аргентиной.

В 1973 г. китайское руководство продолжало предоставление экономической помощи развивающимся странам, в особенности странам Африки. В течение года КНР дал кредитные обязательства десяти африканским странам на общую сумму более 300 млн. долл., причем шести из них (Заир, Камерун, Малагасийская Республика, Чад, Верхняя Вольта, Сенегал) впервые. Кредитная помощь предоставлена была также Конго, но сумма ее не известна. Не известна и сумма помощи, обещанной Китаем Камбодже.

В этом же году КНР продолжала оказывать развивающимся странам помощь по соглашениям, подписанным ранее. В этих странах работало более 20 тыс. китайских специалистов, причем основная часть — в Африке. Крупнейшим проектом, сооружаемым с китайской помощью в развивающихся странах, является железная дорога «Танзам», которая соединит порт Дар-эс-Салам в Танзании с медным поясом Замбии (протяженность дороги — около 1800 *км*). В августе 1973 г. дорога пересекла границу между Танзанией и Замбией. К этому времени было проложено около 1 тыс. *км* пути.

Общество Красного креста КНР в 1973 г. передало различным странам Африки, пострадавшим от засухи, 30 тыс. *т*

пшеницы, 3 тыс. *т* риса и 2 тыс. *т* кукурузы. Кроме того, Китай предоставил 10 тыс. *т* риса Мадагаскару и обещал 10 тыс. *т* пшеницы Египту.

Экономические связи с Гонконгом и Макао. Гонконг является одним из важнейших торговых партнеров КНР. Основу их экономических отношений составляет реэкспорт китайских товаров в страны Азии. Китай поставляет в Гонконг большие количества продовольствия, сельскохозяйственного сырья, текстильных изделий. В значительно меньших размерах экспортируются такие товары, как изделия из черных металлов, промышленное оборудование, приборы и инструменты. Цены на китайскую продукцию на гонконгском рынке, как правило, ниже цен на соответствующие товары из других стран, в том числе и из Японии.

Помимо вывоза для перепродажи в третьи страны КНР экспортирует в Гонконг также товары для его внутреннего потребления. Например, за счет поставок из Китая полностью удовлетворяются потребности Гонконга в продовольствии и пресной воде, в значительной степени — в промышленном сырье.

С момента образования КНР китайский экспорт в Гонконг всегда был выше, чем в любую другую капиталистическую страну. В течение 50-х и первой половины 60-х годов он находился в среднем на уровне 190—200 млн. руб. В конце же 60-х и особенно в 70-е годы произошел быстрый рост вывоза товаров из КНР в Гонконг. Как свидетельствуют сообщения западной прессы, в 1972 г. объем экспорта Китая в Гонконг превысил 550 млн. руб., а в 1973 г. составил свыше 780 млн. руб.

Что касается импорта КНР из Гонконга, то он обычно находился на низком уровне и в последние годы не превышал 5% китайского экспорта в колонию. Однако в начале 50-х годов, когда империалистические страны проводили экономическую блокаду Китая и закупки товаров на капиталистическом рынке зачастую могли осуществляться лишь через посредников, ввоз из Гонконга превышал вывоз в него.

Подобное соотношение экспорта и импорта в торговле КНР с Гонконгом является для Китая крайне благоприятным, так как обеспечивает значительные поступления в свободно конвертируемой валюте, которые в конце 60-х — начале 70-х годов достигали 500—600 млн. долл. в год. В 1973 г. КНР закупила в Гонконге большое количество золота.

Заинтересованность КНР в экономических связях с Гонконгом определяется еще и тем, что на его территории под китайским контролем функционируют 13 банков, имеется отделение Банка Китая, в ее собственности находятся десятки крупных универсальных магазинов, множество мелких тор-

говых предприятий, гостиницы, издательства газет, развлекательные заведения.

Наряду с Гонконгом важным источником поступления свободной валюты служит Макао. Однако в отличие от Гонконга она не является развитой в промышленном отношении и ее потребности в китайском сырье невелики. Ежегодный экспорт КНР в Макао не превышает 20 млн. руб., импорт ничтожно мал. По сообщениям зарубежной прессы, Макао — один из важнейших каналов незаконного вывоза наркотиков из Китая. Экспорт наркотиков является для КНР значительной статьей получения свободно конвертируемой валюты.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ

I съезд КПК. Коммунистическая партия Китая (КПК) была образована на I съезде, который состоялся нелегально в июле 1921 г. в Шанхае. На съезд прибыло 13 делегатов от семи коммунистических кружков, насчитывавших в общей сложности около 60 человек: Чжан Го-тао, Лю Жэнь-цзин (Пекин), Ли Хань-цзюнь, Ли Да (Шанхай), Дун Би-у, Чэнь Тань-цю (Ухань), Мао Цзэ-дун, Хэ Шу-хэн (Чанша), Дэн Сы-мин, Ван Цзинь-мэй (Цзинань), Чэнь Гун-бо, Бао Хуй-сэн (Гуанчжоу), Чжоу Фо-хай (Токио). Два наиболее видных деятеля коммунистического движения в Китае того времени — Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао — на съезде не присутствовали. В работе съезда приняли участие уполномоченный Коминтерна Г. Маринг и работник Профинтерна Никольский (псевдоним).

Принятая съездом первая Программа КПК закрепляла установку на социалистическую революцию, свержение «капиталистических классов» и завоевание диктатуры пролетариата. На съезде были определены ближайшие задачи партии — организация профсоюзов и политическое просвещение рабочих, подготовка кадров профсоюзного движения, изучение положения рабочего класса, а также участие в политической борьбе, организация масс на выступления против милитаризма и бюрократии. I съезд выдвинул требование свободы слова, печати и собраний. В то же время он отверг в принципе всякое сотрудничество с другими партиями, в том числе с руководимым Сунь Ят-сеном гоминьданом.

Ввиду малочисленности партии съезд решил избрать не ЦК, а Временное бюро из трех человек: Чэнь Ду-сю (секретарь), Чжан Го-тао, Ли Да.

II съезд Коммунистической партии Китая состоялся нелегально в Шанхае с 16 по 23 июля 1922 г. В его работе принимали участие 12 делегатов, представлявшие 123 членов партии. Главными вопросами повестки дня были: принятие программы-минимум (опубликована в виде «Декларации II съезда КПК») и обсуждение проблемы тактики революци-

онного движения в стране. В документах II съезда КПК нашли широкое отражение решения II и III конгрессов Коминтерна, особенно по национально-колониальному вопросу.

В решениях II съезда содержалась классовая оценка китайской революции как революции антиимпериалистической («национальной») и антифеодальной («демократической»), т. е. буржуазно-демократической по своему характеру. Съезд определил новую линию партии на создание единого национально-революционного фронта, который рассматривался как временный союз разнородных социальных и политических сил для борьбы против общего врага — империализма и милитаризма и завоевания победы буржуазно-демократической революции. В социальном плане это означало союз главным образом между буржуазией и пролетариатом вместе с примыкающим к нему беднейшим крестьянством, в политическом — между КПК и гоминьданом. В документах съезда особо подчеркивалась необходимость полной политической и организационной самостоятельности пролетариата в едином фронте.

Установка на поддержку пролетариатом революционного буржуазно-демократического движения (партии гоминьдан во главе с Сунь Ят-сеном) и создание в исторической перспективе единого национального демократического фронта стала основным тактическим решением II съезда. Но главной своей задачей Коммунистическая партия по-прежнему считала завоевание, организацию, сплочение и политическое воспитание рабочего класса. Именно проблема рабочего движения и тесно связанные с ним проблемы партийного строительства были наиболее детально разработаны в решениях II съезда.

Большое внимание съезд уделил вопросам партийного строительства. II съезд продолжил разработку организационных принципов партии, приняв Устав КПК. Содержание «Резолюции об Уставе КПК» и самого Устава свидетельствуют о том, что съезд взял курс на создание массовой пролетарской партии.

II съезд принял официальную резолюцию о вступлении КПК в Коминтерн; в других резолюциях предусматривалось вовлечение профсоюзного, молодежного и женского движения в Китае в сферу влияния Профинтерна, Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) и Международного женского секретариата при Коминтерне. Конкретным выражением идей пролетарского интернационализма, нашедших широкое отражение в документах съезда, был также выдвинутый съездом лозунг защиты Советской России.

В Центральный Комитет, избранный съездом, вошли пять человек: Чэнь Ду-сю (генеральный секретарь), Ли Да-чжао,

Чжан Го-тао, Цай Хэ-сэнь, Гао Цзюнь-юй. Съезд принял также решение об издании центрального органа партии — политического еженедельника «Сяндао» («Проводник»).

Решения II съезда свидетельствовали о том, что только за один год, прошедший после I съезда, партия четко определила задачи коммунистов в буржуазно-демократической революции. В этом, несомненно, сказались и результаты той большой работы, которую провел в КПК Коминтерн.

III съезд Коммунистической партии Китая проходил легально в Гуанчжоу с 10 по 23 июня 1923 г. На нем присутствовали 30 делегатов, представлявших 420 членов партии, из которых 40% составляли рабочие. Представителем Коминтерна на съезде был Г. Маринг. Главным в повестке дня съезда был вопрос о тактике партии в отношении гоминьдана. По этому вопросу на съезде развернулась острая дискуссия. Большинство делегатов во главе с генеральным секретарем ЦК Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэем поддержали рекомендации Коминтерна об индивидуальном вступлении коммунистов в гоминьдан при сохранении полной идейной и организационной самостоятельности КПК. Съезд принял официальное решение о вступлении коммунистов в гоминьдан, который, таким образом, признавался организационной формой единого национального фронта и вместе с тем политическим руководителем национально-революционного движения в Китае. В то же время в решениях и декларации съезда были подвергнуты суровой критике прежние политические ошибки гоминьдана и подчеркнуты специфические классовые задачи коммунистов в революции.

«Коммунистическая партия Китая,— говорилось в декларации съезда,— учитывая политическую и экономическую обстановку в мире и внутри страны, а также нужды и требования общественных классов страны (рабочих, крестьян, торговцев и промышленников), считает, что Китаю настоятельно необходима национальная революция. При этом мы не можем ни на йоту пренебрегать защитой насущных интересов рабочих и крестьян. Наша особая задача — пропаганда среди рабочих и крестьян и их организация».

Решения III съезда КПК явились одной из важных предпосылок, обеспечивавших организационное оформление единого фронта и выводивших молодую партию китайского пролетариата на арену широкой политической борьбы. Но реализация этих решений наталкивалась на большие трудности внутри и вне партии. В преодолении этих трудностей большую роль сыграли Коминтерн и ВКП(б).

IV съезд Коммунистической партии Китая проходил нелегально в Шанхае с 14 по 21 января 1925 г. В работе съезда участвовало 20 делегатов, представлявших около тысячи чле-

нов партии. Уполномоченным ИККИ на съезде был Г. Н. Войтинский.

Съезд обсудил проблемы развития национально-освободительного движения на основе опыта работы коммунистов в гоминьдане, роль и задачи рабочего движения, вопросы улучшения организационной работы КПК; подчеркнул взаимосвязь между социальной и национальной задачами революционной борьбы.

Съезд разработал новую тактику КПК в отношении гоминьдана, суть которой сводилась к превращению гоминьдана из широкой организации национального единого фронта в рабоче-крестьянскую партию. Этот внешне привлекательный с «классовой» точки зрения план имел два уязвимых пункта: во-первых, он был тогда неосуществим вследствие слабости КПК и рабоче-крестьянского движения, во-вторых, попытки его реализации неминуемо вели к разрушению единого фронта.

В специальной резолюции о профсоюзном движении съезд признал слабость позиций КПК среди рабочего класса. В этой связи была поставлена задача активного внедрения партии в рабочие массы («максимально приблизиться к массам»), вовлечения рабочих в партию, завоевания прочного руководства в профдвижении, создания действительно жизнеспособных профсоюзов, которые «имели бы глубокие корни и прочную опору в массах... и не развалились под напором реакции, как это бывало прежде».

IV съезд КПК принял развернутую резолюцию по крестьянскому вопросу, в которой подчеркивалось, что крестьянский вопрос в Китае «особенно важен» и что без вовлечения крестьянства в активную революционную борьбу под руководством пролетариата «мы не можем надеяться на успех китайской революции и на то, чтобы занять ведущее место в национальном движении». Таким образом, партия сделала значительный шаг вперед, связав перспективы победы революции с развитием руководящей роли рабочего класса по отношению к крестьянству.

В специальном обращении в связи с первой годовщиной со дня смерти В. И. Ленина съезд призвал рабочих, крестьян, все угнетенные массы Китая «изучать ленинизм, осуществлять ленинизм, ибо ленинизм — это наше единственное оружие в борьбе за собственное освобождение».

В состав избранного съездом ЦК вошли девять человек (Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао, Цай Хэ-сэнь, Цюй Цю-бо, Чжан Го-тао, Пэн Шу-чжи, Ли Вэй-хань, Тань Пин-шань, Хуан Дэ-лун) и пять кандидатов (Чжан Тай-лэй, Дэн Пэй, Чжу Дин-тань, Ло Чжан-лун, Ван Хэ-бо). Генеральным секретарем ЦК КПК был вновь переизбран Чэнь Ду-сю.

В условиях назревавшей революционной ситуации IV съезд КПК принял решения, нацеленные на превращение КПК в массовую, охватывавшую своим влиянием всю страну политическую партию пролетариата. Однако возможность реализации этой насущной задачи значительно снижалась из-за существовавших в партии и нашедших отражение в резолюциях съезда левосектантских тенденций.

После IV съезда КПК революционное движение охватило всю страну. Северный поход Национально-революционной армии нанес серьезный удар милитаризму. Внутри единого антиимпериалистического фронта резко обострилась борьба между представителями буржуазно-помещичьих сил и трудящихся масс. Обстановка, сложившаяся в Китае после контрреволюционного переворота Чан Кай-ши (12 апреля 1927 г.) и раскола гоминьдана, была рассмотрена на *V съезде КПК*, состоявшемся в Ухане с 27 апреля по 11 мая 1927 г. На съезде присутствовали делегации Коминтерна и Профинтерна.

К V съезду в партии числилось 57 967 членов, в том числе рабочих 50,8%, крестьян — 18,7, интеллигентов — 19,1, солдат и офицеров — 3,1, мелких торговцев — 0,5, прочих — 7,5%. Фактически, однако, численность партии к открытию съезда значительно сократилась ввиду больших потерь, понесенных коммунистами в результате чанкайшистского переворота.

В основе всех решений съезда лежала оценка текущего момента революции как «серьезного революционного наступления». Ход событий, однако, показал, что такая оценка была ошибочной и не отвечала действительному соотношению сил, сложившемуся после контрреволюционного переворота.

Политическая резолюция съезда конкретизировала линию Коминтерна на развертывание аграрной революции, завоевание гегемонии пролетариата и установление революционно-демократической диктатуры рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии.

В развернутой резолюции по аграрному вопросу предусматривалась необходимость коренного перераспределения земли на основе принципа уравнительного землепользования путем национализации земли, установления крестьянской власти в деревне и вооружения крестьянства. Однако на данном этапе революции съезд считал возможным осуществление конфискации лишь земли крупных помещиков и контрреволюционеров.

В резолюции съезда по профессиональному движению намечалось вести политическое и экономическое наступление на буржуазию вплоть до реализации требования о конфискации и национализации всех банков, рудников, железных дорог и пароходных компаний, крупных предприятий и т. д.

В резолюции по организационному вопросу подчеркивалось, что КПК «должна стать не только партией масс, но и большевистской партией». Для этого предлагалось всемерно увеличивать численность партии, вовлекая в ее ряды промышленных рабочих, прогрессивных крестьян и революционную интеллигенцию; твердо осуществлять коллективное руководство снизу доверху и укреплять партийную дисциплину, для чего вовлекать рабочих в руководящий аппарат всех партийных органов. Съезд внес поправки и дополнения в Устав партии. В новом Уставе были впервые сформулированы принципы демократического централизма. В целях укрепления центрального руководства предусматривалось создание в составе ЦК политического бюро и секретариата.

Съезд избрал новый состав ЦК из 40 человек (29 членов и 11 кандидатов). Генеральным секретарем ЦК КПК в пятый раз был избран Чэнь Ду-сю. В Политбюро ЦК, сформированное после V съезда, вошли Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Тань Пин-шань, Чжан Го-тао, Цай Хэ-сэнь, Ли Ли-сань.

V съезд КПК проделал большую и полезную работу по осмысливанию коренных проблем китайской революции, по выработке и обоснованию стратегии КПК. Основные стратегические решения V съезда выдержали проверку временем и неоднократно подтверждались последующими съездами и пленумами ЦК КПК. Однако правильная в целом общая стратегическая линия не была воплощена в соответствующие тактические решения, вследствие неблагоприятного соотношения классовых сил, серьезных политических ошибок, допущенных КПК, оказалась неосуществленной на данном этапе.

VI съезд Коммунистической партии Китая в связи с жестоким «белым террором» в Китае проходил в Москве 18 июня — 11 июля 1928 г. В его работе приняли участие 118 делегатов. Активно участвовала в работе съезда делегация ИККИ.

В основу решений VI съезда КПК легли резолюции IX пленума ИККИ, состоявшегося в феврале 1928 г.

Съезд согласился с оценкой характера китайской революции, данной ИККИ, и определил текущий этап китайской революции как буржуазно-демократический, тремя главными задачами которого были: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пут; свержение власти реакционного гоминьдана, власти буржуазно-помещичьего блока и замена ее революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Исходя из оценки текущего момента как периода временного спада революционной волны, съезд указал, что в настоящее время лозунг вооружен-

ного восстания в масштабе всей страны может иметь только пропагандистский характер.

Основываясь на положении о неравномерности развития революции в Китае, VI съезд выдвинул тезис о том, что в будущем революционном подъеме победа революционных сил первоначально возможна в одной или в нескольких провинциях. Это важное положение отразило новый подход к разработке перспектив революции в условиях Китая. Установка на завоевание в качестве базы революции первоначально отдельных районов, выдвинутая VI съездом, была первым шагом к разработке Коминтерном и КПК курса на создание опорных баз, значение которых показал последующий ход китайской революции.

Важное значение имели и решения съезда по аграрно-крестьянскому вопросу. Съезд подчеркнул, что крестьянская аграрная революция составляет основное содержание переживаемого этапа. Принятая съездом аграрная программа КПК — первая развернутая аграрная программа партии — выдвигала требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее малоземельным и безземельным крестьянам. Стратегическая линия была выражена в формуле: «Основной враг — помещик, тухао, джентри; опора пролетариата в деревне — беднота; середняк — крепкий союзник». Съезд предостерег против преждевременного требования национализации земли, указав, что КПК будет поддерживать его лишь после победы революции во всей стране.

Учитывая один из основных уроков революции 1925—1927 гг.— отсутствие у КПК собственных вооруженных сил, VI съезд уделил особое внимание этому вопросу. Специальная военная комиссия съезда, к работе которой были привлечены видные советские военные специалисты, разработала принципиальные предложения по организации, стратегии и тактике Красной армии Китая.

VI съезд КПК сыграл крайне важную роль в истории КПК и китайской революции. Практически он дал партии первую развернутую программу, наметил тактическую линию по мобилизации революционных сил.

В целом решения съезда, посвященные задачам работы КПК в деревне, означали курс на развертывание крестьянской войны под руководством партии, т. е. проложили путь процессу, составившему основное содержание народной революции в Китае.

VII съезд Коммунистической партии Китая проходил в г. Яньане (пров. Шэньси) 23 апреля — 11 июня 1945 г. На съезде присутствовало 544 делегата с решающим голосом и 208 с совещательным, в целом представлявших 1210 тыс. членов партии.

Съезду предшествовал 17-летний период революционной борьбы партии в деревне, следствием которой явилось превращение КПК в преимущественно крестьянскую по своему составу партию. Десятилетний период накануне съезда характеризовался усилением мелкобуржуазных, националистических сил в партии, которым в 1941—1945 гг., в период «чжэнфэна», удалось нанести серьезный удар по интернационалистическому крылу в КПК.

VII съезд прошел под знаком утверждения «идей» Мао Цзэ-дуна в качестве господствующей идеологии в партии. Программные и тактические установки КПК были сформулированы в политическом докладе Мао Цзэ-дуна «О коалиционном правительстве». В основу маоистской программы была положена так называемая теория Мао Цзэ-дуна о «новой демократии».

В теоретическом отношении концепция «новой демократии» представляла собой ревизию программных принципов партии, отход от важнейших положений марксизма-ленинизма, таких, как учение об освободительной миссии пролетариата и его гегемонии, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и т. д. Теоретическая несостоятельность эклектической новодемократической доктрины Мао Цзэ-дуна была еще раз доказана практикой революционной борьбы китайского народа в послевоенный период и вскоре после победы народной революции теория «новой демократии» была отвергнута китайскими коммунистами ввиду ее явного несоответствия марксизму.

VII съезд обсудил также организационные вопросы. С докладом «О новом Уставе партии» на съезде выступил Лю Шао-ци. Главная цель доклада состояла в том, чтобы оправдать курс маоистов на отрыв партии от рабочего класса, подмену марксизма-ленинизма мелкобуржуазными «идеями» Мао Цзэ-дуна. В качестве решающего доказательства «пролетарского» характера партии выдвигалось положение о господстве в партии «идей» Мао Цзэ-дуна, которые выдавались за «образец китаизированного, национального марксизма». На самом деле так называемая китаизация марксизма была, по существу, подменой марксизма мелкобуржуазной националистической доктриной Мао Цзэ-дуна. В новом Уставе было зафиксировано, что «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэ-дуна». Иными словами, съезд в качестве теоретической основы партии признал маоизм.

Съезд избрал Центральный комитет в количестве 44 членов и 33 кандидатов. Большинство в новом составе ЦК имели сторонники Мао Цзэ-дуна. На вновь созданный пост председателя партии был избран Мао Цзэ-дун. Таким образом,

съезд фактически узаконил захват руководства в партии Мао Цзэ-дуном и его группой.

VIII съезд Коммунистической партии Китая состоялся 15—27 сентября 1956 г., через 11 лет после VII съезда партии. В его работе приняли участие 1026 делегатов с решающим и 86 делегатов с совещательным голосом, представляющих 10 730 тыс. членов и кандидатов. Рабочая прослойка в КПК возросла до 14%, но партия продолжала оставаться преимущественно крестьянской по своему составу: крестьяне составляли 69% ее численности, интеллигенция — 12, прочие — 5%. На VIII съезде КПК присутствовало более 50 делегаций братских коммунистических партий.

Съезд заслушал и обсудил Политический отчет ЦК КПК (докладчик Лю Шао-ци), доклад об изменениях в Уставе партии (Дэн Сяо-пин), доклад о предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (Чжоу Энь-лай); принял соответствующие решения и избрал руководящие органы партии. С краткой вступительной речью при открытии съезда выступил Мао Цзэ-дун.

Главное в решениях съезда заключалось в том, что он подтвердил правильность генеральной линии партии, принятой Политбюро ЦК КПК в 1952 г. Установка на «постепенное завершение социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, постепенное осуществление индустриализации страны» была включена в новый Устав в качестве одного из основных положений программы партии.

Главной целью экономической политики партии и государства в переходный период съезд постановил считать социалистическую индустриализацию страны, создание необходимой материальной базы для технической реконструкции народного хозяйства и повышения жизненного уровня народа. Выполнение широкой экономической программы, разработанной съездом, предполагалось осуществить путем использования всех внутренних ресурсов Китая в сочетании с помощью Советского Союза и других социалистических стран. Благодаря этому, указывалось в резолюции съезда, Китай имеет возможность высокими темпами развивать производительные силы своей страны.

Съезд подтвердил внешнеполитический курс КНР, основанный на укреплении единства и дружбы стран социалистического содружества, борьбе за мирное сосуществование, против империалистической политики агрессии и войны. Большое значение съезд придавал развитию связей КПК с другими коммунистическими партиями, воспитанию членов партии в духе пролетарского интернационализма. Забота съезда об

укреплении интернациональной солидарности трудящихся нашла свое отражение в новом Уставе, где говорилось, что КПК «укрепляет солидарность пролетарского интернационализма, изучает опыт мирового коммунистического движения, поддерживает борьбу коммунистов, прогрессивных элементов и трудового народа всех стран, направленную на обеспечение прогресса человечества, воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“».

При рассмотрении вопросов партийной жизни и партийного строительства на съезде было заострено внимание на существовании опасных непролетарских тенденций в КПК. Главную опасность по-прежнему представляло давление мелкобуржуазной стихии. В политическом отчете ЦК КПК по этому поводу говорилось: «В нашей стране мелкая буржуазия составляла большинство. Настроения этого класса оказывают на нас постоянное влияние и давление; буржуазия также непрерывно оказывает на нас влияние в различных областях. Партия должна постоянно проводить воспитательную работу в своих рядах, не допуская того, чтобы буржуазная и мелкобуржуазная идеология принесла вред политической безупречности нашей партии»[1].

Серьезный урон партии наносил непомерно раздутый культ личности Мао Цзэ-дуна. В докладе об изменениях в Уставе КПК Дэн Сяо-пин был вынужден признать, что «культ личности, как общественное явление, имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления»[2]. Съезд изъял из Устава КПК всякое упоминание об «идеях» Мао Цзэ-дуна как идейной основе партии. В новом Уставе КПК, принятом на VIII съезде, говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма»[3].

В новый Устав, как и раньше, были включены изложенные в самом сжатом виде «общие положения программы», но новой настоящей развернутой программы партии съезд не принял. Между тем необходимость такой программы вполне назрела, и партия с помощью международного коммунистиче-

---

[1] Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, стр. 67.
[2] Там же, стр. 98.
[3] Там же, стр. 508.

ского движения была в состоянии ее выработать. Об этом свидетельствует опыт разработки генеральной линии партии (1952 г.). Однако и после VIII съезда КПК по-прежнему оставалась без программы. Совершенно очевидно, что отсутствие программы благоприятствовало культу личности Мао Цзэ-дуна, развязывало ему руки, позволяло изменить даже принципиальные, программного характера решения партии.

Последовательное проведение в жизнь решений VIII съезда КПК давало возможность обеспечить продвижение Китая по пути социализма, быстрый рост производительных сил страны путем использования преимуществ социалистических форм хозяйства и улучшить на этой основе материальное положение широких масс трудящихся.

В программных решениях VIII съезда КПК преобладали пролетарские, интернационалистические тенденции. Соотношение сил в партии и стране, обстановка в международном коммунистическом движении сложились тогда таким образом, что не позволили маоистам навязать свою волю съезду. Но целый ряд маоистских установок все же нашел отражение в резолюциях съезда, в подготовке которых маоисты принимали непосредственное участие. В состав нового ЦК вошли практически все члены ЦК, избранные VII съездом (кроме умерших и репрессированных), что совершенно определенно подтверждало преемственность маоистского руководства. Руководящие органы ЦК, сформированные 28 сентября 1956 г., также не внесли существенных изменений в соотношение сил в руководстве партии, сложившееся в последние годы перед съездом. Председателем ЦК остался Мао Цзэ-дун, его заместителями — Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ и Чэнь Юнь. Генеральным секретарем ЦК был избран Дэн Сяо-пин.

IX съезд КПК состоялся в Пекине 1—24 апреля 1969 г., через 13 лет после VIII съезда. Период между двумя съездами был отмечен обострением борьбы в партии, новым наступлением националистических сил во главе с Мао Цзэ-дуном против интернационалистических здоровых сил в партии (политика «большого скачка», борьба руководства КПК против международного коммунистического движения, разрушение руководящих органов КПК под флагом «культурной революции»).

На IX съезде присутствовало 1512 человек. Участники съезда не избирались, а были отобраны руководящей верхушкой.

В отличие от VIII съезда, широко освещавшегося китайской печатью, ни одно выступление на IX съезде не было напечатано. Лишь после завершения работы съезда был опубликован в сокращенном и исправленном виде доклад Линь Бяо, который был принят 14 апреля фактически в ка-

честве основного решения съезда. В докладе и по существу, и по форме демонстрировался разрыв с решениями VIII съезда, в которых была разработана генеральная линия строительства социализма в Китае и провозглашен курс на единство КНР и КПК с социалистическими странами и международным коммунистическим движением. Он был посвящен воспеванию Мао Цзэ-дуна и его «идей», оправданию «культурной революции», обоснованию гегемонистского внешнеполитического курса Пекина.

В докладе Линь Бяо выдвигался тезис о том, что маоизм является якобы новым, высшим этапом развития марксизма-ленинизма. Внедрение «идей» Мао Цзэ-дуна в партийную практику в качестве ее теоретической основы было объявлено в докладе самым крупным достижением «культурной революции».

Проблема возможности победы социализма в одной или в нескольких странах рассматривалась в докладе Линь Бяо исключительно в зависимости от окончательного уничтожения империализма, т. е. с троцкистских позиций. Таким образом, задачи построения социализма в Китае фактически снимались.

Программа строительства социализма была отброшена и заменена политическими установками на так называемую непрерывную революцию, на ведение «классовой борьбы» внутри и вне страны, на подготовку всего народа к войне, на превращение Китая в «военный лагерь». Съезд оправдывал установление военного режима в стране. В докладе Линь Бяо говорилось, что армия является «прочной опорой диктатуры», «главной составной частью государства». Съезд не выработал никакой конкретной программы социально-экономического развития Китая.

IX съезд КПК провозгласил курс на подготовку к войне как долговременную программу партии и всего народа. В этой связи одной из главных задач доклада Линь Бяо было обоснование тезиса о неизбежности и даже желательности новой мировой войны. Борьба с Советским Союзом была провозглашена съездом в качестве одной из коренных задач китайского государства.

Новый Устав партии, принятый IX съездом, принципиально отличался от Устава, утвержденного VIII Всекитайским съездом партии и выдержанного в духе марксизма-ленинизма.

В новом Уставе было отброшено содержавшееся ранее определение основных задач партии в области строительства социалистической экономики и культуры, неуклонного улучшения жизни народа, развития и совершенствования социалистической демократии, осуществления социалистической внешней политики КНР. Прежние развернутые положения о

демократическом централизме, развитии внутрипартийной демократии, принципе коллективного руководства, сплоченности и единстве партии, недопустимости раскольнической, фракционной деятельности и действий, ставящих личность над коллективом, положения о необходимости борьбы против национализма и великодержавного шовинизма, против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии были сняты.

Главным в новом Уставе КПК являлось официальное закрепление «идей Мао Цзэ-дуна» и основных моментов его политического курса в качестве программных и организационных установок партии.

Основное содержание Устава было нацелено на превращение партии в орудие осуществления «идей Мао Цзэ-дуна», в послушный инструмент его личной власти. В Уставе принижалось значение Всекитайского партийного съезда и ЦК как высших коллективных руководящих органов партии. Периодичность созыва пленумов ЦК не была установлена. Был упразднен Секретариат ЦК. Вся полнота руководства партией, правительством и армией сосредоточивались в руках председателя ЦК, его заместителя и Постоянного комитета Политбюро ЦК. В разделе о членах партии были подчеркнуты лишь их обязанности. Первой обязанностью членов партии было объявлено изучение и применение «идей Мао Цзэ-дуна».

Новый ЦК КПК, образованный на IX съезде, включал 279 человек (170 членов и 109 кандидатов), среди них лишь 53 человека были (менее 20%) из прежнего состава Центрального Комитета. Из ЦК КПК были исключены многие деятели, занимавшие высокие посты в партии, бывшие руководители территориальных бюро ЦК КПК, большинство бывших секретарей провинциальных комитетов партии. Военные составили почти половину членов ЦК и Политбюро ЦК. В то время в ЦК нашлось место всего для 20 представителей рабочих и 16 крестьян, что лишний раз подчеркивало демагогический характер заявлений маоистов о «диктатуре пролетариата» в Китае. Председателем ЦК был избран Мао Цзэ-дун, заместителем председателя — Линь Бяо.

Таким образом, IX съезд КПК оправдал и узаконил разгром в ходе «культурной революции» руководящих органов партии и народной власти, отстранение от руководства страной представителей интернационалистического направления в партии и других группировок, выступавших против курса Мао Цзэ-дуна. Съезд утвердил в качестве идейных, теоретических и организационных основ партии маоизм — враждебную марксизму-ленинизму милитаристскую реакционную политическую доктрину Мао Цзэ-дуна. Мао Цзэ-дун и его сторонники сформировали на съезде руководство, опираясь на которое они рассчитывали создать новую партийно-политическую

структуру для завершения задач «культурной революции» и реализации своих гегемонистских установок.

X съезд КПК проходил в Пекине 24—28 августа 1973 г. в условиях строжайшей секретности. Только после окончания работы съезда были обнародованы краткое коммюнике, политический отчет ЦК КПК, сделанный Чжоу Энь-лаем, доклад Ван Хун-вэня об изменениях в Уставе партии, а также текст нового Устава и данные о составе сформированных съездом руководящих органов КПК (ЦК КПК, Политбюро ЦК и его Постоянный комитет, Председатель ЦК КПК и его заместители).

Согласно коммюнике, в работе X съезда приняли участие 1249 делегатов, «избранных путем демократических консультаций», т. е. фактически тщательно отобранных центром и соответствующим образом обработанных активистов маоистской партии. Несмотря на завершение формирования системы партийных органов сверху донизу и численный рост КПК (в коммюнике названа цифра 28 млн. человек), фактически партия была представлена значительно меньшим числом делегатов, чем на предыдущем, IX съезде.

X съезд Коммунистической партии Китая подтвердил стратегический курс китайского руководства в области внутренней и внешней политики, который в основных чертах был сформулирован на предыдущем съезде. В документах последнего съезда КПК нашли отражение все важнейшие концепции и установки Мао Цзэ-дуна, составляющие в совокупности идейно-политическую платформу нынешней Компартии Китая.

X съезд, подобно предыдущему, обошел стороной актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития Китая. Он ограничился простым перечислением некоторых установок Мао Цзэ-дуна, выдвигавшихся им со времени «большого скачка» и зафиксированных затем в документах IX съезда.

Внешнеполитическая программа X съезда характеризовалась усилением правонационалистических тенденций и дальнейшим сползанием Пекина на позиции тотальной борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества. В этом смысле преемственность между IX и X съездами очевидна. «На международной арене,— сказано в отчетном докладе Чжоу Энь-лая,— наша партия и наше правительство твердо и решительно претворяют в жизнь внешнюю политику, разработанную IX съездом»[4].

Вопрос о пересмотре Устава партии, принятого всего четыре года назад IX съездом, занял особое место в работе

---

[4] X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы), Пекин, 1973, стр. 9.

X съезда КПК. Специальный доклад об изменениях в Уставе КПК был сделан на съезде 24 августа 1973 г. Ван Хун-вэнем, одним из вновь избранных заместителей Председателя ЦК КПК. В докладе отмечается, что вопрос о пересмотре Устава обсуждался, «согласно указаниям председателя Мао Цзэ-дуна и ЦК партии», на рабочем совещании Центрального Комитета в мае 1973 г. Проект нового Устава, как подчеркивается в докладе, «был составлен в соответствии с конкретными предложениями председателя Мао Цзэ-дуна относительно пересмотра Устава партии»[5].

Новый Устав партии по своим программным положениям принципиально не отличается от прежнего Устава, принятого IX съездом КПК. Главным в нем остается по-прежнему попытка увековечить «идеи Мао Цзэ-дуна» как теоретической основы партии, закрепить положения маоистского политического курса в качестве долговременных программных установок КПК.

«Увековечение» маоизма осуществляется путем сохранения в Уставе формулы: «марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэ-дуна», объявляющей маоизм якобы логическим развитием марксизма-ленинизма. Стремлению «увековечить» маоизм служит включение в программную часть Устава набора постулатов Мао Цзэ-дуна, сформулированных в его статьях, выступлениях, а также в «новейших указаниях», усиленно пропагандировавшихся в последние годы в КНР.

В Уставе не ставятся задачи строительства социализма в КНР, а вместо этого провозглашается некая абстрактная задача «завоевания победы социализма над капитализмом» вообще. Задачи КПК внутри страны сведены почти исключительно к проблемам непрекращающейся политической борьбы в партии и стране. Особо подчеркивается длительность и многократность повторения «культурной революции» в будущем.

Устав призван закрепить, узаконить методы и формы политической борьбы маоистов как в период «культурной революции», так и в последующие годы. Это нашло отражение в ряде новых положений Устава: «смело идти против течения», «уметь правильно различать и разрешать противоречия между нами и нашими врагами» и др., «обосновывающих» борьбу и репрессии маоистов в прошлом, настоящем и будущем против всех несогласных с теорией и практикой маоизма.

Устав призван закрепить идейные, политические и организационные позиции новых сил, выдвинувшихся и пришедших к руководству в партии в ходе «культурной революции».

Новый Устав КПК нацеливает партию и китайский народ на подготовку к войне, «обосновывая» ее необходимость угро-

---

[5] Там же, стр. 46.

зой «агрессии со стороны империализма и социал-империализма», под которым подразумевается Советский Союз. Таким образом, гегемонистские, социал-шовинистические, антисоветские установки Мао Цзэ-дуна и в новом Уставе возведены в ранг программных положений КПК.

Все основные положения нового Устава нацелены на использование партии в качестве орудия осуществления «идей Мао Цзэ-дуна» и его гегемонистского великодержавного курса.

В составе ЦК КПК, сформированного X съездом, произошли большие изменения. По сравнению с ЦК прошлого созыва общее число членов и кандидатов в члены ЦК возросло на 40 человек (319 против 279). В состав ЦК вошли 111 новых членов и кандидатов в члены ЦК, т. е. примерно 35% состава — новые люди (так называемая свежая кровь). Во вновь избранный ЦК не вошли 91 член и кандидат в члены ЦК 9-го созыва. Это означает, что почти $^1/_3$ старого состава в результате проведенных чисток удалена с политической арены.

Сформированные на I пленуме ЦК КПК 10-го созыва высшие руководящие органы партии также претерпели серьезные изменения. Восстановлен институт заместителей председателя ЦК КПК в количестве пяти человек (после IX съезда был один), и тем самым «закрыт» вопрос о преемнике Мао Цзэ-дуна. Председатель ЦК КПК — Мао Цзэ-дун, заместители председателя: Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Ли Дэ-шэн, Е Цзянь-ин. Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК расширен до девяти членов (было пять). Число членов Политбюро осталось прежним — 21 член и четыре кандидата в члены Политбюро, как это было решено на IX съезде.

Таким образом, очередной съезд маоистской партии отразил заметные сдвиги в расстановке сил в китайском руководстве, явившиеся результатом нового компромисса между противоборствующими группировками в пекинской верхушке. Анализ нового состава китайского руководства, сформированного X съездом, свидетельствует о значительном усилении националистического крыла, знаменем которого служит «культурная революция», представленного новым эшелоном руководителей, воспитанных в духе шовинистических идей Мао.

В целом X съезд КПК отразил состояние серьезного кризиса, переживаемого партией. Вновь навязанная партии мелкобуржуазно-националистическая программа ведет к дальнейшему подрыву социалистических элементов китайской экономики и усилению угрозы социалистическим завоеваниям трудящихся КНР.

Характер принятых съездом документов, вынужденное замалчивание наболевших проблем внутреннего развития, секретность и келейность, окружавшие работу съезда отра-

зили сложную и неустойчивую обстановку в стране, непрекращающуюся внутриполитическую борьбу, в том числе на самом высоком уровне, нарастающие экономические трудности.

X съезд КПК прошел под националистическими антисоветскими лозунгами и вновь продемонстрировал разрыв китайского руководства с мировым коммунистическим движением и социалистическим содружеством. Была подтверждена неизменность позиции руководителей КПК, их намерения продолжать рассудку вопреки политику оголтелого антисоветизма и сопротивления разрядке международной напряженности.

«Подобная позиция,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи в Ташкенте 24 сентября 1973 г.,— не прибавляет Китаю ни авторитета, ни доверия, а с точки зрения общих интересов мира, социализма и освободительной борьбы народов она является достойной сожаления и вредной»[6].

КПК в 1973 г. На X съезде в концентрированном виде проявились основные моменты, характеризующие идейно-политическое и организационное состояние КПК в 1973 г. Результаты съезда показали, что решающая роль принадлежит дальнейшим усилиям пекинского руководства, направленным на превращение партии в инструмент осуществления маоистского политического курса. Провозгласив в начале года в очередной раз лозунг «единого централизованного руководства партии», предусматривавший формально «руководство партийных комитетов... административными органами, воинскими частями и общественными организациями»[7], в Пекине тем самым специально подчеркнули, что ответственность за проведение этого курса в жизнь возлагается на вновь сформированные руководящие партийные органы.

Основные моменты этого курса в деятельности руководящих органов КПК в 1973 г. были отражены также в материалах их пленумов и совещаний. Среди них прежде всего следует упомянуть рабочее совещание ЦК КПК, которое, по сообщению Ван Хун-вэня, состоялось в мае и обсудило вопрос об изменениях в Уставе КПК[8].

Кроме того, по утверждению тайваньских источников, 17 июня в Пекине состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК[9]. На нем, как сообщалось, были приняты решения о созыве в 1973 г. X съезда КПК и 4-й сессии ВСНП, о ликвидации поста Председателя КНР, об удовлетворении просьбы об отставке с постов заместителей председателя

---

[6] «Правда», 25.IX.1973.
[7] «Хунци», 1973, № 1, стр. 7—8.
[8] «Хунци», 1973, № 9, стр. 18.
[9] «Сяндао жибао», 12.VIII.1973.

КНР Дун Би-у и Сун Цин-лин, о реорганизации Постоянного комитета ВСНП и удовлетворении просьбы Чжу Дэ об отставке с поста председателя этого комитета. Это совещание якобы приняло проект нового Устава КПК, заслушало и одобрило доклад Мао Цзэ-дуна «О внутрипартийной борьбе и антипартийной деятельности Линь Бяо и Чэнь Бо-да» и Чжоу Энь-лая «О работе правительства», а также издало директиву руководящим партийным и административным органам провинций и городов о выдвижении делегатов на съезд КПК и сессию ВСНП.

В 1973 г. были проведены пленумы комитетов КПК на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения — в провинциях Хэйлунцзян (15—27 января), Цзилинь (27 февраля — 17 марта), Ляонин (даты неизвестны), Хубэй (6—15 сентября) и Внутренняя Монголия. Кроме того, в Хубэе в конце 1972 — начале 1973 г. состоялось провинциальное совещание кадровых партийных работников «пяти категорий» (по-видимому, речь шла о руководящих кадрах провинции, района, уезда и города, «коммуны» и низового звена), по своим масштабам и по содержанию работы эквивалетное фактически пленуму парткома. Если в Хэйлунцзяне и Цзилине пленумы были созваны в «третий» раз, то в Хубэе — в «седьмой», а во Внутренней Монголии — в «шестой». Судя по имеющимся данным, пленумы парткомов провинций собирались по мере необходимости без соблюдения определенной периодичности, обусловленной какими-либо едиными уставными нормами. О пленумах руководящих партийных органов среднего звена в 1973 г. не публиковалось никаких сведений, за исключением единственного сообщения о пленуме парткома Хулунбуирского аймака (3—12 декабря).

Особой организационной формой деятельности руководящих партийных органов, связанной с проведением в жизнь основных политических установок, явились в 1973 г. специальные совещания по изучению директивных документов. Так, в январе состоялись заседания постоянных комитетов парткомов провинций Хэйлунцзян и Хубэй и совещание парткома (совместно с «ревкомом») пров. Гуандун по изучению передовой статьи, опубликованной по случаю Нового (1973) года. Комитет КПК г. Тяньцзиня в сентябре провел совещание руководителей нижестоящих партийных органов среднего и низшего звена, в котором участвовало 3 тыс. человек, по разъяснению содержания документов X съезда КПК. Вообще же после X съезда КПК роль заседаний и совещаний перешла к специальным курсам по изучению документов и материалов съезда, включая новый Устав КПК, учрежденным при парткомах всех ступеней — от провинциального уровня до низовых организаций. В передовой статье по случаю нацио-

нального праздника 1 Октября впервые была провозглашена задача повсеместной организации таких курсов[10].

Немаловажное значение имели и такие организационные формы деятельности руководящих партийных органов, как всевозможные специализированные совещания — по вопросам развития промышленности и сельского хозяйства, по работе с молодежью и народным ополчением и т. д. Эти совещания проводились на протяжении года партийными комитетами провинциального уровня и среднего звена.

Основные политические установки маоистского курса проводились в 1973 г. руководящими органами КПК в рамках массовой общенациональной политической кампании «критики ревизионизма (критики Линь Бяо) и упорядочения стиля», которая была объявлена задачей первостепенной важности для парткомов всех ступеней[11], что было особо подчеркнуто на пленумах провинциальных парткомов. Именно поэтому, очевидно, этой кампании были посвящены специальные семинары и совещания, проводившиеся парткомами среднего звена, в которых участвовали также и руководящие кадры низовых организаций. Особое внимание руководящих органов КПК в 1973 г. к этой кампании было обусловлено еще и тем обстоятельством, что она была объявлена главным инструментом партийного строительства[12]. Задачи в этой области были сформулированы в виде лозунга так называемого идейного и организационного строительства партии[13], главным направлением которого было провозглашено «строительство» низовых организаций.

Реализация лозунга «идейного и организационного строительства» свелась в 1973 г. к широкой кампании по выдвижению «новых», или «молодых», кадров в состав руководящих партийных органов как низового уровня, так и среднего звена. Хотя формально был провозглашен лозунг о соблюдении так называемого принципа «сочетания представителей трех поколений» в составе руководящих партийных органов, однако фактически подлинный смысл этой установки заключался в стремлении обеспечить приоритет «новых», или «молодых», кадров. К концу года в официальных материалах прямо указывалось, что принцип этот направлен на подготовку и выдвижение новых кадров и что это является «стратегическим курсом партийного строительства», его важнейшей задачей на данном этапе[14]. В сообщениях, поступавших на протяжении

---

[10] См. «Хунци», 1973, № 10, стр. 7.

[11] «Хунци», 1973, № 1, стр. 6; № 4, стр. 8; № 7, стр. 14; № 10, стр. 7.

[12] «Хунци», 1973, № 2, стр. 10; № 7, стр. 10; № 10, стр. 7; «Жэньминь жибао», 22.VI.1973.

[13] «Жэньминь жибао», 21.III.1973.

[14] «Хунци», 1973, № 10, стр. 6—7; № 12, стр. 12—17.

года, в качестве образцовых приводились те руководящие партийные органы коммун, уездов и районов, где на новые кадры в возрасте 25—35 лет приходилось от 28 до 50%. Следовательно, в партийных органах закреплялись кадры, выдвинувшиеся в годы «культурной революции», которые квалифицировались в Пекине как последовательные сторонники воплощенного в ней политического курса. С введением этих кадров в состав руководящих партийных органов откровенно связывались надежды на осуществление экономических установок курса, отраженных в лозунгах «учиться у Дацина» и «учиться у Дачжая». В противовес старым кадрам, не лишенным с официальной точки зрения «серьезных идейных недостатков» [15] и «консерватизма» [16], новые кадры характеризовались как обладавшие «энтузиазмом», «смелостью» и «чуткостью ко всему новому», игравшие «авангардную роль» в деле «последовательного осуществления линии Мао Цзэдуна» [17].

С целью обеспечить необходимый приток новых кадров в партийные органы в 1973 г. в «новогодней» передовой были выдвинуты установки на воспитание кадров из рабочих и крестьян, из женщин и представителей национальных меньшинств [18].

Характерно, что если в ряде сообщений имелись цифровые данные о доле кадровых работников — женщин и представителей национальных меньшинств в составе руководящих партийных органов (для тех и для других эта цифра колебалась в пределах 25—60%, когда речь шла о партийных ячейках производственных бригад, парткомах «коммун», уездов и районов), то о кадрах из рабочих и крестьян таких конкретных цифр, как правило, не было.

Источником притока новых кадров в партийные органы явился также в 1973 г. значительный по своим масштабам прием в КПК новых членов. Как показывает ряд сообщений, новобранцы партии сразу же выдвигались в состав руководящих партийных органов низового звена. 1973 год был отмечен широким потоком сообщений о приеме новых членов в ряды КПК. На X съезде впервые за много лет была приведена официальная цифра численности КПК — 28 млн. [19]. При этом отсутствовали данные о социальном составе партии. Сообщения о приеме в партию, публиковавшиеся на протяжении 1973 г., были призваны создать впечатление о широ-

---

[15] «Жэньминь жибао», 1.IV.1974.
[16] «Жэньминь жибао», 21.III.1973.
[17] «Хунци», 1973, № 7, стр. 1.
[18] «Хунци», 1973, № 1, стр. 8.
[19] «Хунци», 1973 № 9, стр. 7.

ком представительстве рабочих, а также женщин и национальных меньшинств. Прием в партию и выдвижение новых женских кадров, судя по официальным китайским сообщениям, обусловлен их значительной ролью в производстве; во многих сельскохозяйственных производственных единицах женщины составляют около 70%. По официальным данным, число рабочих, принятых в партию в 1968—1973 гг., не превышает 650 тыс.[20].

В то же время приведенная на X съезде цифра членов КПК показывает, что со времени «культурной революции» численность КПК выросла не менее чем на 8—10 млн. человек. Следовательно, доля рабочих среди вновь вступивших в КПК ничтожна.

Подготовка новых кадров к руководящей работе осуществлялась в рамках специальных «учебных» курсов и групп при партийных комитетах всех ступеней. После X съезда в соответствии с опубликованным в то время «указанием» Мао Цзэ-дуна получили распространение «курсы по подготовке кадров из рабочих, крестьян и солдат»[21]. В октябре — декабре они были созданы при партийных комитетах отдельных провинций, районов, городов и уездов, в низовых партийных организациях. Согласно упомянутому «указанию» в год организовывалось четыре потока таких курсов — каждый с трехмесячным сроком обучения. Особые курсы при партийных органах среднего звена создавались для женщин, национальных меньшинств и для молодых членов партии, а также для тех, кто готовился вступить в партию.

О масштабах распространения курсов можно судить по примеру, приведенному на пленуме парткома Хулунбуирского аймака: в 1973 г. в аймаке действовало 6500 курсов с общим числом «слушателей» 153 тыс. На этих курсах новые кадры подвергались общей идеологической обработке в духе «идей Мао Цзэ-дуна», и, кроме того, им давали конкретные задания, связанные с осуществлением маоистского политического курса.

Следует отметить, что выдвижение новых кадров порождало конфликты и борьбу внутри руководящих партийных органов, приводило к напряженности в отношениях между старыми и новыми кадрами, к столкновениям между ними. Есть основания полагать, что курс на выдвижение новых кадров, осуществлявшийся в 1973 г., в значительной мере был призван перечеркнуть результаты кампании по реабилитации старых кадров, репрессированных во время «куль-

---

[20] «Жэньминь жибао», 9, 16, 29.VI.1973; 1, 6, 23.VII.1973; 7, 20, 29.VIII.1973.

[21] «Хунци», 1973, № 10, стр. 7.

турной революции», которая проводилась на протяжении 1971 — первой половины 1972 г. Именно так, вероятно, нужно расценивать заявления о том, что «мошенники типа Лю Шао-ци» «освободили плохих людей»[22] и что линия на выдвижение новых кадров призвана ликвидировать «пагубные последствия» кадровой политики Линь Бяо[23].

Очевидно, процесс выдвижения новых кадров в состав руководящих партийных органов КПК в 1973 г. вылился, по сути дела, в их организационную перестройку, сопровождавшуюся политической чисткой. Не случайно он был объявлен формой так называемой классовой борьбы и развивался в рамках кампании «критики ревизионизма и упорядочения стиля», в которой на первый план выдвигалось «разрешение противоречий с врагами»[24]. И то и другое означало, что в ходе этого процесса производилось устранение тех, чья лояльность маоистскому политическому курсу могла быть поставлена под сомнение. В данном случае это касалось, очевидно, старых кадров, пострадавших в годы «культурной революции» и реабилитированных в 1971 — первой половине 1972 г.

Курсом на организационную перестройку в руководящих партийных органах, по-видимому, можно объяснить появление в докладе Чжоу Энь-лая на X съезде КПК установки на перманентные чистки и перетасовки кадров, замаскированной обращенным к ним призывом «быть готовыми работать как наверху, так и внизу»[25]. И наверное, в связи с этим в 1973 г. вновь были подняты на щит «кадровые школы 7 мая», которые расценивались как одно из важнейших «завоеваний» «культурной революции», подвергавшихся «нападкам» со стороны «мошенников типа Лю Шао-ци»[26]. Именно эти школы должны были на практике осуществлять установку, провозглашенную на X съезде Чжоу Энь-лаем[27].

В ходе организационной перестройки и чистки руководящих органов КПК в 1973 г. произошло и принижение их политической роли, которое осуществлялось под прикрытием лозунга об усилении «единого централизованного руководства партии». Как показывают факты, за этим верным по существу лозунгом скрывалось совсем иное содержание. Уже в январе на пленуме провинциального парткома в Хэйлунцзяне при расшифровке этого лозунга было заявлено, что он предусматривает рассредоточение власти (при этом было

---

[22] «Хунци», 1973, № 5, стр. 6.
[23] «Хунци», 1973, № 7, стр. 23; «Жэньминь жибао», 11.VII.1973.
[24] «Хунци», 1973, № 1, стр. 6.
[25] «Хунци», 1973, № 7, стр. 29; «Жэньминь жибао», 11.VII.1973.
[26] «Хунци», 1973, № 7, стр. 29; «Жэньминь жибао», 11.VI.1973.
[27] «Хунци», 1973, № 7, стр. 27—80; № 28, стр. 18—21.

процитировано соответствующее изречение Мао Цзэ-дуна о соотношении «большой» и «малой» власти как «ствола» и «ветвей»). Как выяснилось впоследствии, под видом такого рода «рассредоточения» парткомы обязывались всемерно «развивать роль ревкомов», а также комсомольских, профсоюзных и женских организаций.

В действтельности под «развитием» их роли имелось в виду, что парткомы не будут «монополизировать» всю власть, а передадут часть ее функций названным организациям. В последних же обеспечивались преимущественные позиции тех руководящих кадров, которые квалифицировались как сторонники политического курса «культурной революции». Очевидно, именно данное обстоятельство сыграло решающую роль в усилении позиций сторонников этого курса на X съезде КПК[28]. Поэтому не подлежит сомнению тот факт, что именно эту цель и преследовало «рассредоточение» власти парткомов за счет «развития роли» указанных организаций. Кроме того, в рамках установок по «усилению единого централизованного руководства партии» на протяжении 1973 г. предпринимались усилия, направленные на укрепление позиций этих кадров. Руководящие партийные органы в соответствии с этими установками обязывались строго придерживаться принципа демократического централизма. Однако данный принцип был, по сути дела, сведен к одному-единственному требованию: не превращать парткомы в «аудиторию одного оратора», а добиваться того, чтобы они играли роль «аудитории масс»[29]. Истинная цель этого формально не вызывающего возражений требования заключалась в стремлении ограничить власть первых секретарей парткомов, представленных на высшем и среднем уровнях главным образом военными, и обеспечить позиции попавших в состав этих органов новых кадров.

Не случайно на X съезде КПК в трактовку принципа «единого централизованного руководства партии» была внесена существенная поправка о том, что суть его должна заключаться в «господстве правильной идейной и политической линии» в руководящих партийных органах. Фактически тем самым ставилась под сомнение способность парткомов проводить требуемый курс. Очевидно, именно поэтому в их адрес на съезде прозвучала плохо скрытая угроза организационной чистки путем переброски кадров из одной провинции в другую под предлогом борьбы с явлениями регионализма, сопровождавшаяся провозглашением уже упомянутой установки

---

[28] «China News Analysis», 16.XI.1973.
[29] «Хунци», 1973, № 1, стр. 8.

Чжоу Энь-лая на постоянное перетряхивание кадров, а также возрождением лозунга периода «культурной революции» о «контроле масс» над руководящими партийными органами[30].

Процесс партийного строительства в 1973 г. развивался в условиях явного возрождения в стране общих политических лозунгов периода «культурной революции», сопровождавшегося призывами «защитить и развить» ее «завоевания». Последнее было провозглашено главной, конечной целью кампании «критики ревизионизма (критики Линь Бяо) и упорядочения стиля»[31]. А поскольку сама эта кампания, как уже говорилось, была объявлена задачей первостепенной важности для руководящих органов КПК всех ступеней, постольку вся их идейно-политическая и организационная деятельность также должна была подчиняться этой цели. И в первую очередь это, несомненно, относилось непосредственно к самому процессу партийного строительства. Не случайно изучение документов X съезда КПК, объявленное впоследствии идейной основой этого процесса, должно было, согласно официальным заявлениям, прежде всего убеждать в «необходимости» и «своевременности» «культурной революции»[32].

В этих условиях главное содержание процесса партийного строительства в КПК в 1973 г.— организационная перестройка путем выдвижения новых кадров — и явилась конкретным воплощением в жизнь установок на возрождение курса «культурной революции» в области партийного строительства.

Развитие этого процесса в 1973 г. официально характеризовалось как новая попытка реализации установок Мао Цзэдуна на выдвижение новых кадров из активистов периода «культурной революции»[33] и с кем, очевидно, в Пекине связывали надежды на проведение в жизнь основных установок воплощенного в ней политического курса. Так, в частности, успехи в кампании «учиться у Дачжая» прямо ставились в зависимость от выдвижения новых кадров в состав руководящих партийных органов.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что основные установки в области партийного строительства в КПК в 1973 г. с их акцентом на выдвижение новых кадров явились, по сути дела, повторением главных положений программы формирования новой, маоистской КПК, которая была изложена в ряде документов, статей и выступ-

---

[30] «Хунци», 1973, № 9, стр. 21—23.
[31] «Хунци», 1973, № 1, стр. 5; № 9, стр. 15.
[32] «Хунци», 1973, № 10, стр. 6.
[33] «Жэньминь жибао», 1.IV.1973.

лений руководящих деятелей в октябре — декабре 1967 г. Суть этих положений заключалась в стремлении сформировать костяк этой партии за счет новых кадров, выдвинувшихся в ходе «культурной революции».

Однако процесс формирования организационной структуры новой, маоистской партии еще не обеспечил монопольного утверждения в партии руководящей роли ультрамаоистских сил из числа активистов «культурной революции». Поэтому установки в области партийного строительства КПК, провозглашенные в 1973 г., нельзя оценить иначе, как стремление вернуться к исходным рубежам конца 1967 г. и вновь бороться за решение тех задач, которые не удалось выполнить в ходе «культурной революции».

Выдвижение новых кадров в состав руководящих партийных органов низовых и среднего звена, осуществленное в 1973 г., а также усиление позиций сторонников «культурной революции» в центре могут свидетельствовать о первых успехах в решении этих задач. В то же время провозглашение на X съезде КПК лозунга «Идти против течения» с акцентом на призыв вести борьбу в любых условиях, даже находясь в изоляции и в меньшинстве [34], может рассматриваться как фактическое признание того факта, что позиции новых кадров в составе руководящих партийных органов еще не приобрели надлежащей прочности. Именно поэтому, очевидно, на съезде и была поставлена под сомнение способность парткомов всегда и везде обеспечить господство «правильной» линии. Вероятно, это обстоятельство имел в виду Чжоу Энь-лай, когда он в докладе на съезде признавал, что осуществление провозглашенных установок «еще отстает от требований объективной обстановки», связав эти «требования» непосредственно с задачами продолжения курса «культурной революции» [35]

Отсюда можно заключить, что конечные цели процесса партийного строительства в КПК в 1973 г. еще не были достигнуты и что соответствующие усилия будут предприниматься и в дальнейшем. Это подтверждается развитием политических событий в Китае в 1974 г., которое приобрело еще более радикальный характер.

---

[34] «Хунци», 1973, № 1, стр. 66; 1973. № 9.

[35] «Хунци», 1973, № 9, стр. 15.

Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК) был создан на I съезде Социалистического союза молодежи, который проходил в Гуанчжоу в мае 1922 г. В январе 1925 г. в Шанхае на III съезде Социалистического союза молодежи было принято решение переименовать организацию в Коммунистический союз молодежи Китая. В ноябре 1935 г. КСМК был преобразован в Молодежную организацию сопротивления Японии и национального спасения.

В 1946—1949 гг. на территории Освобожденных районов под руководством КПК велась работа по созданию новой молодежной организации — Новодемократического союза молодежи, I съезд которого состоялся в Пекине в апреле 1949 г. В 1957 г. на III съезде этого союза было принято решение именовать организацию Коммунистическим союзом молодежи Китая (КСМК). По некоторым данным, в 1966 г. он насчитывал 30 млн. членов и располагал широкой сетью комсомольских организаций. В 1966 г. КСМК был разгромлен хунвэйбинами, а его руководство (ЦК КСМК) репрессировано.

Первые попытки воссоздать комсомол на маоистской идейно-организационной основе были сделаны лишь в 1972 г., после устранения Линь Бяо и его военной фракции. Так называемые левые приверженцы Мао Цзэ-дуна, испытывая необходимость расширения своей массовой базы и рассчитывая использовать КСМК для воздействия на китайскую молодежь, пошли на восстановление союза. С февраля по конец июля 1973 г. шел быстрый процесс формирования комитетов во всех 29 административно-территориальных единицах провинциального и городского уровня. Содержание речей делегатов первой конференции КСМК провинциального уровня в Шанхае (12—19 февраля 1973 г.) и принятых ею документов показали, что КСМК воссоздается на новой идейно-политической основе (в духе «идей Мао Цзэ-дуна»). Последующие провинциальные конференции также подтвердили это.

В китайской печати не было сообщений об общей численности членов КСМК, однако подсчеты имеющихся данных показывают, что количество его членов значительно уменьшилось, а состав КСМК обновился (наполовину и более). Из старого состава в ЦК КСМК остались отдельные лица, которые были реабилитированы (Ху Яо-бан, Ху Кэ-ши, Сюй Вэй-чэн, Ду Пин, Чжан Дэ-лун, Лю Пин и др.).

Возрождение КСМК проходит в целом под неусыпным вниманием «левого» крыла маоистов — Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня и других руководителей. Однако реальная тяга молодежи к социалистическим завоеваниям, продемонстрировавшим свое преимущество в первое десяти-

летие КНР, заставила маоистов отступить от тех ультрарадикальных лозунгов, с которыми они выступали в годы «культурной революции». Об этом отступлении свидетельствуют прежде всего сохранение прежних организационных форм и названий (КСМК), отказ от слияния хунвэйбиновских отрядов с комсомольскими организациями.

Китайское руководство выдвинуло задачу увеличения численности КСМК путем вовлечения в него женщин, представителей некитайских народностей и др. Как констатировалось в сообщениях о результатах городских, провинциальных и районных конференций КСМК, большинство делегатов этих конференций составляли активисты из молодежи, выдвинувшиеся в период «культурной революции» и проводимой в последнее время массовой кампании «критики ревизионизма, упорядочения стиля». Около $^{2}/_{3}$ участников всех конференций, по официальным данным, составляли рабочие и крестьяне, около $^{1}/_{3}$ — женщины. В числе делегатов были представители военных, служащих учреждений, нацменьшинств, уличных комитетов, вожатых хунсяобиновских отрядов («красные солдатики»), реэмигрировавших в КНР китайцев, «сыновей и дочерей, которых можно перевоспитать» (так в китайской прессе называют детей репрессированных кадровых работников, детей представителей бывших эксплуататорских классов), а также образованной молодежи, выехавшей на поселение в деревенскую местность.

Таким образом, нынешний КСМК строится идейно и организационно на маоистской основе и является резервом главным образом той части китайского руководства, которая выдвинулась в период «культурной революции». Данные таблицы 12 показывают общую картину формирования КСМК на 1973 г. (в принятой в КНР последовательности).

Воссоздание низовых организаций КСМК разных степеней происходило в течение 1972 и 1973 гг. и практически уже завершено. Однако маоистской группировке ввиду обострения внутриполитической борьбы до и после X съезда КПК не удалось в 1973 г. созвать всекитайский съезд КСМК и провести необходимое организационное оформление на высшем уровне — создать ЦК КСМК.

Восстановление КСМК отражает прежде всего тот факт, что маоисты вынуждены вернуться к общепринятым формам организации молодежи и других слоев населения, опираться на традиционные рычаги политического руководства — на восстановленные общественные организации. Без этого, как показала практика, им невозможно добиться восстановления «жизнеспособности» самой КПК, реорганизация которой на маоистской основе приобретает характер сложного и затяжного процесса.

Таблица 12

Создание провинциальных и городских комитетов КСМК в 1973 г.*

Название комитета КСМ	Дата образования	Численность					Секретари
		комитета		постоянного бюро			
		членов	кандидатов	всего	секретарей	заместителей	
Комитет КСМ г. Шанхая	12—19 февраля	85	18	17	4	3	Чэнь Синь-фа
Комитет КСМ г. Пекина	28 марта—3 апреля	95	15	23	4	5	Се Цзин-и
Комитет КСМ г. Тяньцзиня	17—26 апреля				3	2	Ван Шу-чжэнь
Комитет КСМ пров. Хэбэй	24 апреля—4 мая				1	5	Бо Юй-лань
Комитет КСМ пров. Шаньси	17—26 апреля				1	3	Ван Инь-э
Комитет КСМ Автономного района Внутренняя Монголия	5—20 мая	67	10	—	3	3	Сюэ Цзинь-лянь
Комитет КСМ пров. Ляонин	5—9 марта	83	14	13	2	3	Ли Су-вэнь
Комитет КСМ пров. Цзилинь	9—12 мая	89	16	—	3	4	Сюй Чжао-чан
Комитет КСМ пров. Хэйлунцзян	4—12 мая	—	—	—	2	4	Чжан Хун-чи
Комитет КСМ пров. Цзянсу	28 марта—3 апреля	8[illegible]	18	13	1	4	Ши Чжао-сян
Комитет КСМ пров. Чжэцзян	5—31 мая	—	—	—	4	4	У Пэй-шэн
Комитет КСМ пров. Шаньдун	5—31 мая	—	—	—	2	5	Сюй Цзянь-чунь
Комитет КСМ пров. Аньхой	17—26 апреля	—	—	—	4	3	Го Хун-цзе
Комитет КСМ пров. Цзянси	6—28 июля	84	74	15	1	5	Цзян Цзо-чжоу
Комитет КСМ пров. Фуцзянь	5—31 мая	—	—	—	2	5	Цзян Чэн-фан
Комитет КСМ пров. Гуандун	6—28 июня	—	—	—	3	4	Лян Сю-чжэнь
Комитет КСМ Гуанси-Чжуанского автономного района	5—31 мая	—	—	—	2	6	Лян Цзи-цюань (чжуанец)
Комитет КСМ пров. Хубэй	4—9 мая	83	16	—	6	3	Мао Цзюй-юань
Комитет КСМ пров. Хунань	4—12 мая	99	20	17	1	5	Лю Юй-э
Комитет КСМ пров. Хэнань	4—12 мая	—	—	—	2	5	Чжан Го-лао

Название комитета КСМ	Дата образования	Численность комитета: членов	Численность комитета: кандидатов	Численность постоянного бюро: всего	Численность постоянного бюро: секретарей	Численность постоянного бюро: заместителей	Секретари
Комитет КСМ пров. Шэньси	24 апреля— 4 мая	—	—	—	1	4	Хань Чжи-ган
Комитет КСМ пров. Ганьсу	29 апреля 3 мая	82	15	—	4	3	Лю Син-бан
Комитет КСМ Нинся-Хуэйского автономного района	6—28 июня	—	—	—	4	2	Ли Чжэнь-жун
Комитет КСМ пров. Цинхай	7—14 июня	67	10	17	2	3	Лю Мин-цянь
Комитет КСМ Синьцзян-Уйгурского автономного района	10—17 июля	—	—	—	1	4	Нурдиев (уйгур)
Комитет КСМ пров. Сычуань	27 июня— 17 июля	—	—	—	5	4	Чжан Лянь-хуа
Комитет КСМ пров. Юньнань	4—12 мая	—	—	—	2	5	Цзинь Гуй-сянь (национальность — хуэй)
Комитет КСМ пров. Гуйчжоу	24 апреля— 4 мая	—	—	—	2	4	Ван Чао-вэнь (мяо)
Комитет КСМ Тибетского автономного района	6—28 июня	55	10	13	1	3	Додзе-цэрин (кит. Доцзи-цайчжан, тибетец).

* Таблица составлена по данным «Жэньминь жибао», 22.II; 11.III; 4, 6, 27.IV; 6, 14.V; 2, 3, 30.VI; 19, 30.VII.1973. Отсутствие цифр означает, что в китайской печати не сообщалось о численности комитетов и постоянных бюро.

Вместе с тем очевидно, что маоисты отводят КСМК функции, принципиально отличные от тех, которые выполняет комсомол в социалистических странах. Конференции КСМК выявили стремление правящей пекинской верхушки превратить эту организацию в средство внедрения маоистской идеологии в массы молодежи, воспитания ее в духе «идей Мао» и его «линии», т. е. в антисоциалистическом и антисоветском духе. Комсомолу отводится роль в первую очередь резерва кадров для новой маоистской партии, для обновления руководящих звеньев политической системы. Это, в частности, подтверждается требованиями превратить «углубление кри-

тики ревизионизма» и усвоение «идей Мао» в основное содержание и высшую цель деятельности КСМК.

ПРОФСОЮЗЫ КНР

Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП) была создана в мае 1925 г.

После образования Китайской Народной Республики были определены задачи и принципы работы профсоюзов в новых условиях. Решения VI Всекитайского съезда профсоюзов (август 1948 г.), закон о профсоюзах Китайской Народной Республики (июнь 1950 г.), устав профсоюзов КНР, принятый на VII Всекитайском съезде профсоюзов (май 1953 г.) определили роль профессиональных союзов как помощника КПК в проведении демократических, а затем социалистических преобразований. Решения и документы тех лет исходили из ленинского определения роли профсоюзов как «школы коммунизма».

Профсоюзы принимали активное участие в социалистической индустриализации, развернувшейся в КНР при осуществлении первого пятилетнего плана (1953—1957 гг.). В 1955—1957 гг. ВКФП возглавила движение передовиков производства, межзаводское соревнование и движение рационализаторов и изобретателей. Центральным лозунгом этих движений стала борьба за улучшение качества выпускаемой продукции. В декабре 1955 г. ВКФП в направленных ею в ЦК КПК «Докладе об изучении премиальной системы» и «Предложениях по улучшению организации межзаводского соревнования»[36] выдвинула конкретные предложения по ликвидации уравниловки в оплате труда в промышленности и предложила считать «материальное поощрение рабочих и служащих, добившихся хороших результатов в работе, главной политикой страны». К концу 1955 г. выявилось несогласие части профсоюзного руководства, возглавлявшегося председателем ВКФП Лай Жо-юем, с тем социально-экономическим курсом, который навязывал стране Мао Цзэ-дун. Лай Жо-юй в мае 1956 г. подверг острой критике лозунг «больше, быстрее», сравнив его с отношением к лошади, которой «не дают сена и лишь заставляют все время бежать». Он призывал следовать лозунгу «лучше, экономнее»[37].

Профсоюзы (через профсоюзные комиссии по заработной плате, создававшиеся повсеместно на предприятиях с 1955 г.)

---

[36] Сборник материалов по рабочему движению Китая (Чжунго гунъюнь цзыляо хуэйбянь), т. 1, Пекин, 1956, стр. 154—161, 194—204.

[37] Справочник по производственно-массовой работе профсоюзов (Гунхуэй цюньчжун шэнчань гунцзо шоуцэ), Пекин, 1957, стр. 15.

оказали большую помощь государственным органам в проведении реформы заработной платы в 1956 г. В 1957 г. ВКФП решительно выступила против распространявшегося в то время мнения об ошибочности этой реформы. Лай Жо-юй в одном из выступлений весной 1957 г. открыто заявил: «Отдельные товарищи, возможно, имеют такое мнение. Всекитайская федерация профсоюзов такого мнения не имеет» [38].

В 1955—1957 гг. ВКФП подвергла критике недооценку китайскими руководителями работы по улучшению условий труда и жизни трудящихся. Лидеры ВКФП настойчиво убеждали профсоюзных работников, напуганных наступлением маоистов на «уклон экономизма» в профсоюзах, что «между экономизмом и заботой о жизни трудящихся нет ничего общего» [39].

IV пленум исполкома ВКФП (январь 1956 г.) принял решение «усилить работу по охране труда... добиться того, чтобы строго ограничить продолжительность рабочего дня [40]. Лай Жо-юй на VIII Всекитайском съезде КПК призвал «вырабатывать не только планы развития производства, но и планы улучшения жизни масс» [41].

В эти годы ВКФП вела активную борьбу с нежеланием некоторых членов КПК вступать в профсоюзы, с систематической неуплатой «очень многими ответственными партийными кадровыми работниками» членских профсоюзных взносов, с распространенным среди них мнением, что «существование профсоюзов как организации вовсе не обязательно» [42]. ВКФП выступила за усиление рабочего контроля и привлечение трудящихся к управлению производством, за укрепление связи профсоюзов с массами, против усилившейся политики «морального террора» по отношению к рабочим, несогласным с курсом, на который толкала страну группа Мао Цзэ-дуна [43].

Позиция, которой придерживались профсоюзные руководители, летом 1958 г. привела к «чистке», получившей название «продолжение чжэнфэна в профсоюзах». В ходе кампа-

---

[38] Как профсоюзы относятся к противоречиям внутри народа (Гунхуэй цзэньян дуйдай жэньминь нэйбу маодунь), Пекин, 1957, стр. 26, 87, 88.

[39] Там же, стр. 68.

[40] «Чжунго гунъюнь», 1956, № 7.

[41] Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, М., 1956, стр. 362.

[42] Сборник материалов по рабочему движению Китая, т. 1, Пекин, 1956, стр. 22.

[43] Первоначальный опыт образования собраний представителей рабочих и служащих на государственных предприятиях (Гоин цие цзяньли чжигун дайбяо дахуэйдэ чубу цзинъянь), Пекин, 1957; «Чжунго гунъюнь», 1956, № 7; Как профсоюзы относятся к противоречиям внутри народа, Пекин, 1957, стр. 89; Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, стр. 364.

нии были «вычищены» от 30 до 50% работников аппарата руководящих профсоюзных органов, в ВКФП были ликвидированы отделы заработной платы, охраны труда, социального страхования и др. Председатель ВКФП, член ЦК КПК Лай Жо-юй, члены президиума ВКФП, среди которых были секретарь ВКФП Дун Синь, главный редактор газеты «Гунжэнь жибао» Чэнь Юн-вэнь, заведующая отделом заработной платы ВКФП Ван Жун, член исполкома ВКФП, председатель федерации профсоюзов пров. Хэбэй Ду Цюнь-сюнь и другие руководители профсоюзов были объявлены «правыми элементами», а их деятельность «антипартийной, антинародной, антисоциалистической»[44].

По мере укрепления позиций маоистского руководства в КПК профсоюзы стали все более превращаться в «школу идей Мао Цзэ-дуна». Вскоре после начала «культурной революции» (в декабре 1966 г.) Всекитайская федерация профсоюзов была распущена.

Вместо разгромленных профсоюзов стали создаваться «Конференции представителей революционных рабочих» («Гундайхуэй») — организации, занимавшиеся главным образом распространением «идей Мао Цзэ-дуна» среди трудящихся. 22 февраля 1967 г. была образована такая организация в Пекине; к 1972 г. они появились во многих провинциях, городах центрального подчинения и автономных районов. Не завершив распространения этой формы на всю страну, весной 1973 г. маоистское руководство начало создавать на базе «Гундайхуэй» новые профсоюзные организации. 16—21 апреля 1973 г. прошли съезды профсоюзов Пекина (VI) и Шанхая (V).

На VI съезде профсоюзов Пекина присутствовало 2396 делегатов, представлявших, по официальным данным, более 1 млн. членов профсоюзов и 3800 первичных профсоюзных организаций. Среди них было 100 делегатов, представлявших 90 тыс. пекинских металлургов, 270 делегатов от «молодых рабочих». Около 30% делегатов съезда составляли женщины. На съезде были избраны: комитет федерации профсоюзов Пекина — 105 человек (15 кандидатов в члены комитета), постоянное бюро комитета федерации — 26 человек. Председатель — после X съезда КПК кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Ни Чжи-фу, заместители — Лю Си-чан, Чжан Ши-чжун, Цао Сянь-бо, Ло Шу-чжэнь, Ли Жуй-хуань, Ван Цзин-жу. Среди делегатов съезда были три члена и кандидата в члены ЦК КПК, девять делегатов предстоявшего

---

[44] «Гунжэнь жибао», 23.VII; 12, 13.VIII.1958; «Жэньминь жибао», 13.VIII.1958.

X съезда КПК, девять членов пекинского городского партийного комитета.

На V съезде профсоюзов Шанхая присутствовало 1598 делегатов, из которых 73% составляли промышленные рабочие, 39% — женщины. На съезде были избраны Комитет федерации профсоюзов Шанхая — 158 человек, постоянное бюро комитета — 26 человек; председатель — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хун-вэнь; заместители — Ван Сю-чжэнь, Цзинь Цзу-минь, Чэнь А-да, Е Чанмин, Шэнь Хань. Комитеты федерации были сформированы по принципу «соединения трех сторон», т. е. из представителей старшего поколения, людей среднего возраста и молодежи. Членами комитетов были в основном «активисты культурной революции», участники «движения за критику ревизионизма и упорядочения стиля».

К концу 1973 г. было объявлено, что создание профсоюзных организаций завершено на промышленных предприятиях, во всех городах центрального подчинения, провинциях и автономных районах и что планируется образование национального профсоюзного центра КНР — Всекитайской федерации профсоюзов. Профсоюзные организации предприятий в настоящее время подчиняются территориальным федерациям профсоюзов, так как отраслевые профсоюзы в КНР не созданы.

Задачи и направления работы профсоюзов были определены в документах учредительных конференций «гундайхуэй», функции которых полностью перешли к профсоюзам. Руководители «гундайхуэй» в полном составе возглавили профсоюзы.

Как следует из материалов съездов, «самая главная из всех боевых задач профсоюзов» — это задача вести «классовую борьбу» в форме кампаний «упорядочение стиля работы», критики «идущих по капиталистическому пути», «современного ревизионизма» и «разоблачения мошенников типа Лю Шао-ци и Линь Бяо». В 1973 г. профсоюзы принимали активное участие в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Важнейшей функцией профсоюзов стала идейно-политическая обработка трудящихся и распространение среди них «идей Мао Цзэ-дуна». На съездах было провозглашено, что «профсоюзы обязаны готовить кадры для партии и государства из рабочих». Однако подготовка рабочих в системе профсоюзов фактически заключается в их идейно-политической обработке в кружках, курсах и политшколах, изучающих «идеи Мао Цзэ-дуна». Для подготовки профсоюзных кадровых работников в настоящее время функционирует созданная в феврале 1969 г. «Школа 7 мая Всекитайской фе-

дерации профсоюзов»[45]. Курсанты школы наряду с усвоением «идей Мао Цзэ-дуна» изучают военное дело, «критикуют ревизионизм», «повышают понимание классовой борьбы, борьбы двух линий и продолжения революции»[46]. Такая «подготовка» рассчитана на выработку «нового», маоистского мировоззрения у профсоюзных кадровых работников Китая.

В деятельности современных профсоюзов КНР преобладают военно-административные методы, военизация труда и всего образа жизни китайского рабочего класса. В частности, профсоюзам предписано принимать участие в формировании так называемого городского ополчения, организованного в подразделениях по типу военных и вооруженного обычным стрелковым оружием. Ополчение, будучи совершенно независимым от армии и милиции, все больше берет на себя функции контролирования положения в городах и на предприятиях. Во главе городского ополчения стоит высшее руководство профсоюзов: Ван Хун-вэнь — в масштабе всей страны, Ни Чжи-фу — в Пекине. Наиболее быстрый рост городского ополчения наблюдался в конце 1973 г., т. е. после того, как была создана основная масса профсоюзных организаций. В настоящее время численность городского ополчения в КНР, по официальным данным, составляет более 20 млн. человек; в Пекине за 1973 г. было подготовлено 435 тыс. рядовых ополченцев и 50 тыс. офицеров ополчения всех рангов; в Мукдене — всего 1 млн.

Коллективные договоры, которые профсоюзы в прошлом от имени рабочих заключали с администрацией предприятий, теперь утратили свою силу. Главной целью «революционного соревнования» является преследование «классовых врагов», т. е. тех, кто не согласен с «политикой председателя Мао».

Из деятельности профсоюзов исключена борьба против широко практикующейся в Китае сверхурочной работы, против фактического отсутствия системы ежегодных очередных отпусков. Повышение благосостояния, материальное стимулирование заклеймены как «возбуждение частнособственнических наклонностей», «погоня за личным благом», «своекорыстие», «эгоизм».

Из всего сказанного следует, что образованные маоистами в ходе «культурной революции» «конференции представителей революционных рабочих» и создаваемые в настоящее время в КНР профсоюзы проводят антирабочую, антисоциалистическую политику маоистов.

---

[45] «Гуанмин жибао», 2.XI.1971.
[46] «Жэньминь жибао», 7.V.1973.

Складывавшаяся в первое десятилетие существования КНР в стране политическая обстановка стимулировала демократизацию всей общественной жизни. Возникли различные организации — молодежные, женские, спортивные, творческие союзы, научные общества и т. п.

Развернувшаяся в 1966—1969 гг. «культурная революция» с ее массовыми репрессиями и всеобщей милитаризацией общественной жизни и быта населения привела к тому, что практическая деятельность всех общественных организаций была парализована. Руководители и общественные деятели этих организаций оказались либо лишенными возможности выполнять свои функции в обществе, либо просто репрессированы. Последние упоминания об активной деятельности общественных организаций в китайской прессе относились к началу 1965 г. После «культурной революции» наблюдалось постепенное одностороннее оживление разрушенной и парализованной общественной структуры страны.

В первую очередь была возобновлена деятельность организаций, осуществляющих связи КНР с заграницей, затем профсоюзов, провинциальных и городских комитетов КСМК, городских и провинциальных федераций женщин, которые рассматриваются радикальными сторонниками Мао Цзэ-дуна как рычаг во внутриполитической борьбе за власть.

В статье «Жэньминь жибао» «Слово к Новому году»[47] была поставлена программная задача: «Постепенно оздоравливать посредством упорядочивания женские организации». На практике это свелось к созданию заново комитетов провинциальных федераций женщин и организаций низового звена. С этой целью в июле (6 съездов) и августе (15 съездов) была проведена серия провинциальных съездов (с избранием руководящих органов).

В сентябре 1973 г. процесс формирования женских организаций в городах завершился созданием комитетов федерации женщин в Пекине и Шанхае (соответственно 15—20 и 17—22 сентября)[48].

В отдельных провинциях образование этих организаций столкнулось с определенными трудностями и создание федерации женщин затянулось до декабря 1973 г. (в частности, в пров. Гуйчжоу).

Сообщения китайской печати создают видимость существования и «активной деятельности» Всекитайской федерации

---

[47] «Жэньминь жибао», 1.I.1973.

[48] «Жэньминь жибао», 24.IX.1973.

женщин (председатель — Цай Чан, почетный председатель — Сун Цин-лин, заместители — Дэн Ин-чао, Ши Лян, Кан Кэ-цин), однако на практике функция ее руководителей ограничивается лишь представительством на различного рода приемах. В материалах за 1973 г. о связях КНР с зарубежными странами фигурировали следующие организации: Всекитайская ассоциация реэмигрировавших в КНР китайских эмигрантов, Китайское народное общество дружбы с заграницей, Общество китайско-японской дружбы, Общество дружбы КНР — Африка, Общество китайско-кубинской дружбы, Общество китайско-вьетнамской дружбы, Общество китайско-лаосской дружбы, Китайский комитет солидарности стран Азии и Африки; общества, действующие в области международных торговых и технических связей: Китайский комитет содействия развитию международной торговли, Китайско-японский комитет торговли по меморандуму, Китайское народное общество изучения международных отношений; научно-технические общества: Всекитайское научно-техническое общество, Китайское общество автоматизации, Китайское общество океанского транспорта, Китайское общество медицины, Китайское общество электроники, Китайское общество ирригации, Китайское общество архитектуры, Китайская ассоциация работников рыбного хозяйства, Китайское астрономическое общество, Китайское геологическое общество, Китайское общество изучения металлов, Китайское общество авиации, Китайское общество сельского хозяйства, Китайское общество земляных и плотницких работ, Китайское физическое общество, Китайское общество стандартизации; организации Красного Креста КНР и спортивные ассоциации: Всекитайская ассоциация физкультуры и спорта, Ассоциация настольного тенниса, Ассоциация тяжелой атлетики, Ассоциация водного спорта, Ассоциация гимнастики, Ассоциация волейбола, Ассоциация бадминтона, Ассоциация баскетбола, Ассоциация зимних видов спорта, Ассоциация футбола; религиозные ассоциации — Китайская ассоциация буддистов и Китайская исламская ассоциация и др.

Перечисленные общества и ассоциации составляют лишь часть общественных организаций, действовавших в первое десятилетие существования КНР. Некоторые из них, даже такие многочисленные, как Всекитайская федерация молодежи, не упоминались.

Маоистская антисоциалистическая практика вызвала к жизни такие организации, как хунвэйбиновские отряды. Пионерская организация КНР реорганизована и переименована в организацию «хунсяобинов». Продолжается работа по созданию в деревнях организаций «бедняков и низших серед-

няков». Все эти маоистские формы общественных массовых организаций создаются не как часть политической системы социалистического типа, а как маоистские рычаги воздействия на социально-политическую структуру китайского общества.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И НАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

К 1949 г. в стране существовали демократические партии, входившие в состав Единого Народно-демократического фронта. К их числу относились: Революционный комитет гоминьдана (создан в 1948 г.), состоявший из бывших гоминьдановских офицеров, чиновников, представителей высших и средних слоев национальной буржуазии; Демократическая лига Китая (1941 г.), состоявшая из представителей интеллигенции, работников культуры и просвещения, студентов, инженерно-технических работников и лиц свободных профессий; Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая (основана в 1927 г. под названием Китайской Революционной партии), объединившая представителей интеллигенции, главным образом медицинских работников; Общество «3 сентября» (1944 г.), состоявшее из демократической интеллигенции — профессоров, врачей, инженеров; Китайская партия справедливости (Чжигундан), основанная еще во времена тайных обществ Тайпинского восстания. Сюда входили патриотически настроенные китайцы-эмигранты в различных странах; Ассоциация содействия развитию демократии (1945 г.), объединявшая работников печати, культуры и просвещения (ряд членов этой Ассоциации входил одновременно и в Демократическую лигу Китая); Ассоциация демократического национального строительства Китая (1945 г.), организованная главным образом из представителей торгово-промышленных кругов буржуазии; Лига демократической автономии Тайваня (1947 г.), созданная уроженцами о-ва Тайвань. Своей задачей Лига считала освобождение Тайваня и возвращение его Китаю.

В своих уставах и программах, принятых на соответствующих съездах после образования КНР, эти партии заявляли о том, что принимают руководство со стороны КПК и будут оказывать содействие в развитии страны по пути социализма. Со своей стороны КПК в соответствии с установками VIII съезда КПК (1956 г.) проводила курс на «длительное сосуществование» со всеми демократическими партиями и использовала его для «воспитания и перевоспитания буржуа-

зии, чтобы она своими знаниями служила делу социалистического строительства»[49].

Органом, объединившим все политические партии Единого Народно-демократического фронта в стране, был Народный Политический Консультативный совет Китая. Политическая программа, обязательная для всех политических партий,— Общая программа — была положена в основу Конституции КНР, принятой в 1954 г.[50]

Все эти партии до «культурной революции» проводили активную деятельность. Об их съездах, пленумах, принимаемых решениях сообщалось в центральной печати Китая. Некоторые партии — Революционный комитет гоминьдана и Ассоциация демократического национального строительства — имели свои собственные печатные органы (газеты «Туаньцзе бао» и «Синь гуншан»).

Руководители КПК постоянно держали в поле зрения деятельность этих партий. «Жэньминь жибао» в статье «Путь продвижения вперед демократических партий» давала оценку их деятельности и намечала путь их развития[51]. В статье говорилось, что проведенные расширенные пленумы ЦК демократических партий показали огромный прогресс, достигнутый буржуазными элементами, буржуазными интеллигентами и демократическими партиями за последние несколько лет, а также укрепление Единого Народно-Демократического фронта КНР на основе служения социализму.

Последние сведения о деятельности демократических партий относятся к январю 1965 г. С началом «культурной революции» уже не было никаких сведений о деятельности этих партий.

Время от времени представители демократических партий присутствовали на официальных приемах, встречах и национальных праздниках. Но печать, отмечая их в списке официальных лиц, не указывала на их принадлежность к той или иной партии: о них говорилось лишь как о представителях ВСНП или НПКСК. В течение 1972—1973 гг. на официальных приемах были представлены практически все демократические партии. Судя по отрывочным сведениям, можно понять, что, как в центре, так и в провинциях, отделения демократических партий существуют. Так, в информации о церемониях по случаю 107-й годовщины со дня рождения Сунь Ят-сена, проводившихся в Пекине, Шанхае, провинциях Цзянсу и Гуандун, отмечалось, что везде принимали участие ответственные работники Революционного комитета го-

---

[49] Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, стр. 50, 447.
[50] См. Конституция Китайской Народной Республики, М., 1954.
[51] «Жэньминь жибао», 25.IX.1960.

миньдана этих городов и провинций, а в Пекине — члены Постоянного комитета ЦК Революционного комитета гоминьдана.

В составе китайской делегации, направленной в апреле 1973 г. в Японию, были представители трех демократических партий Китая — Демократической лиги Китая, Китайской Ассоциации содействия развитию демократии и Ассоциации демократического национального строительства Китая.

На X съезде КПК в состав ЦК был избран член Постоянного бюро ЦК Демократической лиги Китая Чжоу Цзяньжэнь (брат Лу Синя). Представители демократических партий явно используются для возможного налаживания связей с Тайванем, для его «мирного освоения». Не случайно на X съезде КПК в августе 1973 г. два уроженца Тайваня были избраны в состав ЦК КПК[52]. В октябре 1973 г. они, как члены ЦК КПК, участвовали в беседе, организованной Отделом Единого фронта ЦК КПК с тайваньцами, проживающими в других странах и приехавшими в Пекин[53].

Таблица 13

Демократические партии, представители которых участвовали в различных официальных мероприятиях 1972—1973 гг.

Революционный комитет гоминьдана

Чжу Юнь-шань — заведующий орготделом ЦК.
Чэнь Цы-шэнь — заведующий отделом пропаганды ЦК
У Мао-сунь — заместитель секретаря ЦК
Гань Цы-сэнь, Лу Хань, Лю Вэнь-хой, Лю Чжун-жун, Лю Мэн-чунь, Лю Фэй, Хоу Цзин-жу, Сюй Вэнь-тянь, Цянь Чан-чжао — члены бюро ЦК

Демократическая лига Китая

Ши Лян, Ху Юй-чжи, Дэн Чу-минь, Чэнь Ван-дао, Чу Ту-нань — заместители председателя
Ху Юй-чжи — секретарь ЦК

---

[52] «Жэньминь жибао», 5.IX.1973.
[53] «Жэньминь жибао», 3.X.1973.

Продолжение табл. 13

Ли Вэнь-и — заместитель секретаря ЦК
Сакунляо — заведующий отделом пропаганды

Хуа Ло-гэн
Шэнь Цзы-цзю
Чжоу Цзянь-жэнь
Тун Ди-чжоу
Вэнь Цзя-сы
— члены бюро ЦК

Крестьянско-рабочая демократическая партия

Цзи Фан — председатель

Лю Шу-сунь
Го Цзэ-чэнь
Янь Синь-минь
— члены президиума ЦК

Янь Синь-минь — заведующий орготделом ЦК
Цу Фу-чжоу — заведующий группой по медицинской работе

Общество «3 сентября»

Сюй Дэ-хэн — председатель

Чжоу Пэй-юань
Мао И-шэн
Янь Цзи-цзы
— заместители председателя

Сунь Чэн-пэй — секретарь ЦК

Пэй Вэнь-чжун
Ли И
— заместители секретаря ЦК

Лао Цзюнь-чжань
Цзинь Шань-бао
Ян Жун-цзянь
Вэй Цзянь-гун
— члены бюро ЦК

Китайская партия справедливости (Чжигундан)

Хуан Дин-чэн — заведующий орготделом ЦК и член бюро ЦК

Ассоциация содействия развитию демократии

Чжоу Цзянь-жэнь
Ян Дун-чунь
— заместители председателя

Сюй Бо-и — секретарь ЦК
Гэ Чжи-чэн — заместитель секретаря ЦК и заведующий орготделом

Фан Мин
У Жо-ань
У Янь-инь
У И-фан
Чжа Пу-чу
Сюй Чу-бо
— члены бюро ЦК

Се Бин-синь — председатель комиссии по связи

Ассоциация демократического национального строительства Китая

Ху Цзюэ-вэнь
Ху Цзы-ан
Го Ди-хо
— заместители председателя

Продолжение табл. 13

Сунь Сяо-цунь — секретарь ЦК
Чжоу Ши-гуань — заместитель секретаря ЦК

Лю Го-цзюнь Чжан Цзин-ли Ло Шу-чжан Жун И-жэнь Хоу Дэ-бан Пу Цзэ-сю Чжан Юнь-шань Мо И-чан Хуан Чан-шуй	— члены бюро ЦК

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

На территории Китайской Народной Республики кроме собственно китайцев (ханьцев) проживает свыше 50 неханьских национальностей. Общая численность неханьских народов, по официальным (явно заниженным) данным, составляет 42 млн., или 6% всего населения КНР. Национальные районы составляют до 60% всей территории КНР и расположены в основном в приграничных областях.

Национальная структура КНР отличается сложностью и пестротой. Неханьские народы относятся к различным этническим и языковым группам, включающим тибетско-бирманские, монгольские, тюркские, тайские, мон-кхмерские и другие группы. Многие из них насчитывают несколько миллионов человек и проживают компактно на значительной территории, среди них — чжуанцы составляют 9,5 млн., уйгуры — 5 млн., ицзу — 3,3 млн., тибетцы — 3 млн., мяо — 2,5 млн., монголы — 1,5 млн. и др. Неханьские народы сохранили национальную самобытность, культуру, язык, традиции. Некоторые из них, например монголы, маньчжуры, уйгуры, чжуанцы, тибетцы, имели в прошлом свою государственность.

Китай как многонациональное государство в современных границах сложился в конце XVIII в. в результате маньчжурских завоеваний. Колонизаторская, ассимиляторская политика правителей старого Китая привела к возникновению национально-освободительного движения неханьских народов, результатом которого, в частности, явилось образование независимой Монгольской Народной Республики (1924 г.), Восточно-Туркестанской Республики в Синьцзяне (1944 г.) и автономном районе Внутренняя Монголия (1947 г.).

Национальный вопрос занимал заметное место в решениях КПК. Так, II съезд КПК (1922 г.) высказался за предоставление автономии Монголии, Тибету, Синьцзяну. VI съезд КПК (1928 г.) указал, что «вопрос о национальных меньшинствах в пределах Китая... имеет весьма важное значение в революции» и в своей политической резолюции потребовал «объединения страны с признанием права каждой нации на самоопределение» [1].

[1] Т. Рахимов, Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна, М., 1968, стр. 62.

Марксистско-ленинская национальная программа была отражена в решениях I (1931 г.) и II (1934 г.) Всекитайских съездов советов. В резолюции по национальному вопросу, принятой I съездом, говорилось, что «китайские рабочие, крестьяне, солдаты и все трудящиеся массы решительно борются против угнетения некитайских национальностей и добиваются их полного освобождения» и что «Китайская Советская республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение»[2].

Победа народной революции и образование Китайской Народной Республики в 1949 г. создали предпосылки для уничтожения национального гнета. В Общей программе Народного Политического Консультативного Совета Китая было провозглашено равноправие всех национальностей. В ней подчеркивалось: «Необходимо бороться с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, воспрещаются всякая национальная дискриминация, гнет или действия, направленные против сплочения национальностей». Эта программа гарантировала неханьским народам свободу развития родного языка и письменности, сохранение или изменение своих обычаев, традиций и религиозных убеждений[3].

В соответствии с положениями Общей программы НПКСК был принят ряд специальных законодательных актов, обеспечивавших правовое равенство народов КНР. Были созданы комиссии по делам национальностей Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и комитет по делам национальностей при Госсовете КНР, обеспечено представительство неханьских народов в ВСНП, Постоянном комитете ВСНП и НПКСК. В национальных районах и в центре были организованы различные курсы, школы и институты (в том числе Центральный институт национальностей в Пекине), которые готовили национальные кадры для работы в административных и партийных органах, в промышленности и сельском хозяйстве, а также в школах и больницах.

Проведенная в первые годы существования КНР аграрная реформа ликвидировала в большинстве национальных районов (кроме отдельных областей Юго-Запада и Тибета) феодальное землевладение.

Однако в целом национальный вопрос в КНР не получил последовательного разрешения. Неханьские народы были лишены права на самоопределение, КНР объявлена единым многонациональным государством, а районы националь-

---

[2] Советы в Китае, М., 1934, стр. 440.

[3] Законодательные акты Китайской Народной Республики, М., 1952, стр. 63—64.

ной автономии — неотъемлемой частью КНР (ст. 3 Конституции). Таким образом, были лишены национальной государственности даже такие крупные неханьские народы, как уйгуры, чжуанцы, тибетцы и др. За основу решения национального вопроса и национального строительства была принята система местной национальной автономии. В настоящее время в КНР имеется пять автономных районов, приравненных к провинциям (Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский и Тибетский), 29 автономных округов и 69 автономных уездов (табл. 14, 15). Согласно «Основным принципам осуществления местной национальной автономии в Китайской Народной Республике» (1952 г.), право на местную автономию получили неханьские народы, проживающие компактно на определенной территории. Границы автономных районов должны были устанавливаться с учетом не только национального состава и экономического фактора, но и «политического развития и исторического прошлого». При этом «Основные принципы» предусматривали возможность создания многонациональных автономных единиц и включение в состав автономных районов областей с ханьским населением.

Подобные отступления от ленинских принципов отрицательно сказались при национально-территориальном размежевании, которое осуществлялось на основе старого провинциального деления. Так, например, Гуанси-Чжуанский автономный район был создан путем простого переименования пров. Гуанси. В результате чжуанцы составили лишь треть населения района. Одновременно многие компактно проживающие неханьские народы оказались раздробленными между несколькими автономными единицами. В пределах Тибетского автономного района, например, проживает менее половины всех тибетцев КНР. Остальные области, населенные тибетцами и непосредственно примыкающие к Тибетскому автономному району, остались в составе провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, где они были еще раз раздроблены между девятью автономными округами и двумя уездами. Широко практиковалось также включение в состав автономных единиц областей с ханьским населением. В результате, например, монголы в автономном районе Внутренняя Монголия составили лишь 10—12% населения. И наконец, многие народы так и не получили автономии даже на уровне уезда, например маньчжуры, насчитывающие, по официальной статистике, 2,4 млн.

Вопросы национального строительства были подробно рассмотрены на VIII съезде КПК (1956 г.). В политическом отчете ЦК КПК и в выступлениях делегатов отмечались серьезные недостатки в решении национального вопроса, об-

ращалось внимание на такие факты проявления великодержавного шовинизма, как неуважение нравов и обычаев неханьских народов, их языка и письменности, непризнание свободы вероисповедания и права управлять своими внутренними делами, игнорирование национальных кадров.

VIII съезд КПК выдвинул широкую позитивную программу национального строительства в КНР. Так, в преамбуле к Уставу КПК, принятому на этом съезде, говорилось: «Коммунистическая партия Китая должна прилагать особые усилия для улучшения положения национальных меньшинств, содействовать самоуправлению среди них, усиленно готовить кадры из их представителей, содействовать развитию их экономики и культуры, осуществлять полное равноправие всех национальностей и укреплять отношения сплоченности и дружбы между ними... Особое внимание надо уделять предупреждению и преодолению великоханьского шовинизма среди членов партии и работников государственных учреждений ханьской национальности»[4].

Эта программа, однако, не была реализована. В конце 50-х годов национальная политика стала принимать все более отчетливо выраженный великодержавный характер. В 1957—1958 гг. главной опасностью был объявлен так называемый местный национализм. В ряде национальных областей, в том числе в Синьцзян-Уйгурском и Гуанси-Чжуанском автономных районах, были проведены пленумы КПК, на которых многие руководящие национальные кадровые работники были обвинены в «местном национализме» и отстранены от занимаемых постов. Прекратилась работа по созданию письменности для бесписьменных неханьских народов, развернулась массовая кампания по переселению в национальные районы сотен тысяч китайцев, прежде всего в Синьцзян и Внутреннюю Монголию. Губительное влияние на еще неокрепшую экономику национальных районов оказали «большой скачок» и создание «народных коммун». В официальной китайской печати, в том числе партийной, стали появляться статьи, открыто призывающие к ассимиляции неханьских народов.

Великодержавный характер национальной политики маоистского руководства КПК наиболее отчетливо проявился в ходе «культурной революции». Были разогнаны конституционные органы власти, призванные осуществлять самоуправление неханьских народов. Их место заняли «ревкомы», члены которых не выбираются местным населением, а назначаются сверху. «Ревкомы» ответственны лишь перед вышестоящими органами. Руководство «ревкомами» на всех уровнях было

[4] Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, стр. 510.

отдано в руки военных-ханьцев. Так, например, председателем, а также девятью его заместителями (из 13) «ревкома» Тибетского автономного района стали ханьцы, а среди 17 его членов оказался только один тибетец. В 1969 г. произведен произвольный раздел старейшего автономного района страны — Внутренней Монголии. Примерно $^2/_3$ ее территории были переданы под юрисдикцию четырех китайских провинций, а проживающие там монголы лишились права на автономию.

В годы «культурной революции» был выдвинут лозунг борьбы с «четырьмя старыми» (старыми идеями, культурой, привычками, обычаями), под которыми подразумевалась национальная культура неханьских народов в целом. IX съезд КПК (1969 г.), который подвел итоги «культурной революции», обошел молчанием вопросы самоуправления неханьских народов, развития их экономики и культуры.

Национальная политика руководства КПК в 1973 г. отличалась некоторыми тактическими особенностями по сравнению с периодом «культурной революции», которые стали проявляться еще в 1971 и 1972 гг. После длительного замалчивания самого существования национального вопроса в КНР китайская пресса вновь заговорила о национальной политике как об особой сфере внутриполитических отношений. 25 февраля 1972 г. «Жэньминь жибао» поместила редакционную статью, посвященную «национальной политике» партии и Мао Цзэ-дуна. Особое внимание в ней было уделено проблеме «сплочения» национальностей, в первую очередь ханьцев и неханьцев. Одним из главных средств достижения этого «сплочения» пекинское руководство считает использование национальных кадров. Во время «культурной революции» национальные кадры в подавляющем большинстве были отстранены от работы, подверглись репрессиям. Однако выяснилось, что одни кадровые работники-ханьцы, не знающие местных языков и не знакомые с местными условиями, не в состоянии управлять национальными районами. Это вынудило руководство КНР вернуться к использованию национальных кадров, «реабилитировать» некоторое количество «старых» национальных кадров. При этом, однако, первостепенное значение китайское руководство придает «новым» национальным кадрам, прошедшим «закалку культурной революции», в особенности активистам различных политических кампаний. В конце 1973 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, например, насчитывалось более 84 тыс. кадровых работников неханьских национальностей, около половины которых составляла молодежь.

Подготовка национальных кадров осуществляется на местах через сеть краткосрочных курсов и школ, организуемых

парткомами различных ступеней. Часть представителей неханьских национальностей направляется для более длительной учебы в институты национальностей и в другие учебные заведения. В 1973 г. в Центральном институте национальностей в Пекине на трех факультетах обучалось 1400 студентов 50 национальностей. Политический факультет готовит «политико-теоретических работников» различных национальностей и политработников для низовых органов, филологический — переводчиков и художественный — работников литературы и искусства [5].

Использование некоторого числа кадровых работников неханьской национальности вовсе не означает восстановления самоуправления неханьских народов. Основная функция национальных кадров сводится к тому, чтобы быть послушными проводниками маоистских установок [6].

Публикуемые в китайской прессе данные относятся, как правило, к низшим звеньям управленческого аппарата (уезд — коммуна — большая бригада). Средние и высшие звенья продолжают комплектоваться преимущественно из ханьцев. Правда, некоторая часть национальных кадровых работников допускается на сравнительно высокие руководящие посты (например, С. Азизов недавно стал председателем «ревкома» и первым секретарем парткома Синьцзян-Уйгурского автономного района), но их деятельность целиком и полностью контролируется китайскими работниками.

По существу, в руках ханьцев остается командование размещенными в национальных районах воинскими частями — главной опорой маоистского руководства.

Новая тактика китайского руководства в национальном вопросе проявляется также в ходе партийного, комсомольского и профсоюзного строительства. В 1971 г. состоялись съезды КПК автономных районов, на которых были избраны новые парткомы. Еще раньше началось восстановление партийных организаций в низовых производственных звеньях. Ключевые позиции в парткомах заняли ханьцы. В то же время в партию привлекаются и «передовые элементы» неханьских национальностей. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибете, Внутренней Монголии, Гуанси-Чжуанском и Нинся-Хуэйском автономных районах, а также в национальных районах пров. Юньнань с 1969 г. до середины 1973 г. в партию было принято более 143 тыс. представителей неханьских национальностей [7]. «Привлекаемые к вступлению в партию» отбираются из активистов, прошедших

---

[5] «Китай на стройке», 1973, № 12.
[6] См. «Хунци», 1973, № 3, стр. 16—19.
[7] «Жэньминь жибао», 6.X.1973.

курс идеологической обработки в специальных учебных группах, которые организуются парткомами.

Представители неханьских национальностей, как правило, допускаются к руководящей партийной работе лишь в низовых партийных организациях. В парткомах более высокого уровня их количество незначительно. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе только двое из восьми секретарей парткома уйгуры, а в парткоме Внутренней Монголии всего лишь один монгол.

В 1973 г. китайские руководители усиливали идеологическую обработку населения национальных районов путем развертывания кампании по «критике Линь Бяо и Конфуция», а также внедрения линии «опоры на собственные силы» и «духа Дачжая и Дацина». Главное внимание в маоистской пропаганде занимает борьба с «контрреволюционерами», т. е. с людьми, не приемлющими маоистские установки. В национальных районах население призывают «готовиться к войне, к голоду», «глубже рыть убежища и запасать зерно». Антисоветская пропаганда в национальных районах приняла необычайно широкие размеры.

Учитывая, что пропаганда «идей» Мао Цзэ-дуна только силами армейских «агитаторов» не дает желаемых результатов, пекинское руководство стало создавать отряды, составленные из кадровых административных, партийных работников, членов молодежных, профсоюзных и женских организаций, а также ополченцев неханьских национальностей. Только в Тибетском автономном районе в начале 1973 г. было организовано 1100 пропагандистских отрядов, насчитывающих 12 тыс. человек.

На языки неханьских народов дублируются китайские кинофильмы, на местных языках и в национальном музыкальном сопровождении ставятся «революционные пьесы». И наконец, для пропаганды маоизма используется «художественная самодеятельность».

Пекинская пропаганда преподносит все это как «расцвет» национальной культуры и искусства неханьских народов, подчеркивая в то же время, что право на существование имеют лишь те «национальные по форме» произведения, в которых проповедуются «идеи» Мао[8]. Образцами высокоидейных художественных произведений, в которых гармонично слиты «социалистическое» содержание и национальная форма, называются пекинские оперы «Красный фонарь», «Взятие горы Вэйхушань» и другие «революционные образцовые спектакли».

Великодержавный характер приняла и языковая полити-

[8] «Жэньминь жибао», 30.VI.1973.

ка пекинского руководства. В КНР только китайский язык является государственным. Открыто проводятся меры, направленные на ликвидацию национальных языков: искусственно вводится китайская лексика, с этой же целью осуществляется в настоящее время латинизация уйгурского и казахского языков на основе алфавита, разработанного для китайского языка, всячески ограничивается сфера применения национальных языков, фактически прекращено издание литературы на этих языках. Последняя газета на языке чжуан (их численность около 10 млн.) вышла еще до «культурной революции». Даже материалы X съезда КПК не были напечатаны на чжуанском языке.

Национальные районы продолжают оставаться отсталыми окраинами Китая, а их экономика служит источником снабжения размещенных здесь китайских войск.

В настоящее время китайские лидеры открыто отказались от решений VIII съезда КПК, предусматривающих развитие неханьских народов в «современные» (т. е. социалистические) нации. Извращая основные положения марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, они утверждают, что нация якобы является категорией, связанной только с капитализмом, а в процессе строительства «социализма» идет процесс не только сближения, но и слияния наций. Исходя из великодержавных идей о величии ханьской нации и «отсталости» неханьских народов, маоисты предоставляют «слияние» наций в Китае как поглощение их ханьцами.

Естественно, что великодержавная национальная политика руководства КПК и местных властей наталкивается на сопротивление неханьских народов, которое принимает нередко резкие формы, вплоть до вооруженных столкновений. Продолжается бегство жителей пограничных национальных районов за границу. Число эмигрантов из Синьцзяна достигло 200 тыс., из Тибета — 100 тыс. Не доверяя местному населению, пекинский режим стремится опереться прежде всего на армию и переселенцев-ханьцев. Численность ханьцев в Синьцзяне возросла с 300 тыс. до 4 млн.

Несмотря на некоторые тактические изменения, таким образом, национальная политика современного пекинского руководства продолжает носить великодержавный ассимиляторский характер. Это еще раз подтвердил состоявшийся в 1973 г. X съезд маоистской партии. Хотя на съезде было упомянуто о необходимости «уделить должное внимание подготовке кадров» из числа неханьских национальностей, а также о необходимости «и внутри страны выступать против всяких проявлений великодержавного шовинизма», съезд не дал оценки современного положения в национальных районах и не определил задач национального строительства.

Таблица 14
Автономные районы *

Автономный район	Год образования	Площадь, тыс. *кв. км*	Население, тыс.	Основные неханьские национальности	Соотношение неханьского и ханьского населения; доля основной неханьской национальности
Гуанси-Чжуанский	1958	свыше 230** 215***	20 840** 24 000*******	чжуан, яо, мяо, кам (дун), суй (шуй), маонань, мулао, кинь (цзин), и (лоло), буи, гэлао, хуэй	чжуан—36**, 37% * неханьские национальности — 44% ****
Синьцзян-Уйгурский	1955	свыше 1600** 1700***	7 270** 8 000******	уйгуры, казахи, монголы, хуэй, сибо, таджики, киргизы, узбеки, татары, маньчжуры, дауры	уйгуры — $^3/_5$*, $^2/_3$**; свыше 74% *** неханьские национальности—свыше 60% *****
Внутренняя Монголия	1947	свыше 450* свыше 400** свыше 1400***	6 240** 13 000*******	монголы, маньчжуры, тибетцы, дауры, хуэй, корейцы	монголы—свыше 300 тыс.**; около 1 млн.***
Нинся-Хуэйский	1958	свыше 170* свыше 77***	2 160** свыше 1800****	хуэй, монголы	хуэй $^1/_3$**
Тибетский	1965	свыше 1200** 1520***	1 250** 1 270***	тибетцы, лоба моньба, дэн, хуэй	тибетцы—свыше 90% *; свыше 96% **

* Таблица составлена по следующим источникам:
Атлас мира (Шицзе диту цэ), Пекин, 1972;
** Атлас мира (Шицзе диту цзи), Пекин, 1972;
*** Новые знания (словарь-справочник) (Синь чжиши цыдянь), Шанхай. 1958;
**** Журн. «Миньцзу туаньцзе», 1959, № 3, 1964, № 2—3;
***** «Жэньминь жибао», 6.X.1973;
****** «Синьцзян жибао», 1.I.1967.
******* По данным китайской печати 1968 г.

Таблица 15

Автономные округа *

Автономный округ	Провинция [авт. р-н]	Время образования	Площадь, тыс. *кв. км.*	Численность населения, тыс.	Количество национальностей (включая хань)	Процентное (долевое) соотношение населения основных национальностей	Численность населения основной (основных) национальности, тыс.
Ганьнань-Тибетский	Ганьсу	X.1953	70*	350* (340)	6	тибетцы—50* хань—43* хуэй—6*	тибетцы—175* (166)
Линься-Хуэйский	»	XI.1956	свыше 13*	свыше 810*	7	хуэй—38,5*	хуэй — (312)
Хайнань-Ли-Мяоский	Гуандун	VII.1952		свыше 570* (691)	4		ли—свыше 340* (389) мяо—10* (14) хуэй—свыше 1*
Цяньдуннань-Мяо-Камский	Гуйчжоу	VII.1956	свыше 25,9*	1950*** (1960)	7		мяо—свыше 700* (730) кам—400* (470) буи, суй, яо, чжуан—свыше 10* хань—свыше 500*
Цяньнань-Буи-Мяоский	»	VIII.1956	свыше 30*	2100***	8		буи—810* (813) мяо—свыше 230* (233) суй — свыше 120*

Продолжение таблицы 15

							яо, и, хуэй, кам—10* хань—свыше 760*
Баянгол-Монгольский	Синьцзян-Уйгурский	VI.1954		свыше 50* (57)	12	монголы—35*	монголы—20*
Боротала-Монгольский	»	VII.1954		свыше 40* (41)	13	монголы—24,6*	монголы—10*
Или-Казахский	»	XI.1954		(свыше 1000)	13	казахи—свыше 50*	казахи—свыше 500
Кызылсу-Киргизский	»	VII.1954		130* (180)	11	киргизы—35*	киргизы—54*
Чанцзи-Хуэйский	»	VII.1954		свыше 90* (98)	13	хуэй—37,23*	(39)
Аба-Тибетский	Сычуань	I.1953	100*	500* (520)	5	тибетцы—75* хань—16* цян, хуэй — 9*	тибетцы— 230******
Ганьцзы-Тибетский	»	XII.1950	180*	700* (540)	4	тибетцы -свыше 3/4	тибетцы—450******

Продолжение таблицы 15

Автономный округ	Провинция (авт. р-н)	Время образования	Площадь, тыс. *кв. км*	Численность населения, тыс.	Количество национальностей (включая хань)	Процентное (долевое) соотношение населения основных национальностей	Численность населения основной (основных) национальности, тыс.
Ляншань-Иский	»	X.1952	35*	свыше 970* (860)	3		и—810*****
Сянси-Туцзя-Мяоский	Хунань	IX.1957 (VIII.1952— Сянси-Мяоский)	свыше 19****	свыше 1700* 1800****	6	туцзя—22* мяо—19* неханьские национальности—50*****	туцзя — (396) мяо — (342)
Яньбянь-Корейский	Цзилинь	IX.1952	29,9*	свыше 760* (1019)	6	корейцы—70* хань—27* маньчжуры, хуэй, монголы—3*	корейцы—1578*
Голо-Тибетский	Цинхай	I.1954	240*	свыше 110*	2	подавляющее большинство тибетцы, прочие—ханьцы	тибетцы—85*
Хайбэй-Тибетский	»	XII.1953	70*	70*	6	тибетцы — $^1/_3$*	

Продолжение таблицы 15

Хайнань-Тибетский	»	XII.1953	90*	100*	6	тибетцы—свыше 70*	
Хайси-Монголо-Тибетско-Казахский	»	I.1954	310*	свыше 20*	8		
Хуаннань-Тибетский	»	XII.1953	10*	свыше 72* (77)	4	тибетцы—свыше 80*	тибетцы—(46)
Юйшу-Тибетский	»	II.1952	200*	свыше 130* (100)	4	тибетцы—98*	тибетцы—(85)
Вэньшань-Чжуан-Мяоский	Юньнань	IV.1958	32**	свыше 1400**	7	чжуан—32,79** мяо—10,99** и—8,73** хань—44,29**	чжуан—свыше 460** мяо—свыше 154** и—свыше 120**
Дали-Байский	»	XI.1956		свыше 1580*	9		бай—свыше 500* (670)
Дицин-Тибетский	»	IX.1957	36,8*	свыше 160* (170)	7	тибетцы—55*	тибетцы—(90)
Дэхун-Тай-Цзинпоский	»	VII.1953	40*	свыше 1500* (400)	10	большинство—тай, цзинпо	тай—(175) цзинпо—(97)
Нунцзян-Лисуский	»	VIII.1954		150* (220)	17	большинство — лису	лису—(110)

Продолжение таблицы 15

Автономный округ	Провинция (авт. р-н)	Время образования	Площадь, тыс. *кв. км*	Численность населения, тыс.	Количество, национальностей (включая хань)	Процентное (долевое) соотношение населения основных национальностей	Численность населения основной (основных) национальности, тыс.
Сишуанбаньна-Тайский	»	I.1953	25*	200* (320)	14	тай—52* хани—18*	тай — (160)
Хунхэ-Хани-Иский	»	XI.1957 (I.1954—Хунхэ-Ханиский)	32*	свыше 1900****	17	и—26* хани—18* хань—40,6*	и—(340) хани — (280)
Чусюн-Иский	»	IV.1958	свыше 30,9**	1673**	10	и—20,61** (23)	и—свыше 344** (390) лису—свыше 33 мяо—свыше 19 тай—свыше 11

* Таблица составлена по следующим источникам: Новые знания (словарь-справочник) (Синь чжиши цыдянь). Шанхай, 1958.

** Миньцзу туаньцзе», 1958, № 4, стр. 11.

*** «Миньцзу туаньцзе», 1958, № 9, стр. 7.

**** «Миньцзу туаньцзе», 1961, № 5, стр. 9.

***** «Гуанмин жибао», 15.VI.1973.

****** Экономическая география Юго-Западного Китая (Синань дицюй цзинцзи дили), Пекин, 1960, стр. 14.

******* «Миньцзу туаньцзе», 1964, № 2—3, стр. 16.

Цифры, заключенные в скобки, приводятся по Справочнику, административного деления КНР (Чжунхуа Жэньминь Гунхэго синчжэнцюй хуа шоуцэ), Пекин, 1965. Автономные округа перечислены в алфавитном порядке по провинциям.

В то же время общеполитические установки X съезда КПК не могли не отразиться на характере конкретных мероприятий китайского руководства в национальных районах. После опубликования материалов X съезда с особой силой стало подчеркиваться значение военных мероприятий в национальных районах, прежде всего в районах, граничащих с СССР и МНР. Так, закрывшийся 5 сентября в Урумчи III съезд профсоюзов Синьцзяна призвал «проявлять бдительность относительно внезапного нападения советских ревизионистов», «усиливать подготовку к войне» и т. д.

Сложившаяся в национальных районах обстановка является результатом антиленинской, антисоциалистической политики китайского руководства в национальном вопросе. Этот курс не имеет ничего общего с подлинными интересами неханьских народов и способствует сохранению неустойчивой обстановки в национальных районах Китая.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношение к мировому социализму, выражающему объективно неизбежное направление развития человеческого общества, определяет место любого государства в противоборстве сил прогресса и реакции в современную эпоху. Это единственно верный критерий для оценки исторической роли различных политических сил, действующих на мировой арене. Он позволяет с научной точностью установить реальное классовое содержание внешнеполитического курса КНР в различные периоды ее существования.

Переход Китая в 1949 г. на социалистический путь развития явился крупной победой марксизма-ленинизма, триумфом сплочения революционного китайского народа с социалистическими и всеми антиимпериалистическими силами мира. Естественно, что развитие всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, со всеми социалистическими странами с самого начала стало стержнем внешнеполитической позиции Китайской Народной Республики и в дальнейшем было закреплено в Конституции КНР (1954 г.) и в документах VIII съезда КПК (1956 г.), проходившего под знаком укрепления интернационалистических сил в партии. Во внешней политике КНР на первое место съезд поставил задачу «продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии»[1].

В 50-х годах КНР проводила внешнеполитический курс, который в основном находился в русле общей политики мирового социализма, отвечал интересам строительства социалистического общества в Китае, борьбы за мир, за социальное и национальное освобождение трудящихся. Однако уже в этот период мелкобуржуазно-националистические элементы в руководстве КНР, возглавляемые Мао Цзэ-дуном, пытались навязать партии и народу свою программу борьбы за великодержавные гегемонистские цели.

Под влиянием группировки Мао Цзэ-дуна сразу же после

[1] Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, стр. 482.

образования КНР руководство КПК объявило китайскую революцию «классическим образцом» революции для стран колониальной периферии империализма, а Великую Октябрьскую революцию — образцом лишь для стран развитого капитализма. При такой постановке вопроса мировой освободительный процесс как бы приобретал два центра притяжения. Следовательно, маоистская программа борьбы за гегемонистские цели уже тогда содержала зерно раскольнической политики в отношении революционных сил современности. Однако условия становления и развития КНР на первом этапе ее существования не благоприятствовали осуществлению этой программы, и маоистская группировка была вынуждена отступить, спешно перекраситься в сторонника развития Китая на принципах научного социализма, поборника пролетарского, социалистического интернационализма и борца за сплочение КНР со странами социализма.

В дальнейшем, действуя под прикрытием левацких призывов о всемерном ускорении строительства социализма в Китае, эта группировка исподволь готовилась к развертыванию борьбы за великодержавные цели, к наступлению на подлинно социалистические силы внутри страны.

«Большой скачок» и создание «народных коммун» в 1958 г. четко обозначили начало широкого мелкобуржуазно-националистического наступления в Китае, быстрого усиления шовинистических мотивов во внешнеполитической деятельности Пекина. Возрастание роли этих мотивов означало поворот нового китайского государства к тем внешнеполитическим принципам, разрыв с которыми ознаменовала победа народной революции в 1949 г. А эти принципы с предельной откровенностью еще в начале нашего века излагал, например, журнал «Гоминь бао», отражавший взгляды китайской буржуазии: «Китай, безусловно, имеет все данные для того, чтобы воинственно смотреть на мир, устрашать и потрясать земной шар, распоряжаться государствами и попирать пять континентов»[2].

За 15—16 лет, истекших с начала наступления мелкобуржуазно-националистических сил на позиции социализма в Китае, эволюция внешней политики Пекина прошла ряд этапов, связанных как с развитием внутриполитической обстановки в стране, так и с изменениями в маоистской стратегии и тактике борьбы за гегемонистские цели.

Период 1958—1960 гг. характеризовался прежде всего попытками группировки Мао Цзэ-дуна с помощью «передовой практики» («большой скачок», создание «народных ком-

---

[2] Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 82.

мун») подкрепить притязания Пекина на роль наиболее динамичной, авангардной, социалистической и, следовательно, самой революционной силы современности. В эти годы китайское руководство отошло от политики мирного сосуществования стран с различным социальным строем, выступило с экстремистских позиций в вопросе о противоборстве двух мировых систем, выдвинуло провокационную идею форсирования военного конфликта между ними.

Крах мелкобуржуазных иллюзий о построении коммунизма «одним махом», «минуя социализм», а с ним и крах надежды автоматически занять место гегемона в мировом антиимпериалистическом лагере привели маоистов к открытой раскольнической деятельности внутри социалистического лагеря.

1960—1963 годы явились временем, когда группировка Мао Цзэ-дуна начала интенсивную обработку населения Китая в духе великоханьского шовинизма, быстрыми темпами свертывала сотрудничество с социалистическими странами, активно зондировала почву для мобилизации союзников в международном коммунистическом и во всем антиимпериалистическом движении на основе левацкой идейно-политической платформы, расширяла идеологическую борьбу против социалистических сил мира, постепенно превращая антисоветизм в стержень внешней политики КНР. Именно в эти годы Пекин принял стратегию «борьбы на два фронта» — против империализма и так называемого современного ревизионизма, т. е. против международного коммунистического движения, прежде всего против КПСС. На последующих этапах эта стратегия не раз «уточнялась», приводилась в соответствие со все более обнажавшимися националистическими целями маоизма. Противниками Пекина объявлялись то американский империализм и «советский ревизионизм», то империализм и «социал-империализм», то «две сверхдержавы» — США и СССР, то «одна-две сверхдержавы». И все эти «уточнения» вели исключительно к усилению изначальной антисоциалистической, антисоветской направленности этой так называемой стратегии.

В 1963—1966 гг., когда совершенно четко обнаружилась бесперспективность маоистских расчетов на основе «ультралевой» платформы расколоть международное коммунистическое движение, Пекин практически порвал связи с ним и занял по отношению к нему позицию активной вражды. Маоисты объявили социалистическое содружество «переродившимся», «враждебным» всем революционным силам мира. Однако превращение маоистами идеологических разногласий с международным коммунистическим движением в ожесточенную борьбу против мирового социализма, их откровенно

клеветнические оценки общественного развития социалистических стран, роли этих стран в борьбе с империализмом, наконец, попытки маоистов вновь вернуться к волюнтаристским методам экономического строительства, нанесшим огромный ущерб Китаю в 1958—1960 гг., привели к активизации антимаоистских сил в КПК. Этому во многом способствовали и усилившаяся в середине 60-х годов агрессивность империализма в отношении мировой социалистической системы (агрессия США против ДРВ), и резко возросшее в связи с этим стремление международных антиимпериалистических сил к сплочению, и конструктивные шаги СССР в отношениях с КНР, предпринятые после Октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС.

Стремясь подавить усилившуюся оппозицию и создать более благоприятные внутренние условия для продолжения и углубления борьбы за великодержавные цели, группировка Мао Цзэ-дуна под видом «великой пролетарской культурной революции» предприняла в 1966—1969 гг. фронтальное наступление против Коммунистической партии Китая, разрушила конституционные органы власти, демократические организации.

В этот период под знаком «ультрареволюционных» призывов и завершился процесс утверждения великодержавного шовинизма в качестве единственной основы курса Пекина на международной арене, фактически закончилась трансформация этого курса, формально направленного против двух мировых систем, в политику преимущественной борьбы против социалистических сил мира. В ходе «культурной революции» китайское руководство, как никогда прежде, стало связывать свои гегемонистские планы с подчинением себе мирового национально-освободительного движения. Это движение стало последней надеждой маоизма добиться великодержавных целей, эксплуатируя хотя бы один из потоков мирового революционного процесса.

В годы «культурной революции» великодержавные гегемонистские притязания маоистов раскрылись во всей полноте. «Культурная революция» подтвердила, что именно социалистические силы мира, ведущие последовательную борьбу против всяких форм неравенства между людьми, нациями, расами, государствами, оказались в конце концов главным противником современного китайского социал-шовинизма, маоистского военно-бюрократического режима.

Начало 70-х годов принесло новые подтверждения этому; маоисты сделали объективно неизбежный при их великодержавных целях шаг вправо, к блокированию с империализмом в целом, с международной реакцией для борьбы против главного своего противника — мирового социализма. Совер-

шенный Пекином крутой поворот вправо и определяет роль Китая в мировой политике в наши дни.

Международная изоляция, в которой маоистский Китай оказался в 60-х годах в результате применения стратегии борьбы на два фронта, подорвала надежды китайских лидеров превратить КНР в некий отдельный, «третий» центр политического притяжения в этом мире, разделенном на две противоположные социальные системы. Без существенной поддержки извне Пекин явно был не в состоянии ни вести во все возрастающих масштабах борьбу на два фронта, ни в короткий срок добиться «самоусиления», вывести Китай на уровень наиболее мощных держав мира в экономическом отношении. А в условиях научно-технической революции экономическое отставание Китая, изолированного от внешнего мира, не только не сокращалось, но даже увеличивалось, а это, в свою очередь, наносило сокрушительный удар по маоистской «модели национального возрождения», подрывало престиж Пекина в глазах антиимпериалистических сил в «третьем мире», сил, на которые маоисты больше всего и рассчитывали опереться в борьбе за гегемонистские цели.

Время надежд добиться этих целей, использовав хотя бы какую-то часть революционных сил современности, окончилось для маоистов с наступлением 70-х годов. Пекинские правители оказались перед необходимостью более четко определить свое место в борьбе двух мировых систем. Линия «борьбы на два фронта» и отстаивавшая ее группировка в руководстве КНР превращались в препятствие на пути крайне националистического крыла в пекинских верхах. Падение Линь Бяо (сентябрь 1971 г.) и сближение с Соединенными Штатами означали, что очередной кризис маоистской политики разрешился в пользу именно этого крыла, в пользу наиболее реакционных сил современного китайского социал-шовинизма.

Выдвинув в 1972 г. тезис, что-де американский империализм — этот «бумажный тигр» — «уже давно проткнут насквозь народами мира и сброшен со своей вершины» [3] и что-де «социал-империализм», т. е. Советский Союз, «намного обманчивее по сравнению с империализмом старой марки и потому намного опаснее» [4], Пекин недвусмысленно дал понять, против кого он намерен продолжать борьбу и с кем намерен искать взаимопонимания. Его стремление действовать рука об руку с наиболее экстремистскими отрядами мировой империалистической и всякой иной реакции против социалистического содружества, против всех миролюбивых,

---

[3] «Хунци», 1972, № 11, стр. 72.

[4] «Жэньминь жибао», 1.X.1972.

революционных сил особенно отчетливо проявилось в 1971—1973 гг. в позиции китайской делегации при обсуждении актуальных международных проблем на XXVI, XXVII и XXVIII сессиях Генеральной Ассамблеи и в специализированных органах ООН. Именно в эти годы, когда силы социализма и мира добились исторического поворота от «холодной войны» к разрядке напряженности в международных отношениях, Пекин особенно яростно выступил с нападками на выдвинутую XXIV съездом КПСС Программу мира, ставшую руководством к действию для всех борцов против военной опасности, возросшую активность которых ярко продемонстрировал Всемирный конгресс миролюбивых сил, состоявшийся в Москве в октябре 1973 г. Китайские лидеры ополчились против оздоровления обстановки в Европе и в советско-американских отношениях. Особенно ожесточенным клеветническим нападкам они подвергли советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии. В то же время Пекин не раз выражал свое одобрение военному присутствию США в разных странах[5], призывал к укреплению НАТО, приветствовал наращивание вооружений в Японии, высоко оценивал идею новой Атлантической хартии[6].

Свертывание борьбы против империализма, включая американский, блокирование с ним, а также поощрение консолидации военно-политических группировок в капиталистическом мире с целью противопоставить объединенный фронт Китая с мировой реакцией общему главному противнику — социалистическому содружеству, международному коммунистическому движению — таков новый стратегический расчет Пекина на ближайшую обозримую перспективу. Эта внешнеполитическая стратегия маоистов, неотъемлемым элементом которой являются попытки спровоцировать империализм на усиление конфронтации с мировым социализмом, сыграть на противоречиях двух мировых социальных систем, способствовать активизации всех сил, выступающих против разрядки международной напряженности, отчетливо вырисовывается из документов X съезда КПК, из официальных заявлений пред-

---

[5] По словам американских конгрессменов Х. Боггса и Дж. Форда, побывавших в июне 1972 г. с визитом в КНР, высокопоставленные китайские официальные лица «не хотят, чтобы США уходили из зоны Тихого океана или какого-либо другого района мира» (см. «Правда», 10.VII.1972). Во время визита эти конгрессмены имели встречу с премьером Чжоу Энь-лаем.

[6] В июне 1973 г. Чжоу Энь-лай заявил: «Вопрос о том, участвовать или не участвовать в новой Атлантической хартии, должен зависеть от целей, которые эта организация намерена поставить перед собой, чтобы бороться против советского экспансионизма. Желательно, чтобы те, кто согласен с этим определением, действовали» («France nouvelle», 4.IX.1973).

ставителей пекинской верхушки, из установочных материалов китайской печати, появившихся в предсъездовский и послесъездовский период. Но более всего она раскрывается в практических действиях Пекина на международной арене, в его позициях по острым международным проблемам.

С помощью такой стратегии в Пекине рассчитывают прежде всего преодолеть явное несоответствие между реальными возможностями Китая и стремлением маоистов определять ход мирового развития. На основе такой стратегии Пекин надеется ускорить рост военно-экономического могущества Китая за счет поддержки развитых капиталистических государств и тем самым подвести материальную базу под свои великодержавные амбиции, добиться ослабления позиций своего главного противника — социалистического содружества, а затем, в некой отдаленной перспективе, потеснить и своего нынешнего союзника — империализм.

Соответственно этим целям Пекин сконструировал очередную схему расстановки политических сил в мире. Согласно этой схеме, впервые изложенной главой китайской делегации на 6-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1974 г., существуют «три мира»: первый — СССР и США, второй — развитые страны, третий — развивающиеся страны. Подобная маоистская политическая карта мира начисто игнорирует социальные критерии, существование двух общественных систем и борьбу между ними как стержень всего мирового развития в современную эпоху. Эта карта с предельной полнотой отразила националистическую суть маоизма, стремление пекинских социал-шовинистов использовать страны и народы в угоду потребностям своей великодержавной политики.

В нынешней внешнеполитической стратегии Пекина одним из важнейших компонентов которой является курс на блокирование с империализмом, серьезно изменилось место других международных политических сил, еще совсем недавно считавшихся маоистами основной опорой своей подрывной политики за рубежом. Прежде всего это относится к такой категории союзников Пекина, как «левые» и «ультралевые» группировки и течения в разных странах и районах капиталистического мира. Время показало, что эти группировки и малочисленны, и не способны не только объединиться в некий международный «революционный фронт» под эгидой Пекина, но и противопоставить единую организацию компартиям в пределах отдельных капиталистических и развивающихся государств. К тому же и курс Пекина на блокирование с империализмом ускорил в 1973—1974 гг. распад и самороспуск промаоистских организаций в ряде стран. И хотя раскольнические левацкие группировки оттеснены на

задний план более перспективным, с точки зрения Пекина, союзником — империалистической и иной реакцией, это отнюдь не значит, что маоисты отказались от использования этих группировок. Напротив, в 1973 г. Пекин стал проявлять особый интерес к тем из них, которые не были шокированы ни усилением антисоветизма в его политике, ни его курсом на блокирование с империализмом в целом. Предпочитая ныне иметь дело с официальными властями стран капиталистического мира [7], Пекин вместе с тем проявляет повышенный интерес также и к правоэкстремистским оппозиционным партиям и организациям в этих странах, выступающим за проведение более жесткого курса в отношении социалистического содружества, чем проводимый правительствами.

Фактически отказавшись от демонстративной поддержки мифических «революционных организаций», которые якобы существовали в 60-х годах в ряде стран социализма, китайские руководители теперь больше уповают на «дифференцированную политику» как средство подрыва единства социалистических государств, по существу солидаризуясь с усилиями мирового империализма, направленными на ослабление сплоченности социалистического содружества. В рамках «дифференцированной политики» все большее значение приобретают попытки Пекина культивировать «экономический национализм» в отдельных социалистических странах путем предоставления им экономической помощи и заключения с ними торговых соглашений на льготных условиях.

Окончательно разоблачив себя, раскрыв свою контрреволюционную сущность поворотом к блокированию с империализмом, Пекин рассчитывал все же на создание в рамках социалистической системы хотя бы небольшой группировки стран под своей эгидой. В отношении социалистического содружества он стремился любыми средствами ослабить его единство и сплоченность.

Что касается национально-освободительного движения, то и эта прежде главная надежда маоистов также во многом отошла на второй план в пекинской внешнеполитической стратегии. Народы и страны «третьего мира», особенно те, которые активно ведут антиимпериалистическую борьбу, за десятилетие с лишним доказали Пекину, что они не пойдут за ним в борьбе против мировой социалистической системы, без поддержки которой дело их борьбы за национальное освобождение ставится под сомнение. Поэтому, относя в по-

---

[7] В феврале 1974 г. Чжоу Энь-лай поставил в известность правительство Таиланда о прекращении Китаем поддержки «коммунистических повстанцев» в этой стране и о желании Пекина установить дипломатические отношения с Бангкоком (см.: «Правда», 18.II.1974).

следние годы Китай к «третьему миру», Пекин не только стремится этим самым упрочить свои позиции среди развивающихся стран, но и прежде всего создать себе более благоприятные условия для блокирования с империализмом в целом.

Действительно, для того чтобы вести борьбу за упрочение своих позиций в национально-освободительном движении, Пекину не было необходимости отказываться от статуса социалистической страны. Но, чтобы привлечь симпатии «сильных мира капитализма», ему мало было только демонстрировать антисоветизм. Потребовались и другие гарантии. И такие гарантии были даны империализму, которому отнюдь не все равно — помогать ли стране, ведущей борьбу против СССР, социалистического содружества с позиций «истинного социализма», или стране, относящей себя к «третьему миру», где идет ожесточенная борьба за выбор путей социального развития. Конечно, сама по себе маоистская декларация о принадлежности Китая к «третьему миру» не имела бы серьезного значения, так же, как и многие «ультрареволюционные» заявления Пекина. Однако в контексте реальной политики, проводимой им внутри страны и на международной арене, такая декларация становится весьма значимой для империализма при определении им своей «китайской политики».

Отдельные акции Пекина в поддержку национально-освободительного движения в отдельных странах отнюдь не могут заслонить тот факт, что все направления внешней политики маоистов подчинены главному — сплочению «широчайшего единого фронта» реакции, от наиболее воинствующих кругов империализма до буржуазной агентуры в рядах международного коммунистического и рабочего движения, для борьбы против мирового социализма. При этом именно альянс с державами, занимающими ключевые позиции в капиталистическом мире и являющимися главными бастионами борьбы против социалистических и других революционных сил мира, составляет ныне предмет особой заботы Пекина, является определяющим компонентом его внешнеполитической стратегии.

Как раз в интересах укрепления такого альянса пекинское руководство ослабляет позиции антиимпериалистических, революционных сил в «третьем мире», в частности, путем подрыва их связей с мировым социализмом. Этим, а также своими призывами к развивающимся странам теснее сплачиваться с бывшими метрополиями прежде всего для борьбы против социалистического содружества Пекин ныне откровенно содействует неоколониалистской политике империализма, его усилиям преградить путь тенденциям некапиталистического

развития в «третьем мире». Иначе говоря, в борьбе между социализмом и капитализмом за пути социального прогресса обширной зоны развивающихся государств маоисты объективно оказались на стороне капиталистической системы и этим вновь подтверждают антисоциалистический характер своей внешней политики.

Развертывая борьбу за гегемонистские цели преимущественно в сфере межгосударственных отношений, маоисты выступают с претензией на главенство в некоем всемирном «едином фронте малых и средних государств», якобы обращенном против «двух сверхдержав». Этот фронт, как утверждают в Пекине, и есть будто бы самая мощная антиимпериалистическая сила наших дней.

На самом деле это не более чем очередной маоистский миф, который потребовался Пекину для прикрытия контрреволюционного курса на блокирование с империализмом в целом и для обеспечения Китаю более выгодных условий такого блокирования.

Известно, что среди «малых и средних» присутствуют практически все империалистические государства, за исключением США. Но если иметь в виду нынешнюю маоистскую внешнеполитическую концепцию в целом, то подобное исключение выглядит чисто формальным. Дело в том, что так называемый старый империализм, частью которого является и американский, рассматривается Пекином как союзник в борьбе против так называемого «социал-империализма» или «нового империализма», т. е. против СССР и всего социалистического содружества. Следовательно, в действительности маоистским мифом о «едином фронте малых и средних» прикрывается вполне реальный курс на союз с империализмом в целом, без каких-либо исключений. Именно это и подтверждает вся практическая деятельность Пекина на международной арене. Под прикрытием разговоров об отпоре «диктату двух сверхдержав» он стремится прежде всего нанести ущерб Советскому Союзу, социалистическому содружеству.

Вместе с тем известно также, что между Пекином и империалистическими державами, в особенности между ним и США, существуют противоречия. Понятно, что империализм рассчитывает использовать Китай как оружие своей глобальной политики, получить выгоды исключительно для себя. Понятно и то, что при таких условиях «сотрудничества» Пекин не может добиться «достойного» места в блоке с Западом, отстоять свои «права», не прибегая к шантажу и давлению в отношении союзников по блоку. Кроме того, продолжающаяся острая борьба между силами социализма и мелкобуржуазной стихией в КНР, предопределяя неустойчи-

вость маоистского режима, заставляет империализм проявлять неторопливость в вопросе о широком содействии росту могущества китайского государства. В связи со всем этим маоистам и приходится с почти рекламным шумом осуществлять репрессии против оппозиционных сил внутри страны и всячески раздувать любые успехи пекинской дипломатии в «третьем мире».

При сохранении нынешней внешнеполитической стратегии любое возрастание активности Пекина в деле заигрывания с развивающимися странами, а также любая мера роста его интереса к разного рода левоэкстремистским группировкам и организациям не могут заслонить того факта, что сближение с империализмом, с его наиболее реакционными кругами остается главной внешнеполитической задачей маоистов и что с ней в конечном счете связаны и ей подчинены тактические зигзаги пекинской дипломатии в отношении любых других политических сил мира.

Попытки современных пекинских социал-шовинистов использовать революционные силы современности для достижения контрреволюционной великодержавной цели — мировой гегемонии Китая — закономерно окончились враждой к социалистическим силам мира, поиском путей блокирования с империализмом и другой реакцией, которым и антикоммунизм и великодержавие внутренне присущи, являются лейтмотивом их позиции и политики. Пекин нашел, наконец, среду, где его гегемонистские цели не считаются противоестественными. И здесь он может рассчитывать на какую-то свою сферу политического гегемонизма и даже может играть роль идейного авангарда в мировом антисоветском, антисоциалистическом фронте и в конечном счете занять на какое-то время лидирующие позиции в борьбе сил реакции против сил мирового прогресса.

Приняв стратегию тотальной борьбы против мирового социализма, маоизм привел свои реакционные цели в полное соответствие с путями борьбы за них, с подходом к выбору союзников, все быстрее трансформируясь в разновидность антикоммунизма и все более превращая свою политику на международной арене в составную часть глобальной политики международных контрреволюционных сил.

Характеризуя внешнеполитическую линию китайского руководства, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» 21 декабря 1972 г. заявил: «Мы считаем, что она противоестественна для отношений между социалистическими странами, направлена против интересов не только советского, но и китайского народов, против интересов мирового социализма, освободительной, антиимпериа-

листической борьбы, против интересов дела мира и безопасности народов»[8].

Прошло немало времени после того, как Пекин осуществил новый крутой поворот вправо в своей внешней политике. И можно с полным основанием утверждать, что маоистам не удалось с помощью очередной эскалации враждебности к мировому социализму вдохнуть новую силу в мировой антикоммунизм. Очередной этап эволюции внешнеполитической позиции Пекина в конечном счете не остановил процесса изменения расстановки сил в мире в пользу социализма, не ослабил действия тех объективных и субъективных факторов, которые вынудили империализм мириться с крупными сдвигами в международной обстановке в сторону разрядки напряженности, оздоровления атмосферы в отношениях между двумя мировыми общественными системами.

Тем не менее очевидно, что в сочетании с активными действиями поборников «холодной войны» на Западе воинствующий милитаризм пекинских лидеров делает особенно настоятельной необходимость самой высокой бдительности в отношении противников мира. Эта необходимость вновь была подчеркнута на состоявшейся в июле 1973 г. очередной встрече руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Крыму.

Укрепление позиций социализма, рост могущества социалистического содружества, усиление его сплоченности, консолидация антиимпериалистических и миролюбивых сил были и остаются надежной преградой на пути международной реакции, какие бы новые отряды к ней ни примыкали. Историческое превосходство сил прогресса над силами реакции в мировом масштабе вполне определилось, и его уже невозможно изменить.

КНР И СТРАНЫ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА

Формирование и развитие отношений КНР с мировой социалистической системой проходили в условиях сложной и ожесточенной борьбы между социалистическими, интернационалистскими силами и националистической группировкой Мао Цзэ-дуна в руководстве КПК и КНР. Интернационалистские силы в КПК боролись за всесторонее укрепление связей и сотрудничества с социалистическим содружеством, что является залогом успешного продвижения страны по пути

---

[8] Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства, — Речи и статьи, М., 1973, стр. 465.

к социализму. В основе подхода Мао Цзэ-дуна и его единомышленников к связям с мировым социализмом, напротив, изначально лежали национально-эгоистические, великодержавно-шовинистические устремления.

После победы революции в Китае для основной массы китайских коммунистов и подавляющего большинства китайского народа политика дружбы и тесного сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социалистической системы представлялась единственно правильной, естественно вытекающей из природы нового, народного строя в Китае и обеспечивающей успешное продвижение по пути строительства социализма.

Установление дружественных отношений Китая с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, заключение в феврале 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР надежно гарантировали безопасность китайского государства.

Использование опыта, накопленного в братских странах, прежде всего в СССР, позволило Китаю уже в 1951 г. заложить основы народнохозяйственного планирования. Советский Союз оказал неоценимую помощь КНР в разработке и успешном осуществлении пятилетнего плана развития народного хозяйства (1953—1957 гг.).

Конкретная экономическая, научно-техническая и иная помощь социалистических стран обеспечила возможность КНР выполнить важнейшую задачу — создать первоначальную базу индустриализации страны, костяк целостной промышленности. В общей сложности при техническом содействии стран социализма в КНР было построено и введено в эксплуатацию около 350 крупных промышленных предприятий и почти 200 отдельных цехов и установок, большинство из которых относится к отраслям тяжелой промышленности. Так, из 250 объектов, построенных в Китае с помощью СССР, 245 предприятий, или 98%, приходилось на тяжелую промышленность [9].

Всесторонние связи КНР с социалистическими странами, являясь мощным фактором в продвижении Китая по социалистическому пути, укрепления позиций социалистических сил в стране, сковывали действия мелкобуржуазно-националистической группировки Мао Цзэ-дуна, препятствовали развертыванию ею борьбы за социал-шовинистические, гегемонистские цели.

В середине 50-х годов, когда благодаря помощи всего социалистического содружества внутреннее и международное положение КНР значительно укрепилось, маоисты предпри-

---

[9] «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 83.

няли попытки создания своей особой сферы влияния в азиатском регионе мировой социалистической системы. С конца 50-х годов они постепенно переходят к попыткам установления своей гегемонии во всем социалистическом лагере. Осуществленные маоистами левацкие эксперименты — «большой скачок» и «народные коммуны» — представлялись ими как «творческое развитие» марксизма-ленинизма, которое должно было найти применение в практике всех социалистических стран. Опыт социалистического строительства в СССР и других странах был объявлен источником «буржуазной идеологии».

Во внешней политике КНР все явственнее обнаруживались тенденции, идущие вразрез с курсом социалистического содружества на ликвидацию международной напряженности. Еще в ноябре 1957 г. на Московском совещании коммунистических и рабочих партий Мао Цзэ-дун призывал не бояться мировой войны, если даже она будет термоядерной, «пытался доказать, что дело борьбы за социализм в результате мировой термоядерной войны окажется даже в выигрыше»[10]. В соответствии с этими установками маоисты в 1958 г. совершили ряд военных провокаций в районе Тайваньского пролива, которые привели к серьезному осложнению международной обстановки, а осенью 1959 г. вызвали обострение пограничного спора с Индией и вооруженные столкновения с ней.

Однако в тот период маоисты еще не считали возможным пойти на разрыв с социалистическим содружеством. Наоборот, они стремились поставить всю его мощь на службу своим великодержавным целям, максимально использовать экономический потенциал социалистических стран как источник форсированного развития Китая, а их военный потенциал — как средство осуществления курса на обострение международной напряженности, которое, по замыслам маоистов, должно было привести к военному столкновению двух великих держав — СССР и США, их истощению в ходе войны и, таким образом, к превращению Китая в самую сильную державу мира. Поэтому Мао Цзэ-дун и его последователи в руководстве КНР прикрывали свои антисоциалистические действия заявлениями о единстве и дружбе со всеми социалистическими государствами, продолжали развивать политические и особенно экономические связи с Советским Союзом и другими братскими странами, получать от них огромную экономическую и научно-техническую помощь.

Коренной перелом в отношениях КНР с социалистиче-

---

[10] За сплоченность международного коммунистического движения. Документы и материалы, М., 1964, стр. 179.

скими странами начался в 1960 г. В апреле этого года китайская печать опубликовала серию статей, приуроченных к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, в которых братские страны и партии обвинялись в «ревизионизме», в «отходе от ленинизма». Публикация этих статей положила начало поискам маоистами новой тактической линии в борьбе за обеспечение Китаю «ведущего» положения в социалистическом содружестве и международном коммунистическом движении посредством развертывания раскольнической деятельности и клеветнических нападок на СССР и другие социалистические страны.

Потерпев неудачу в своих попытках занять положение лидера в социалистической системе, маоисты в 1963—1965 гг. сделали главную ставку на использование национально-освободительного движения. Они рассчитывали создать на антисоветской и антиамериканской основе «третий» мировой лагерь, в котором Китай играл бы ведущую роль, и противопоставить его мировому социалистическому содружеству. В «Предложении о генеральной линии международного коммунистического движения», опубликованном Пекином в июне 1963 г., было подвергнуто открытой ревизии марксистско-ленинское учение о роли мировой системы социализма и утверждалось, что она якобы не только не оказывает решающего воздействия на ход мирового развития, но и не играет самостоятельной роли в революционной борьбе масс против империализма.

В серии статей, опубликованных китайской печатью в 1963—1964 гг., маоисты обрушились с клеветническими нападками на внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран. Принципы и методы строительства в социалистических странах представлялись в этих статьях как «ревизионистские», ведущие к «буржуазному перерождению». В одной из таких статей (июнь 1964 г.) пекинские пропагандисты заявили, что в социалистических странах якобы уже произошла «реставрация капитализма».

В практической политике маоисты повели дело к еще более резкому ухудшению межгосударственных отношений с большинством социалистических стран, начали открыто переносить идеологические разногласия на область межгосударственных отношений с ними. В результате этого экономические и другие формы связей КНР с большинством социалистических стран уже к началу «культурной революции» были сведены до минимума.

Так называемая культурная революция явилась дальнейшим крупным шагом маоистов на пути полного подрыва политических и идеологических основ общности КНР с мировой социалистической системой. XI пленум ЦК КПК (ав-

густ 1966 г.) утвердил во внешней политике линию на борьбу против СССР и других братских стран, поставив задачу «четко отмежеваться» от КПСС и других марксистско-ленинских партий, «довести борьбу против них до конца»[11].

Хотя в развернутой борьбе против мирового социализма группа Мао Цзэ-дуна постоянно подчеркивала свой антисоветизм, но это не могло скрыть враждебность ее политики коренным интересам других социалистических стран, в том числе и тех, с которыми Пекин сохранял более или менее нормальные отношения. В период «хунвэйбиновской дипломатии» (1966 — первая половина 1968 г.) Пекин отозвал послов из всех социалистических стран, проводил систематические провокации против дипломатических представительств, аресты и избиения дипломатов и граждан социалистических государств. Сотрудники китайских посольств, торгпредств, представительств агентства Синьхуа, китайские студенты в социалистических странах незаконно распространяли пропагандистские материалы с изложением маоистских, антиленинских, антисоциалистических доктрин, устраивали провокации, грубо нарушали общественный порядок. Нормальные отношения КНР почти со всеми социалистическими странами были нарушены, Китай оказался изолированным от социалистического содружества. Были сведены до минимума и экономические связи КНР с социалистическими странами. В 1961—1967 гг. по инициативе Пекина товарооборот КНР с социалистическими странами сократился почти в 3 раза, а его удельный вес во внешней торговле Китая — с 64 до 23%, в том числе торговля с СССР — почти в 17 раз, с Болгарией — в 6 раз, с Венгрией — в 4,1 раза, с ГДР — в 2,9 раза, с Польшей — в 2 раза, с Чехословакией — в 6,3 раза, с МНР торговля практически прекратилась.

Но и в период «культурной революции» руководство КНР сохраняло на довольно высоком уровне экономические и иные связи с некоторыми социалистическими странами. Однако эта политика отнюдь не диктовалась заботой об интересах социализма, а являлась, по существу, лишь одним из методов давления на мировую социалистическую систему, методов ее раскола. Об этом свидетельствовала и начатая в то время (особенно с 1968 г.) широкая клеветническая пропаганда Пекина против коллективных организаций социалистических стран — Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора. Главный упор в этой пропаганде делался на всемерное поощрение антисоветизма, проявлений национализма и так называемого нейтралитета в отношении антисоветской политики Пекина. Эти установки

---

[11] «Жэньминь жибао», 14.VIII.1966.

были проявлением корректировки «дифференцированной политики» Пекина в отношении социалистического содружества.

В основе «дифференцированной политики» в отношении социалистических стран, как и во всех теоретических построениях и практике маоистов, лежит мелкобуржуазный национализм, национальный эгоизм, прикрываемый марксистской фразеологией, демагогическими заявлениями о пролетарском, социалистическом интернационализме. Группировка Мао Цзэ-дуна еще в 50-х годах начала прибегать к этой политике в отношении социалистических стран Азии. В период «культурной революции» она временно была предана забвению. Но со второй половины 1968 г., и особенно после IX съезда КПК, когда начался постепенный выход Китая из изоляции, сопровождавшийся усилением внешнеполитической активности китайского руководства, «дифференцированная политика» находила все более широкое применение в отношениях с социалистическими странами.

К 1973 г. «дифференцированная политика» стала основой, на которой строятся любые связи Китая с социалистическими странами. К этому времени она приняла совершенно четкий двухступенчатый характер: дифференциация осуществляется, во-первых, по линии вычленения отношений с Советским Союзом из совокупности связей КНР с другими социалистическими странами, во-вторых, в установлении отношений со всеми другими социалистическими государствами в зависимости от их позиции в отношении раскольнической деятельности Пекина.

Изоляция других социалистических стран от Советского Союза рассматривается маоистами как самый эффективный метод подрыва мирового социализма.

Наиболее характерной чертой маоистской «дифференцированной политики» является подмена принципов социалистического интернационализма геополитическими, националистическими и даже расовыми критериями в подходе к развитию отношений с социалистическими странами. Маоисты трактуют несущественные различия между социалистическими странами как непримиримые, антагонистические противоречия, отрицают единство в многообразии, единство как динамический процесс, игнорируют известное марксистское положение, подчеркнутое в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, о том, что «единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается, по Ленину, многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу» [12].

[12] «Коммунист», 1970, № 1, стр. 30.

Умышленно извращенное толкование маоистами объективных различий между социалистическими странами, по существу, и ставит целью искусственно «создавать противоречия» в мировой социалистической системе, всячески раздувать их. Особое внимание при этом обращается на использование чуждых социализму сил, на националистические настроения, на те или иные субъективные политические извращения, на такие «особенности» в политике, которые выходят за рамки объективно обусловленных природой социализма различий и подрывают интернациональное единство братских стран.

«Дифференцированная политика» Пекина игнорирует реально существующую мировую социалистическую систему. Еще в документах IX съезда КПК Советский Союз официально был объявлен «социал-империалистической державой», а большинство других социалистических стран — «ревизионистскими». X съезд КПК «пошел дальше» в этом вопросе. В его документах мировая социалистическая система вообще не была упомянута. В январе 1974 г. «Жэньминь жибао» прямо писала, что «социалистического лагеря больше не существует»[13].

Объявив Советский Союз «социал-империалистической» державой, пекинские политики произвольно относят остальные социалистические государства к самым различным категориям стран, включая их то в разряд «неприсоединившихся», то «развивающихся», то «средних и малых государств, борющихся против сверхдержав», то «бедных и порабощенных социал-империализмом». В целях отрыва братских стран от социалистического содружества в Пекине поддерживают любые идеи о создании блоков, включающих наряду с другими странами и отдельные социалистические государства.

Борьбу против мирового социализма, за гегемонистские цели маоисты с самого начала связывали с подрывом позиций Советского Союза. IX съезд КПК закрепил антисоветскую, антисоциалистическую платформу как долговременную линию партии.

Выдвижение антисоветизма в качестве стержня великодержавной стратегии с неизбежностью привело к превращению борьбы против «одной сверхдержавы» — Советского Союза — в лейтмотив всей деятельности Пекина на международной арене. В «Уведомлении ЦК КПК о визите Р. Никсона в Пекин от 20 июля 1971 года» говорилось: «Приглашение Никсону нанести визит в КНР является важным стратегическим маневром, направленным на изоляцию советского ревизионизма — социал-империализма... На нынешнем этапе китайско-

---

[13] «Жэньминь жибао», 23.I.1974.

советские противоречия являются антагонистическими и самыми главными противоречиями в наших отношениях с внешним миром»[14]. В связи с подготовкой к китайско-американской встрече на высшем уровне журнал «Хунци» почти открыто писал в сентябре 1971 г. о необходимости использовать второстепенного врага, т. е. США, для борьбы с врагом номер один, т. е. с Советским Союзом[15].

X съезд КПК еще более усилил антисоветский внешнеполитический курс маоистов. Его внешнеполитическая программа характеризуется дальнейшим сползанием на позиции тотальной борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества. В документах съезда содержатся клеветническое измышление об «угрозе Китаю с Севера», а также призывы к армии и народу быть готовыми, «особенно к внезапному нападению советского ревизионистского социал-империализма».

Усиление в 1973 г. антисоветской направленности внешнеполитического курса маоистов ярко отразилось в пропаганде Пекина. За 1973 г. только «Жэньминь жибао» опубликовала 780 материалов антисоветского характера (в 1972 г. было опубликовано 430 таких материалов), из них 94 — выступления представителей высшего руководства КПК и правительства КНР.

После X съезда КПК объем пропаганды против СССР в пекинской печати утроился («Жэньминь жибао» в сентябре — декабре опубликовала 470 материалов).

Примечательно, что в китайской печати не была опубликована поздравительная телеграмма руководства КНР руководству Советского Союза по случаю 56-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в которой содержится демагогическое заявление о «стремлении» к восстановлению «дружественных и добрососедских отношений между двумя странами» и готовности китайского правительства «продолжать прилагать к этому свои усилия». О демагогическом характере этого заявления свидетельствует и тот факт, что китайское руководство не отозвалось на предложение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства заключить договор о ненападении между СССР и КНР, переданное Пекину 14 июня 1973 г.

Китайское правительство поставило нормализацию отношений между СССР и КНР в зависимость от принятия китайских условий на переговорах по пограничным вопросам,

---

[14] «Сяндао жибао», 18.II.1972.

[15] См. статью «Мощное орудие для сплочения народа на борьбу за победу над врагом» («Хунци», 1971, № 9).

начатых в Пекине в октябре 1969 г. В заявлениях китайского руководства постоянно подчеркивается, что переговоры должны вестись в «условиях, исключающих всякую угрозу». Но одновременно Пекин использует надуманный предлог об «угрозе с Севера» для осложнения и бесконечного затягивания переговоров. Негативная позиция руководства КНР на пекинских переговорах по пограничному вопросу также ведет к осложнению советско-китайских отношений и тормозит их нормализацию. Такой же позиции придерживался Пекин на очередной, XVIII сессии Смешанной советско-китайской комиссии по судоходству на пограничных участках рек Амурского бассейна, проходившей с 15 января по 5 марта 1973 г. в г. Хэйхэ. Китайская сторона неправомерно связывала вопросы судоходства с пограничными претензиями, настаивая на том, чтобы ее суда могли плавать без разрешения по внутреннему речному участку советской стороны. Она отказалась обсудить неотложные вопросы эксплуатации фарватера и безопасности судоходства. Работа сессии была безрезультатной.

2 апреля — 16 июля 1973 г. в Москве проходили переговоры Аэрофлота СССР и Главного управления гражданской авиации Китая, в результате которых 16 июля подписан Протокол о беспосадочном авиасообщении между Москвой и Пекином на основе действующего Соглашения о воздушном сообщении между СССР и КНР от 30 декабря 1954 г.

Между СССР и КНР существует прямое железнодорожное сообщение — еженедельно один советский поезд Москва — Пекин через Читу и один китайский поезд Пекин — Москва через Улан-Батор. Китайская сторона заметно ухудшила отношение к советским поездным бригадам.

Пекинское руководство, как и прежде, не проявляло интереса к экономическим связям с СССР, выходящим за пределы обычной торговли. Соглашение о торговле и платежах на 1973 год было подписано только 1 августа, хотя переговоры велись в Москве с 12 апреля. С другими социалистическими странами соглашения о торговле в 1973 г. были заключены намного раньше. Сбалансированный товарооборот между СССР и КНР, по соглашению, определялся в 186,3 млн. руб. С учетом ранее согласованных поставок объем торговли в 1973 г. составил 201,3 млн. руб., т. е. остался примерно на уровне 1972 г.

КНР не отозвалась на советскую инициативу о расширении практических связей и контактов, в частности отклонила предложение Министерства здравоохранения СССР о двустороннем сотрудничестве, а также предложение о возобновлении ремонта советских судов в Китае. Предпринимая шаги к налаживанию научно-технического обмена с некоторыми

социалистическими странами — членами СЭВ, китайская сторона не обнаружила желания сотрудничать в этой области с советскими организациями.

Нормальная деятельность советского посольства в Пекине по-прежнему была затруднена в результате дискриминационных мер пекинских властей. В начале 1974 г. они прибегли к такому враждебному выпаду против посольства СССР, как высылка из КНР нескольких советских дипломатов по клеветническому обвинению в шпионаже.

Отношения с другими странами мировой социалистической системы китайское руководство пытается строить в соответствии со своей «дифференцированной политикой», рассчитанной на подрыв единства социалистического содружества. С некоторыми социалистическими странами (Албания, ДРВ, КНДР, Румыния) Пекин поддерживает отношения по партийной и государственной линиям, осуществляет экономический, научно-технический и культурный обмен.

С другими социалистическими странами КНР поддерживает отношения по государственной линии, осуществляет торговый обмен, имеет ограниченные научно-технические связи. Торговля КНР с социалистическими странами в 1973 г., по данным советской и зарубежной печати, выглядела следующим образом (в млн. руб.):

НРА	170	МНР	5
НРБ	11,1	ПНР	50,1
ВНР	46,1	СРР	197,3
ГДР	80,8	СССР	201,3
КНДР	200	ЧССР	56,1
Куба	110	СФРЮ	57,8

Развивая отношения с некоторыми социалистическими странами, китайские руководители вместе с тем усиливают действия, направленные на подрыв интересов мирового социализма в целом. Пекинская печать активизировала в 1973 г. пропаганду, направленную против коллективных организаций социалистических стран — Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора. Одновременно китайская печать и представители КНР в международных организациях резко выступили против разрядки напряженности в Европе, против инициативы социалистических стран о созыве Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Своей позицией в отношении европейской безопасности пекинские лидеры поставили себя в положение силы, выступающей против признания необратимости социалистических завоеваний народов Восточной Европы, против укрепления позиций социализма на Европейском континенте.

Враждебный социализму политический курс пекинских

руководителей с каждым годом ужесточается. «По существу,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— единственный критерий, определяющий теперь подход китайских руководителей к любой крупной международной проблеме,— это стремление нанести по возможности больший ущерб СССР, ущемить интересы социалистического содружества» [16].

Подрывная, раскольническая деятельность маоистов против мировой системы социализма встречает резкий отпор со стороны социалистических стран и партий.

В совместном заявлении об официальном дружеском визите в МНР партийно-правительственной делегации НРБ во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым говорится: «Стороны решительно осуждают антисоциалистический, гегемонистский курс и раскольнические действия китайских руководителей, которые блокируются с самыми реакционными империалистическими кругами, не останавливаются ни перед чем в своих попытках подорвать социалистическое содружество, расколоть единство международного коммунистического движения и антиимпериалистических сил» [17].

Ноябрьский (1973) пленум ЦК ВСРП дал следующую оценку внешнеполитическому курсу маоистов: «Антисоветизм маоистских руководителей и их противодействие конструктивному курсу социалистического содружества на международной арене облегчает в настоящий момент происки международной реакции, а подчас и прямо играет на руку империализму» [18].

Польская партийная газета «Трибуна люду» в статье «Второй фронт против социализма» пишет, что «маоистское руководство стремится саботировать мирную политику социалистического содружества и усиливает все более тесное сотрудничество с отъявленными сторонниками холодной войны — империалистическими кругами. Этими действиями Пекин открывает второй фронт против всего социалистического содружества» [19].

Печатный орган ЦК КПЧ газета «Руде право» в статье «Пекин и Европа» подчеркивала, что «борьба против социалистического содружества, непрерывный саботаж усилий по ограничению вооружений и за смягчение международной напряженности, беспринципный сговор с самыми реакционными

---

[16] Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства,— Речи и статьи, М., 1973, стр. 465.

[17] «Работническо дело», 4.XI.1973.

[18] «Непсабадшаг», 2.XI.1973, стр. 1.

[19] «Трибуна люду», 7.VI.1973, стр. 5.

силами мира на антисоветской платформе — все это стало постоянными и непременными элементами внешнеполитической активности нынешнего руководства КНР»[20]. В речи на ноябрьском (1973) пленуме ЦК КПЧ член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк заявил, что «решительная политическая и идеологическая борьба против теории и практики маоизма должна стать неотъемлемой и постоянной составной частью политики нашей партии»[21].

Новая фаза эволюции Пекина вправо, особенно опасная для судеб социализма в самом Китае, создает серьезные трудности и для мирового социализма в его противоборстве с мировым капитализмом. Она требует более тесного сплочения и постоянной координации усилий всего социалистического содружества в борьбе с теорией и практикой маоизма, стремящегося вдохнуть новую энергию в международные антикоммунистические силы, побудить их в блоке с китайским государством активизировать конфронтацию с социалистическим содружеством.

Именно поэтому на Крымской встрече руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (июль 1973 г.) было уделено огромное внимание сплочению и единству социалистических сил мира. В коммюнике об этой встрече выражена уверенность, «что неуклонный рост сплоченности международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, тесное братское сотрудничество коммунистов всех стран будут и впредь играть выдающуюся роль в закреплении разрядки напряженности, торжестве идеалов мира и социализма». Участники встречи «единодушно подчеркнули стремление развивать всестороннее сотрудничество между социалистическими странами, координировать действия на международной арене в интересах дела социализма и укрепления мира»[22].

Решительное, по всем линиям противостояние социалистических государств маоизму как крупному контрреволюционному фактору современности — не только самый надежный путь укрепления мирового антиимпериалистического фронта, но и самая эффективная поддержка здоровых тенденций и сил внутри Китая, от которых в конечном счете зависит возвращение этой страны в мировое социалистическое содружество.

---

[20] «Руде право», 23.V.1973, стр. 6.
[21] «Руде право», 1.XII.1973, стр. 3.
[22] «Правда», 1.VIII.1973.

Китайское руководство неизменно уделяло самое пристальное внимание отношениям с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки, освободившимися или борющимися за национальную независимость. Среди стран, с которыми КНР к 1973 г. поддерживала дипломатические отношения, 56 — из «третьего мира» (20 государств Азии, 30 — Африки, 6 — Латинской Америки). Более половины из них установили дипломатические отношения с КНР в 1970—1971 гг.

Политика КНР в отношении «третьего мира» эволюционировала в соответствии с общим курсом Пекина на международной арене. До 1957 г. КНР совместно со странами социализма оказывала действенную поддержку национально-освободительному движению, способствуя объединению всех революционных сил в едином антиимпериалистическом фронте. С начала 60-х годов, по мере отхода Пекина от согласованных принципов международного коммунистического движения, усилия маоистских лидеров стали сосредоточиваться на том, чтобы подчинить национально-освободительное движение своему контролю и использовать его в интересах гегемонистского, великодержавного курса. Была сделана ставка на обособление национально-освободительного движения, отрыв и противопоставление его мировому социализму. С этой целью противоречие между национально-освободительным движением и империализмом было провозглашено в Пекине центральным противоречием эпохи, Азия, Африка и Латинская Америка — главной зоной мировых революционных бурь. Национально-освободительным революциям в странах Азии, Африки и Латинской Америки отводилась роль самой важной силы, непосредственно наносящей удары по империализму[23]. В теоретических построениях маоистов некогда единая «промежуточная зона» была расчленена на две. Азия, Африка и Латинская Америка были выделены в «первую промежуточную зону»[24], где, по утверждениям маоистских лидеров, сложилась «прекрасная революционная ситуация». При этом отчетливо выявилась зревшая в китайском руководстве тенденция сделать КНР моделью развития для стран «третьего мира».

---

[23] «Еще раз о разногласиях товарища Тольятти с нами» (Редакционная статья «Хунци», 1963, № 3—4, Пекин, 1963); «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения. Ответ ЦК КПК на письмо ЦК КПСС от 30 марта 1963 г.», Пекин, 1963; «Апологеты неоколониализма», Пекин, 1963 и др.

[24] «Жэньминь жибао», 21.I.1964.

Чтобы «узаконить» свои претензии на роль гегемона в национально-освободительном процессе, в Пекине стали широко эксплуатировать «идеи» особой «общности» Китая со странами «третьего мира», вплоть до расовой, проводить аналогию с китайскими условиями и пр. Пытаясь «подтолкнуть» революционный процесс и использовать его в своих узкоэгоистических великодержавных целях, маоистские лидеры навязывали освободительным силам авантюристические установки «народной войны» против существующих режимов, псевдореволюционное левачество.

Политика Пекина в «третьем мире» все более утрачивала социалистическое содержание. Реальная борьба против сил империализма и колониализма подменялась антиимпериалистической фразеологией. В середине 60-х годов маоистские лидеры провозгласили Советский Союз «общим врагом» народов Азии, Африки, Латинской Америки и всего мира наряду с американским империализмом, усилили раскольнические действия в коммунистическом и национально-освободительном движении.

Гегемонистские, экспансионистские устремления Пекина, особенно явно проявившиеся в годы «культурной революции», попытки внедрить хунвэйбиновские методы расправ, свой «революционный опыт» в ряде стран Азии и Африки привели к подрыву влияния КНР, осложнению ее отношений с многими государствами «третьего мира». Изоляция, в которой оказались маоистские лидеры, заставила их приглушить экстремистские призывы, перейти к поискам более гибкой тактики, тщательнее маскировать свои великодержавные претензии.

В начале 70-х годов, в условиях общей переориентации на сближение с США и лагерем империализма в целом и провозглашения Советского Союза врагом номер один внимание Пекина к «третьему миру». несколько снизилось. Маоистские лидеры фактически сняли тезисы о том, что Азия, Африка и Латинская Америка — «главная зона революционных бурь», что там «прекрасная революционная ситуация». Экстремистская антиправительственная пропаганда была свернута. Был взят курс на установление межгосударственных отношений с существующими режимами в странах «третьего мира», независимо от их политической сущности. Вуалируя свой гегемонизм, в Пекине стали настойчиво подчеркивать приверженность принципам мирного сосуществования, лозунгам Бандунга, декларировать позитивное отношение к движению неприсоединившихся стран. В целях активного воздействия на страны «третьего мира» КНР широко использовала чисто декларативные пропагандистские и политические акции на международной арене по мнимой защите интересов развивающихся стран, не скупилась на обещания экономической помо-

щи. «Общность» со странами «третьего мира» была доведена до заявлений о том, что КНР — сама развивающаяся страна (в декабре 1973 г. Чжоу Энь-лай на приеме в честь короля Непала охарактеризовал КНР как «развивающуюся социалистическую страну»). Очевидно, что адресатом при этом были не только развивающиеся страны, но и империалистический лагерь. Переводя КНР в разряд развивающихся стран, маоистские лидеры тем самым хотели не только прикрыть свои слишком ярко выявившиеся претензии на роль гегемона в национально-освободительном процессе, но и как-то отмежеваться в глазах империализма от реального социализма.

Важнейшим направлением антисоциалистической политики Пекина в «третьем мире» стало навязывание антисоветизма. В 1970 г. был провозглашен лозунг борьбы «против гегемонии двух сверхдержав», нацеленный преимущественно против Советского Союза. Новой трансформации подверглась теория «промежуточных зон». Пекин призвал в ней объединиться на равных и первую, и вторую «зоны» с целью создания широкого единого фронта «средних и малых стран» в борьбе главным образом против Советского Союза[25]. Китайские лидеры всеми средствами пытались затормозить развитие связей стран «третьего мира» с мировым социализмом, исказить цели советской политики применительно к «третьему миру» и на международной арене в целом, опорочить советскую помощь развивающимся странам. Одновременно в Пекине рекламировали особую «значимость» и «бескорыстие» своей помощи «третьему миру» вопреки очевидным фактам, свидетельствующим, что КНР, по существу, игнорирует социально-экономические проблемы развивающихся стран, при оказании помощи руководствуется прежде всего корыстными или пропагандистскими соображениями, использует торгово-экономические связи для получения дефицитного сырья и валюты.

Одновременно маоистские лидеры не оставили надежд использовать влияние в «третьем мире» в своем торге с империализмом.

Курс на перестройку тактической линии КНР в «третьем мире» при сохранении в отношении него прежних гегемонистских великодержавных целей был закреплен X съездом КПК.

Отношения КНР со странами Южной и Юго-Восточной Азии. Общий подход Пекина к странам Южной и Юго-Восточной Азии во многом определялся унаследованным китайскими лидерами традиционным отношением к Азии как к региону «бесспорного» лидерства Китая. В Пекине неоднократно называли многие азиатские страны, в том числе почти

---

[25] «Хунци», 1972, № 11.

все страны Южной и Юго-Восточной Азии (Бирма, Вьетнам, Таиланд, Малайзия, часть территории Филиппин, Непал, Бутан, Сикким и др.), в числе территорий, утраченных Китаем в результате агрессии империалистических держав. Это обстоятельство во многом обусловило напряженность в отношениях КНР с большинством стран Азии.

С конца 50-х годов, отойдя от принципа мирного сосуществования, маоистские лидеры стали все более откровенно демонстрировать свои экспансионистские претензии. Основное внимание сосредоточилось на Индии, в которой они усмотрели главного конкурента в борьбе за лидерство в Азии и «третьем мире» в целом. В 1959—1969 гг. КНР осуществляла жесткий антииндийский курс с применением всех средств давления, вплоть до вооруженного, с тем чтобы подорвать авторитет Индии в Азии и на международной арене, изолировать ее и заставить, таким образом, отказаться от активной внешнеполитической роли. Отношение к Индии в значительной мере определило подход КНР и к Пакистану, провокационную роль Пекина в индо-пакистанских отношениях.

Напряженность стала нарастать в отношениях КНР и со странами Юго-Восточной Азии, влияние в которых рассматривалось в Пекине в качестве важного шага на пути установления контроля над Азией. Немаловажные надежды возлагались при этом на использование проживающих в странах ЮВА 15 млн. китайских эмигрантов. Свое влияние в революционном освободительном движении региона маоистские лидеры использовали для навязывания авантюристических установок типа «винтовка рождает власть», методов вооруженной борьбы против существующих режимов по образцу «народной войны». Великодержавные устремления Пекина в годы «культурной революции» выразились в прямых попытках экспортировать революцию в соседние страны Азии.

Отношения КНР с соседними азиатскими странами резко обострились, в особенности с Бирмой и Индонезией, которые были среди первых государств, признавших КНР (Бирма — в 1949 г., Индонезия — в 1950 г.). В Пекине развернули антибирманскую пропаганду, квалифицируя власть Не Вина как военную диктатуру правого толка. Экономическая помощь стала использоваться для оказания нажима на правительство Не Вина. Из Бирмы был отозван китайский посол. В октябре 1967 г. из-за вмешательства маоистского руководства во внутренние дела Индонезии были прерваны отношения КНР с Индонезией.

После «культурной революции» в соответствии с изменением общей линии КНР более гибкая линия стала проводиться во взаимоотношениях и со странами Азии. Экспансионистские цели Пекина стали маскироваться более тщательно,

активизировались усилия по нормализации и установлению межгосударственных отношений с большинством стран региона.

В меньшей степени эти процессы коснулись Индии, в отношении которой КНР в 1970—1971 гг. продолжала сохранять резкую враждебность вплоть до активной поддержки сепаратистских движений племен нага, мизо и др.[26]. В образовании Бангладеш, укреплении позиций Индии, расширении связей стран региона с Советским Союзом в Пекине увидели серьезное препятствие для осуществления своих великодержавных замыслов.

В то же время провал тактики военно-политического давления заставил маоистских лидеров встать на путь поиска новых тактических средств обеспечения своих гегемонистских целей на Индостанском субконтиненте. В марте 1973 г. в Индию прибыл поверенный в делах КНР Ма Му-мин (прежний поверенный в делах был отозван в 1971 г.). Китайские дипломаты стали охотнее контактироваться с индийской стороной. Пропаганда КНР избегала резких персональных выпадов против индийских руководителей.

Вместе с тем маоисты не отказались от попыток осложнить положение Индии и принудить ее смириться с амбициями Пекина в Южной Азии. Пекин продолжал оказывать поддержку вооруженной антиправительственной борьбе сепаратистов на северо-востоке страны. Индийская сторона сообщала об ожесточенных столкновениях между индийской армией и отрядами сепаратистов нага, снабженных китайским оружием и получивших военную подготовку в КНР[27]. Китайская пресса твердила о существовании в Индии «национального гнета»[28]. Продолжалась поддержка (хотя она и не афишировалась) движения наксалитов. Китайская печать раздувала противоречия и спекулировала на известных трудностях в отношениях между Индией и Шри Ланкой, Индией и Непалом. Руководство КНР по-прежнему относило Индию к числу своих основных военно-политических противников и включало ее во «враждебное» Китаю окружение[29]. Будучи не заинтересованным в стабилизации обстановки на Индостане, Пекин выступал в 1973 г. против принятия Бангладеш в ООН, стремясь тем самым сорвать наметившуюся разрядку напряженности и свести на нет конструктивные итоги переговоров между Индией и Пакистаном.

Характерной чертой тактики Пекина в отношении Индии в 1973 г. явилась ставка на подрыв политического и экономи-

---

[26] «Жэньминь жибао», 31.I.1972.
[27] «The National Herald», 5.IX. 1973; «Правда», 11.XII.1973.
[28] «Жэньминь жибао», 17.II.1973.
[29] «The Financial Times» (London), 23.VIII.1973.

ческого сотрудничества Индии с Советским Союзом. Апеллируя к реакционным силам в Индии, китайские лидеры пытались инспирировать в стране антисоветские настроения, посеять недоверие и враждебность к политике Советского Союза. Действия СССР изображались как «экспансия» в районе Южной Азии и Индийского океана, Индию «предостерегали» от укрепления связей с Советским Союзом. Советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии изображалось в КНР как средство «порабощения Индии». Пресса КНР одобрительно отзывалась о деятельности в Индии тех ультраправых сил, которые проявляют «недовольство индо-советским договором» и требуют «аннулировать» его [30]. Тем самым в Пекине давали понять, что главным условием нормализации китайско-индийских отношений считают свертывание связей Индии с СССР.

Подход китайских лидеров к Пакистану в 1973 г. по-прежнему определялся стремлением затруднить нормализацию его отношений с Индией, сорвать процесс разрядки напряженности на субконтиненте. 17 июня 1973 г., сделав незапланированную остановку в Пакистане (по пути из Ирана), министр иностранных дел Цзи Пэн-фэй охарактеризовал обстановку в Южной Азии как «тревожную» и возложил ответственность за это на «некоторые экспансионистские силы». Достижение Делийского индо-пакистанского соглашения КНР трактовала как результат односторонних конструктивных усилий Пакистана. Позитивно расценив резолюцию Национального собрания Пакистана (10 июля 1973 г.) о возможности признания Бангладеш, КНР тем не менее вновь выступила на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН против принятия Бангладеш в члены этой организации. Между КНР и Пакистаном продолжало развиваться военно-экономическое сотрудничество, происходил активный обмен визитами.

В 1973 г. наблюдались некоторые изменения позиции Пекина в отношении Бангладеш, внешне ставшей более сдержанной. Руководители Бангладеш перестали фигурировать в китайской прессе как «раскольники», «мятежники» и «главари марионеточного режима»; Бангладеш не сравнивается ныне с «Маньчжоу-Го», но до сих пор не признана КНР.

В Пекине не отказались, однако, от попыток использовать в борьбе против молодого государства антидемократические и антипатриотические силы. Китайская пропаганда демагогически апеллировала к экстремистским элементам, стремясь спровоцировать политический кризис в стране, сорвать претворение в жизнь программы социально-экономических преобразований, выдвинутой единым фронтом всех патриотиче-

---

[30] «Жэньминь жибао», 10.VIII.1973.

ских и демократических сил. Руководство КНР поддержало лозунг шовинистических элементов о создании «Великой Бенгалии», включающей ряд территорий Индии, и «федерации гималайских государств», прибегло к подрывным действиям против самой Бангладеш, оказывая поддержку сепаратистам, действующим на юго-востоке страны.

Значительное внимание в Пекине в 1973 г. уделяли отношениям с Шри Ланка. После кризиса в отношениях между двумя странами в связи с мятежом в апреле 1971 г. промаоистских элементов КНР прилагала усилия к укреплению политических и экономических связей с правительством Шри Ланка. Были расширены связи в области морского судоходства, подписан протокол о торговле и платежах на 1974 год. Пекин свернул пропаганду, рассчитанную на экстремистские элементы.

В начале 70-х годов КНР стала форсировать процесс нормализации отношений со странами Юго-Восточной Азии. Рассчитывая рассеять недоверие соседних стран к подлинным целям Пекина, китайские лидеры стремились максимально использовать обстановку, сложившуюся в регионе в связи с китайско-американским сближением и восстановлением китайско-японских дипломатических отношений. Была сведена к минимуму критика политики империалистических и реакционных сил в регионе, деятельность военно-политических блоков, было санкционировано военное присутствие США в Азии, снята критика в адрес существующих режимов, тщательно вуалировались связи с прокитайскими силами в регионе, декларировалось изменение подхода к вопросу о китайской эмиграции. С 1970 г. возобновились контакты с Бирмой. В Бирму был назначен новый посол КНР, возрос обмен экономическими, культурными, спортивными делегациями. Начались поиски путей восстановления отношений с Индонезией. В 1973 г. имели место контакты постоянных представителей сторон при ООН. В период работы парижской Международной конференции по Вьетнаму состоялась встреча министров иностранных дел КНР и Индонезии[31]. Цзи Пэн-фэй информировал А. Малика о роспуске Комитета по делам китайских эмигрантов за границей (в Индонезии их насчитывается около 4 млн.). По словам Цзи Пэн-фэя, КНР выступает за то, чтобы китайские эмигранты были лояльными гражданами стран проживания и поддерживали политику правительств этих стран. Прямые торговые связи между двумя странами по-прежнему отсутствуют.

Из стран ЮВА, не имеющих дипломатических отношений с КНР, особым вниманием Пекина пользовалась Малайзия, у

---

[31] «Far Eastern Economic Review», Hong Kong, vol. 82, 1.X.1973, № 39; Supplement «China'73 Focus», стр. 31.

которой нет официальных отношений с Тайванем. В июне 1973 г. между представителями КНР и Малайзии в ООН начались официальные переговоры об установлении дипломатических отношений.

В 1973 г. Малайзию впервые посетила официальная экономическая делегация КНР. Продолжался обмен спортивными и другими делегациями. КНР увеличила торговлю с Малайзией путем закупок больших партий каучука, пальмового масла, древесины.

В 1971—1973 гг. наметилось определенное смягчение подхода КНР к Сингапуру, в отношении которого китайские лидеры длительное время занимали враждебную позицию, препятствуя консолидации молодого государства, используя в своих националистических целях местные промаоистские партии и шовинистически настроенные элементы китайской общины. Поскольку официальные дипломатические отношения Сингапура с КНР не установлены, контакты поддерживались через частные фирмы. Расширился торгово-экономический, культурный обмен между двумя странами.

В 1973 г. в политике КНР обозначилось стремление к нормализации отношений с Таиландом. Правительство КНР дало понять о желательности развития торговых и других связей с Таиландом еще до установления официальных дипломатических отношений[32]. Летом 1973 г. КНР проводила активный зондаж позиции Таиланда по вопросу о нормализации межгосударственных отношений. В июле — августе состоялся обмен визитами китайских и таиландских спортсменов по настольному теннису. Команду Таиланда в Пекин сопровождали официальные представители МИД, которые вели переговоры с представителями МИД КНР, а также с заместителем премьера Дэн Сяо-пином. Переговоры о нормализации отношений между двумя странами были продолжены после того, как в результате студенческих волнений в Бангкоке в октябре 1973 г. к власти пришло новое правительство Саньи Таммасака. 20 декабря с визитом в Пекин прибыл заместитель министра иностранных дел Таиланда Чатчай Чунхаван, имевший беседы с Чжоу Энь-лаем и другими китайскими руководителями. КНР обнаружила готовность сотрудничать с Таиландом в преодолении энергетического кризиса в условиях сохранения на его территории военных баз США. В декабре 1973 г. китайская сторона подписала с торговой делегацией Таиланда соглашение о поставках дизелина.

В 1973 г. продолжался наметившийся в начале 70-х годов процесс нормализации отношений КНР с Филиппинами. Увеличился обмен делегациями. В апреле имели место перегово-

---

[32] «Bangkok Post», 18.I.1973.

ры в Пекине между официальной торговой делегацией Филиппин и экспортными компаниями КНР. Чжоу Энь-лай передал приглашение министру иностранных дел Филиппин К. Ромуло посетить КНР[33]. В ноябре Манилу посетила первая официальная торговая делегация КНР.

КНР положительно оценила соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе, заключенное 21 февраля 1973 г., отношения с которым были установлены еще в 1962 г. По заявлениям китайской печати, КНР не предпримет никаких действий, нарушающих достигнутые соглашения[34].

Дипломатические отношения КНР с Камбоджей, установленные в 1956 г., были в 1970 г. прерваны по инициативе КНР в связи с военным переворотом Лон Нола. Официальная позиция КНР в отношении урегулирования камбоджийской проблемы сводится к поддержке заявления главы государства Комбоджи Н. Сианука от 23 марта 1970 г., сформулированного в «пяти пунктах», и программы Национального единого фронта Комбоджи, принятой в июле 1973 г.

КНР приветствовала подписание в январе 1973 г. соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, хотя вплоть до 1969 г. выступала против любых попыток политического решения вьетнамского вопроса, продемонстрировав враждебное отношение к начавшимся вьетнамо-американским переговорам в Париже и отрицание возможности разрешения вьетнамского вопроса на основе Женевских соглашений 1954 г., которые КНР в свое время подписала.

С провозглашением Советского Союза своим главным врагом и переходом к активным поискам сближения с США маоисты, стремясь устранить препятствия на пути китайско-американского взаимопонимания, изменили свою позицию в отношении вьетнамо-американских переговоров. Вывод войск США из Южного Вьетнама, сосредоточение которых в непосредственной близости от китайских границ вызывало беспокойство Пекина, способствовал изменению взгляда КНР на присутствие США не только в Южном Вьетнаме, но и в Азии в целом. Одновременно Пекин обнаружил явную незаинтересованность в превращении Вьетнама в единое сильное государство, которое рассматривается маоистами в качестве препятствия на пути их гегемонистского курса в Юго-Восточной Азии. В феврале 1973 г. делегация КНР приняла участие в Международной конференции по Вьетнаму в Париже и подписала Акт этой конференции. В выступлении главы делегации Цзи Пэн-фэя подчеркивалось, что КНР уважает соглашение о восстановлении мира во Вьетнаме и «обязуется не пред-

---

[33] «Жэньминь жибао», 6.V.1973.

[34] «Жэньминь жибао», 3.II.1973.

принимать никаких шагов, которые бы создали препятствия или шли бы вразрез с этим соглашением».

После подписания Парижских соглашений в Пекине была приглушена критика политики США в Южном Вьетнаме.

Вместе с тем практическая политика Пекина в ЮВА в 1973 г. свидетельствовала о том, что китайские лидеры не собираются отказываться от вмешательства во внутренние дела стран региона с применением всех возможных средств. Они предпринимали попытки затормозить процесс прогрессивных социально-экономических преобразований в странах региона, продолжали негласно использовать в своих великодержавных целях китайских эмигрантов. В октябре 1973 г. так называемые повстанческие силы, находящиеся под влиянием Пекина, оснащенные китайским оружием, провели с территории КНР наступательные акции на севере Бирмы. Эта вооруженная провокация была приурочена ко времени проведения в Бирме референдума по новой конституции, согласно которой власть в стране передавалась в руки народного собрания и народных советов. Прежний великодержавный подход проявился в отношении к Индонезии. Когда в августе 1973 г. в Бандунге произошли антикитайские беспорядки, во время которых погиб один китайский эмигрант и был нанесен ущерб собственности китайских предпринимателей, Пекин потребовал, «чтобы индонезийские власти предприняли решительные меры к строгому наказанию зачинщиков этих антикитайских инцидентов и не допустили подобного в будущем»[35]. В сентябре 1973 г. правительство Малайзии приняло решение о рассмотрении деятельности ряда организаций малайзийских студентов за рубежом, в которых КНР вела пропагандистскую работу в духе «китайского шовинизма».

Активизация отношений со странами ЮВА сопровождалась резким усилением Пекином антисоветской пропаганды в этих странах. Стремясь отвлечь внимание от своих экспансионистских устремлений в регионе, усыпить бдительность азиатских народов, китайские лидеры по любому случаю настойчиво твердили о «советской угрозе», якобы нависшей над Азией. Особенно резким нападкам Пекина подверглось советское предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии, которое квалифицировалось маоистами как свидетельство «империалистических устремлений» СССР, который-де не является даже азиатским государством и поэтому «не имеет права вмешиваться в дела Азии». В советском предложении в Пекине усмотрели угрозу своим гегемонистским притязаниям в Азии.

Вместе с тем китайские лидеры пересмотрели свой подход

[35] «Жэньминь жибао», 25.VIII.1973.

к политике блоков империалистических держав в регионе. Если в 1957 г. в совместной советско-китайской декларации КНР решительно осуждала «блоковую политику» империалистических держав, считая, что «замкнутые группировки должны быть заменены системой коллективной безопасности» в Азии[36], то с переходом в начале 60-х годов к раскольнической политике позиция Пекина в этих вопросах резко изменилась. Он стал выступать против блоковой политики США и других империалистических держав в Азии с националистических, китаецентристских позиций, пытаясь подчинить своему влиянию патриотические и национально-освободительные силы азиатских стран, чтобы с их помощью добиться реализации собственных гегемонистских целей. Экстремизм Пекина в годы «культурной революции» способствовал активизации деятельности военных блоков и союзов в Азии, созданных под эгидой США.

После IX съезда КПК КНР вновь изменила тактику, декларируя свою готовность проводить политику «мирного сосуществования» и сотрудничества с азиатскими странами, в том числе с входящими в военные блоки и союзы. Она стала сокращать, а затем и вовсе отказываться от критики деятельности этих блоков и союзов, признала японо-американский «договор безопасности», выступила за сохранение военного присутствия США в Азии, за вооружение Японии.

В новой тактике маоисты видели эффективный способ «мирного проникновения» Китая в страны Азии. Всячески подчеркивая антисоветскую направленность своей политики, они надеялись заручиться симпатиями и поддержкой империалистических кругов США, Японии, реакционных сил в самой Азии.

Отношения КНР с арабскими странами. Первой из арабских стран, с которой КНР установила дипломатические отношения (1956 г.), была Арабская Республика Египет. К 1973 г. КНР довела число своих дипломатических представительств в арабском мире до 12 (АРЕ, Алжир, Ирак, Йеменская Арабская Республика (ЙАР), Кувейт, Ливан, Мавритания, Марокко, Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), Сирия, Судан, Тунис). С другими арабскими странами (Ливия, Иордания, Саудовская Аравия, Бахрейн) поддерживались активные торговые связи на неофициальном уровне.

Одним из основных факторов, определявших политику Пекина в арабском мире в 60-х — начале 70-х годов, была неурегулированность ближневосточного кризиса. На протяжении многих лет китайские лидеры стремились любыми

[36] «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 15.

средствами не допустить его мирного разрешения, дискредитировать усилия Советского Союза, направленные на поддержку борьбы арабских народов, на справедливое политическое урегулирование ближневосточной проблемы и ликвидацию последствий израильской агрессии. В отличие от позиции всех прогрессивных сил мира, осудивших израильскую агрессию 1973 г., правительство КНР не выступило с официальным заявлением, осуждающим Израиль и поддерживающие его силы. В КНР не было проведено ни одного митинга солидарности с борьбой арабских народов.

В ООН маоисты затягивали принятие резолюций, отказывались от голосования по ним, отрицая, по существу, любую форму участия ООН в мирном урегулировании на Ближнем Востоке, в том числе идею созыва конференции в Женеве. В то же время они фактически одобрили введение в армии США состояния боевой готовности и переброску 7-го американского флота в районы, прилегающие к арабским странам [37].

В период четвертой арабо-израильской войны 1973 г. маоисты сосредоточили всю критику на СССР, который оказывал действенную помощь арабским странам. Китайская пропаганда утверждала, что СССР якобы пытается «связать по рукам и ногам арабские страны и народы», «собирается восстановить дипломатические отношения с Израилем» [38]. Стремясь подорвать советско-арабские отношения, она вела широкую антисоветскую кампанию под лозунгом борьбы против «гегемонии сверхдержав в районе Средиземного моря и Ближнего Востока». Прекратив, по существу, критику сил империализма, Пекин возлагал ответственность за экспансионистский курс Израиля на СССР. Грубая клевета в адрес советской политики в дни октябрьской войны вызвала протесты в арабском мире. Ливанская печать, например, назвала китайских руководителей «торговцами принципами», «клеветниками» [39].

Ближневосточный кризис использовался маоистами для блокирования с силами империализма, поддержки НАТО, идеи создания военно-политического сообщества западноевропейских стран и антисоветской пропаганды.

По свидетельству египетской печати, в Пекине высказывалась «неуверенность в правильности использования нефти в качестве политического оружия» [40]. Английский корреспондент в Пекине Д. Бонавия подчеркивал, что «Китай — при его растущей торговле с Западом — не заинтересован в том,

---

[37] «Жэньминь жибао», 6, 16.XI.1973.
[38] «Жэньминь жибао», 8.X.1973.
[39] «Аль-Яум», Бейрут, 28.XII.1973.
[40] «Аль-Ахрам», 14.XI.1973.

чтобы экономика США и западноевропейских стран оказалась серьезно пострадавшей в результате нехватки нефти»[41].

Китайское руководство стремилось использовать сохранение опасной ситуации на Ближнем Востоке для обострения отношений между СССР и США, для срыва разрядки напряженности в мире. Одновременно оно уклонялось от каких-либо конкретных обязательств перед арабскими странами, избегая вовлечения в ближневосточный кризис и возможности конфронтации с силами империализма в лице США и Израиля.

В области двусторонних связей с арабскими странами китайское руководство проявляло в 1973 г. активность в развитии отношений с АРЕ, Алжиром, Суданом, Ливаном и некоторыми странами Персидского залива.

До октябрьской войны 1973 г. Пекин поддерживал оживленные отношения с АРЕ. По приглашению китайского руководства в январе 1973 г. КНР посетил директор и главный редактор газеты «Аль-Ахрам» Хейкал. В марте состоялся визит в КНР министра иностранных дел АРЕ М. Х. эз-Заята, в сентябре — правительственной делегации во главе с вице-президентом Хусейном аш-Шафиа, принятым Мао Цзэ-дуном. В дни октябрьской войны, по сообщению агентства МЕН, КНР обещала предоставить АРЕ помощь в 10 млн. долл и 100 тыс. *т* пшеницы, однако своего обещания тогда не реализовала. После прекращения военных действий и вступления АРЕ на путь переговоров КНР резко сократила контакты с ней и заняла выжидательную позицию.

Видное место в политике Пекина занимал Алжир. В июне КНР посетила военная делегация Алжира, в июле — делегация медицинских работников. Между КНР и Алжиром было подписано соглашение о равном разделе страховых премий при морских и авиационных перевозках и протокол о культурном сотрудничестве. Алжир посетил ряд китайских делегаций. В октябре КНР пригласила президента страны Хуари Бумедьена посетить Пекин в удобное для него время.

В 1973 г. продолжало развиваться сотрудничество КНР с Суданом, хотя и не так активно, как раньше. Основной упор в Пекине делали на развитие связей по военной линии. В отношении других арабских стран Африканского континента (Тунис, Мавритания, Марокко) Пекин не проявлял особой активности.

Среди арабских стран Азии КНР демонстрировала повышенный интерес к Ливану. Ее расчет строился на превращении этой страны в центр транзитной торговли и финансовых операций КНР на Ближнем Востоке; было принято решение

---

[41] «The Times», London, 13.XI.1973.

об открытии в Бейруте филиала Народного банка Китая[42]. В феврале в Бейруте состоялись переговоры об использовании Китаем «свободной зоны» бейрутского морского порта в качестве перевалочного пункта для китайских товаров.

Оживленные отношения КНР поддерживала с Ираком. В мае 1973 г. был ратифицирован протокол об экономическом и техническом сотрудничестве этих стран. Ирак посетили две торгово-экономические делегации Китая, было подписано соглашение о строительстве шерстопрядильной фабрики с помощью КНР. В июле КНР посетила делегация иракских медиков во главе с министром здравоохранения И. Мустафой. В отношениях КНР с НДРЙ, ЙАР и Сирией особой активности не наблюдалось. В декабре Китай предоставил Сирии 11 тыс. *т* пшеницы[43], однако к реализации ранее обещанного займа не приступал.

Серьезные изменения претерпела позиция Пекина в отношении Палестинского движения сопротивления (ПДС). В КНР отказались даже от проведения традиционной «Недели Палестины», которая ранее использовалась маоистами как доказательство «революционности» Пекина. Практическая помощь палестинским организациям была сведена к минимуму. КНР прекратила официальную поддержку Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива и, больше того, косвенно высказалась в поддержку СЕНТО.

Новым моментом в политике КНР явилось повышенное внимание к странам Персидского залива. Учитывая стратегическую важность этого района, его географическую близость к Советскому Союзу, китайское руководство стремилось создать там напряженную обстановку. Затушевывая деятельность империалистических монополий в этом районе, Пекин распространял лживую версию, что якобы «экспансия Советского Союза и схватка сверхдержав в районе залива уже вызвали серьезное беспокойство у прибрежных стран залива и других близлежащих стран». Особое внимание в этой связи в Пекине сосредоточили на Иране. В 1973 г. Иран дважды посещал министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй. Выступая 14 июня в Тегеране, он утверждал, что «обстановка в Персидском заливе вызывает озабоченность», открыто призывал Иран к борьбе против неких «сверхдержав», «гегемонизма».

В первой половине года довольно активно развивались отношения КНР с Афганистаном. Однако свержение монархии и провозглашение Афганистана республикой было встречено в Пекине настороженно и привело к заметному сниже-

---

[42] «Суар», 21.IV.1973.
[43] «Аль-Баас», 16.XII.1973.

нию активности КНР. КНР признала Республику Афганистан 28 июля, после того как она была признана целым рядом стран, в том числе СССР. По свидетельству агентства Синьхуа, КНР сделала этот шаг «по просьбе нового правительства Афганистана». Инициативы в развитии отношений с Республикой Афганистан со стороны Пекина не отмечалось.

Отношения КНР со странами Тропической Африки. КНР начала проявлять внимание к странам Африки со второй половины 50-х годов, после Бандунгской конференции. Используя нарастающий подъем национально-освободительной борьбы народов Африки, Пекин попытался усилить свое влияние в данном регионе путем пропаганды тезисов о перемещении центра мировой революции в «третий мир», об «общности исторических судеб» народов Китая и Африки и навязывания революционного опыта Китая.

Политика КНР в Африке была особенно активной в начале 60-х годов, когда на континенте появились новые независимые государства, с которыми Китай форсировал установление дипломатических отношений и развитие экономических связей (с Ганой, Гвинеей, Мали, Танганьикой и др.). Особое значение в этом плане имели визит Чжоу Энь-лая в десять стран Африки в 1963—1964 гг.[44]. В 60-е годы Китай заключил с некоторыми африканскими странами договоры о дружбе, подписал соглашения о торгово-экономическом, техническом, культурном сотрудничестве. Ряду стран (Гане, Мали, Гвинее, Танзании, Кении, Сомали и др.) были обещаны небольшие по размерам кредиты.

Экстремистская тактика и усиление подрывных действий Пекина на континенте, перенесение на Африку «опыта культурной революции» привели к падению престижа, изоляции КНР. Ряд африканских государств (Бурунди, Дагомея, Центральноафриканская Республика, Гана, Кения и др.) разорвали или приостановили дипломатическе отношения с КНР.

После IX съезда КПК (1969 г.) лидеры Пекина отказались от методов нажима и прямых призывов к «революции» в Африке, перешли к более гибкой, внешне миролюбивой тактике и нормализации отношений с африканскими странами на основе принципов мирного сосуществования, используемых маоистами в собственных националистических целях.

В начале 70-х годов Пекин расширил политические контакты со странами Африки, включая страны, ориентирующиеся на капиталистический мир. Идя в этот период на сбли-

---

[44] Чжоу Энь-лай посетил в декабре 1963—феврале 1964 г. ОАР, Алжир, Марокко, Тунис, Гану, Гвинею, Мали, Сомали, Судан, Эфиопию. Чжоу Энь-лай также дважды побывал в Африке в 1965 г.

жение с США и другими империалистическими государствами, Китай стремился укреплять и развивать межправительственные связи в Африке не только с прогрессивными режимами, но и со странами прозападного толка [45].

Пытаясь оторвать африканские страны от Советского Союза и мира социализма в целом, Пекин опирался на реакционный национализм, расистскую идеологию, использовал в своих гегемонистских целях не только концепцию о «двух сверхдержавах», но и идею неприсоединения, а также авторитет Организации африканского единства (ОАЕ), трибуну ООН. Приветствуя юбилейную Ассамблею ОАЕ (май 1973 г.) и IV конференцию неприсоединившихся стран (Алжир, сентябрь 1973 г.), Чжоу Энь-лай стремился мобилизовать народы и страны Африки на борьбу против «великодержавного гегемонизма», обещал им всемерную поддержку КНР в этой борьбе [46]. Одновременно Пекин не акцентировал больше внимания на проблемах деколонизации и антиимпериалистической борьбы народов Африки. Блокируясь с империализмом по ряду важных политических проблем, маоисты фактически отказались от поддержки борьбы молодых стран Африки против сил империализма, расизма и неоколониализма.

В 1973 г., стремясь завоевать лидирующее положение в Африке в гегемонистских целях, Пекин заметно активизировал свою политику на континенте, в основном за счет расширения торгово-экономических связей, усиления обмена визитами правительственных и других делегаций [47], навязывания антисоветских идей и концепций лидерам африканских стран. Стремясь воспрепятствовать развитию сотрудничества африканских стран в СССР и доказать свое «бескорыстие», Пекин принимал на словах широкие экономические обязательства. Так, на страны африканского континента в 1973 г. пришлось около 80% китайских обязательств по линии экономической помощи.

Однако реальную помощь Китай, как и прежде, предоставлял выборочно, преимущественно тем странам, которые, по мнению маоистов, могли стать «опорными базами» для расширения китайского присутствия на континенте и укрепления политических позиций маоистов. К таким странам КНР относила прежде всего Танзанию, Замбию, Сомали, Гвинею, Конго, Мали. Одновременно уже с 1971—1972 гг. Китай активно развивал экономические связи со странами,

[45] К концу 1973 г. КНР имела официальные дипломатические отношения с 30 африканскими государствами.

[46] См. «Жэньминь жибао», 25.V; 5.IX.1973.

[47] В 1973 г. КНР посетили президенты пяти стран Африки (Заира, Камеруна, Мали, НРК, Сьерра-Леоне).

придерживающимися капиталистической ориентации. Между экономическими обязательствами Пекина и объемом фактически реализованной помощи странам Африки по-прежнему сохранялся большой разрыв. Из 170 намеченных к строительству объектов Китай реализовал к 1973 г. менее 60. Не изменился и характер китайской помощи. Как и ранее, Пекин, за некоторыми исключениями, делал упор на оказание помощи в строительстве мелких и средних объектов легкой, перерабатывающей отраслей промышленности, престижных сооружений (стадионов, зданий съездов и пр.). КНР фактически игнорировала задачу завоевания экономической независимости, наиболее актуальную для политически независимых стран Африки. Ее помощь носит конъюнктурный характер, не способствует решению проблем индустриализации, в ряде случаев наносит непосредственный ущерб развитию национальной промышленности (например, текстильной промышленности Замбии, Нигерии и других стран).

Торговля КНР со странами Африки также служит националистическим целям Пекина. КНР получает из Африки ценное сырье (хлопок, медь, фосфаты), стратегические материалы, а продает низкокачественные потребительские товары, часто не находящие сбыта, применяет демпинг на товары производственного назначения для внедрения на местные рынки. Характерно, что торговый баланс со странами Африки ежегодно складывается в пользу КНР, причем положительное сальдо имеет явную тенденцию к росту. Как указывала арабская пресса, «Китай стремится превратить Африку в рынок сбыта своих товаров и источник получения необходимых финансовых средств»[48].

Особое место в гегемонистских планах Пекина в 70-е годы занимали страны Восточной Африки, в частности Танзания, Замбия, Сомали, Эфиопия, Маврикий, Малагасийская Республика и др., имеющие выход в бассейн Индийского океана. КНР к концу 1973 г. предоставила восточноафриканским странам около 750 млн. ам. долл. долгосрочных кредитов[49], при этом большая часть выделена Танзании и Замбии и идет на строительство железной дороги «Танзам». Дорога была главным объектом китайского внимания в 70-е годы[50]. Интенсивные темпы строительства дороги объясняются тем, что Пекин рассматривает ее как своеобразную «витрину»

---

[48] «Аш-Шааб», 3.VIII.1973.

[49] Общая сумма обязательств КНР странам Африки к концу 1973 г. составила около 2 млрд. ам. долл.

[50] Укладка рельсов на территории Танзании (970 *км*) была закончена в середине 1973 г., предполагалось досрочное завершение строительных работ на территории Замбии.

своей «бескорыстной» помощи Африке и всему «третьему миру».

Экономическая помощь является главным орудием в руках Пекина для воздействия на политику Танзании и Замбии (китайские кредиты Танзании к концу 1973 г. составили более 250 млн. ам. долл., Замбии — около 230 млн. ам. долл.). КНР в счет кредитов помогла этим странам построить ряд предприятий в отраслях легкой промышленности, радиостанции, шоссейные дороги, создать сельскохозяйственные фермы и др.[51]. Однако методы китайского кредитования вызывали недовольство руководства и деловых кругов этих стран, так как приводили к растрате их валютных резервов. Руководители Танзании и Замбии не разделяли также антисоветских мотивов политики маоистов.

Пекин активизировал в 1973 г. свои торгово-экономические и культурные связи с Сомали (после визита в КНР в апреле министра внешней торговли Сомали В. Али началось строительство шоссейной дороги и других объектов), с Эфиопией, которая в результате визита в 1971 г. императора Х. Селассие получила от КНР кредит (84 млн. ам. долл.). В 1973 г. начали осуществляться прямые авиарейсы между Эфиопией и КНР (по соглашению 1972 г. о прямом авиасообщении), Пекин предоставил Эфиопии незначительную безвозмездную помощь (в связи с засухой).

С конца 1971 г. КНР установила экономические отношения с Бурунди, Руандой, с 1972 г.— с Маврикием, Малагасийской Республикой, в 1973 г. наметилась тенденция к улучшению отношений с Угандой, Кенией.

Большое место во внешнеполитических планах Пекина занимали также страны Западной Африки, особенно Гвинея, где с помощью КНР был построен ряд небольших промышленных и сельскохозяйственных объектов.

Пекин предпринимал усилия, чтобы внедриться в вооруженные силы Гвинеи, брал на себя новые экономические обязательства. Однако удельный вес реализованной Китаем помощи Гвинее никогда не составлял более 30% общего объема китайских обязательств этой стране. Предприятия, строящиеся с помощью КНР, не обеспечивают нужды промышленного развития Гвинеи, технически несовершенны, некоторые из них нерентабельны, их работа зависит от поставок китайского сырья, а продукция имеет низкое качество.

Пекин активно пытался с 1972 г. восстановить и наладить экономические отношения с Ганой, которой был обещан

---

[51] См.: «Révolution africaine», 1973, № 491, стр. 19; «Asia Research Bulletin», vol. 3, 1973, № 2, стр. 1891.

новый заем, а также расширить контакты с Мали. Большое значение в Китае придавали визиту президента Мали М. Траоре в КНР (июль 1973 г.). В 1972—1973 гг. получили развитие отношения КНР (в первую очередь экономические) с Камеруном, Сенегалом, Нигерией, Сьерра-Леоне, Того, Верхней Вольтой и др.

Из центральноафриканских стран наибольшее значение КНР придавала Заиру и Народной Республике Конго (НРК). Отношения с Конго начали развиваться с 1964 г., КНР построила там ряд некрупных предприятий, однако маоистам не удалось завоевать в стране прочных политических позиций. Президент НРК М. Нгуаби, посетивший Китай в июле — августе 1973 г., не поддержал нападки маоистов на СССР, отмежевался от китайских идей о «сверхдержавах». Установив в ноябре 1972 г. дипломатические отношения с Республикой Заир, КНР предоставила ей кредит в 100 млн. ам. долл. Однако президент Мобуту во время своего пребывания в Пекине (январь 1973 г.) подчеркнул приверженность Заира к политике неприсоединения и отметил впоследствии, что не позволит, чтобы Китай «сделал из заирцев китайцев».

КНР не удалось добиться ощутимых успехов в Африке. Хотя африканские страны принимают китайскую помощь, они не хотят отказываться ради нее от сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. Общественность африканских стран открыто осуждает курс маоистов, пытающихся вбить клин в отношения между СССР и странами Африки, так как это означает, что африканские государства остаются «один на один с империалистами, которые через посредство своих монополий продолжают контролировать большую часть их экономики». Таким образом, как заключает сенегальский журнал, «пекинские лидеры играют на руку неоколониализму»[52].

Маоистские националистические доктрины, за некоторыми частными исключениями, также не нашли широкого распространения в Африке. Правительства независимых стран, особенно стран социалистической ориентации, не разделяют взглядов Пекина по таким основным политическим проблемам, как разрядка международной напряженности, разоружение, урегулирование ближневосточного кризиса, создание системы европейской безопасности, отношение к Бангладеш, Чили и др.

Политика КНР в отношении национально-освободительного движения в португальских колониях и на юге Африки. Потерпев провал в попытках завоевать идеологическую и

---

[52] См.: «Le Moniteur african du commerce et de l'industrie», 1972, № 543, стр. 4.

политическую гегемонию как в коммунистическом, так и в национально-освободительном движении на юге Африки, маоисты с 1963 г. встали на путь раскола революционных организаций, содействуя созданию ряда промаоистских групп, которые вели борьбу не с расистами и колонизаторами, а с основными силами национально-освободительного движения. С 1969 г. тактика Пекина в отношении сил освобождения начала меняться. КНР взяла курс на развитие контактов с крупными отрядами национально-освободительного движения, на их изоляцию от стран социализма и других прогрессивных сил современности.

В 1973 г. подход Пекина к национально-освободительному движению на юге Африки и в португальских колониях частично ориентировался на политику Организации африканского единства по колониальному и расистскому вопросу. В то же время позиция маоистов в отношении проблемы ликвидации португальского колониализма носила лицемерный характер. На словах КНР заявляла о поддержке антиколониальной борьбы, а на деле вела торговлю с реакционным режимом Португалии, ее колониями, не требовала ликвидации португальского господства в Макао и присоединения этой исконно китайской территории к Китаю. КНР практически не оказывала помощи ПАИГК, которая добилась значительных побед в борьбе против колонизаторов, не шла на развитие отношений с Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА). Были прерваны отношения с Национальным союзом борьбы за полное освобождение Анголы (УНИТА). В отличие от практики прежних лет в 1973 г. в КНР не отмечался ни один день солидарности с борьбой народов Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Зимбабве, Намибии.

Выступая с общими заявлениями в поддержку борьбы народов Африки, оказывая определенную помощь некоторым организациям, Пекин стремился создать на континенте мнение о КНР как о защитнике борющихся народов. Одновременно Пекин развивал торговые связи с расистами и колонизаторами[53], фактически смыкаясь с ними на почве антисоветизма, враждебности к Южноафриканской Коммунистической партии, другим революционным силам.

Отношения КНР с Латинской Америкой. Начало развития связей КНР с Латинской Америкой и зарождение китайской политики по отношению к странам континента совпало с мощным подъемом латиноамериканского революционного движения конца 50-х годов. Не имея официальных отношений с латиноамериканскими странами, Пекин пытался вли-

---

[53] «Daily Express», Лагос, 3.IX.1973.

ять на ход развернувшейся здесь освободительной борьбы, используя свои связи с коммунистическими партиями и национально-освободительными организациями. Маоистские лидеры ставили целью навязать им свои, чуждые ленинизму концепции. Столкнувшись с оппозицией своему авантюристическому курсу, лидеры КНР в 1963—1964 гг. перешли к открытой раскольнической деятельности, создавая из отщепенцев и ренегатов, ранее исключенных из рядов компартий и прогрессивных демократических организаций, полностью зависимые от Пекина мелкие сектантские группировки.

В конце 60-х годов, после изменений в китайской политике, связанных с IX съездом КПК, руководители КНР сделали ряд заявлений, из которых следовало, что Пекин отказывается от политики вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств, «экспорта революций» и переходит к отношениям, базирующимся на «пяти принципах мирного сосуществования»[54]. Связи между КНР и странами континента особенно активизировались после китайско-американских переговоров в верхах и допуска представителя КНР в ООН. Не имея до 1971 г. дипломатических отношений ни с одной латиноамериканской страной (кроме Кубы), КНР к концу 1973 г. договорилась об открытии посольств в шести государствах: Чили, Перу, Мексике, Аргентине, Гайане, Ямайке. С рядом стран (Чили, Перу, Гайаной, Мексикой) Китай подписал торговые договоры и соглашения. Китайско-латиноамериканские отношения стали постепенно входить в русло нормальных, хотя недоверие к политическому курсу Пекина продолжало накладывать отпечаток на позиции отдельных латиноамериканских стран.

Переход КНР к новым формам политики в Латинской Америке не изменил ее основного содержания. Наиболее показательной с точки зрения предательской, антисоциалистической сущности политики маоистского руководства в отношении революционного движения латиноамериканских народов явилась позиция в отношении Чили. Дипломатические отношения с Чили были установлены в январе 1971 г. Одновременно руководители КНР продолжали поддерживать пропе-

---

[54] Наиболее отчетливо эти взгляды были изложены в интервью Чжоу Энь-лая мексиканской газете «Эксельсиор» от 5 сентября 1971 г.: «Когда кто-то заявляет, что Китай является центром мировой революции, он делает это под свою личную ответственность. Это его дело, а не наше. Возможно, в ходе пролетарской культурной революции некоторые элементы из ультралевацкого течения выступали с подобными утверждениями. Но мы осуждаем эту точку зрения... Мы заявляем, что революцию нельзя экспортировать. Председатель Мао очень ясно заявляет об этом в своих письменных трудах и подчеркивает, что никто не может стараться навязать свои идеи другим» («Excelsior», México, 5 de ceptiembre de 1971».

кинскую, так называемую Революционную коммунистическую партию, объявившую своей основной задачей ведение «революционной народной войны» против правительства Народного Единства.

В 1973 г. КНР проявила большую активность в укреплении своих позиций в Чили. 26 января в Сантьяго делегация во главе с заместителем министра транспорта КНР Ю Мэем подписала с Чили морское транспортное соглашение[55]; была достигнута договоренность об открытии совместной линии морского судоходства, КНР посетила делегация во главе с министром иностранных дел правительства Народного Единства Клодомиро Альмейдой, принятая Чжоу Энь-лаем, министром иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэем и министром внешней торговли Бай Сян-го. В Сантьяго и в Пекине представители КНР подчеркивали дружественные чувства к правительству и народу Чили и готовность оказывать им всемерную помощь. КНР согласилась предоставить Чили кредит для целей технической помощи (20 млн. ф. стерл.) и закупки потребительских товаров (5 млн. ф. ст.). Однако практическую реализацию кредита КНР затягивала, ссылаясь на ограниченные возможности в оказании помощи в силу «некоторых международных обязательств» (Письмо Чжоу Энь-лая Сальвадору Альенде от 23 февраля 1973 г.).

11 сентября в Чили произошел военный путч. Печать КНР не опубликовала ни одной статьи с осуждением кровавого террора и беззаконий, творимых военной хунтой: убийства президента Сальвадора Альенде, ареста Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана и других видных деятелей Народного Единства, массовых расправ над трудящимися Чили. Руководство КНР ограничилось, по существу, соболезнованием Чжоу Энь-лая по поводу гибели президента Сальвадора Альенде его вдове. 10 октября, после того как посол правительства Народного Единства в КНР Армандо Урибе выступил с решительным осуждением хунты, министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй заявил, что правительство КНР более не считает Урибе послом Республики Чили в КНР и объявляет его персоной нон грата. В ноябре в Пекин прибыл новый глава дипломатической миссии, назначенный чилийской военной хунтой. Руководство КНР не препятствовало реализации ранее обещанных Чили кредитов, остались в силе и другие соглашения. Как отмечала иностранная печать, чилийская хунта, столкнувшаяся с трудностями в получении долгосрочных займов даже у западных банков, может «найти некоторое утешение в связи с пози-

---

[55] «Peking Review», 2.II.1973, № 5, стр. 13.

цией, занятой по отношению к ней КНР с момента путча»[56].

В 1973 г. КНР старалась укрепить свои позиции в странах, ранее установивших с ней дипломатические отношения. КНР провела две промышленные выставки: в Мексике (май) и Аргентине (август), направила в Перу, Мексику, Аргентину, Гайану свои делегации. На китайской промышленной выставке в Мексике экспонировалось около 2800 товаров[57]. На открытие выставки в Аргентине прибыла торговая делегация КНР. Аргентинская печать сообщала о состоявшихся переговорах относительно соглашения о продаже КНР в течение трех лет до 1 млн. *т* зерновых ежегодно на сумму, превышающую 200 млн. долл.[58].

В апреле 1973 г. состоялся визит в КНР президента Мексики Луиса Эчеверии Альвареса (апрель 1973 г.). Президент Эчеверия был принят Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем. В совместном коммюнике, опубликованном в ходе визита, отмечалось большое значение визита в развитии дружественных связей между двумя странами, близость точек зрения обеих сторон по некоторым международным вопросам[59]. В апреле Мексика и КНР подписали торговое соглашение сроком на один год. Соглашение включает пункт о предоставлении сторонами режима наибольшего благоприятствования, предусматривает экспорт в КНР сырья и готовых продуктов и импорт различных товаров из Китая[60]. Состоялся также обмен нотами о культурном и научно-техническом сотрудничестве на 1973—1974 гг.

В 1973 г. КНР предприняла ряд шагов с целью расширения связей с другими странами континента, в том числе со странами, не проявлявшими ранее заинтересованности в развитии отношений с Пекином: Панамой, Коста-Рикой, Венесуэлой, Колумбией, Эквадором. Зондаж позиций их руководителей был предпринят во время посещения этих стран (а также Перу, Сальвадора, Ямайки, Тринидада и Тобаго и др.) делегацией китайских журналистов. КНР направляла в указанные страны свои экономические, культурные и научные делегации. Был заключен ряд контрактов, положивших начало торговым отношениям между КНР и этими странами.

1973 год ознаменовался значительным усилением клеветнической антисоветской пропаганды Пекина на континенте.

---

[56] «Economist», (London), № 6792, vol. 249, 1973, стр. 64.
[57] «Mañana», (México), mayo 26 de 1973, № 1552, стр. 11.
[58] «El Economista», (Buenos Aires), 18 de Agosto de 1973.
[59] «Жэньминь жибао», 25.IV.1973.
[60] «Mañana», (México), abril 28 de 1973, № 1548, стр. 10.

Китайская печать была полна измышлениями о стремлении СССР к «гегемонии в Латинской Америке», об «опасности» для латиноамериканских стран попасть под господство СССР, как якобы «нового владыки» на континенте, об «ограблении» им рыбных ресурсов латиноамериканских стран и т. п. В этих целях широко использовались местные ультрареакционные печатные издания. Одновременно китайские лидеры назойливо рекламировали себя верными друзьями латиноамериканцев, а Китай — самой надежной опорой в их освободительной борьбе.

В антисоветских целях были использованы Пекином и чилийские события. Поддерживая и выгораживая путчистов, китайские руководители выступили с клеветническими заявлениями в адрес СССР. На пленарном заседании XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1973 г. представитель КНР Цяо Гуань-хуа пытался представить чилийский путч как результат «соперничества» «двух сверхдержав», а дело, за которое боролись и отдали свои жизни Сальвадор Альенде и тысячи патриотов Чили,— «вредной» теорией «мирного перехода».

ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Западная Европа стала приобретать растущее значение во внешнеполитических планах Пекина с конца 60-х годов, когда отчетливо проявилось стремление китайского руководства использовать тактику блокирования со странами капитализма в целях ослабления международного влияния Советского Союза и других государств социалистического содружества. В соответствии с модифицированной концепцией «промежуточных зон» странам Западной Европы была отведена роль «силы в борьбе против одной-двух сверхдержав»[61]. Первыми шагами на пути реализации новой тактики стала активная деятельность КНР по нормализации дипломатических отношений и усилению политических и экономических контактов с государствами Западной Европы.

За 1970—1973 гг. КНР обменялась послами с 12 странами региона, в то время как в 50-х годах — с пятью и в 60-х годах — с одной лишь Францией. По приглашению китайского правительства в 1972 г. в Пекин нанесли визиты министры иностранных дел ведущих западноевропейских государств — ФРГ, Англии и Франции, а заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа посетил Париж и Лон-

[61] «Хунци», 1972, № 11.

дон. После спада в торговле, вызванного «культурной революцией», КНР проявила стремление к развитию торгово-экономических отношений с западноевропейскими странами, пытаясь заинтересовать их в китайском рынке. Это привело к расширению экономических связей и заметному росту объема торговли.

Активизация политических контактов КНР с государствами Западной Европы сопровождалась полным пересмотром подхода Пекина ко всему комплексу европейских проблем. В отличие от 50-х годов, для западноевропейской политики КНР последних лет характерен отказ от поддержки идей коллективной безопасности и сотрудничества в Европе. Торможение процесса разрядки напряженности между Западной и Восточной Европой, сохранение военной конфронтации на континенте и усиление обособленности западноевропейских стран через их экономическую, политическую и военную интеграцию — таковы основные цели Пекина, на решение которых была направлена его деятельность и в 1973 г.

Руководители КНР, как и в предыдущие годы, неоднократно подчеркивали свою поддержку процессу интеграции Западной Европы во всех ее формах. Об этом, в частности, заявил Чжоу Энь-лай в беседе с министром иностранных дел Италии в январе 1973 г. Однако подход к НАТО, военному присутствию США в Европе свидетельствует о том, что Пекин поддерживает практически любые формы военного и политического блокирования западноевропейских стран с США при условии направленности таких блоков против СССР и других социалистических государств Европы. В этой связи характерно признание Чжоу Энь-лая корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергеру об изменении позиции КНР в отношении НАТО, отказе от критики его агрессивной сущности. Китайский премьер откровенно высказался за усиление этого военного блока западных стран[62]. Известны также многочисленные высказывания центральных органов печати КНР в поддержку военного присутствия США и сохранения численности их вооруженных сил в Европе[63]. О стремлении Пекина подтолкнуть западноевропейские страны в союзе с США на путь обострения политической и военной конфронтации с социалистическим содружеством свидетельствует заявление Чжоу Энь-лая о положительном отношении КНР к американской идее «новой атлантической хартии» в случае ее направленности против Советского Союза[64].

---

[62] «The New York Times», 29.X.1973.

[63] «Жэньминь жибао», 24.I; 14.XII.1973.

[64] Из беседы Чжоу Энь-лая с японскими парламентариями в июне 1973 г.

Подчиняя развитие отношений с западноевропейскими странами задачам глобальной борьбы с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, руководство КНР в 1973 г. проявило беспрецедентную даже для предыдущих лет инициативу в налаживании политических контактов с западноевропейскими государствами. Министр иностранных дел КНР нанес визиты в Англию и Францию, а президент Франции и министр иностранных дел Италии были приглашены посетить Пекин. По инициативе правительства КНР Пекин посетили также министры иностранных дел Швеции, Норвегии, Дании, Люксембурга, заместитель премьер-министра Греции и голландские парламентарии (в мае — июне 1973 г.). В марте были установлены дипломатические отношения с Испанией. (К настоящему времени в Западной Европе Китайская Народная Республика не имеет дипломатических отношений лишь с Португалией, Ирландией и Ватиканом.)

Итоги прошедших визитов говорят о том, что практически по всем вопросам, связанным с улучшением политического климата в Европе, китайские руководители продолжали занимать крайне негативную позицию, пытаясь воспрепятствовать политике западноевропейских правительств, направленной на развитие отношений с государствами социалистического содружества. Весьма показательной в этом плане была миссия главы внешнеполитического ведомства КНР Цзи Пэн-фэя в Западную Европу, предпринятая в июне 1973 г. в канун открытия общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Прибыв в Лондон, Цзи Пэн-фэй прямо заявил об «иллюзорности» смягчения безопасности в Европе, призвал, как и прежде, западноевропейские страны к «бдительности». В дни визита Цзи Пэн-фэя агентство Синьхуа в информации о многосторонних консультациях в Хельсинки представило советские предложения о создании системы коллективной безопасности как попытку «укрепить свою гегемонию в Восточной Европе» и «распространить свою сферу влияния на Западную Европу»[65]. В этом нашло проявление стремления китайского руководства в канун совещания создать атмосферу недоверия к социалистическим странам и настороженности в отношении благоприятного исхода переговоров. Сея семена взаимного подозрения, Пекин стремился представить совещание по безопасности как «форму борьбы» между «двумя сверхдержавами», жертвой которой якобы становятся западноевропейские страны[66].

[65] «Жэньминь жибао», 11.VI.1973.
[66] «Жэньминь жибао», 3.X.1973.

Особый интерес обнаруживал Пекин и к венским переговорам о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. С первых шагов работы венского совещания правительство КНР выступило противником самой идеи взаимного сокращения вооруженных сил стран НАТО и Варшавского Договора. Оно сконцентрировало свои дипломатические и пропагандистские усилия на запугивании западноевропейских стран «угрозой с Востока». Вторя измышлениям некоторых натовских генералов, глава делегации КНР на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил о том, что «Западная Европа не обладает достаточным потенциалом для обороны»[67] и посему должна думать не о разоружении, а о наращивании военного потенциала. Более того, китайские руководители, используя дипломатические каналы и политические контакты, пытаются оказать влияние на позицию стран Западной Европы в вопросе участия в совещании по сокращению вооруженных сил. Например, Чжоу Энь-лай в беседе с голландскими парламентариями выступил с призывом к Голландии отказаться от участия в венских переговорах, прибегнув к выпадам против тех политических партий в коалиционном правительстве этой страны, которые высказываются за сокращение военного бюджета[68].

Пекин оказывал в 1973 г. активную поддержку экономической интеграции Западной Европы. Все шаги в направлении расширения и укрепления «Общего рынка», предпринимавшиеся в течение года странами — членами сообщества, неизменно одобрялись КНР. В переговорах с государственными и политическими деятелями западноевропейских стран это обстоятельство многократно подчеркивалось. По сообщениям западной печати, китайские руководители проявляли значительный интерес к программе развития ЕЭС. Однако, как подметила «Таймс», такой интерес к программе сообщества возник «не столько в силу его возможностей как крупного торгового партнера, сколько из-за его роли в качестве политического противовеса Советскому Союзу»[69]. Экономическая интеграция западноевропейских стран рассматривается в Пекине как альтернатива общеевропейскому экономическому сотрудничеству, как важная предпосылка для создания интегрированной в военном и политическом отношении Западной Европы, противостоящей социалистическому содружеству. Неудивительно, что подход Пекина к ЕЭС полностью совпадает с планами проимпериалистических сил, от-

---

[67] Там же.
[68] «France-Presse», 21.VIII.1973.
[69] «The Times», 21.XI.1973.

ражающих интересы монополистического капитала западноевропейских стран. Правая, антикоммунистическая печать и не скрывает этих планов. «Нойе рейн-цайтунг» дала им лаконичную формулировку — за сильное ЕЭС и сильный Китай для давления на Советский Союз[70].

В 1973 г. отчетливо выявилось стремление КНР к расширению торгово-экономических отношений со странами — членами «Общего рынка».

Помимо взаимного обмена многочисленными торгово-экономическими делегациями в Пекине в 1973 г. были проведены английская, голландская, французская и норвежская торгово-промышленные выставки. С ФРГ и Грецией Китайская Народная Республика подписала соглашение о торговле и платежах, с Англией, Италией и Грецией — соглашения о воздушном сообщении.

Наибольшую заинтересованность Китай проявил к закупкам авиационного, энергетического, нефтехимического оборудования, средств авто- и железнодорожного транспорта, вычислительного оборудования и научно-измерительных приборов. Судя по сообщениям западноевропейской печати, возрос интерес КНР к приобретению английской и французской военной техники, в частности самолетов. Крупные контракты были заключены на поставку в КНР пассажирских самолетов, вертолетов, химических заводов, оборудования для электростанций, горношахтного оборудования, промышленного сырья, научной и измерительной аппаратуры. Благодаря этим и ранее заключенным сделкам на экспорт в Китай промышленного оборудования и сырья, а также возросшему объему поставок китайских товаров (сырья растительного и животного происхождения, продовольственных и промышленных товаров народного потребления), товарооборот КНР со странами ЕЭС увеличился в 1973 г. до 1,38 млрд. долл. против 875 млн. долл. в 1972 г.

При наличии отмеченных выше общих направлений в западноевропейской политике КНР, в ее отношениях с отдельными странами присутствовали характерные особенности, дополняющие общую картину дипломатической деятельности Пекина в регионе.

Франция была одним из первых капиталистических государств, признавших КНР (январь 1964 г.), тем не менее отношения между двумя странами долгое время ограничивались в основном торгово-экономической областью. В последнее время наблюдалось расширение и политических контактов. В 1972 г. КНР посетил министр иностранных дел Франции,

---

[70] «Neue Rhein-Zeitung», 22.III.1973.

в 1973 г. с ответным визитом во Франции побывал министр иностранных дел КНР. В сентябре 1973 г. официальный визит в Пекин нанес президент Франции Ж. Помпиду.

Пекин рассчитывал использовать особенности политики Франции в отношении таких проблем, как переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, будущее Атлантического союза, ядерное вооружение и другие, для подрыва разрядки напряженности на континенте. Китайское руководство пыталось вбить клин в советско-французское сотрудничество.

Определенное совпадение точек зрения КНР и Франции можно проследить лишь в отношении отдельных аспектов проблем разоружения и создания «Европейского союза». Что касается проблем, связанных с общеевропейским совещанием по безопасности и сотрудничеству, то здесь расчеты пекинской дипломатии на ту или иную поддержку со стороны Франции не оправдались. «Наш анализ международного положения не идентичен,— заявил президент Франции Ж. Помпиду во время визита в Пекин в сентябре 1973 г.— Мы по-прежнему считаем, что политика разрядки напряженности и дружественных отношений, которую мы проводим в Европе,— это наилучшая политика для французов и для Западной Европы»[71].

Важное место на переговорах китайских руководителей с Помпиду занимали вопросы развития торговли и экономического сотрудничества. Следует отметить, что, несмотря на неоднократные заверения китайского руководства о том, что при равном качестве товаров предпочтение будет отдано Франции, торговля между двумя странами по-прежнему остается незначительной и подвержена сильным колебаниям. Так, если в 1971 г. Франция по объему торговли с Китаем вышла на второе место среди стран Западной Европы (после ФРГ), то в 1972 г. произошел резкий спад торговли, связанный главным образом с аннулированием китайской стороной ряда контрактов, а также с усилившейся конкуренцией со стороны некоторых других капиталистических государств.

В 1973 г. был заключен ряд крупных контрактов, среди которых особо следует отметить подписанный в октябре контракт на поставку в Китай нефтехимического комплекса по производству нейлона и полиэстера стоимостью в 1,2 млрд. франков. Кроме того, в 1973 г. производились поставки по контрактам 1971 и 1972 гг.[72]. Объем товарооборота между двумя странами увеличился до 236,7 млн. долл. (против

---

[71] «Le Monde», 15.IX.1973.
[72] «Le Monde», 24.IX.1973.

161,8 млн. долл. в 1972 г.). Экспорт КНР во Францию составил 147 млн. долл., импорт — 89,7 млн. долл.

В связи с прошедшими переговорами ожидается усиление обмена в области нефтехимической, авиационной, машиностроительной и электроэнергетической промышленности. Расширение сотрудничества имело место и в других областях: в декабре 1973 г., в частности, было парафировано временное морское соглашение, достигнуто соглашение о расширении сотрудничества в области авиации.

Китайское руководство в 1973 г. придавало исключительно важное значение развитию политических и торговых отношений с *Англией*[73]. Министры иностранных дел и внешней торговли КНР достаточно красноречиво продемонстрировали это, начав первые визиты в Западную Европу с Лондона. Правительство КНР пригласило в Пекин премьер-министра Англии Э. Хита, и, хотя в 1973 г. поездка не состоялась, тем не менее само приглашение означало безусловное стремление китайских руководителей открыть новую фазу в диалоге с правительством тори.

Активизируя в последние годы политические контакты с Лондоном, китайское руководство возлагало надежды на то, что правительство консерваторов выступит противником разрядки напряженности в Европе, а с включением Англии в «Общий рынок» будет содействовать усилению процесса интеграции западноевропейских стран. С целью склонить Англию к отказу от участия в общеевропейском совещании по вопросам безопасности и венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в июне 1973 г. в Лондон был направлен министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй. Однако его визит не увенчался успехом. А. Дуглас-Хьюм заявил ему, что Англия примет участие в переговорах в Хельсинки и Вене.

Большая общность позиций сторон была зафиксирована в отношении развития ЕЭС, и в частности участия в нем Англии. В этой связи следует отметить, что в канун китайско-английских переговоров «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Англия после вступления в западноевропейский „Общий рынок“», в которой была сделана попытка «обосновать» необходимость вступления Англии в ЕЭС угрозой, исходящей якобы со стороны Советского Союза[74].

Ни один из других периодов в истории китайско-английских отношений не был столь насыщен контактами в обла-

---

[73] В 1972 г. КНР и Англия обменялись послами. С 1954 г. отношения между странами поддерживались на уровне временных поверенных в делах.

[74] «Жэньминь жибао», 15.V.1973.

сти торгово-экономических связей, как 1973 г. Взаимный обмен визитами министров внешней торговли (Бай Сян-го в январе и П. Уокера в марте), проведение в Пекине Британской выставки промышленной техники (март), посещение Китая видными представителями деловых кругов Англии — таковы основные события в этой сфере.

Расширяя торговлю с Англией, китайское руководство прежде всего исходило из политических соображений — использования особенностей европейской политики консерваторов для реализации собственных внешнеполитических задач в Европе. Не случайно западная печать отметила политическую, а не деловую окраску визита в Лондон министра внешней торговли КНР Бай Сян-го, где он вел переговоры с Э. Хитом и А. Дуглас-Хьюмом. Вместе с тем развитие торговли с Великобританией отражало также заинтересованность Китая в закупках современной техники и приобретении документации технологических процессов. Одной из важнейших статей китайского импорта из Англии в 1973 г. была авиационная техника. В конце года Китай подписал с фирмой «Хаукер Сиддли» новый контракт на поставку еще 15 пассажирских самолетов «Трайдент» на общую сумму 50 млн. ф. ст.[75]. Велись переговоры о закупке Китаем значительного количества авиационных двигателей «Спэй» у фирмы «Роллс-Ройс». Судя по заявлению министра обороны Англии, Китай проявил интерес к закупке английского оружия (речь идет, в частности, о самолетах с вертикальным взлетом — «Харриер»). В итоге объем китайско-английской торговли вырос со 153 млн. в 1972 г. до 300 млн. долл. в 1973 г.

Маоистское руководство давно проявляет интерес к ФРГ, в особенности к правым и ультраправым кругам этой страны, рассматривая их как потенциального союзника в осуществлении курса на подрыв социалистического содружества и разрядки напряженности на Европейском континенте. Реалистическая политика правящей коалиции СДПГ — СВДП (заключение договора с СССР, ПНР, ЧССР, комплекс соглашений по Западному Берлину и т. п.) противоречит планам китайских лидеров в отношении Европы. Этим объясняется тот факт, что установление дипломатических отношений между двумя странами в 1972 г. не привело в последующем к активизации политического диалога между Пекином и Бонном. Предполагавшийся в 1973 г. визит министра иностранных дел КНР в Бонн состоялся лишь два года спу-

---

[75] Включая поставки по предыдущим контрактам, КНР получит до 1976 г. 35 самолетов «Трайдент» на сумму 120 млн. ф. ст., 5 из первых 20 самолетов уже поставлены.

стя. Пекин посетили министр просвещения и научных исследований К. фон Донаньи и министр внутренних дел Г. Д. Геншер, в беседах с которыми затрагивались в основном вопросы торгово-экономических, культурных и спортивных связей. В апреле 1973 г. Западную Германию посетила делегация ведущих журналистов КНР во главе с руководителем редакции «Жэньминь жибао» Лань Фэем, которая совершила поездку по ФРГ и обсудила широкий круг европейских и межгосударственных проблем с представителем оппозиции лидером западногерманских реваншистов Ф. И. Штраусом. В ходе беседы между сторонами, как сообщалось, выявилось значительное совпадение позиций и «далеко идущее согласие».

В 1972 г. Пекин стал проявлять особую активность в вопросе о Западном Берлине, предоставив посольству ФРГ в КНР право представлять Западный Берлин и дав понять, что не возражает против стремления ФРГ представлять Западный Берлин в ООН. Пункт о Западном Берлине был включен в торговое соглашение между КНР и ФРГ. Во время визита спортивной делегации КНР в Западный Берлин в июне 1973 г. китайская сторона признала принадлежность спортивного союза Западного Берлина к западногерманскому спортивному союзу.

В 1973 г. наблюдалось дальнейшее расширение торгово-экономических связей между странами. Это нашло свое проявление в подписании торгового соглашения, активизации деятельности по обмену торговыми делегациями на различных уровнях и заключении крупных сделок с ведущими западногерманскими концернами. 5 июля в Бонне было подписано торговое соглашение между КНР и ФРГ на 1973—1974 гг.[76], в соответствии с которым предусмотрено создание смешанной комиссии. В соглашение включен пункт о том, что КНР признает право ФРГ представлять Западный Берлин в торгово-политическом отношении и распространять на него действие соответствующих договоров. Только за первое полугодие ФРГ посетило восемь экономических делегаций из КНР, подписавших крупные контракты на сталепрокатное оборудование, оборудование для производства синтетического волокна, нефтехимическое предприятие по производству ацетальдегида, на поставку в КНР судов и т. п. Была достигнута договоренность о проведении в Пекине с 5 по 18 сентября 1975 г. промышленной выставки ФРГ.

Наиболее значительной из посетивших КНР делегаций

---

[76] Соглашение является вторым за время торговли КНР с ФРГ. Первое соглашение подписано в Пекине 27 сентября 1957 г. сроком на один год.

была делегация, возглавляемая председателем наблюдательного совета концерна «Ф. Крупп» Б. Бейцем (конец мая). По словам Б. Бейца, делегации удалось подготовить почву для деятельности западногерманских фирм в Китае и облегчить им будущие контакты с внешнеторговыми организациями КНР.

В торговле КНР с ФРГ в 1973 г. произошло увеличение товарооборота. Объем торговли между двумя странами вырос на 70%, составив 460 млн. долл. против 271 млн. долл. в 1972 г.

ОТНОШЕНИЯ КНР С США

Переориентация внешнеполитического курса Пекина на преимущественное развитие связей с капиталистическим миром, принятие IX и X съездами КПК антисоветизма и антикоммунизма в качестве основной внешнеполитической установки привели в последние годы к существенным изменениям в китайско-американских отношениях, которые длительное время отличались крайней напряженностью.

США отказались от признания Китайской Народной Республики после ее образования. На присоединение Китая к мировой социалистической системе и заключение Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР (1950 г.) империалистическая Америка ответила ужесточением антикитайской политики, в основу которой была положена доктрина «сдерживания и изоляции коммунистического Китая».

Особенно резкое обострение отношений между КНР и США имело место во время корейской войны (1950—1953 гг.), когда американские вооруженные силы фактически оккупировали принадлежащий Китаю о-в Тайвань. Правительство США встало на путь военной поддержки гоминьдановской клики, продолжавшей с Тайваня борьбу против Китайской Народной Республики, и таким образом воспрепятствовало воссоединению Тайваня с КНР. США добились в связи с войной в Корее принятия в ООН резолюции об объявлении КНР агрессором, а также резолюции о введении эмбарго на торговлю с ней. Изоляция и блокада Китайской Народной Республики составляли в тот период одну из главных целей всей политики США в Азии. В результате нажима Вашингтона многие капиталистические страны долгое время воздерживались от установления нормальных дипломатических отношений с КНР. Более того, ряд стран был объединен под эгидой США в региональные военно-политические союзы, которые опять-таки были нацелены поми-

мо всего прочего на «сдерживание» Китая. Китайское руководство в своей деятельности на международной арене вынуждено было вести в тот период борьбу против империализма США, которая отражала естественные чувства и настроения широких масс китайского народа в связи с враждебной политикой США.

Положение начало меняться, когда выявился отход руководства КПК от генеральной линии мирового коммунистического движения и союза со странами социалистического содружества. В правящих кругах США стала развиваться тенденция к пересмотру курса в отношении Китая, которая наметилась еще при администрациях Д. Кеннеди и Л. Джонсона. Правительство США в 1969—1971 гг. пошло на снятие ряда ограничений торговых и других связей с Китаем, ожидая с его стороны ответных шагов. Маоистская верхушка также искала путей улучшения китайско-американских отношений. Еще в ноябре 1968 г., после избрания Р. Никсона президентом США, она проявила инициативу: МИД КНР сделал американской стороне предложение возобновить закрытые переговоры в Варшаве и, отбросив в сторону «несущественные вопросы», заняться подготовкой соглашения между Китаем и США о пяти принципах мирного сосуществования. Началось взаимное дипломатическое зондирование. И хотя маоисты еще долго продолжали прикрываться принципом антиамериканизма, выступая с призывами «похоронить американский империализм», их практические акции преследовали прямо противоположные цели. Мао Цзэ-дун, продолжая свою старую линию 1943—1944 гг. на установление тесных связей с США, дал знать американцам, что он приветствовал бы визит президента Р. Никсона в Китай для установления непосредственных контактов с ним. Затем в Пекине тайно был принят советник президента Г. Киссинджер, с которым были согласованы вопросы, относящиеся к двусторонним переговорам на высшем уровне. Почва для сближения была подготовлена.

Визит президента США в КНР состоялся в феврале 1972 г. В итоге проведенных переговоров было опубликовано так называемое Шанхайское коммюнике, в котором китайская и американская стороны заявили о готовности содействовать нормализации взаимоотношений и строить их на основе принципов мирного сосуществования. В коммюнике была зафиксирована договоренность поддерживать постоянные дипломатические контакты «по различным каналам», а также развивать научные, технические, культурные и другие обмены. Особо подчеркивалась заинтересованность сторон в развитии торгово-экономических связей. Пекин, однако, не решился на установление обычных дипломатических отношений.

с США, поскольку ему не удалось добиться принятия его условий, касающихся Тайваня. США не только отказались порвать связи с тайваньским режимом, но и подтвердили свои обязательства по заключенному с ним военному договору. В Шанхайском коммюнике американская сторона лишь высказала «свою заинтересованность в мирном разрешении вопроса о Тайване самими китайцами» и согласилась сокращать численность своих вооруженных сил и военных сооружений на Тайване, но «постепенно», «по мере разрядки напряженности в этом районе».

Хотя переговоры во время визита Р. Никсона не привели к устранению основных противоречий между КНР и США, их результаты свидетельствовали о заинтересованности обеих сторон в сглаживании этих противоречий и достижении соглашений, которые позволили бы каждой из них найти новую форму взаимоотношений между двумя странами.

Новый этап в китайско-американских отношениях был отмечен значительным развитием политических связей между двумя странами, заметным сближением их позиций по ряду важных международных проблем, возрастающим обменом всякого рода делегациями и корреспондентами, расширением торговли. Своеобразие этого этапа состоит в том, что сближение сторон происходит в условиях не только отсутствия обычных, нормальных дипломатических отношений, но и продолжения фактической оккупации Соединенными Штатами части территории КНР — о-ва Тайвань, что всегда рассматривалось китайской стороной как вооруженное вмешательство в ее внутренние дела. Хотя последнее обстоятельство и создает определенные трудности для Пекина, маоистская дипломатия проявляет готовность идти на существенные уступки, чтобы улучшить отношения с Соединенными Штатами.

Маоистские лидеры связывают с курсом на улучшение китайско-американских отношений далеко идущие расчеты, вытекающие из их великодержавных вожделений. Опираясь на поддержку США и их союзников или, во всяком случае, нейтрализуя их, маоисты надеются поднять международный статус Китая, обеспечить себе ведущую роль в мировых делах, в частности в ООН, и таким путем ослабить недовольство китайского народа, разжечь в нем великодержавный шовинизм, укрепить позиции маоистского режима внутри страны. Китайско-американское сближение, по расчетам Пекина, должно стимулировать соперничество между основными капиталистическими странами в развитии отношений с Китаем и дать ему возможность, используя противоречия между этими странами, воздействовать на них в интересах своей великодержавной политики. Наконец, маоистское руководство

надеется через торгово-экономическое сотрудничество с США и с другими капиталистическими странами получить необходимые средства, промышленное оборудование, научно-техническое содействие в целях усиления индустриальной базы и военного потенциала КНР.

Однако сближению КНР с США, как и с некоторыми их союзниками, противодействует целый ряд факторов (различие социально-экономических систем, отрицательное отношение империалистических держав к перспективе усиления Китая, непрочность позиций маоистского режима и неуверенность держав в ценности долговременных соглашений с ним, неразрешенность проблемы Тайваня и стремление некоторых государств к отрыву его от КНР, столкновение интересов Китая и США в странах «третьего мира», соперничество в отношениях с Японией, а также достигнутое благодаря конструктивно-миролюбивой политике Советского правительства существенное улучшение отношений между СССР, с одной стороны, и США, странами Западной Европы и Японией — с другой, незаинтересованность названных стран в подрыве этих отношений ради сближения с маоистским Китаем на фактически выдвигаемых им условиях антисоветской конфронтации). Это вызывает раздражение пекинского руководства и заставляет его прибегать к различного рода маневрам, что предопределяет сложный, временами зигзагообразный характер развития китайско-американских отношений.

Вскоре после визита Р. Никсона в КНР китайское руководство было вынуждено несколько затормозить процесс сближения, что было связано с реакцией маоистов на успех советско-американских переговоров, имевших место в Москве весной 1972 г. Пекин в то время переключил свои усилия на улучшение отношений с Японией и Западной Европой, рассчитывая таким путем воздействовать и на политику США.

После прекращения войны во Вьетнаме, которая долгое время затрудняла развитие контактов между Пекином и Вашингтоном, стороны предприняли попытки вновь активизировать процесс сближения. В феврале 1973 г., в ходе очередного — пятого — визита Г. Киссинджера в КНР, был проведен новый тур китайско-американских переговоров. В совместном коммюнике стороны зафиксировали свое единодушие в том, что «настало время для ускорения процесса нормализации отношений». С этой целью они договорились расширить свои контакты во всех областях и, в частности, согласовали конкретную программу расширения торговли, а также обменов в области науки и культуры. Важнейшим результатом переговоров явилось решение об обмене «группа-

ми связи» на правительственном уровне, которые учреждались вместо посольств, но фактически теперь выполняют все их функции и обладают дипломатическим статусом. Это означало существенную уступку со стороны Пекина, который, отойдя от традиционной политики КНР, согласился на обмен дипломатическими представителями со страной, поддерживающей официальные союзнические отношения с чанкайшистским режимом на Тайване. Такая уступка рассматривается политическими обозревателями многих стран как «сползание» Пекина в сторону фактического признания концепции «двух Китаев».

В марте 1973 г. было объявлено о сформировании «групп связи». При этом стороны постарались подчеркнуть уровень достигнутой «нормализации» отношений между ними, договорившись о назначении главами «групп связи» своих наиболее известных дипломатов, являвшихся ранее послами в других государствах: главой «группы связи» США в Пекине был назначен Дэвид Брюс, представлявший до этого свою страну последовательно в Париже, Бонне, Лондоне; группу связи КНР в Вашингтоне возглавил член ЦК КПК, бывший посол в Париже Хуан Чжэнь.

Параллельно с развитием политических контактов принимались меры к расширению торгово-экономических связей. В марте 1973 г. в США был создан Национальный совет содействия американо-китайской торговле, который должен служить направляющим центром деловых связей американских монополий с Китаем. В организации Совета приняли участие представители многих крупных монополий — председатель правления «Чэйз Манхэттен Бэнк» Д. Рокфеллер, президент «Боинг Компани» М. Уилсон, президент «Вестингауз Электрик Корпорейшн» Д. Бэрнхэм и др. Как отмечалось в американской печати, Национальный совет содействия американо-китайской торговле — первая организация подобного рода, создаваемая при прямой поддержке правительства и функционирующая в тесной связи с ним. Под эгидой указанной организации и вне ее рамок возникали и другие объединения американских бизнесменов, стремящихся к проникновению на китайский рынок. Ряд крупных финансистов США высказались за создание банковских групп, которые будут готовы принять на себя кредитование китайско-американской торговли.

Власти КНР делали все, чтобы заинтересовать американские монополии в китайском рынке. Начиная с 1972 г. американские коммерсанты по приглашению торговых организаций КНР регулярно участвуют в традиционных весенней и осенней ярмарках в Гуанчжоу.

Деловые связи постепенно завязываются также между

финансовыми организациями КНР и американскими банкирами. Летом 1973 г. Китай посетил упомянутый выше председатель правления одного из крупнейших банков США «Чэйз Манхэттен Бэнк» Д. Рокфеллер. В Пекине было достигнуто соглашение о том, что этот банк будет вести операции с Народным банком Китая.

Заметное оживление отношений между КНР и США, наметившееся после визита Г. Киссинджера в Пекин в феврале 1973 г., вскоре снова сменилось некоторым спадом активности в развитии этих отношений. Причина заключалась прежде всего в том, что китайское руководство раздраженно реагировало на результаты визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США. Советско-американские соглашения, достигнутые во время визита, были восприняты пекинскими лидерами как серьезный удар по их расчетам на сохранение напряженности между СССР и Соединенными Штатами. Недовольство маоистов вызывало и то, что, несмотря на прекращение войны во Вьетнаме, американцы уклонялись от выполнения зафиксированного в Шанхайском коммюнике обещания «постепенно сокращать свои вооруженные силы и военные сооружения на Тайване по мере разрядки напряженности в этом районе» и продолжали в официальных заявлениях подчеркивать верность своим обязательствам относительно военной поддержки чанкайшистского режима. Усиление вооруженного вмешательства США в камбоджийские дела также ставило Пекин в затруднительное положение. Все это к тому же осложнялось нараставшей внутренней борьбой в маоистской верхушке и оппозицией широких кругов китайской общественности курсу на сближение с США. В такой обстановке пекинские лидеры, готовясь к проведению X съезда КПК, предпочли временно затормозить осуществление указанного курса в надежде использовать это как средство очередного нажима на Вашингтон.

Китайской стороной была, в частности, нарушена договоренность о новом визите Г. Киссинджера в КНР, который намечался на июль — август. Этот визит, задуманный в Вашингтоне с целью ослабить отрицательную реакцию Пекина на улучшение советско-американских отношений, поддержать престиж маоистского режима и договориться о расширении сотрудничества с ним, не мог состояться еще в течение нескольких месяцев. Китайское руководство задержало также реализацию согласованной программы культурных и научных обменов между КНР и США. Видимо, у Пекина не нашла поддержки идея вторичного визита в КНР президента Р. Никсона, хотя он в конце мая при встрече с делегацией китайских журналистов, посетившей Вашингтон, выразил намерение совершить такой визит. Симптоматичным было и

прекращение газетных публикаций по поводу предполагавшегося визита Чжоу Энь-лая в Соединенные Штаты. В беседе с американскими конгрессменами, посетившими Пекин, Чжоу Энь-лай осудил бомбардировки Камбоджи авиацией США и заявил, что не приедет в Вашингтон, пока там находится посольство Тайваня.

Правительство США, не изменяя своей линии в китайских делах, судя по всему, было вынуждено учесть настроения пекинских партнеров и трудности, с которыми они столкнулись в осуществлении курса на сближение с Америкой. Вашингтоном было принято решение о прекращении с 30 июня 1973 г. военной помощи Тайбэю, что, однако, не связывалось с вопросом о военно-политическом союзе между США и чанкайшистской кликой, который продолжает оставаться в силе. В конце августа правительство США объявило о решении вывести с Тайваня соединение транспортной авиации, насчитывающее в своем составе 3 тыс. человек (примерно $1/3$ общего числа американских военнослужащих на Тайване). Хотя эти мероприятия были продиктованы не только внешнеполитическими соображениями, они должны были, по замыслу Вашингтона, стимулировать улучшение китайско-американских отношений.

В середине ноября 1973 г. Пекин в шестой раз посетил Г. Киссинджер, теперь уже в качестве государственного секретаря США. Он имел длительную беседу с Мао Цзэ-дуном, а также вел переговоры с Чжоу Энь-лаем, Цзи Пэн-фэем и другими китайскими официальными лицами. Согласно заявлению Р. Никсона, на сей раз китайско-американские переговоры прошли даже лучше, чем предыдущие[77]. В совместном коммюнике, опубликованном 14 ноября, отмечалось, что в итоге переговоров стороны высказали намерение «и впредь прилагать усилия для содействия нормализации отношений между Китаем и США на основе Шанхайского коммюнике». Они условились поддерживать «частые контакты на авторитетных уровнях» и шире практиковать консультации по конкретным вопросам, представляющим взаимный интерес. Была достигнута договоренность о расширении функций «групп связи» путем включения в них консульской, торговой, информационной служб и согласована программа дальнейшего увеличения различных обменов между КНР и США.

По настоянию китайской стороны в совместное коммюнике и на этот раз был включен вопрос о Тайване — самый острый, не находящий решения вопрос. Если сравнить ука-

---

[77] Из речи Р. Никсона на съезде Национальной ассоциации агентств по продаже собственности 15 ноября 1973 г. См. «Washington Post», 16.XI. 1973.

занное коммюнике с документами предыдущих китайско-американских встреч, то станет очевидным, что Пекин пошел на дальнейшие уступки в этом вопросе: хотя китайское руководство продолжало заявлять о необходимости освобождения Тайваня, фактически оно уже не требовало вывода вооруженных сил с Тайваня и ликвидации там всех военных сооружений США. Пекинская дипломатия проявила готовность «не спешить» с урегулированием тайваньской проблемы. Это дало американцам основание считать, что Тайвань не является препятствием для улучшения отношений между США и Китаем. Позиция КНР по вопросу о Тайване, согласно заявлению помощника государственного секретаря, остается «неопределенной» и США за то, чтобы сохранить эту неопределенность.

В целом, несмотря на отмеченные противоречия, сложности и перепады в развитии китайско-американских отношений, они достигли к концу 1973 г. определенного прогресса.

Значительно расширились двусторонние политические контакты на высоком уровне, что привело к существенному изменению позиции Пекина по ряду международных проблем в сторону фактической поддержки политики США и их союзников. Маоистские лидеры теперь открыто высказываются за сохранение военного присутствия США в Европе и Азии. Как отмечает западная печать, пекинское правительство в настоящее время «не желает немедленного свертывания сил американского 7-го флота в западной части Тихого океана и не поднимает шума по поводу американских баз в Японии»[78]. Дэн Сяо-пин и Цзи Пэн-фэй в беседах с японскими представителями выразили новый подход Пекина к оценке японо-американского «договора безопасности», заявив, что этот договор полезен Японии, поскольку, дескать, помогает ей «отразить угрозу извне»[79]. США используют в своих интересах негативную позицию Пекина по таким важнейшим вопросам, как созыв международной конференции по разоружению, принятие мер к укреплению международной безопасности и мирного сотрудничества между государствами, создание системы коллективной безопасности в Азии, урегулирование конфликта на Ближнем Востоке, смягчение напряженности на Индостанском п-ове и др.

Сближение КНР с США привело к значительной активи-

---

[78] «Daily Telegraph», 23.II.1973.

[79] Из заявления Дэн Сяо-пина на встрече с делегацией либерально-демократической партии Японии во главе с Т. Кимура в январе 1974 г. См. также заявление Цзи Пэн-фэя на беседе с делегацией японских парламентариев 12 октября 1973 г. («Майнити», 17.X.1973).

зации торгово-экономических связей между ними, особенно в 1973 г. Объем двусторонней торговли, составлявший в 1971 г. всего лишь 4,9 млн. долл., а в 1972 г.— 92,5 млн., согласно сообщению министерства торговли США, увеличился в 1973 г. до 753,6 млн. долл. США занимают сейчас второе место (после Японии) среди капиталистических стран — торговых партнеров КНР. Однако китайско-американская торговля носит крайне однобокий характер: она ведется с огромным дефицитом для КНР. Китайский экспорт в США в 1973 г. равнялся всего лишь 64 млн. долл., тогда как импорт из США составил 689,6 млн. долл. Такое положение вызывает, естественно, беспокойство у китайцев.

Резкое увеличение объема торговли произошло в последние два года в основном за счет крупных сделок на закупку Китаем в США самолетов «Боинг-707» (на сумму 150 млн. долл.) и продовольствия: 3,2 млн. *т* пшеницы, 630 тыс. *т* кукурузы, 950 тыс. *т* соевых бобов, а также 755 тыс. кип хлопка (на общую сумму около 700 млн. долл.) [80]. В 1973 г. правительство КНР подписало также новые крупные контракты: с американской компанией «Келлог» — на строительство восьми заводов по производству аммиака (общей стоимостью 200 млн. долл.) и с компанией «Ар-Си-Эй Глобал Коммюникэйшн» — на расширение действующих в Китае телекоммуникационных станций (5,7 млн. долл.) [81].

Китай экспортировал в США кустарные изделия, продукцию легкой промышленности, минеральное сырье, некоторое количество химикатов. Крайняя ограниченность экспортных ресурсов КНР, специфика товарной структуры китайского экспорта, не обеспечивающая ему большого спроса на американском рынке, по существу, исключают возможность развития сбалансированной двусторонней торговли большого масштаба. Американские монополии рассчитывают укрепить свои позиции в китайской торговле с помощью крупных долгосрочных кредитов, однако правительство КНР, исходя из соображений внутренней политики и, видимо, учитывая свою неподготовленность к эффективному использованию таких кредитов, пока воздерживается от принятия соответствующих предложений американцев.

Расширяются всякого рода обмены между КНР и США, осуществляемые по линии правительственных, общественных, научных, культурных, спортивных и других организаций. Как сообщалось в американской печати, с апреля 1971 г. до августа 1973 г. в США в составе специальных делегаций (жур-

---

[80] «New York Times», 23.VIII.1973.
[81] «New York Times», 5.I.1973.

налистов, физиков, врачей, библиотечных работников, спортсменов) побывало около 300 китайцев, а в КНР — около 3 тыс. американцев (политических деятелей, бизнесменов, ученых, журналистов, студентов).

Все это способствует созданию новой атмосферы в китайско-американских отношениях и, что особенно примечательно, приводит к резкому изменению поведения обеих сторон в области пропаганды. Пекин, по существу, сворачивает идеологическую борьбу против американского империализма. Если в программных документах IX съезда КПК (апрель 1969 г.) американский империализм характеризовался как «злейший враг народов всего мира», которого в первую очередь предстояло «разгромить» и «похоронить», то в документах X съезда (август 1973 г.) подобные тезисы полностью опущены и США рассматриваются, по существу, уже в качестве второстепенного противника, с которым не только возможны, но и необходимы «компромиссы», облегчающие, дескать, борьбу с «главным противником» (а таковым, как известно, маоисты называют Советский Союз).

В Соединенных Штатах, в свою очередь, культивируется новый пропагандистский подход к освещению политики Пекина и положения в КНР, подчиненный целям поддержки маоистского режима и распространения американского влияния на широкие слои китайского общества.

Курс на сближение между КНР и США проводится маоистами за счет ухудшения отношений КНР с социалистическими странами, в ущерб их общим интересам, а равно в ущерб делу строительства социализма в Китае.

ОТНОШЕНИЯ КНР С ЯПОНИЕЙ

До 1972 г. усилия КНР добиться дипломатического признания со стороны Японии не имели успеха. В качестве законного правительства Китая Япония признавала чанкайшистский режим на Тайване. Экономические, политические и культурные связи между КНР и Японией в период 1949—1972 гг. развивались на неофициальном уровне. КНР установила за эти годы тесные отношения со всеми парламентскими оппозиционными политическими партиями Японии — Социалистической, Комэйто, Партией демократического социализма. С конца 50-х годов тесные регулярные контакты на частном уровне поддерживались также с видными деятелями правящей Либерально-демократической партии. Единственной политической партией Японии, с которой маоистское руководство со второй половины 60-х годов прекратило всякие связи, является Коммунистическая партия. Несмотря

на отсутствие дипломатических отношений, Япония прочно заняла положение ведущего торгового контрагента КНР. В 1972 г. объем китайско-японской торговли превысил 1 млрд. долл.

Дипломатические отношения между КНР и Японией были установлены в ходе визита в Пекин японского премьера К. Танака (25—29 сентября 1972 г.). Это событие было ускорено китайско-американским сближением и состоявшимся визитом в Пекин Р. Никсона.

В конце января 1973 г. Япония и КНР обменялись посольствами. Первоначально их возглавляли временные поверенные, а с марта 1973 г.— послы (со стороны КНР — Чэнь Чу, со стороны Японии — Х. Огава).

1973 год характеризовался активными усилиями КНР в развитии всесторонних контактов с Японией. Резко возрос обмен визитами с целью выяснения взаимных интересов, взглядов и возможностей. С сентября 1972 г. по июнь 1973 г. 53 китайские делегации посетили Японию; КНР за первую половину 1973 г. посетила 91 японская делегация. Показателен при этом не только рекордно высокий количественный уровень обмена, но и представительный характер направленных делегаций. По приглашению китайской стороны в январе 1973 г. КНР посетила совместная делегация правительственных и деловых кругов Японии во главе с министром внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ. В состав делегации входили виднейшие лидеры делового мира Японии. В сентябре КНР посетила влиятельная экономическая делегация во главе с президентом Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн) К. Уэмура. С визитами в КНР побывали министр почты и телеграфа Японии Т. Куно (май), председатель палаты советников японского парламента К. Коно (август), делегация японских парламентариев во главе с председателем комиссии палаты представителей по иностранным делам К. Фудзии (октябрь), видные деятели правящей Либерально-демократической партии, пользующиеся особым доверием и благосклонностью Пекина, А. Фудзияма (июнь), Х. Кавасаки (июнь), Ё. Фуруи и С. Тагава (сентябрь), К. Окадзаки (ноябрь) и др. Японские делегации принимались на уровне Чжоу Энь-лая, Цзи Пэн-фэя, Ляо Чэн-чжи и других ответственных деятелей.

Среди китайских делегаций, посетивших Японию в 1973 г., следует особо выделить делегацию Общества китайско-японской дружбы в составе 55 человек во главе с Ляо Чэн-чжи (апрель — май) и экономическую миссию в составе 33 человек во главе с руководителем китайской Ассоциации содействия международной торговле Лю Си-вэнем (сентябрь — октябрь). В количественном отношении и по пред-

ставительности это были самые значительные из делегаций, какие КНР направляла за рубеж в последние годы. Делегация Ляо Чэн-чжи была принята премьером Японии К. Танака, министром иностранных дел М. Охира, заместителем премьера Т. Мики, министром внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ и другими видными политическими деятелями Японии, влиятельными представителями делового мира. Большое внимание делегация уделила укреплению контактов с пропекинской частью китайской эмиграции в Японии. Программа пребывания в Японии миссии Лю Си-вэня включала посещение более 50 крупнейших промышленных предприятий, встречи с премьером К. Танака, министрами правительства М. Охира, К. Аити, Я. Накасонэ, Д. Косака и др. Особое внимание было обращено на установление тесных контактов с крупнейшими монополистическими объединениями (Мицуи, Мицубиси). Экономические миссии составили значительную часть китайских делегаций, посетивших Японию в 1973 г.

В ходе переговоров с японской стороной рассматривались вопросы двусторонних политических и экономических отношений, а также широкий круг международных проблем, включая отношения со странами Азии, с США, Советским Союзом. Китайское руководство демонстрировало заинтересованность во всестороннем сотрудничестве с Японией, готовность к согласованию позиций и разграничению сферы экономических интересов в Юго-Восточной Азии. Яркое проявление эта позиция Пекина нашла, в частности, в ходе переговоров Чжоу Энь-лая с Я. Накасонэ[82]. Было неоднократно подтверждено изменение подхода Пекина к японо-американскому «договору безопасности» и фактору военного присутствия США в Азии. В беседах с японскими делегациями Чжоу Энь-лай и Цзи Пэн-фэй недвусмысленно высказались в пользу сохранения «договора безопасности», изображая его как оборонительный союз, необходимый Японии якобы в связи с «угрозой» ей со стороны Советского Союза. Стремясь придать деятельности империалистических сил в Азии сугубо антисоветскую направленность, в Пекине делали вид, что сближение с США и нормализация дипломатических отношений с Японией сняли антикитайскую направленность этого империалистического союза[83]. По словам японского премьера К. Танака, «в данное конкретное время как договор безопасности, так и 7-й флот содействуют улучшению отношений между КНР и США. Все должны понять такой

[82] «Асахи», 22.I.1973 (вечерний выпуск).

[83] См.: Беседы Чжоу Энь-лая с Т. Кимура («Акахата», 19.I.1973; «Асахи», 29.I.1973 и др.), Цзи Пэн-фэя с делегацией во главе с К. Фудзии («Акахата», 17.XII.1973; «Майнити», 17.XII.1973).

поворот событий». «Ни одна из стран Азии,— заявил Танака,— включая континентальный Китай, не стремится удалить США из этого района»[83а].

Лозунг борьбы против японо-американского «договора безопасности» и японского милитаризма, не сходивший со страниц китайской прессы с 50-х годов, был снят.

Неотъемлемым компонентом бесед китайских лидеров с японскими представителями, характернейшей чертой всей пропагандистской деятельности Пекина в отношении Японии был воинствующий антисоветизм. Маоистское руководство назойливо демонстрировало свою «солидарность» с Японией в территориальных притязаниях к Советскому Союзу, пыталось утвердить себя в качестве заинтересованной стороны в вопросах экономического сотрудничества Японии с Советским Союзом, чтобы не допустить участия Японии в разработке природных ресурсов Сибири, сорвать процесс укрепления японо-советских отношений[84]. Враждебные антисоветские публикации в связи с так называемой проблемой северных территорий, советской идеей коллективной безопасности в Азии не сходили в течение года со страниц «Жэньминь жибао» и других китайских изданий. Особый упор на обработку общественного мнения Японии в духе антисоветизма отмечался в период, предшествовавший визиту премьера К. Танака в Москву. Дело дошло до того, что с демагогическим требованием к Советскому Союзу вернуть Японии «ее четыре северных острова» Чжоу Энь-лай выступил с трибуны X съезда КПК. С аналогичным требованием 2 октября 1973 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступил Цяо Гуань-хуа. Одновременно в Пекине проявляли чрезвычайную активность в пропаганде особой «дружбы» с Японией. Пышно отмечалась годовщина нормализации дипломатических отношений (сентябрь).

В беседах с японскими делегациями китайские руководители выразили свое удовлетворение в связи с позицией Японии на переговорах в Москве по «территориальной проблеме», а также с отсутствием в коммюнике о переговорах упоминания о коллективной безопасности в Азии.

Объектом резкой критики и подрывных действий со стороны Пекина оставалась в 1973 г. КПЯ. С грубыми выпадами против нее неоднократно выступал, в частности, Ляо

[83а] «United States News and World Report», November 26, 1973, vol. LXXV, № 22, стр. 81.

[84] См., например, беседы Чжоу Энь-лая с Т. Кимура («Иомиури», 29.I.1973), Я. Накасонэ («Асахи», 22.I.1973, вечерний выпуск), К. Уэмура («Иомиури», 11.IX.1973). См. также заявление Ляо Чэн-чжи японским журналистам («Иомиури», 12.III.1973).

Чэн-чжи[85], в том числе во время своего визита в Японию[86].

Наиболее ощутимым результатом восстановления дипломатических отношений между КНР и Японией явилась резкая активизация торговых связей. В 1973 г. объем торговли составил более 2 млрд. ам. долл. В импорте КНР из Японии преобладали сталь, прокат, железо, станки, машины, удобрения, в экспорте — текстиль, продовольствие, некоторые виды сырья. В Японию поставлено около 1 млн. *т* нефти. КНР выразила готовность сотрудничать с Японией в преодолении ею энергетического кризиса. Особый упор КНР делала на приобретение в Японии комплектного заводского оборудования, а также судов. За период с сентября 1972 г. по сентябрь 1973 г. между КНР и Японией были подписаны и велись переговоры о заключении более 20 таких контрактов на общую сумму более 500 млн. долл.[87]. В сентябре 1973 г. была достигнута договоренность о крупном контракте на поставку в КНР японского комплектного прокатного оборудования на сумму 377 млн. долл[88].

Несмотря на усилия Пекина, процесс перевода отношений между КНР и Японией в русло межправительственных договоров и соглашений развивался медленно. В 1973 г. было заключено первое и единственное межправительственное соглашение о прокладке между КНР и Японией подводного кабеля (май). Осложнились переговоры об авиационном соглашении, подписание которого намечалось еще на конец 1972 г. Не начинались еще переговоры по соглашению о судоходстве. Из-за разногласий между сторонами межправительственное соглашение по рыболовству также не подписано (срок частного японо-китайского рыболовного соглашения истек в июне 1973 г.; по договоренности сторон, срок действия соглашения был продлен). На целый год затянулись переговоры о межправительственном торговом договоре, парафирование его состоялось 12 декабря 1973 г. Договор заключен сроком на три года, стороны договорились о взаимном распространении режима наибольшего благоприятствования, о содействии техническому обмену, о порядке расчетов, арбитраже. В Пекине выражали недовольство отсутствием быстрого прогресса в заключении двусторонних межправительственных соглашений[89].

К переговорам о подписании договора о мире и дружбе

---

[85] См. его заявление японским журналистам («Иомиури», 12.III.1973; «Акахата», 14.III.1973).

[86] «Акахата», 9.V.1973.

[87] «Боэки то кандзэй», 1973, № 11.

[88] «Japan Metal Daily», September, 12.1973.

[89] См., например, заявление Чжоу Энь-лая в беседе с Х. Кавасаки («Нихон кэйдзай», 6.VI.1973).

в соответствии с Совместным коммюнике от 29 сентября 1973 г. КНР и Япония в том году не приступали.

Сложной проблемой между КНР и Японией остается Тайвань. Несмотря на разрыв дипломатических отношений с Тайванем, Япония продолжает развивать разносторонние связи с ним на неофициальном уровне (за первое полугодие 1973 г. торговля Японии с Тайванем возросла более чем на 60% по сравнению с тем же периодом 1972 г.). Нежелание Японии свертывать связи с Тайванем задержало заключение межправительственного авиационного соглашения. КНР стремится избежать обострения отношений с Японией в связи с Тайванем, но очевидно, что практического решения тайваньской проблемы в китайско-японских отношениях не найдено.

Между КНР и Японией имеет место спор по вопросу о принадлежности о-вов Сэнкаку, в районе которых обнаружено месторождение нефти.

КНР И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Китай является одной из стран — учредительниц Организации Объединенных Наций. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. место в ООН по праву должно было перейти к правительству КНР — единственному представителю китайского народа. Но более 20 лет ее место в ООН занимали представители режима Чан Кай-ши. В течение всех этих лет вопрос о восстановлении законных прав КНР ежегодно ставился на повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Советского Союза и других социалистических стран. Однако из-за позиции США и их союзников этот вопрос не получал положительного решения. И только XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН 25 октября 1971 г. приняла резолюцию, которая предусматривала незамедлительное восстановление прав КНР в ООН и изгнание чанкайшистов из всех ее органов (за прием КНР в ООН проголосовало 76 делегаций, в том числе делегации социалистических стран, против — 35 и 17 воздержалось) [90].

Восстановление прав КНР в ООН стало возможным по следующим основным причинам. Во-первых, в 60—70-х годах, с приходом многочисленной группы афро-азиатских стран, добившихся независимости, изменилась расстановка сил в ООН. США утратили в этой организации свое былое влияние, укрепился антиимпериалистический фронт социалистических и развивающихся стран. Во-вторых, к 1971 г. из-

---

[90] «Жэньминь жибао», 28.X.1971.

менилось отношение Пекина к ООН. Китайские лидеры отказались от огульного охаивания ее деятельности, стали выражать заинтересованность в восстановлении прав КНР в ООН, сняли три из четырех выдвигавшихся ими ранее предварительных условий (пересмотреть Устав ООН в целях выдворения из нее «империалистических марионеток», отменить резолюцию 1950 г., объявлявшую Китай агрессором, принять новую резолюцию, которая бы заклеймила США как агрессора в Корее), оставив лишь одно требование — изгнать из ООН и всех ее органов представителей чанкайшистского режима. В-третьих, Пекин предпринял шаги по улучшению отношений с капиталистическими странами, в частности со своим бывшим врагом номер один — США.

Большинство государств, голосовавших в пользу КНР (а это были главным образом социалистические и независимые развивающиеся страны), связывали с этим надежду на то, что приход КНР в ООН сыграет положительную роль в повышении эффективности организации в борьбе за укрепление международного мира и безопасности, развитие взаимопонимания и сотрудничества между народами. Однако эти надежды не оправдались. Объявив решение о восстановлении прав КНР в ООН «победой пролетарской революционной линии» [91] Мао Цзэ-дуна в области внешней политики, китайские лидеры в соответствии со своим великодержавно-шовинистическим курсом воспользовались трибуной этой организации для нанесения максимального ущерба прежде всего социалистическому содружеству, национально-освободительному движению, всем миролюбивым силам, нацелили свои усилия на подрыв любых международных акций, направленных на обуздание сил агрессии и войны, на обеспечение мира и безопасности народов.

Проблема разоружения. Первые же выступления китайских представителей на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН показали, что, поддерживая на словах идею разоружения, Пекин на деле категорически ее отвергает. Так, на рассмотрение этой сессии было внесено восемь вопросов, касающихся разоружения: вопрос о запрещении химического и бактериологического оружия, предложение Советского Союза о созыве Всемирной конференции по разоружению (оно явилось одним из основных пунктов повестки дня), конвенция о запрещении бактериологического оружия, проекты, связанные с вопросом о прекращении испытаний ядерного оружия, и др. По всем этим вопросам китайская делегация заняла негативную позицию. Пекинское руководство отказалось присоединиться к договорам о запрещении ядерных испытаний

---

[91] «Жэньминь жибао», 30.X.1971.

в трех сферах, о нераспространении ядерного оружия, о запрещении использования в военных целях космоса, дна морей и океанов. Оно квалифицировало советско-американское соглашение о предотвращении ядерной войны не иначе как «сговор». В то же время за три года участия в работе ООН китайские представители не выдвинули ни одного собственного конструктивного предложения по вопросам разоружения.

Заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа мотивировал негативную позицию КНР тем, что разоружение, дескать, не соответствует интересам многих народов, борющихся за национальное освобождение, что за гонку вооружений ответственны две «сверхдержавы» и что вместо ядерного разоружения якобы они «состряпали» договоры о частичном запрещении ядерных испытаний, о нераспространении ядерного оружия и т. п., которые служат прикрытием для укрепления их ядерной монополии. Что же касается Китая, то он вооружается «исключительно в целях самообороны» [92]. Предварительными условиями переговоров по разоружению Китай выдвинул требования, чтобы СССР и США взяли односторонние обязательства: «во-первых, никогда не применять ядерного оружия первыми, не применять ядерное оружие против неядерных стран и зон, свободных от ядерного оружия; во-вторых, вывести все расположенные на чужих территориях войска, оснащенные ядерным оружием, ликвидировать все ядерное оружие и средства его доставки» [93].

Выдвижение этих ультимативных требований является явно несостоятельным, поскольку, во-первых, в них вообще обойден вопрос о полном запрещении применения ядерного оружия всеми ядерными странами и, во-вторых, вопрос о выводе войск с чужих территорий можно решить только путем переговоров и обсуждений всех ядерных и неядерных стран.

XXVI сессия Генеральной Ассамблеи одобрила проект Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, значение которой трудно переоценить, поскольку речь идет о ликвидации целого класса чрезвычайно опасного оружия. Эта конвенция явилась первой в истории международных отношений мерой фактического разоружения. Китайские представители выступили против этого решения, усмотрев в нем «продукт сговора между СССР и США». За резолюцию проголосовало 110 стран, воздержалась одна. Делегация КНР отказалась принять участие в голосовании [94].

---

[92] «Жэньминь жибао», 26.XI.1971.
[93] «Жэньминь жибао», 26.XI.1971, 7.X.1972.
[94] ООН и поддержание международного мира, М., 1973, стр. 89.

Особо провокационную позицию заняла делегация КНР при обсуждении советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Китайский представитель предложил, чтобы советский проект резолюции о созыве конференции вообще не ставился на голосование, так как в нем якобы заинтересована лишь «одна сверхдержава», т. е. Советский Союз [95]. Но в условиях полной поддержки советского предложения делегациями большинства государств китайская делегация была вынуждена проголосовать за проект резолюции, которую перед этим гневно осуждала. Проект резолюции предусматривал создание Комитета в составе 35 государств, куда обязательно должны были войти пять ядерных держав. Проголосовав за резолюцию, китайские представители не прекратили своей деятельности, направленной на срыв конференции. Уже после утверждения резолюции XXVII сессией Генеральной Ассамблеи делегация КНР заявила, что Китай включили в Комитет 35-ти вопреки его желанию и поэтому-де «формирование комитета незаконно». Следует в этой связи отметить, что ранее китайские руководители официально отвергли предложение Советского Союза о созыве конференции пяти ядерных держав — США, СССР, КНР, Франции и Англии — для рассмотрения вопросов ядерного разоружения, заявив, что они не хотят вести переговоры «за спиной неядерных стран» [96]. Когда же было принято решение о созыве Всемирной конференции, Китай стал маневрировать и прилагать все силы, чтобы не допустить ее созыва. XXVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН подтвердила необходимость созыва Всемирной конференции по разоружению и постановила создать для этой цели специальный комитет в составе 40 государств, не обладающих ядерным оружием. Согласно резолюции, ядерные державы приглашаются «сотрудничать или поддерживать контакт с этим комитетом при том понимании, что они будут обладать такими же правами, что и назначенные члены комитета» [97]. Единодушие участников сессии, выраженное по этому вопросу, несмотря на отрицательную позицию Китая, создает более благоприятные условия для продолжения работы в этой области.

При голосовании на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи резолюции, призывавшей «ядерные державы воздерживаться от проведения дальнейших ядерных и термоядерных испытаний, будь то под землей, под водой и в земной атмосфере», против голосовали только делегации КНР и Албании (71 де-

---

[95] «Международная жизнь», 1972, № 3, стр. 15.
[96] «Жэньминь жибао», 17, 26, 29.XI.1971.
[97] «Международная жизнь», 1974, № 12, стр. 158.

легация «за», 38 воздержалось)[98]. При этом делегация Китая, несмотря на протесты многих стран, цинично заявила, что Китай будет продолжать ядерные испытания в атмосфере[99].

На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи представитель Пекина столь же враждебно реагировал на советское предложение о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия. 29 ноября 1972 г. подавляющим большинством голосов (75 делегаций, включая социалистические, а также большинство неприсоединившихся стран) была принята резолюция, в которой от имени государств — членов ООН торжественно заявлялось об их отказе от применения силы или угрозы ее применения во всех ее формах и проявлениях в международных отношениях и о запрещении навечно применения ядерного оружия[100]. Против этого исторического решения выступили лишь делегации КНР, Албании, Португалии и расистского режима ЮАР. Демагогические утверждения Пекина о том, что принцип неприменения силы направлен якобы против национально-освободительного движения, были опровергнуты самими молодыми государствами, недавно освободившимися от колониализма, чьи представители отмечали, что советский проект ни в коей мере не лишает национально-освободительное движение его исторического права на вооруженную борьбу за освобождение и на самооборону, а также права борьбы за ликвидацию последствий агрессии[101].

По всем другим резолюциям по вопросам разоружения на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи делегация КНР либо голосовала против, либо воздерживалась от голосования. В частности, представители Пекина под надуманным предлогом отказались принимать участие в переговорах о запрещении химического оружия, вновь подвергли нападкам Договор о нераспространении ядерного оружия.

Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи, было советское предложение «О сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10% и об использовании части сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам». Это предложение сочетает в себе задачу закрепления политической и военной разрядки на международной арене и учитывает при этом интересы экономического развития развивающихся государств. 83 делегации

---

[98] ООН и поддержание международного мира, стр. 92.

[99] «Жэньминь жибао», 11.XII.1971.

[100] ООН и поддержание международного мира, стр. 98.

[101] «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 8, стр. 31.

проголосовали за это предложение и только две делегации против — Китая и Албании [102].

Резко негативное отношение на XXVIII сессии китайская делегация выразила и по всем другим предложениям, касающимся проблем разоружения и укрепления международной безопасности. В результате активного обсуждения вопроса об осуществлении Декларации об укреплении международной безопасности, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи по инициативе Советского Союза [103], Ассамблея приняла резолюцию, в которой отмечается неразрывная связь между осуществлением Декларации и дальнейшим процессом разрядки напряженности [104]. Делегация Китая предпочла не присутствовать на заседании и не участвовать в голосовании.

Вопросы колониализма и расизма. Деятельность представителей КНР в ООН показала, что позиции Пекина расходятся с позициями большинства развивающихся стран и стран социализма и по вопросам колониализма и расизма. КНР отказалась поддержать позиции афро-азиатских стран по шести из семи обсуждавшихся на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи вопросов, которые относились к борьбе народов против колониализма [105]. Характерно, что представители КНР на XXVI сессии демонстративно не участвовали в голосовании резолюции о претворении в жизнь Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, показав незаинтересованность Китая в быстром решении проблемы деколонизации [106]. XXVII сессия Генеральной Ассамблеи завершила обсуждение вопроса об осуществлении Декларации (принята в 1960 г. XV сессией по инициативе Советского Союза) [107]. Абсолютное большинство стран — членов ООН подчеркнули необходимость принять дополнительные меры с целью окончательной ликвидации остатков колониализма, усилить материальную и моральную поддержку народам, борющимся против колониального гнета [108]. Резким диссонансом прозвучало выступление представителя КНР, который пытался убедить народы колониальных стран, ведущие борьбу за свое освобождение, в том, что в этой борьбе они должны опираться только на собственные силы [109]. Подобные предложения нельзя было расценить иначе как попытку изолировать борцов за свободу Анголы, Мо-

---

[102] «Международная жизнь», 1974, № 2, стр. 42.
[103] Там же, стр. 45.
[104] Там же, стр. 156.
[105] «Правда», 12.I.1972.
[106] ООН и поддержание международного мира, стр. 107.
[107] Там же, стр. 101.
[108] «Международная жизнь», 1972, № 12, стр. 100.
[109] «Жэньминь жибао», 7.X.1972.

замбика, Гвинеи (Бисау), Родезии и других территорий от своих верных друзей — народов социалистических стран, всех антиимпериалистических сил, как явное стремление оставить народы колониальных стран один на один с империализмом.

На словах Пекин заявляет о поддержке борьбы порабощенных народов против колониализма и расизма, выдает себя за их «друга и защитника». 18 мая 1973 г. постоянный представитель КНР при ООН в своем выступлении в который раз заявил, что «китайское правительство последовательно выступает за строгие санкции против южнородезийских властей»[110]. На деле же, игнорируя многочисленные призывы ООН о бойкоте колонизаторов и расистов, выраженные в Конвенции о пресечении апартеида и наказании за него, в резолюциях о санкциях против расистских режимов в Южной Родезии и ЮАР, КНР поддерживала торговые отношения с Португалией и ее колониями, осуществляла непосредственные торговые связи с расистскими режимами, импортируя ежегодно 70 тыс. *т* родезийской хромовой руды[111]. На сельскохозяйственной выставке в Иоганнесбурге (ЮАР) в марте 1973 г. экспонировались различные китайские товары, экспортируемые Китаем в ЮАР[112].

Вопросы морского права. На последних сессиях Генеральной Ассамблеи ООН Пекин занял провокационные позиции по вопросам морского права (ширина территориальных вод, континентального шельфа, рыболовство, ресурсы морского дна, статус международных проливов).

Около ста государств признает ширину территориальных вод в 12 миль, вместе с тем около 30 государств, в основном страны Латинской Америки и Африки, заявили о расширении территориальных вод на разную величину, вплоть до 200 миль. Большинство государств придерживается позиции, что ширина территориальных вод должна определяться в соответствии с традиционным морским правом, в частности с международными конвенциями, принятыми на конференции по морскому праву, проходившей в Женеве в 1958 г., а также с Декларацией принципов, определяющих дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1970 г.[113], и др.

Китайские дипломаты пытаются использовать расхождения в вопросе ширины территориальных вод в своих раскольнических, а также антисоветских целях. Имея ширину

---

[110] «Гуанмин жибао», 24.V.1973.
[111] «Палавер», 5 — 11.IX.1973.
[112] Еженедельник «Политика», 10.XI.1973.
[113] См.: ООН и поддержание международного мира, стр. 168.

территориальных вод в 12 миль, Китай с целью подыграть некоторым развивающимся странам изменил свой подход к этой проблеме, главным образом для того, чтобы усложнить и запутать вопрос. Представители КНР вообще заявили, что «каждое государство вправе устанавливать ширину территориальных вод по своему усмотрению» [114].

Пекинское руководство четко разъяснило, в каком виде оно хочет получить компенсацию за свою поддержку позиции латиноамериканских стран, распространив в ООН в сентябре 1973 г. в качестве пресс-релиза комментарий агентства Синьхуа, озаглавленный «Новое развитие борьбы против океанского гегемонизма сверхдержав» [115], который был расценен в кругах ООН как откровенная попытка Пекина сколотить блок развивающихся государств, выступающих за национальную юрисдикцию над 200-мильной зоной территориальных вод, придав ему очевидную антисоветскую направленность.

Аналогичную позицию занял Китай и по другим вопросам морского права.

Ближневосточный кризис. При первом же участии делегации КНР в обсуждении ближневосточной проблемы на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи Китай оказался в одном стане с Соединенными Штатами и Израилем, выступив против проекта резолюции афро-азиатских стран, в которой указывалось на недопустимость захвата территорий силой и подчеркивалось, что установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке немыслимо без полного вывода израильских войск с оккупированных территорий [116].

Пытаясь завоевать доверие со стороны арабов, Пекин прямо не возражал против политического урегулирования кризиса и прекратил именовать резолюцию Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 г. «ближневосточным Мюнхеном», но продолжал по-прежнему выступать против этой резолюции. Ситуацию на Ближнем Востоке Пекин характеризовал как «борьбу двух сверхдержав за сферы влияния», заявляя, что СССР и США умышленно сохраняют положение «ни войны, ни мира» [117]. Китай приветствовал возобновление военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. в надежде столкнуть Советский Союз и Соединенные Штаты. В этом вопросе Пекин противопоставил себя всему прогрессивному миру, который направляет свои усилия на достиже-

---

[114] «Peking Review», 1972, № 33, стр. 13.
[115] «Жэньминь жибао», 12.IX.1973.
[116] «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, стр. 127.
[117] «Жэньминь жибао», 5.X.1972.

ние разрядки международной напряженности, на мирное урегулирование арабо-израильского конфликта. Выражением такой политики явилось принятие Советом Безопасности резолюции о прекращении огня на Ближнем Востоке [118], одобренной обеими воюющими сторонами. Единственная страна, которая отказалась поддерживать эту резолюцию, была КНР. Китайский представитель не поддержал также резолюцию Совета Безопасности о разъединении воюющих сторон и размещении чрезвычайных военных сил Организации Объединенных Наций между ними [119]. По заявлению агентства Синьхуа, только «учитывая просьбу, неоднократно выраженную жертвами агрессии, Китай оказывается не в состоянии наложить вето. Поэтому Китай решил не участвовать в голосовании по проекту» [120].

Китайский представитель в беседе с американскими конгрессменами, заявив, что «любое возможное поражение арабских стран не вызовет беспокойства Пекина, потому что это может способствовать возникновению разногласий между арабами и СССР» [121].

* * *

Позиция Китая и по другим важным вопросам, обсуждавшимся в Организации Объединенных Наций, также была неблаговидной.

Особенно провокационный антисоветский характер имела позиция китайской делегации на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу о конфликте на Индостанском полуострове. В борьбе против Советского Союза и других социалистических стран, выступивших в поддержку освободительного движения в Бангладеш, представители Пекина заняли одинаковые позиции с делегацией США в поддержку кровавого режима Яхья-Хана. В Совете Безопасности ООН китайцы предложили оказать поддержку Пакистану в «его законной борьбе против индийской агрессии», пытаясь представить конфликт между Индией и Пакистаном как результат советско-индийского «сговора» [122]. Когда молодое освободившееся государство Бангладеш обратилось в 1972 г. в ООН с просьбой о приеме в члены организации, Китай применил в Совете Безопасности ООН вето против приема Бангладеш в ООН, противопоставив себя тем самым большинст-

---

118 См.: «Международная жизнь», 1974, № 2, стр. 47.
119 Там же.
120 «Жэньминь жибао», 4.XI.1973.
121 «Аш-Шааб», 6.XI.1973.
122 «Жэньминь жибао», 6.XII.1971.

ву государств. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи, когда снова был поднят вопрос о приеме Бангладеш в ООН, китайский представитель заявил, что «если вопрос будет рассматриваться, то Китай снова наложит вето». Китайский представитель аргументировал свою позицию тем, что «вопрос о принятии Бангладеш в ООН можно будет рассматривать только тогда, когда... Пакистан и Индия урегулируют все спорные вопросы между собой» [123].

В июне 1972 г. в Стокгольме проходила первая конференция ООН по окружающей среде. Советский Союз и социалистические страны отказались участвовать в ней в знак протеста против недопущения на эту конференцию делегации ГДР. Пекин послал свою делегацию в Стокгольм, но вовсе не для обсуждения актуальных проблем окружающей среды. Представители Пекина заявили, что загрязнение среды — это результат «бешено проводимой сверхдержавами политики грабежа, агрессии и войны», что «каждая сторона имеет право определять стандарты и политические установки в отношении окружающей среды» [124]. Не выступив ни с одним конструктивным предложением, китайская делегация предложила лишь внести одну поправку в Декларацию об окружающей среде — формулировку о «сверхдержавах». В голосовании же по Декларации, осуждающей, в частности, проведение ядерных испытаний как действий, влекущих загрязнение окружающей среды, китайская делегация отказалась принимать участие.

Опасную для мира и судьбы ООН позицию занимают руководители КНР по вопросу ревизии Устава ООН. Пекин пытается внести раскол в ряды организации, разобщить их по принципу размеров территорий и численности населения или разделения стран на «богатые и бедные». Шестой комитет Генеральной Ассамблеи по правовым вопросам 63 голосами, включая Советский Союз и другие социалистические страны, принял решение прекратить рассмотрение каких бы то ни было предложений, касающихся изменения Устава ООН. Делегация КНР голосовала «против», оказавшись единственным постоянным членом Совета Безопасности, выступившим против этого важного решения. Но на этом Китай не прекратил свою деятельность по ревизии Устава. На XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи Цяо Гуань-хуа снова заявил: «Мы не унываем. Мы считаем, что нынешнее положение в ООН нужно изменить и нужно пересмотреть Устав» [125].

---

[123] «Жэньминь жибао», 3.X.1973.
[124] «Peking Review», 1972, № 25, стр. 8.
[125] «Жэньминь жибао», 3.X.1973.

КНР в «специализированных учреждениях». Принятие КНР в члены ООН автоматически повлекло за собой включение представителей Китая в такие ее органы, как Экономическая комиссия для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), и исключение из этих органов представителей Тайваня. В качестве привилегированного члена ООН Китай имеет право на место для одного из своих граждан в составе Международного суда в Гааге. Представители КНР вошли во многие специализированные учреждения ООН, такие, как Организация Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международная организация труда (МОТ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), Конференция Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и др. Китай в настоящее время хочет войти в Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР).

Позиция представителей Пекина во всех специализированных органах и учреждениях ООН мало чем отличается от позиции, занимаемой Китаем на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, и характеризуется ярым антисоветизмом, борьбой против всех предложений, направленных на разрядку международной напряженности, борьбой за лидерство в «третьем мире».

* * *

Три года участия КНР в ООН продемонстрировали всему миру, что усилия Пекина в ООН направлены не на разоблачение агрессивной политики империалистических сил, не на защиту и укрепление мира во всем мире, не на поддержку справедливой борьбы развивающихся стран и народов, борющихся против колониализма и расизма, а на противодействие конструктивным предложениям социалистических и других прогрессивных государств, на раздувание антисоветизма, на ревизию Устава ООН и тем самым на блокирование эффективной деятельности Организации Объединенных Наций и ее «специализированных учреждений». Такая политика приводит к тому, что Китай оказывается все в большей изоляции, находя поддержку только у наиболее реакционных сил империалистического лагеря, он еще больше разоблачает себя перед лицом прогрессивных сил мира.

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА РУКОВОДСТВА КНР

Основу современной пограничной политики маоистского руководства в значительной степени составляет тот же великодержавный подход к вопросам определения границ, который был характерен для политики последних императоров цинской династии и гоминьдановского правительства Китая в прошлом.

Как известно, современные границы Китая складывались в ходе длительных захватнических войн императоров маньчжурской династии, которые создали на территории Китая и ряда сопредельных стран последнюю крупную восточную деспотию — империю Цин. При Цинах в основном и завершилось формирование территории современного китайского государства [126]. В последующие годы эта территория претерпела некоторые изменения. Так, в результате мощного подъема национально-освободительного движения монгольского народа Внешняя Монголия вышла в 1921 г. из состава китайского государства, провозгласив свою независимость.

В силу традиционно существовавших китаецентристских внешнеполитических воззрений императоры Китая считали себя правителями не только Китая, но и всего мира в целом, и прежде всего — соседних стран и народов. Поэтому обычные для того времени дары прибывавших ко двору императора торговых караванов и посольств воспринимались при пекинском дворе как «дань», а все страны, присылавшие послов, в том числе и такие европейские державы, как Англия или Голландия, формально считались «вассалами» Китая. В понимании идеологов императорского Китая «вассальная страна» была равнозначна «зависимой стране». И более того, китайские политики почти не делали в территориальном вопросе различий между «зависимой страной» и китайской территорией [127]. В течение столетий китайские власти не видели необходимости в четком обозначении границ, так как считали их внутренними рубежами Поднебесной. Поэтому захваты Англией Бирмы и Малайи, Японией — Кореи, Францией — стран Индокитая рассматривались в Китае как «утрата» китайской территории. Позднее — в 30-х годах XX столетия — эта мысль была предельно четко сформулирована почти в одних и тех же выражениях Мао Цзэ-дуном и Чан Кай-ши [128].

---

[126] Подробнее по этому вопросу см.: Маньчжурское владычество в Китае, М., 1966.

[127] См.: Китай и соседи, М., 1970; «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 52—63.

[128] «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 57—58.

Процесс формирования русско-китайской границы происходил в течение двух с лишним столетий. В этот период в состав Русского государства вошли земли Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. В ходе формирования территории Цинской империи в нее помимо собственно Маньчжурии и Китая были включены Монголия, Восточный Туркестан, Джунгарское ханство и Тибет. Сближение территорий двух великих стран привело к необходимости оформления границы между ними.

Отличительная черта процесса складывания русско-китайской границы заключалась в том, что Россия и Китай ни разу не были в состоянии войны друг с другом, хотя в отдельные периоды в отношениях между ними возникала напряженность.

Единственный вооруженный конфликт местного значения произошел в конце XVII в., когда Цинская империя, ведя захватнические войны против соседних государств, вторглась в русское Приамурье и Южное Забайкалье. Подписав Нерчинский договор 1689 г. о разграничении территории, по которому к Цинскому государству отошли земли, уже освоенные русскими,— на правом берегу Амура и часть левобережья, Россия стала первым европейским государством, с которым Цинская империя установила договорные отношения.

В результате дальнейшего размежевания территорий России и Цинской империи были разграничены земли, на которых либо не было государственных образований, либо эти земли входили в состав кочевых феодальных владений. Прохождение границ между двумя странами по естественным рубежам было договорно закреплено на мирной основе во второй половине XIX в. Юридически русско-китайская граница была оформлена Айгуньским (1858 г.), Тяньцзиньским (1858 г.), Пекинским (1860 г.), Петербургским (1881 г.) договорами и основанными на них другими договорными документами. Связанные с территориальными вопросами положения, зафиксированные в этих договорах, а также в протоколах, картах и описаниях, и поныне полностью сохраняют свою силу.

В последней четверти XIX в. договорно оформляются и южные границы Китая — с Бирмой и странами Индокитая. Вместе с тем далеко не все границы Китая были определены в договорном порядке — часть из них хотя и существовала фактически, но не была установлена официально (так называемая традиционная линия границы). Такой характер имела большая часть западной границы страны. На протяжении 40 лет не была определена граница Китая с МНР, существование которой не признавало гоминьдановское правительство Китая.

Подъем патриотического движения в стране в 20-х годах был использован националистическими силами, которые, проповедуя «освобождение Китая» от гнета империализма, видели это «освобождение» прежде всего в возвращении Китаю того главенствующего положения в мире, которое он занимал, по их представлениям, в прошлом, и «отторгнутых» у него территорий. Великоханьские националистические круги разработали своеобразный метод неофициального выражения своего несогласия с договорными актами, определяющими границы Китая, и выдвижения территориальных претензий к соседним странам. Впоследствии этот метод получил название «картографической агрессии». Суть его заключалась в том, что на издаваемых в Китае картах границы страны обозначались не в соответствии с договорными актами, а так, как желало видеть их китайское правительство [129].

В первые годы после образования КНР китайские руководители не решались открыто выступить с территориальными претензиями к соседним странам. Следствием великоханьской политики маоистского руководства внутри страны и отказа от ленинского принципа самоопределения наций явилось выдвижение им территориальных притязаний к соседним странам. Первым признаком отхода от социалистических принципов внешней политики было требование «восстановить» суверенитет Китая над МНР, официально выдвинутое Пекином в ходе советско-китайских переговоров в октябре 1954 г. [130].

Следует отметить, что маоистское руководство с первых дней своего прихода к власти широко использовало метод «картографической агрессии», ранее применявшийся гоминьдановцами. Но в отличие от гоминьдановцев КНР обладала достаточной силой для того, чтобы попытаться достичь своих целей в территориальных вопросах посредством политики давления и даже применения силы.

Вслед за публикацией карт в Пекине в одностороннем порядке объявили «несправедливыми» границы КНР с соседними странами. Эта откровенно экспансионистская линия маскировалась маоистской фразеологией об «империалистическом» наследии в Азии, о том, что вопросы о границах решались в тот исторический период, когда китайский народ и народы соседних стран были в бесправном положении. Во имя «восстановления справедливости» маоисты предъявили территориальные притязания: в 1954 г.— на 1,5 млн. *кв. км*

---

[129] «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 85—93.
[130] «Правда», 2.IX,1964.

монгольской территории, в 1956 г.— на 70 тыс. *кв. км* бирманской территории, в 1959 г.— на 130 тыс. *кв. км* индийской и в 1964 г.— на 1,5 млн. *кв. км* советской территории. Всего же с 1954 г. маоисты выдвинули притязания на территорию общей площадью в 3,2 млн. *кв. км,* что составляет 1/3 площади самого Китая (9,6 млн. *кв. км*).

Выдвигая территориальные притязания, маоистское руководство зачастую отказывалось от обычных дипломатических каналов для обсуждения пограничных вопросов и прибегало к вооруженным конфликтам и провокациям на границах с соседями. Именно так обстояли дела на границах Китая с Бирмой (1955 г.), Индией (1959 и 1962 гг.), Непалом (1960 г.), Советским Союзом (1969 г.), КНДР (1968—1969 гг.).

В 1960—1963 гг., исходя из конъюнктурных соображений и стремясь замаскировать свою великодержавную позицию в отношении границ с Индией и СССР, правительство КНР пошло на урегулирование пограничных вопросов с Бирмой, Непалом, Афганистаном, МНР и Пакистаном [131].

Пакистан граничит с Китаем в той части Кашмира, которая была оккупирована пакистанскими войсками в ходе индо-пакистанского конфликта 1947 г. Соглашение о китайско-пакистанской границе вызвало резкий протест Индии, так как, по ее мнению, до окончательного решения вопроса о статусе Кашмира Пакистан не имел права определять внешние границы в этом районе.

Что касается китайско-индийской границы, то в ходе обсуждения этой проблемы выяснилось, что, во-первых, стороны различно подходят к вопросу о статусе границы. Если индийское правительство считает, что существует ряд соглашений, определивших прохождение китайско-индийской границы (последнее из них — соглашение о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией) [132], то правительство КНР отрицает само существование таких соглашений. Во-вторых, стороны по-разному проводят линию традиционной границы Тибета с Индией.

После серии вооруженных конфликтов летом 1959 г. пограничный спор между Китаем и Индией прошел период резкой дипломатической полемики. После безрезультатной личной встречи Чжоу Энь-лая с Дж. Неру и встреч официальных делегаций в Дели, Пекине и Рангуне Пекин предпринял попытку силой вынудить Индию принять его территориальные требования. Однако даже «гималайская война» в октяб-

---

[131] «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 29.
[132] «Международная жизнь», 1954, № 1, прил.

ре 1962 г. не дала маоистскому руководству желаемых результатов. Более того, откровенно экспансионистский курс КНР нанес существенный ущерб международному авторитету Китая [133].

Начиная с 1960 г. китайская сторона нагнетает напряженность и на советско-китайской границе. Ранее в Китае были опубликованы карты и учебные пособия, на которых часть территории СССР была представлена как «исконно» китайские земли. В марте 1963 г. в редакционной статье «Жэньминь жибао» были объявлены «неравноправными» договоры, определяющие прохождение советско-китайской границы.

Стремясь к нормализации советско-китайских отношений, Советское правительство предложило обсудить вопросы уточнения советско-китайской границы на отдельных участках. В феврале 1964 г. в Пекине начались консультации между правительственными делегациями СССР и КНР. Однако в период консультаций Мао Цзэ-дун в беседе с делегацией японских социалистов высказал абсурдные притязания на 1,5 млн. *кв. км* советской территории [134]. Китайская сторона встала на путь срыва консультаций. Китайские руководители игнорировали также предложение советской стороны продолжить перегсворы в Москве.

В период «культурной революции» китайская сторона перешла к организации массовых провокаций на советско-китайской границе. Состоявшийся в октябре 1968 г. XII пленум ЦК КПК официально одобрил и закрепил антисоветизм в качестве главного направления внешней политики маоистского Китая. Он положил начало новой, крайне опасной, фазы в пограничных притязаниях Пекина. 2 и 15 марта 1969 г. китайская сторона спровоцировала в районе р. Уссури вооруженное столкновение, в результате которого погибли советские и китайские пограничники.

29 марта 1969 г. Советское правительство обратилось к китайскому правителысвву с призывом срочно принять меры по нормализации положения на советско-китайской границе и возобновить в кратчайший срок начатые еще в 1964 г. консультации по пограничным вопросам между представителями обеих сторон [135]. Вместо ответа по существу советских предложений правительство Китайской Народной Республики в заявлении 24 мая 1969 г., вновь выступило с территориальными притязаниями к СССР, показав нежелание

---

[133] М. С. Капица, КНР: два десятилетия — две политики, М., 1969, стр. 201—204, 236, 270; «Внешняя политика КНР», М., 1971, стр. 52—53.

[134] «Правда», 2.IX.1964.

[135] «Правда», 30.III.1969.

китайского руководства нормализовать обстановку на границе.

Отвергнув попытки китайской стороны представить в искаженном свете историю формирования советско-китайской границы и притязания китайского правительства на советскую территорию, правительство СССР 13 июня 1969 г. вновь предложило возобновить консультации по пограничному вопросу [136]. Ответом на это предложение явились новые вооруженные провокации на советско-китайской границе в июне—августе 1969 г. [137].

В сентябре 1969 г. Советский Союз предпринял важный шаг в нормализации советско-китайских отношений. 11 сентября в Пекине состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с премьером Госсовета КНР Чжоу Энь-лаем. В результате встречи 20 октября 1969 г. в Пекине были начаты советско-китайские переговоры по пограничным вопросам.

«С советской стороны,— отмечал в своем выступлении на митинге советско-чехословацкой дружбы 27 октября 1969 г. Л. И. Брежнев,— нет недостатка в доброй воле. Мы — за решение пограничных и других вопросов между СССР и КНР на прочной и справедливой основе, в духе равноправия, взаимного уважения и учета интересов обеих сторон. Если и китайская сторона также проявит добрую волю, то это, безусловно, станет возможным» [138].

Накануне начала переговоров, 7 и 8 октября 1969 г. правительство КНР опубликовало заявления, в которых изложило свои условия ведения переговоров, преследующие цель максимально затруднить урегулирование пограничных вопросов между СССР и Китаем. На переговорах китайская сторона не приняла ни одного конструктивного предложения советской делегации, с самого начала выдвинув различные предварительные условия, рассчитанные на то, чтобы завести переговоры в тупик. Пустив в ход собственный вымысел о «советской угрозе», она в то же время отказалась от заключения договора о неприменении силы, проект которого был вручен китайской стороне 15 января 1971 г., и оставила без ответа внесенное советской стороной в июне 1973 г. предложение заключить договор о ненападении. Раскрывая отношение китайской стороны к переговорам, Чжоу Энь-лай заявил в беседе со скандинавскими журналистами 10 нояб-

---

[136] «Правда», 14.VI.1969.

[137] «Правда», 11.IX.1969.

[138] «Правда», 28.X.1969; подробнее о событиях в связи с вопросом о советско-китайской границе см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, Советско-китайские отношения, М., 1971, стр. 434—444, 459—465.

ря 1972 г.: «Китай обладает терпением и может не торопиться при переговорах по пограничным вопросам с Советским Союзом» [139].

Таким образом, Пекин встал на путь сознательного затягивания урегулирования пограничных вопросов, используя построенную на их основе «теорию» об «угрозе с Севера» для разжигания в стране антисоветской истерии.

Китайские руководители иногда заявляют, что КНР выступает за решение спорных пограничных вопросов «через дипломатические каналы путем переговоров, с тем чтобы разрешить их на справедливых и рациональных началах». Однако вопреки утверждению о том, что Китай уже «успешно разрешил» свои пограничные проблемы со всеми странами кроме СССР и Индии, все новые районы становятся объектом территориальных притязаний маоистского руководства.

Так, в конце 1971 г. пекинское руководство выдвинуло претензии на находящиеся под юрисдикцией Японии о-ва Сэнкаку (Сэнто), расположенные в Восточно-Китайском море.

Вопреки своим заявлениям о том, что до разрешения пограничных споров путем дипломатических переговоров КНР выступает «за сохранение существующего положения на границе и избежание конфликтов», в середине января 1974 г. Пекин вооруженным путем занял Парасельские острова (Сиша цюньдао) в Южно-Китайском море, расположенные примерно в 200 *км* от берегов Китая и Вьетнама. На эти острова, не имеющие, как и о-ва Сэнкаку, постоянного населения, претендуют и Китай, и Вьетнам; к моменту высадки на них китайского десанта там находились южновьетнамские пограничники. Действия китайской стороны привели к человеческим жертвам с обеих сторон.

Парасельский конфликт показал, что маоисты претендуют не только на Парасельские о-ва, но и на о-ва Спратли (Наньша цюньдао), отстоящие от Китая почти на тысячу километров. Захват этих островов позволил бы Пекину установить полное господство над всей акваторией Южно-Китайского моря.

Следует также отметить, что не могут испытывать спокойствия на своих границах и те страны, с которыми Пекин в начале 60-х годов провел пограничное урегулирование. До сих пор продолжаются провокационные нарушения Китаем, в частности, границ Бирмы, Монгольской Народной Республики.

---

[139] «Свенска дагбладет», 11.XI.1972.

Таким образом, пограничная политика нынешнего маоистского руководства, игнорируя существующие государственные границы, служит средством сознательного создания спорных проблем и накаливания международной обстановки. Пекин использует эту политику не для укрепления своих отношений с соседними странами, а для давления на них с целью вовлечь их в свою политическую орбиту и утвердить себя в качестве гегемона в Азии.

ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА И КУЛЬТУРА

ИДЕОЛОГИЯ

Теоретической основой политической практики современного маоистского руководства КНР служит маоизм — глубоко враждебная марксизму-ленинизму идеология, «ведущим и организующим мотивом» которой «является великодержавный национализм»[1].

Как и всякое идеологическое течение, маоизм имеет свои объективные и субъективные истоки. Возникновение маоизма было связано прежде всего с особенностями социально-экономического и политического развития Китая — отсталой полуфеодальной полуколониальной страны, где преобладала крестьянская масса, а рабочий класс не составлял и одного процента населения и где, таким образом, существовала обширная социальная база для возникновения разного рода мелкобуржуазных теорий и концепций. В. И. Ленин указывал: «Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»[2]. Эти предрассудки не только широко бытовали в Китае, но и усугублялись конфуцианско-легистской идеологией, явившейся наряду с другими немарксистскими теориями, в частности анархистскими и троцкистскими, идейно-политическим истоком маоизма. На базе этого «мыслительного материала» и формировались «идеи Мао Цзэ-дуна». Таковы объективные условия возникновения маоизма.

Вместе с тем существовали и субъективные факторы, сыгравшие немалую роль в формировании маоистской идеологии. С самого начала своей идейно-политической деятельности (примерно со времени публикации своей статьи «О „фи-

---

[1] П. Федосеев, Об идейно-политической сущности маоизма,— «Правда», 5.XII.1971.

[2] В. И. Ленин, Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 168.

зическом воспитании“» в журнале «Синь циннянь» в 1917 г.) Мао Цзэ-дун стал выступать как мелкобуржуазный националист. Находясь в рядах Коммунистической партии Китая, он игнорировал и третировал международный опыт рабочего и коммунистического движения. Национальный опыт Китая воспринимался Мао Цзэ-дуном не через призму научной теории марксизма-ленинизма и международного опыта революционной борьбы рабочего класса, а с позиций мелкобуржуазного идеолога, выросшего на «своей», национальной почве. Национальная же почва Китая тех лет в силу его экономической отсталости и слабости рабочего движения способствовала известной устойчивости традиционной, феодальной идеологии, ядро которой составлял китаецентризм — представление о Китае как о центре мировой цивилизации и мировом гегемоне.

Восходящие к глубокой древности представления о Китае как центре мира, как стране, олицетворяющей собой всю «Поднебесную» («Тянь ся»), прочно укоренились в общественном сознании китайцев и являлись официальной доктриной правителей Китая на протяжении более чем двух тысяч лет. Зародившись в древнем Китае как религиозное учение о китайском императоре — Сыне Неба, управляющем Поднебесной (т. е. всем миром) по велению или «мандату» Неба,— эта доктрина стала впоследствии идеологической основой взаимоотношений китайских правителей с некитайскими государствами, которые рассматривались как «варвары». Китай, таким образом, объявлялся сюзереном этих государств и народов, а они — его неизбежными вассалами и данниками.

Такое гипертрофированное представление о Китае как властелине и господине мира, центре мировой цивилизации стало впоследствии господствующей традицией. Проникнув в сферу массового, обыденного сознания, оно превратилось в один из его устойчивых стереотипов. Именно об этом писал в свое время великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен: «Сам Китай,— говорил он,— очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства. Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным» [3].

Традиционные китаецентристские концепции явились одним из источников более позднего китайского буржуазного национализма конца XIX — начала XX в. Этот буржуазный национализм имел две стороны — прогрессивную и реакционную. Его прогрессивная сторона была связана с борьбой китайского народа против маньчжурского господства и

---

[3] Сунь Ят-сен, Избранные произведения, М., 1964, стр. 250.

против закабаления страны империалистическими державами. Реакционная же сторона китайского буржуазного национализма заключалась в том, что он носил черты великоханьского шовинизма, в нем содержались идеи национального превосходства китайцев (ханьцев) над другими народами, проявлялось стремление к расизму и гегемонизму. Идеологи китайской буржуазии видели конечную цель «преобразования» страны в возвышении Китая над другими странами, в превращении его в мирового гегемона.

Традиционный великодержавный китаецентризм оказал сильное, причем непосредственное влияние на формирование взглядов Мао Цзэ-дуна, получившего традиционно китайское, конфуцианское образование. Это влияние признавал впоследствии и сам Мао Цзэ-дун. Идеи великоханьского шовинизма и национализма глубоко вошли в его сознание и, по сути дела, определили сущность и главное содержание его теоретической и политической деятельности. Восприняв китаецентристскую идеологию ортодоксального конфуцианства, а также другие традиционные политические концепции феодального Китая (в частности, идеи абсолютизма и милитаризма), Мао Цзэ-дун и его сторонники трансформировали затем эти доктрины в идеологию великодержавного национализма, гегемонизма и культа правящей личности. Марксизм-ленинизм же и левая «революционная» фраза явились для маоистов лишь той вывеской, которой они пытались и пытаются закамуфлировать оппортунистическую и социал-шовинистскую сущность своей платформы.

Таким образом, условия и истоки формирования маоизма наложили на него свой отпечаток и придали ему следующие главные черты: во-первых, это великодержавный шовинизм и гегемонизм, пронизывающий все сферы внутренней и внешней политики маоистов. Он выражается в насаждении идеи исключительности китайской нации и исторических судеб Китая, являющегося якобы в настоящее время единственным выразителем интересов «мировой революции», исторически «предопределенным» лидером стран «третьего мира». Во-вторых, маоизм — это идеология и практика деспотической неограниченной власти, сосредоточенной в руках одного лица и выступающей в форме военно-бюрократической антинародной диктатуры, основу которой составляет культ правящей личности. В-третьих, это милитаризм, проявляющийся в идеологии — в ставке на войну как на универсальное средство решения всех социальных вопросов, а в практике — в курсе на милитаризацию общественной жизни Китая, подчинение социально-экономической политики целям всемерного наращивания военного потенциала. В-четвертых, маоизм характеризуется острой враждебностью научному социализ-

му, в основе этой враждебности лежит антисоветизм, не только отрицание основных положений марксистско-ленинской теории, но и международного опыта социалистического строительства в других странах, стремление противопоставить Китай, его «путь» всему социалистическому содружеству. В-пятых, маоизм, паразитируя на марксизме-ленинизме, пытается приспособить его для реализации своих шовинистических целей путем извращения и вульгаризации трудов классиков марксизма-ленинизма и тем самым выдать маоизм за марксизм-ленинизм современной эпохи. В-шестых, маоизм причисляет себя к мировому коммунистическому движению, рассчитывая авторитетом последнего прикрыть свою раскольническую, подрывную деятельность внутри различных отрядов мирового революционного процесса.

Возникновение, эволюция и окончательное оформление маоизма в общественно-политическое течение, глубоко враждебное марксизму-ленинизму и противостоящее мировому революционному процессу, может быть правильно понято лишь с учетом общей борьбы двух линий в истории КПК — марксистско-ленинской, интернационалистической, с одной стороны, и мелкобуржуазно-оппортунистической, националистической, представляемой Мао Цзэ-дуном,— с другой. При этом следует иметь в виду, что маоизм — это не только идеологическое течение, но и политическая практика, которой непосредственно, вульгарно, прагматически подчинена вся «теоретическая» деятельность маоистов. В этом смысле эволюция маоизма прямо обусловлена политической практикой Мао Цзэ-дуна, его фракционной борьбой за власть — сначала внутри Коммунистической партии Китая, а затем и в международном коммунистическом, рабочем и национально-освободительном движении.

В первый период (1935 г.— конец 50-х годов) происходило оформление «идей Мао Цзэ-дуна» в так называемый китаизированный марксизм, который затем был навязан КПК в качестве официальной идеологии. Именно к этому времени относятся окончательное формирование маоистской теории «новой демократии» и первые попытки маоистов осуществить эту теорию на практике. Победа народной революции в 1949 г. и распространение идей научного коммунизма внутри Китая явились серьезным препятствием на пути внедрения маоизма в идеологию КПК и заставили Мао Цзэ-дуна и его группу лавировать, маскироваться и двурушничать, не отказываясь при этом от своей стратегической цели — полной замены в КПК марксистско-ленинской теории «идеями Мао Цзэ-дуна».

Второй период (конец 50-х годов — 1973 г.) завершает процесс формирования «идей Мао Цзэ-дуна» в общественно-

политическое течение, открыто противопоставившее себя теории и практике научного коммунизма, международному коммунистическому и рабочему движению. В этот период маоизм выходит за национальные рамки Китая и, сомкнувшись с другими оппортунистическими и антикоммунистическими течениями, образует, по существу, второй фронт борьбы мирового империализма против сил мира и социализма. От идеологической борьбы против научного социализма маоизм переходит к прямой политической борьбе с социалистическим содружеством, выступает откровенным пособником империалистических кругов. Внутри Китая маоизм осуществляет контрреволюционный переворот, навязывает КПК и народу оппортунистическую, ревизионистскую идеологию великодержавия, гегемонизма и шовинизма.

IX съезд КПК (апрель 1969 г.) оформил маоизм в качестве официальной политической идеологии партии и государства. Однако, как показали последующие события, это насильственное утверждение маоизма оказалось непрочным и вызвало глубокий идейно-политический кризис в Китае, который продолжается и по сей день. Всесторонний кризис маоизма — характерная черта политической и духовной жизни КНР в настоящее время. Попыткой приостановить этот кризис, подавить рост идейно-политической оппозиции маоизму явился X съезд КПК (август 1973 г.), представлявший собой кульминационный момент политической и идеологической борьбы в КПК в 1973 г. Однако материалы съезда свидетельствуют о том, что маоистскому руководству КПК не удалось преодолеть кризис своей идеологии и политики: главным идеологическим лозунгом съезда и послесъездовских материалов пекинской печати по-прежнему является призыв к усилению движения за «критику Линь Бяо и исправление стиля» и продолжению «революции при диктатуре пролетариата», что на деле означает продолжение политики репрессий в отношении оппозиции.

Кризис маоистской идеологии и политики обостряется по мере усиления борьбы за власть между соперничающими группировками в верхушке партийного и государственного руководства КНР.

Характерным для современной политической жизни КНР средством идеологической борьбы стало обсуждение некоторых вопросов истории, культуры, идеологии древнего или средневекового Китая. Именно в этой форме происходят столкновения взглядов и концепций представителей соперничающих групп, занимающих или занимавших в недавнем прошлом высокие посты в партийном, военном и государственном руководстве КНР. Нынешняя кампания (1972—1974 гг.) критики конфуцианства и восхваления легизма,

выражая противоборство группировок в верховном руководстве страной накануне X съезда КПК, переросла в многоплановую политическую кампанию, охватившую все социальные слои общества и возрастные категории.

Первый этап кампании начался статьями Ян Юн-го, которые должны были, по замыслу организаторов кампании, служить теоретической основой и наметить главные направления на первом этапе кампании. Как утверждал Ян, поскольку конфуцианцы выражали интересы умирающего класса, все их учение реакционно, а концепции легистов прогрессивны. Ян доказывал, что в Китае уже с древности началась непримиримая борьба между двумя линиями сторонников старого и реформаторами в лице легистов. Этот теоретический постулат был необходим маоистам для обоснования якобы исторической закономерности их концепции борьбы двух линий внутри КПК и КНР. Отныне все противники маоистского курса, особенно те, кто пытался как-то продолжить линию VIII съезда КПК (1956), объявлялись конфуцианцами. В разряд конфуцианцев были зачислены и те руководители КНР, которые придерживались прагматического курса. Так, в начале кампании чувствовалась критика группировки Чжоу Энь-лая. Особенно остро выступали «левые» против реабилитации партийных кадров, пострадавших в период «культурной революции». Они обвиняли Конфуция в том, что он «стремился выдвинуть на чиновничьи должности живущих отшельниками... дать возможность уже павшим рабовладельцам снова прийти к власти». Одновременно осуждались такие конфуцианские концепции, как «гуманность», «почитание родителей и старших братьев», «искренность и верность» и т. п.

Второй этап кампании начался со статьи Ши Луня «Суждения на тему почитания конфуцианцев и борьбы с легистами» («Гуанмин жибао», 7.X.1973), перепечатанной в № 10 «Хунци» за 1973 г. В этой статье более ясно было сформулировано положение о том, что кампания имеет архисовременное и важное значение: «Следует ли критиковать идейное течение за почитание конфуцианцев и борьбу с легистами — это по своему основному содержанию важный вопрос борьбы двух линий внутри партии». Внешне кампания как бы поворачивалась острием против Лю Шао-ци и Линь Бяо, этих «современных конфуцианцев». «Глубокое развертывание борьбы,— говорилось в статье,— поможет нам различать тех заговорщиков и карьеристов, которые стремятся к реставрации капитализма... поможет усилить диктатуру пролетариата». Главной опасностью для «диктатуры пролетариата», т. е. для группировки Мао Цзэ-дуна, был объявлен регионализм, усилившаяся самостоятельность командующих военными

округами. Поэтому начиная со статьи Ши Луня всячески восхвалялась деятельность императора Цинь Ши-хуана (259—210 гг. до н. э.) по централизации власти; конфуцианцев обвиняли в сепаратизме, поддержке «местных правителей». В конце декабря 1973 г. последовало известное перемещение командующих в восьми больших военных округах. Именно со статьи Ши Луня поднялась еще более высоко антисоветская волна.

К январю 1974 г. кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» охватила всю страну. Новогодняя передовая статья «Хунци», «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» от 1 января 1974 г. призывала «выковывать в ходе критики теоретиков-марксистов». По существу, Мао пока еще из-за кулис стремился укрепить теоретическую платформу для своей будущей смены из группы «левых». Обострение борьбы заставило его самого показаться на политической авансцене: в передовой статье «Жэньминь жибао» от 2 февраля 1974 г. «Довести до конца борьбу — критику Линь Бяо и Конфуция» было впервые объявлено, что критика эта развернута самим Мао и что председатель «лично руководит» ходом кампании. Прозвучала неприкрытая угроза-призыв к руководству партии: «Все руководители должны идти в первых рядах борьбы, обсуждать и браться за критику Линь Бяо и Конфуция, как за дело первостепенной важности... это имеет огромное актуальное значение... для отстаивания и претворения в жизнь революционной линии председателя Мао Цзэдуна».

Оценивая кампанию в целом, следует отметить, что основная ее цель — решение проблем сугубо политических, связанных с борьбой внутри страны и в руководстве КПК. Одновременно ощущается стремление путем критики конфуцианства и восхваления легизма оправдать не только деяния маоистов в период «культурной революции», но и доказать неизбежность «борьбы двух линий». Кампания свидетельствует о том, что под видом критики конфуцианства маоисты хотят уничтожить институты, неугодные маоистскому режиму. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» является новым доказательством острого кризиса «идей Мао Цзэдуна».

НАУКА

Естественные и технические науки

За годы существования КНР заметное развитие получила наука, хотя ее деятельность протекает в весьма противоречивых и зачастую неблагоприятных условиях.

В период 1949—1957 гг. китайское руководство активно поощряло научную работу во многих областях, используя полученные достижения прежде всего в интересах народного хозяйства, большое внимание уделялось также и укреплению обороноспособности страны. В эти годы были проведены важные мероприятия, направленные на развитие науки и ее сближение с производством.

В конце 1949 г. была создана Академия наук Китая, что имело огромное значение для общегосударственного руководства развертыванием научно-исследовательских работ по важнейшим научным направлениям и для подготовки научных кадров. В 1949 г. в стране имелось 40 научно-исследовательских организаций. В 1952 г. в научных учреждениях трудилось около 10 тыс. ученых и инженеров.

С целью улучшения научного руководства в июне 1955 г. в составе АН Китая были созданы четыре отделения: физических, химических и математических наук; биологических наук и наук о Земле; технических наук; общественных наук. В мае 1957 г. отделение биологических наук и наук о Земле разделилось на два самостоятельных отделения: отделение биологических наук и отделение геолого-географических наук. В 1956 г. в Пекине основана Академия медицинских наук, объединившая 12 отделений, в которых в 1958 г. работало свыше 4 тыс. человек, в том числе свыше 600 научных работников. В 1957 г. в Пекине была создана Академия сельскохозяйственных наук, в которую вошли 31 научно-исследовательский институт и более 100 сельскохозяйственных научных станций.

В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР (1953—1957) перед научными учреждениями страны (как ведомственными, так и академическими) выдвигались следующие основные задачи: всемерное укрепление научно-исследовательской базы; установление тесных связей научно-исследовательских организаций с промышленностью, сельским хозяйством и другими отраслями экономики; усиление научно-исследовательской экспериментальной работы; постоянное обобщение новейшего научно-технического опыта; изучение последних научно-технических достижений Советского Союза; развертывание работ по обследованию и изучению природных условий и природных ресурсов; расширение исследовательской работы в области основных отраслей естествознания, а также общественных наук [4].

Выполнение поставленных задач облегчалось той большой помощью, которая была оказана Китаю Советским Союзом и другими социалистическими странами. В частности,

---

[4] Материалы второй сессии ВСНП, М., 1956, стр. 395—396.

с помощью СССР были организованы исследования по важнейшим новым научным направлениям, создан и оснащен оборудованием ряд ведущих научных институтов и центров. В 1949—1955 гг. в КНР было издано около 3 тыс. названий советских научно-технических книг. Из Советского Союза регулярно поступали научно-техническая документация и литература. В 1951—1960 гг. только в АН СССР прошло подготовку свыше 900 китайских научных работников. По линии научно-технического сотрудничества в СССР выезжало около 1 тыс. китайских ученых и 2 тыс. специалистов. Для помощи Китаю из СССР было направлено около 1,5 тыс. специалистов в области науки, высшего образования, здравоохранения и культуры.

За рассматриваемый период постоянно увеличивались государственные ассигнования на научно-исследовательские работы: с 4 млн. юаней в 1950 г. до 38 млн. юаней в 1955 г. и 239 млн. юаней в 1957 г.

Большое значение для дальнейшего развития науки имела разработка в 1956 г. государственного 12-летнего плана развития науки и техники (1956—1967 гг.), в котором выдвигались 57 основных научно-технических задач, включавших свыше 600 актуальных проблем. Для подготовки 12-летнего плана было привлечено более 600 ведущих китайских специалистов в области науки и техники, создан Комитет планирования научной работы. Разработка этого плана велась с помощью советских ученых. 12-летним планом предусматривалось достижение китайской наукой к 1967 г. передового мирового уровня и решение в основном проблемы подготовки собственных научных кадров. Однако 12-летний план по вине Мао Цзэ-дуна и его сторонников был выполнен лишь частично.

В середине 50-х годов развитие науки серьезно осложнилось рядом проводившихся политических кампаний. Выдвинутый в мае 1956 г. по инициативе Мао Цзэ-дуна курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» оказался направленным против части научной интеллигенции. Развернутое летом 1957 г. «движение за упорядочение стиля работы и борьбу против правых элементов» сопровождалось гонениями против части ученых.

В сложных и чаще всего неблагоприятных условиях развивалась наука в годы «большого скачка». С одной стороны, китайское руководство придавало немалое значение науке в достижении своих авантюристических замыслов в экономике, в осуществлении политики «сверхиндустриализации». С другой стороны, китайские лидеры сознательно ограничивали развитие науки и даже отрицали ее в тех случаях, когда научные рекомендации противоречили их теоретическим

воззрениям или практическим действиям. Поскольку преобладала последняя тенденция, большая созидательная роль науки в развитии производительных сил оказалась в годы «большого скачка» искусственно приниженной.

В 1958—1959 гг. значительно расширилась сеть научно-исследовательских организаций, но многие из них создавались без учета имевшихся возможностей и были плохо оснащены и недостаточно укомплектованы необходимыми кадрами. В 1958 г. в стране числилось 848 научно-исследовательских организаций, из них 170 работали в области фундаментальных исследований, 415 занимались прикладными исследованиями в области промышленности и транспорта, 134 — в области сельского хозяйства, 101 — в медицине, 28 — в других науках. В научно-исследовательских учреждениях работало 118,6 тыс. человек, в том числе 32,5 тыс. научных сотрудников (из них около 1,5 тыс. докторов наук). В 1958 г. в Пекине была создана Академия военных наук, возглавившая научные исследования по заданию вооруженных сил. В том же году основана Академия геологических наук, в состав которой вошли шесть институтов. Государственные ассигнования на научные исследования возросли с 384 млн. юаней в 1958 г. до 1081 млн. юаней в 1960 г., что в решающей степени было связано с развитием атомной и ракетной науки. К концу «большого скачка» наука находилась в тяжелом положении, особенно общественные науки, биология, сельскохозяйственная наука, работа в области фундаментальных исследований.

В начале периода «урегулирования» к числу первоочередных задач по оздоровлению внутреннего положения в стране была отнесена задача проведения «урегулирования» в культурных, просветительных, научно-исследовательских учреждениях и учреждениях здравоохранения, с тем чтобы улучшить качество их работы [5]. Тем самым официально признавалась необходимость исправления ошибок, допущенных в период «скачка». В период «урегулирования» произошли некоторые изменения в политике китайского руководства по отношению к науке. В связи с этим неоднократно отмечалась роль науки в экономическом строительстве. В период 1962—1965 гг. в стране был проведен ряд всекитайских совещаний по промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и т. д., на которых подчеркивалась большая роль науки и техники в восстановлении и развитии экономики и выдвигалось требование активнее внедрять научно-технические достижения в производство. В докладе премьера Госсовета КНР на 1-й сессии Всекитайского собрания было заявлено: «Нужно и

[5] «Правда», 18.IV.1962.

впредь усиливать научно-исследовательскую работу, продолжать осуществление плана развития науки и техники»[6]. В эти годы довольно активно изучался передовой зарубежный опыт, особенно развитых капиталистических стран.

В годы «урегулирования» китайское руководство пошло на восстановление принципа материальной заинтересованности в труде научных и инженерно-технических работников, заработная плата которых была существенно повышена. В китайской печати содержались пожелания, чтобы на руководящие посты в технической области преимущественно назначались представители технической интеллигенции, а все проблемы науки и техники решались главным образом специалистами[7].

В период «урегулирования» научно-исследовательская работа была сосредоточена на сравнительно ограниченном количестве направлений, в частности на разработке ракетно-ядерного оружия и развитии обеспечивающих отраслей промышленности, производстве химических удобрений, пластмасс, химических волокон, расширении сортамента сталей и металлопроката, освоении выпуска новых видов машин и оборудования. В научной работе особое внимание обращалось на создание собственного ракетно-ядерного оружия, на разработку которого затрачивалась львиная доля всех ассигнований в области науки. По имеющимся сведениям, в 1963 г. в Китае была принята десятилетняя программа развития науки и техники, направленная на то, чтобы к 1972 г. создать межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными боеголовками.

В эти годы все более свертывались научные и технические связи с СССР и другими странами СЭВ. Одновременно китайцы расширяли научные контакты с Францией, Англией, ФРГ, Японией и другими капиталистическими странами. К 1963 г. в Китае имелось более 800 научно-исследовательских организаций, занимавшихся научными исследованиями[8]. В 1965 г. в научно-исследовательских организациях КНР было занято 425 тыс. человек, в том числе 53 тыс. научных сотрудников (ученых и инженеров), из них 3,5 тыс. человек находилось в системе АН Китая, 45 тыс. человек — в научно-исследовательских институтах отраслевых министерств промышленности, 4,5 тыс. человек — в других институтах и организациях. В вузах работало около 100 тыс. преподавателей, часть которых занималась исследовательской деятельностью.

---

[6] «Жэньминь жибао», 31.XII.1964.
[7] «Far Eastern Economic Review», 27.IX.1962.
[8] «Тюгаку соран», 1973.

В 1962—1964 гг. расходы на научные исследования, по подсчетам зарубежных экспертов, ежегодно составляли более 2 млрд. ам. долл. (свыше 4 млрд. юаней), из которых не менее 3/4 направлялось на обеспечение ракетно-ядерной программы.

Новой тенденцией в развитии науки и техники, отчетливо проявившейся на рубеже 1965—1966 гг., следует признать пропаганду «особого» китайского пути; например, газета «Жэньминь жибао» от 24 января 1966 г. поместила передовую статью, озаглавленную «В развитии науки и техники нужно идти собственным путем». В передовой содержалось требование «окончательно сломать оковы иностранных шаблонов и решительно пойти своей собственной китайской дорогой развития науки и техники». В этом, безусловно, националистическом призыве можно также усмотреть и глухое признание того факта, что китайская наука и техника зависят от зарубежной и имеют мало собственных, оригинальных, не позаимствованных достижений.

С середины 1966 г. вновь резко усилилось политическое давление на китайскую научную и техническую интеллигенцию. На совещании по политической работе в АН Китая в мае — июне 1966 г. было выдвинуто в качестве программного положение о том, что «применять идеи Мао Цзэ-дуна в научной работе и для преобразования мировоззрения людей, руководствоваться идеями Мао Цзэ-дуна в научных исследованиях и экспериментах — это основа развития науки и техники в Китае» [9].

Начатая Мао Цзэ-дуном и его сторонниками «культурная революция» не могла не задеть китайской науки. Удары «культурной революции» были направлены маоистским руководством прежде всего против общественных наук и существовавшей системы просвещения. В то же время естественные и технические науки не были объявлены главными мишенями «критики» со стороны хунвэйбинов. В постановлении XI пленума ЦК КПК «О великой пролетарской культурной революции» (п. 12) отмечалось, что нужно «оберегать тех ученых и научно-технических работников, которые имеют заслуги. Следует помогать им постепенно преобразовывать свое мировоззрение и стиль работы» [10].

В ходе «культурной революции» избиению были подвергнуты многие философы, историки, экономисты, профессора и преподаватели вузов, работники искусств и др. Что касается ученых в области естественных и технических наук, а так-

---

[9] «Цзефан жибао», 3.VI.1966.
[10] «Китай», 1966, № 9

же инженерно-технических кадров, то они пострадали относительно меньше.

Бесчинства хунвэйбинов затронули деятельность руководящих учреждений в области науки и техники: Государственный научно-технический комитет КНР, Академию наук Китая, научно-техническое общество Китая, Комиссию по оборонной науке и технике НОА Китая и др. Ожесточенным нападкам со стороны хунвэйбинов подверглись многие руководящие работники, часть которых была отстранена от ранее выполняемой работы. Многим ученым и инженерно-техническим работникам существенно сократили оплату труда, уравняв их в оплате с рабочими.

Маоисты постарались искусственно вызвать «энтузиазм» и «творческую активность» научно-технической интеллигенции и на этой основе ускорить темпы научно-технического прогресса. Для этого активно использовались такие средства, как всемерная пропаганда тезиса о том, что важнейшим стимулом развития науки и техники является морально-политический фактор — разжигание националистических настроений, демагогия, политическая и идеологическая обработка в духе «идей Мао Цзэ-дуна», прямое насилие и т. д.

В период «культурной революции» наглядно проявилось стремление пекинского руководства поставить науку и технику на службу своей великодержавной политике, что особенно отчетливо проявилось в форсировании ракетно-ядерной программы. В декабре 1967 г. армия установила контроль над Академией наук Китая. Зарубежная печать писала, что причина этого заключалась в стремлении военного руководства ускорить осуществление китайской программы ядерных вооружений.

В целом «культурная революция» нанесла существенный ущерб развитию науки и техники. Она нарушила сложившуюся в стране систему общегосударственного руководства научно-исследовательской работой, осложнила или даже сделала невозможной в течение какого-то времени работу многих научно-исследовательских организаций, способствовала дальнейшей милитаризации китайской науки. Из-за закрытия вузов свернулась и проводившаяся в них научная работа. На развитии науки и техники отрицательно сказались и переживаемые страной серьезные экономические потрясения.

Со времен «культурной революции» успехи науки и техники стали оцениваться прежде всего по результатам в разработке ракетно-ядерного оружия. В одной из установочных статей журнала «Хунци» за 1969 г. утверждалось: «Наша страна подряд произвела успешные испытания атомной бомбы, ракеты и водородной бомбы. В этом нашло свое концент-

рированное выражение стремительное развитие социалистической промышленности, науки и техники в Китае»[11].

С начала 70-х годов стали приниматься меры по устранению негативных последствий «культурной революции», по улучшению состояния науки и техники в стране. В частности, восстанавливается деятельность Академии наук Китая и других руководящих научных учреждений, возобновлен выход ряда периодических научных изданий. (К 1969 г. прекратилось издание почти всех научно-технических журналов.) Резко участились поездки китайских научных и технических делегаций в развитые капиталистические страны. По оценке американских специалистов, численность работников, занятых научно-исследовательской деятельностью (ученые и инженеры), составила в 1970 г. 53 тыс.

Одна из характерных современных тенденций в развитии китайской науки и техники — упор на исследования прикладного характера, прежде всего в интересах военного дела. Иностранные специалисты отмечают, что практикуемая в Китае недооценка фундаментальных исследований серьезно отражается на развитии науки и техники. Например, американский ученый Брюс Экспосито пишет: «Круг допустимых в Китае исследований еще более сузился. Политическое руководство относительно успешно добилось того, что исследования стали прямо связанными с текущим или будущим производством. Однако можно утверждать, что без расширения теоретических исследований китайская наука неизбежно станет второразрядной»[12].

Высшим административным органом, осуществляющим руководство научно-техническими учреждениями, является Государственный комитет по науке и технике, который входит в состав Государственного совета КНР. Центральным научным учреждением Китая считается Академия наук Китая, включавшая до последнего времени около 150 научно-исследовательских учреждений. Руководством научной работы занимаются также Академия сельскохозяйственных наук и лесного хозяйства, Академия медицинских наук, Академия военных наук.

В настоящее время руководство научной работой в значительной степени децентрализовано. По имеющимся данным, в начале 70-х годов 120 научно-исследовательских институтов, находившихся в ведении Академии наук Китая, были переданы в административное подчинение провинциальных властей или перешли в двойное подчинение АН Китая и провинциальных властей[13].

---

[11] «Хунци», 1969, № 10.
[12] «Bulletin of Atomic Scientist», 1972, № 1
[13] «Science Polisy», 1973, № 2.

Наука и техника в Китае развиты неравномерно: в одних областях страна приблизилась к передовому мировому уровню, в других (а таких областей большинство) заметно отстает.

По оценке ученых Массачусетского технологического института (США), в 1966 г. Китай достиг мирового уровня в электронике, ядерной физике и технике микроминиатюризации, машиностроении, биохимии и производстве лекарственных веществ. Они полагали, что к 1972 г. Китай достигнет мирового уровня в области автоматизации, металлургии титана, а также в производстве и использовании скандия и индия. Как показывают факты, американские ученые излишне высоко оценили успехи Китая в ряде областей, особенно в машиностроении и автоматизации.

По оценке, относящейся к 1972 г. и содержащейся в английском журнале «Нью Сайентист энд Сайенс Джорнэл», Китай отстает от передовых стран мира в области науки и техники минимум на десять лет. Некоторые отрасли — биохимия, отдельные направления медицины, лесоводство, органическая химия — сравнительно развиты, но многие отрасли развиты еще слабо. Такое же положение и в области инженерного дела, где приоритет отдается развитию военной техники и технологии. О недостаточно высоком уровне развития китайской науки и техники объективно свидетельствует техническое отставание отечественной промышленности. Считается, что в техническом отношении промышленность КНР отстает на 5—20 лет от развитых стран. Согласно исследованию японских экономистов, Китай по своему техническому уровню отстает от Японии в области производства станков и стали — на 15 лет, в производстве гидравлических машин и химических продуктов — на 10 лет, в области автоматизации производства — на 20 лет, в автомобилестроении — на 25 лет [14].

Несмотря на большие трудности, наука и техника в Китае продолжают развиваться. Китай в настоящее время располагает довольно значительным научно-техническим потенциалом, использование которого позволяет добиваться определенных результатов. Практика последних лет свидетельствует, что группа Мао Цзэ-дуна, преследуя свои гегемонистско-шовинистические цели, направляет развитие науки и техники прежде всего на военные цели, в основном на ракетно-ядерное вооружение. В то же время КНР не в состоянии выделить достаточно средств для финансирования многих отраслей науки и техники, которые непосредственно не имеют

---

[14] «Current History», № 385, 1973.

военного значения и сильно отстают в своем развитии от мирового уровня.

Благодаря значительному развитию геологических исследований, в организации которых большая помощь в 50-е годы была оказана советскими геологами, выявлены богатые ресурсы угля, железной руды, цветных и редких металлов, неметаллических полезных ископаемых. В последние годы ведутся интенсивные геологоразведочные работы в области нефти, включая исследования континентального шельфа, поиски новых месторождений угля в южных районах страны, выявление ресурсов ряда других полезных ископаемых. Вплоть до настоящего времени в КНР еще не создана надежная рудно-сырьевая база по отдельным металлам (никель, хром, платиноиды) и алмазам.

В 50-х годах в Китае были проведены крупные гидротехнические изыскания, разработаны проекты создания гидротехнических сооружений на реках Хуанхэ и Янцзы. Однако сооружение подавляющего большинства намеченных проектов отложено из-за экономических трудностей. В последние годы весьма интенсивные гидротехнические изыскания осуществляются в бассейнах рек Хуайхэ, Хайхэ и некоторых других.

Работа китайских географов в основном осуществляется в интересах выбора и проектирования крупных и средних объектов капитального строительства, выбора новых трасс железных и шоссейных дорог, линий электропередач, трубопроводов.

С 1953 г. одним из важнейших направлений научных исследований стали исследования в области ядерной физики и энергетики. В составе АН Китая был создан Комитет по ядерной энергии, программу исследований возглавил Цянь Сянь-цян. К 1957 г. был расширен Институт физики АН Китая, который в 1958 г. преобразован в Институт атомной энергии. В 1958 г. в пригороде Пекина с помощью СССР был введен в строй первый в стране экспериментальный атомный реактор мощностью 10 тыс. *квт*, а также циклотрон мощностью 25 мэв. В этот период вступил в эксплуатацию ускоритель протонов на 2,5 мэв. К ядерным исследованиям были привлечены такие ученые, как У Ю-сунь, Ван Ган-чан, Чжао Чжун-яо, Пэн Хуань-у, Чжан Цзян-хуа, Ван Цзян-кан, Ху Нин, Ван Шу-фэнь и др., многие из них учились за границей. В 1965 г. в Китае, по японским данным, было около 2 тыс. ученых в области ядерной физики, а к началу 1973 г.— около 4 тыс.

Исследования в ядерной физике направлены преимущественно на военные цели. В 1964 г. Китай провел испытание первой атомной бомбы, в 1967 г. было взорвано первое тер-

моядерное устройство. В начале 70-х годов в стране насчитывалось около 10 ядерных реакторов, один завод (по другим данным — два) для разделения изотопов урана. В последние годы Китай проявляет большой интерес к исследованиям в области управляемых термоядерных реакций[15]. В других областях физики в настоящее время ведутся исследования в области магнетизма, лазерной техники, физики плазмы, кристаллографии, полупроводников, физики низких температур, акустики и в ряде других направлений. Основные усилия в области физических наук направляются на решение проблем военно-прикладного характера.

К числу важнейших научных направлений в КНР принадлежат исследования в области ракетной техники, а с конца 60-х годов — ракетно-космической техники. Эти работы возглавил Цянь Сюэ-сэн, вернувшийся в 1955 г. из США. Он был назначен директором Института механики АН Китая. В исследованиях по ракетной технике приняли участие китайские ученые Шэнь Юань, Цянь Вэй-чан, Го Юн-хуа и др. В 1966 г. при очередном ядерном испытании была использована управляемая ракета, оснащенная ядерной боеголовкой, пролетевшая несколько сотен километров. С 1963 г. в Китае развернулись работы по созданию межконтинентальных баллистических ракет. В 1970 г. на орбиту вокруг Земли был выведен первый китайский искусственный спутник Земли весом 173 *кг*, а в 1971 г.— второй спутник весом 221 *кг*. По сообщению английской газеты «Дэйли Телеграф» от 7 марта 1973 г., Китай располагал примерно 50 ракетами с радиусом действия до нескольких тысяч километров.

В КНР в математике развивается относительно немного направлений: теория чисел, топология, вычислительная математика и некоторые другие, имеющие прежде всего военное назначение. Одним из крупнейших математиков является Хуа Ло-гэн, привлекавшийся к разработке ракетно-ядерного оружия (в годы «культурной революции» подвергался репрессиям). Получили известность труды У Вэнь-цзюня по топологии. Из других математиков следует отметить Су Бу-цина (дифференциальная геометрия), Цзинь Юань-шуня (дифференциальные уравнения), Шао Дао-сина (теория аналитических функций).

К числу сравнительно быстро развивающихся отраслей китайской науки относится химия. С 1949 по 1960 г. число исследователей-химиков выросло в 10 раз, а за 60-е годы, видимо, еще в 2—3 раза. Только в системе АН Китая проблемами полимеров и биохимии занимаются десять научно-исследовательских институтов. В настоящее время основные

---

[15] «Science News», 7.VII.1973.

усилия в области химии концентрируются на вопросах, связанных с развитием производства минеральных удобрений и ядохимикатов, химических волокон, синтетического каучука, пластмасс, лекарственных средств, а также нефтехимии, ракетного топлива, материалов для атомной промышленности. Ведутся исследования по химии фтора и хлора, в области высокомолекулярных полимеров, над кремнийорганическими соединениями и т. д.

К числу крупных научных достижений последних лет в области химии относятся осуществление полного синтеза инсулина, разработка и организация промышленного производства синтетического бензола, бактериологическая депарафинизация нефтяных фракций.

В области химии крупные исследования принадлежат Чжуан Чжан-гуну (органическая химия), У Сюэ-чжоу (физическая химия), Хоу Дэ-бану (технология производства азотных удобрений).

Большое внимание уделяется в КНР научно-техническим исследованиям в области металлургии. В черной металлургии длительное время ведутся работы по улучшению технологии выплавки стали (в частности, внедрению и совершенствованию кислородно-конверторного процесса и плавки металла в вакууме), расширению сортамента легированных и низколегированных сталей, совершенствованию доменного процесса и др. В цветной металлургии осуществляются исследования, направленные на повышение степени извлечения металлов и других компонентов из руд, разработки технологии производства металлов высокой чистоты. В начале 70-х годов в промышленных масштабах началось производство кристаллического кремния, необходимого для развития электронной промышленности. Большое внимание уделяется созданию синтетических твердых материалов — заменителей алмазов.

В значительных масштабах ведутся научные исследования в области техники и технологии машиностроения и металлообработки, главная цель — добиться в максимальной степени самообеспечения продукцией упомянутого комплекса. Для создания новых видов машин, оборудования, станков, приборов широко используется копирование иностранных образцов, которые тщательно изучаются в Китае. Большое внимание уделяется работе в области станкостроения, особенно освоению производства точных, тяжелых и агрегатных станков. К концу 60-х годов в Китае налажено производство некоторых моделей станков с цифровым программным управлением.

В последние годы ведутся работы по созданию энергетического оборудования большой мощности. В 1973 г. сообща-

лось об изготовлении первого в Китае агрегата для тепловых электростанций мощностью 300 тыс. *квт*. Китайские судостроители наладили мелкосерийное производство судов нескольких типов водоизмещением до 25 тыс. *т*. Производятся 32-тонные саморазгружающиеся грузовые автомобили, магистральные электровозы и тепловозы, гидравлические прессы усилием до 6 тыс. *т* (ранее изготовлены прессы усилием по 12 тыс. *т*), комплектное оборудование для средних по мощности металлургических предприятий, заводов минеральных удобрений, угольных шахт, нефтебуровое оборудование для бурения на глубину до 4 *км* и т. д.

В Китае сравнительно быстро развивается электроника, что прежде всего связано с военной промышленностью. В 1956 г. в Китае были изготовлены кристаллы германия и начаты работы по созданию транзисторных схем. В 1956 г. в составе АН Китая был создан Институт по разработке электронно-вычислительных машин (ЭВМ). В 1958 г. создано первое запоминающее устройство на магнитных сердечниках и построена первая ЭВМ советской модели. В 1964 г. сконструированы две средние ЭВМ: аналоговая и цифровая, в 1967 г.— современная цифровая ЭВМ на транзисторах, несколько позднее — ЭВМ на интегральных схемах. В 1973 г. в Китае была создана ЭВМ на интегральных схемах, способная производить до 1 млн. операций в секунду.

Электронная техника постепенно внедряется в различные отрасли промышленности и транспорта, но, как отмечает иностранная печать, «это только первые шаги»[16]. Китаю предстоит решение еще многих сложных проблем, и прежде всего подготовки достаточного количества ученых и инженеров, разработки высококачественных материалов и других устройств, накопление опыта рационального внедрения передовой технологии во все отрасли промышленности и сельского хозяйства[17].

Известные успехи достигнуты биологическими и сельскохозяйственными науками, которые используют опыт современной генетики и молекулярной биологии. Длительное время ведется работа по улучшению сортов различных сельскохозяйственных культур, пород скота и птицы, изучению почв, растительных богатств, развитию защитного лесонасаждения. Энтомологи изучают методы борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. Гидробиологами найдены средства против ряда болезней пресноводных рыб. В народном хозяйстве началось использование микробиологических технологических процессов.

---

[16] «Scientific American», 1972, № 6.

[17] Там же.

В 50-е годы значительное развитие получила медицинская наука, в частности клиническая и теоретическая медицина, физиология центральной нервной системы, цитология. Серьезные исследования проведены китайскими хирургами, большую известность получили, например, работы Хуан Цзя-сы. В производство были внедрены десятки новых лекарственных препаратов, включая антибиотики.

На основе экспериментальных и клинических опытов китайские врачи выработали рекомендации для лечения острых воспалительных заболеваний брюшной полости, которые исключают хирургическое вмешательство. Китайские хирурги провели ряд успешных операций по реплантации отсеченных в результате несчастных случаев конечностей. В последние годы усилился интерес к исследованиям в области традиционной китайской медицины. Большое внимание уделяется вопросам санитарной защиты городских территорий от загрязнений промышленными и бытовыми отходами.

В последнее десятилетие из-за резкого сокращения госбюджетных ассигнований на нужды здравоохранения замедлилось развитие медицинской науки. На положении в медицинской науке отрицательно также сказалось прекращение деятельности почти всех медицинских вузов в период «культурной революции» и острая нехватка квалифицированных врачей в области западной медицины [18].

Экономическая наука

До победы народной революции экономическая наука была одной из наиболее отсталых отраслей знаний в Китае. Подавляющее большинство экономических исследований китайских и западных авторов основывалось на буржуазной методологии, имевшей в лучшем случае объективистский характер; значительная же часть работ иностранных авторов по экономике страны, преимущественно на английском языке, утверждая «прогрессивную» роль иностранного капитала, оправдывала увековечение феодально-патриархальных порядков в китайской деревне. Значительную научную ценность с точки зрения изучения экономики старого Китая представляют финансово-экономические отчеты различных департаментов, материалы выборочных экономических обследований, таможенные отчеты и другие фактические материалы.

После свершения Великой Октябрьской революции в России и «движения 4 мая» в Китае получили определенное распространение в крупнейших промышленно-культурных центрах страны идеи марксизма-ленинизма, в том числе и

[18] «Bulletin Atomic Scientist», 1972, № 10.

отдельные положения марксистской политической экономии. Выдающуюся роль в этом отношении сыграли коммунисты-интернационалисты Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо и др. Однако представления о марксистской экономической науке имели отрывочный характер, а круг лиц, знакомых с этими идеями, был очень узким. В период народно-революционных войн творческому восприятию основ марксистско-ленинской политической экономии препятствовали идеалистически-метафизические маоистские догмы, замаскированные марксистской фразеологией. Так называемые «идеи Мао», по сути дела, насильственно навязывались китайским коммунистам и населению Освобожденных районов.

Создание КНР открыло широкий доступ к марксистской литературе, в том числе к литературе по марксистской политэкономии, по отраслевым дисциплинам экономической науки. На китайский язык были переведены и изданы массовым тиражом произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, монографии, учебники и брошюры советских авторов по вопросам политэкономии, экономической политики, хозяйственного строительства, по отраслевой экономике, статистике и т. д.

Уже в первые годы после провозглашения КНР внимание китайских экономистов привлек широкий круг теоретических и практических вопросов, связанных с восстановлением и развитием народного хозяйства, с осуществлением социально-экономических преобразований и т. д. Особое внимание китайских экономистов было сосредоточено на проблемах действия экономических закономерностей строительства социализма. В сборниках статей, в брошюрах, на страницах китайской периодической печати освещались вопросы экономики [19].

В середине 50-х годов в китайской периодической печати развернулась первая творческая экономическая дискуссия по вопросу действия экономических законов при социализме и в условиях переходного периода к социализму, которая с перерывами продолжалась вплоть до начала 60-х годов. Ма-

---

[19] См., например, Тао Да-юн, Очерки народного хозяйства Китая (Чжунго гоминь цзинцзи ди ганьлунь), Пекин, 1951; Чжан Най-ци, О перестройке китайской экономики (Чжунго цзинцзи ди гайбянь), Пекин, 1951; Шо Жуй-цзин, Законы товарных цен и регулирование рынка (Цзячжи ди гуйцзэ юй шичан ди цзяоду), Шанхай, 1951; Го Жуй-цин, Экономика Китая в восстановительный период (Хоу Году шици ди чжунго цзинцзи), Пекин, 1953; Сюй Ди-синь, Общий обзор политической экономики (Гуаньи чжэнчжи цзинцзисюэ), т. III, Пекин, 1954, и др.; Социалистическая индустриализация страны, сб. ст., Пекин, 1954; Финансовый контроль (Цайчжэн гуанли), сб. ст., Шанхай, 1952; Сборник статей по экономике Китая (Чжунго цзинцзи луньвэньсюань), серия, выпущенная в период 1951—1955 гг., и др.

териалы этой дискуссии публиковались в местных и центральных органах печати (в газетах «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Дагунбао», журналах «Сюэси», «Синьцзяньшэ» и др.). С 1955 г. начал издаваться специальный экономический журнал «Цзинцзи яньцзю» — главный печатный орган Института экономики Академии наук Китая (перестал выходить с начала 1966 г.).

В 50-е годы наряду с продолжавшейся широкой дискуссией об основном экономическом законе (главным образом в статьях китайских экономистов в периодических изданиях) обсуждался целый ряд других принципиально важных теоретических вопросов экономической науки. Например, обсуждались вопросы о действии закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закона распределения по труду, вопросы земельной ренты при социализме и др. Широкое освещение, вылившееся в дальнейшем в дискуссию, получил вопрос о товарном хозяйстве и действии закона стоимости в условиях перехода к социализму и при социализме. Достаточно сказать, что только в 1959 г., когда дискуссия получила наибольший размах, в одном лишь журнале «Цзинцзи яньцзю» было опубликовано 40 статей по этому вопросу. В дискуссии приняли участие крупнейшие экономисты Китая: Сюэ Му-цяо, Сунь Е-фан, Сюй Ди-синь, Ван Сы-хуа, Цзян Сюэ-мо, Ван Сюэ-вэнь, Ло Гэн-мо, Ян Цзяньбай и др. Ряд экономистов опубликовали работы по этому вопросу. Например, в годы первой пятилетки вышли две работы Ло Гэн-мо: «Особенности товарного производства и действие закона стоимости в переходный период в нашей стране» (Пекин, 1954); «Проблема товара и стоимости при социализме» (Пекин, 1957). Характерным для этих дискуссий было то, что многие китайские экономисты пытались творчески, с марксистских позиций подойти к обсуждаемым вопросам.

Именно в этих дискуссиях и работах того времени начинают все более четко обозначаться две различные и в определенной степени противоположные тенденции в теоретическом толковании и научном обосновании различных экономических явлений и процессов в практике экономического строительства КНР: «левая» тенденция — забегания вперед и реалистическая тенденция — опирающаяся на фактическое положение вещей и опыт социалистического строительства в других странах. В частности, это можно было проследить в ходе дискуссии о товарном производстве и законе стоимости в условиях переходного периода. Реалистическая тенденция сводилась к утверждению о широте сферы товарного производства и действия закона стоимости, о необходимости всемерного использования стоимостных рычагов (Сунь Е-фан

и др.). «Левая» тенденция в целом сводилась к отрицанию широкой сферы действия закона стоимости, к необходимости искусственного ограничения сферы товарного обращения и действия закона стоимости. Те же тенденции можно заметить и в дискуссиях о земельной ренте, о распределении по труду, о планомерном, пропорциональном развитии народного хозяйства.

Значительное место в исследованиях китайских экономистов занимали методы осуществления индустриализации. Этой теме было посвящено множество статей китайских экономистов, а также партийных и хозяйственных работников в центральных газетах и журналах Китая. По проблеме индустриализации был опубликован целый ряд работ, представляющих научный интерес [20]. Во всех работах и статьях этого периода обосновывалась первостепенная важность для Китая проведения социалистической индустриализации.

Пожалуй, самое пристальное внимание китайских экономистов в 50-е годы было сосредоточено на вопросах социально-экономических преобразований в китайской деревне. Кроме многочисленных статей китайских экономистов по вопросам кооперирования сельского хозяйства в Китае были изданы объемистые сборники материалов по кооперированию сельского хозяйства, а также отдельные брошюры и сборники статей [21]. Все эти публикации преимущественно имели популярный, пропагандистский характер и были далеки от попытки научного анализа и теоретического обобщения

[20] См., например, Цзэн Вэнь-цзин, Социалистическая индустриализация Китая (Чжунго шэхуэйчжуи ди гунъехуа), Пекин 1957; Чжао И-вэнь, Промышленность нового Китая (Синь Чжунго гунъе), Пекин, 1957; Ли Пу, Социалистическая индустриализация и жизнь народа (Шэхуэйчжуи ди гунъехуа юй жэньминь ди шэнхо), Пекин, 1955; Ню Чжун-хуан, Вопросы социалистической индустриализации Китая (Чжунго шэхуэйчжуи гунъехуа ди вэньти), Пекин, 1956; Цзо Чунь-тай и Ла Хай, Вопросы накопления средств для социалистической индустриализации страны (Вэй гоцзя шэхуэйчжуи), Пекин, 1957; Ли Вэй, О проблеме повышения темпов промышленного развития страны (Луньюй гоцзя гунъе фачжань ди цзэнцзя ди вэньти), Ухань, 1956.

[21] См., например, Тун Да-линь, Основы быстрого развития кооперирования сельского хозяйства (Нунъе хэцзохуа да фачжань ди гэнгуй), Пекин, 1956; Мо Юэ-да, Развитие кооперирования сельского хозяйства Китая (Во го нунъе хэцзохуа ди фачжань), Пекин, 1957; Сяо Хун-пин, Взаимопомощь и кооперирование в сельскохозяйственном производстве Китая (Чжунго нунъе шэнчаньхуцзу хэцзо), Пекин, 1954, Чэнь Чи, О кооперировании сельского хозяйства (Лунь нунъе хэцзохуа), Пекин, 1956, и др. В 1955—1956 гг. вышли в свет два больших сборника статей: Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве (Нунъе хэцзохуа вэньти луньвэн сюаньцзи). В 1957 г. издан третий сборник под заголовком: Сборник статей о кооперировании в сельском хозяйстве (Нунъе хэцзохуа вэньти луньвэнь сюаньцзи). В 1956 г. вышел в свет трехтомный сборник статей: Социалистический подъем в китайском деревне (Чжунго нунцун ди шэхуэйчжуи гао чао) с предисловием Мао Цзэ-дуна и др.

практики социально-экономического преобразования в сельском хозяйстве Китая. Они в лучшем случае приводили статистические данные, конкретный фактический материал и давали описание практики кооперирования китайской деревни. То же самое следует сказать и о работах и статьях китайских авторов по преобразованию кустарной промышленности.

Значительный интерес с точки зрения экономической науки представляли книги, брошюры и статьи китайских экономистов, посвященные преобразованию капиталистической промышленности и торговли. В большинстве этих работ в основном по единой схеме рассматривается характер государственного капитализма на различных этапах и в различных его формах [22], используются одинаковые исходные позиции по вопросу о необходимости преобразования, утверждаются одни и те же пути и формы преобразования, дается одинаковая схема этапов преобразования, настойчиво утверждается идея высоких темпов и массовости «социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли».

В 1957—1959 гг. в связи с завершением в основном к 1957 г. социально-экономических преобразований в области собственности на средства производства в сельском хозяйстве, кустарном производстве и капиталистической промышленности и торговле, в связи с движением за «народные коммуны», а также проведением «большого скачка» в 1958—1960 гг. вопрос о соотношении производственных отношений и производительных сил все чаще поднимался китайскими экономистами на страницах печати. Общая тенденция в освещении положения о соответствии производственных отношений характеру производительных сил в тот период сводилась к тому, что большинство китайских экономистов, опираясь на экономические достижения КНР в годы первой пятилетки и особенно на первые успехи «большого скачка», утверждали возможность и объективную необходимость осуществления форсированными темпами преобразований всей совокупности производственных отношений, и прежде всего отношений собственности.

Для периода с первой половины 60-х годов до настоящего времени характерно почти полное отсутствие выпуска монографической литературы в КНР по вопросам экономической

---

[22] См., например, Ляо Гай-лун, Социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли (Цзыбэнь гуншанъе ди шэхуэйчжуи гайцзао), Пекин, изд. 1, 1954; изд. 2, 1955; Цянь Хуа, Изменение частной промышленности и торговли Китая за семь лет (Цинянь-лай вого сыин гуншанъе ди бяньхуа 1949—1956), Пекин, 1957. См. также работы Гуан Ди-туна, У Цзяна, У Чжуан-ци, Тун Мина и др.

науки. Однако вплоть до 1966 г. в периодических изданиях и газетах продолжали появляться многочисленные статьи по различным вопросам экономики. Достаточно сказать, что широкому обсуждению подверглись такие вопросы, как предмет политической экономии, соотношение производительных сил и производственных отношений, теория расширенного воспроизводства в условиях социализма, планомерное, пропорциональное развитие народного хозяйства, развитие форм собственности и форм распределения, хозяйственный расчет и др. Ряд статей, изданных главным образом в 1961 и 1962 гг., был посвящен таким вопросам, как сельская рыночная торговля, характер и роль домашних подсобных промыслов членов «народных коммун», роль кустарной промышленности. Публиковались также статьи по экономике современного капитализма (в частности, о кризисах в экономике США в послевоенный период), по истории народного хозяйства. Значительное место среди материалов по конкретной экономике занимали статьи по статистике, балансоведению, бухгалтерскому учету и т. д.

С начала «культурной революции» научные статьи по вопросам экономики, по существу, перестали печататься. Со страниц китайской печати исчезли имена всех известных китайских экономистов. Ожесточенным нападкам в годы «культурной революции» подвергся один из крупнейших экономистов страны, бывший директор Института экономики АН Китая Сунь Е-фан. Опубликованные в последнее время несколько статей, касающихся экономических вопросов, имеют сугубо пропагандистский характер [23].

Современное состояние философских наук

Образование КНР, ознаменовавшее победу марксизма-ленинизма в Китае, открыло полосу его широкого распространения в китайском обществе. В КНР был организован Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина; сразу же стали переводиться на китайский язык, готовиться к изданию и публиковаться произведения основоположников марксизма-ленинизма, а также учебные пособия и работы советских и китайских авторов о составных частях марксизма. В то время была создана Высшая партийная школа при ЦК КПК, в которую в качестве преподавателей были приглашены и советские ученые. Курс марксизма-ленинизма

[23] См., например, Фан Хай, Изучать политэкономию (Сюэ идянь чжэнчжи цзинцзисюэ), — «Хунци», 1972, № 7; Юнь Лань, Единое планирование и всесторонний учет (Яо тун чоу цзянь гу), — «Хунци», 1973, № 2, и др.

был включен в программы учебных заведений страны, широко изучался в КПК, НОА и общественных организациях. Издательствами, радио и периодической печатью КНР, в том числе такими журналами, как «Чжэсюэ яньцзю» («Изучение философии»), «Лиши яньцзю» («Изучение истории»), «Цзинцзи яньцзю» («Изучение экономики»), «Сюэси» («Учеба»), «Синь цзяньшэ» («Новое строительство») и др., освещались обширные материалы по отдельным проблемам марксистской философии, политэкономии, научному коммунизму.

Марксизм-ленинизм стал официальной идеологией народно-демократического государства, что зафиксировано в Конституции КНР (1954 г.), и теоретической основой программы построения основ социализма в Китае, принятой VIII съездом КПК (1956 г.).

Укрепление позиций марксизма-ленинизма, научного коммунизма в КНР вынудило Мао Цзэ-дуна и приближенных к нему идеологов приспосабливать свои мелкобуржуазно-шовинистические идеи к новой обстановке, придавая им «марксистский вид», а затем под вывеской «отстаивания и развития» марксизма начать с середины 50-х годов открытое наступление на теорию и практику научного коммунизма в стране. Это наступление вылилось впоследствии, как известно, в открытый контрреволюционный политический переворот и полную подмену марксизма-ленинизма как идейно-теоретической основы деятельности КПК маоизмом. «Культурная революция» 1966—1969 гг. разрушила не только политическую, но и идейно-теоретическую надстройку народного Китая, насильственно насадив в ней господство антимарксистских «идей Мао Цзэ-дуна».

Марксизм-ленинизм как наука был исключен из системы народного образования и партийной учебы и заменен изучением маоистских идей на всех уровнях «теоретической учебы». Творческая мысль в области философии сосредоточилась целиком на страницах журнала «Хунци» и отчасти — в газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао». Все другие специализированные философские издания прекратили свое существование. Книжный рынок страны был наводнен различного рода «теоретической» продукцией, призванной пропагандировать или «обосновывать» маоизм.

Процесс насаждения маоизма, его «теоретических» взглядов в КНР прошел после IX съезда КПК ряд этапов. После II пленума ЦК КПК 9-го созыва (сентябрь 1970 г.) в КНР было «развернуто» массовое движение «за изучение философских идей Мао Цзэ-дуна», а спустя несколько месяцев — кампания «по пропаганде произведений председателя Мао». Эти идеологические мероприятия, проводившиеся под лозун-

том «изучения идей Мао в тесной связи с жизнью», явились попыткой маоистов утвердить в стране идейную монополию маоизма. С конца 1971 г. маоисты начинают новый этап «внедрения маоизма» — так называемую кампанию по «изучению» отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма, которая была призвана путем извращения некоторых положений из трудов Маркса, Энгельса, Ленина «подкрепить» теоретические основы маоизма. Именно этой цели служило предпринятое в последнее время в Китае издание работ Маркса, Энгельса и Ленина. Такая кампания по насаждению маоизма продолжается в Китае и по сей день.

Своеобразие нынешнего состояния философской мысли в Китае заключается в том, что она находит свое выражение в двух планах — сугубо политическом, где философия призвана «работать» на маоизм непосредственно, выступая идейно-теоретической основой внутреннего и внешнеполитического курса маоистского руководства, орудием укрепления его власти, и теоретическом, где философия выполняет ту же роль, но уже опосредованно, через конкретные науки. Наличие последнего аспекта свидетельствует о том, что маоизм как идеология вторгается в область общественных наук. Это стало особенно заметно в 1972 г., когда в духовной жизни КНР наметился процесс «возрождения гуманитарных и общетеоретических естественных наук».

В частности, в феврале 1972 г. в журнале «Хунци» была опубликована статья «Читать книги по истории философии», имевшая директивный характер. В ней было обнародовано очередное «новейшее указание председателя Мао» руководящим работникам высшего звена — «читать книги по истории философии, включая китайскую и европейскую историю философии». Полезность этого «чтения» усматривалась в том, что в истории философии можно позаимствовать приемы теоретической критики классиками марксизма-ленинизма идеалистических и метафизических концепций, которые-де в настоящее время вновь возродились в виде «современного ревизионизма». В конце статьи была сформулирована установка для специалистов «в ударном порядке» написать «новые книги» по истории философии.

В ходе эволюции маоистского идеологического курса начиная с IX съезда КПК взгляд маоистов на философию как предмет резко менялся. Движение «за изучение философских идей Мао» в 1970 г., проводившееся под лозунгом «высвободить философию из аудиторий и книг философов, сделать ее достоянием широких масс» [24] и «очистить от мистики»,

[24] «Жэньминь жибао», 19.IX; 18.X.1970; «Гуанмин жибао», 15.IX; 10, 30.X.1970.

означало, по существу, отрицание самой философии как специфической отрасли науки и низведение ее до уровня повседневной практики масс.

По мере дальнейшего обострения внутриполитической борьбы в маоистском руководстве на страницах китайской печати стали появляться призывы к теоретическому углублению критики идейных и политических противников маоизма. В 1972 г. маоистская пропаганда заговорила о необходимости преодоления «эмпиризма» на основе изучения теории. В этой связи третирование «книжных знаний» сменилось осуждением «непосредственного опыта» как ограниченного по своему характеру и содержанию. Перед философией ставилась задача «теоретической критики эмпиризма» как составной части критики идейных и политических противников маоизма и в связи с этой задачей говорилось уже о необходимости изучать философию, как таковую [25]. В 1973 г. маоистское руководство поставило вопрос о планомерной подготовке отряда профессиональных идеологов-теоретиков, рассматривая это как «большое всепартийное дело, актуальную и стратегическую задачу» [26].

Несмотря на «реабилитацию» философии, содержание самой научно-философской мысли в Китае ограничивается по-прежнему четырьмя «философскими» работами Мао Цзэдуна — «Относительно противоречия» (1937 г.), «Относительно практики» (1937 г.), «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957 г.) и «Откуда берутся у людей правильные идеи» (1963 г.).

Характерной особенностью нынешней философской науки в Китае являются попытки маоистов переосмыслить с позиций маоизма историю философии и философские вопросы естествознания. В 1973 г. вышло два тома материалов по древнекитайской философии, подготовленных кафедрой китайской философии Философского факультета Пекинского университета [27]. В нем помещены основные источники (на древнекитайском и современном разговорном языке) до периода Цинь (246 г. до н. э.). Одновременно идет процесс переоценки — с вульгарно-социологических позиций маоизма — идеологии конфуцианства, которая осуществляется в ходе кампании по критике взглядов Конфуция и «современных конфуцианцев» (см. разд. «Идеология»).

В области изучения всемирной истории философии в 1973 г. вышел сборник, в котором прослеживается история

---

[25] «Хунци», 1972, № 10, стр. 29—33.

[26] «Хунци», 1973, № 4, стр. 35—38.

[27] Краткий сборник материалов по китайской философии (Чжунго чжэсюэ ши цзыляо цзяньбянь), тт. 1, 2, Пекин, 1973.

философии (китайская и европейская) начиная с древнейшего периода и по новейшее время включительно [28]. 16 сложнейших тем [29] получили в сборнике свое освещение всего лишь на 92 страницах. В качестве исходного принципа изложения и освещения вопросов истории философии взяты «идеи Мао», изложенные в статьях «Относительно противоречия» и «Относительно практики» [30].

Судя по этим изданиям, маоисты отбросили марксистский принцип освещения истории философии и предпринимают попытку переписать историю философии не под углом зрения действительной борьбы материализма с идеализмом, а рассматривая ее как борьбу «линии материалистической теории отражения», истолковываемой в маоистском, по существу, махистском духе, и «линии идеалистического априоризма», также толкуемой на маоистский манер. Таким образом, маоисты пытаются возвести «гносеологические идеи» Мао в ранг исходного методологического принципа историко-философской науки.

К настоящему времени маоисты уже «проследили» в таком духе линию априоризма на примере философии Конфуция, Мэнцзы, Дун Чжун-шу, Чжу Си, Ван Шоу-жэня, Платона, Декарта, Канта и Гегеля [31]. Линия же «материалистической теории отражения» пока представлена только «идеями Мао».

С маоистских позиций освещаются и философские вопросы естествознания. В 1973 г. в КНР начато издание журнала «Диалектика природы». К настоящему времени вышел в свет первый его номер. Журнал знакомит читателя с гипотезами об образовании земной коры, с историей развития космоло-

---

[28] Изучаем историю философии (Сюэ дянь чжесюэ ши), Шанхай, 1973.

[29] Концепция Дао Конфуция и Мэнцзы и стихийный материализм Моцзы и Сюнь-цзы; концепция недеяния Лао-цзы и Чжуан-цзы и софистика Хуэй Ши и Гунсунь Луна; две противоположные философские концепции эпохи Хань; борьба материалистического атеизма с буддийским идеализмом начиная со времени Вэй и Цзинь до Суй и Тан; борьба материализма с идеалистическими учениями «О законе ли» и «О разуме» в эпоху Сун и Мин; буржуазная китайская философия реформаторского и революционного направления в новое время; борьба линий Демокрита и Платона в древнегреческой философии; борьба между номализмом и реализмом в Европе в эпоху феодализма; эмпиризм и рационализм в XVII в.; борьба английского идеализма и французского материализма в XVIII в.; идеалистический априоризм Канта и агностицизм; идеалистическая диалектика Гегеля и материализм Фейербаха; появление философии марксизма — небывалый революционный переворот в человеческом познании; философия Ницше — теоретическая основа фашизма; прагматизм — реакционная философия эпохи империализма; борьба Ленина против махизма.

[30] Изучаем историю философии, стр. 5.

[31] Априоризм в истории философии (Чжэсюэши шандысяньянь лунь), Пекин, 1972.

гических идей, а также с новейшими достижениями в области экспериментальной астрономии. В этих областях заметно влияние национализма и антисоветизма. Вклад советской науки полностью замалчивается. Вместе с тем явно обнаруживается стремление подчеркнуть достижения китайской космологической мысли, пусть даже в далеком прошлом. В этой связи сугубо поэтическое, философско-лирическое сочинение Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.) «Вопросы к небу» вместе с сочинением танского мыслителя Лю Цзун-юаня (773—819 гг.) «Ответы неба» рассматриваются как специальные научные космологические трактаты. Журнал утверждает, что в последнем сочинении «четко сформулирована идея о материальности космоса», выдвинуты идеи бесконечности вселенной и гелиоцентризма [32]. Другими словами, журнал пытается внушить читателям мысль о том, что китайцы опередили Европу в этом отношении чуть ли не на 500 лет.

Идейно-философское влияние маоизма на трактовку развития естественнонаучной мысли сказывается и в абсолютизации производственной практики. Рассматривая, например, вопрос об эволюции астрономии от сугубо практической области человеческой деятельности к теоретической науке, журнал сводит весь процесс становления астрономической теории к «производственной и классовой борьбе», которая-де только и являлась движущей силой ее развития [33].

Оценивая в целом состояние философских наук в КНР в настоящее время, следует сказать, что, несмотря на известное оживление теоретической деятельности в этой области, ее содержание по-прежнему подчинено попыткам «теоретического» обоснования политической практики маоизма.

Правовая наука

Возникновение правовой науки в КНР относится к периоду, непосредственно следовавшему за ее образованием. Первые опубликованные в КНР правовые работы имели научно-популярный характер либо представляли собой обобщения практики работы политико-юридических органов. В 1953 г. была создана Китайская ассоциация политических и юридических наук, начавшая издавать в 1954 г. журнал «Чжэн-фа яньцзю» («Политико-юридические исследования»). В 1955 г. начало работу Издательство юридической литературы, выпустившее ряд книг китайских и советских юристов по различным вопросам государства и права, а также сборники нормативных материалов. В 1956 г. Шанхайским политико-

---

[32] Диалектика природы (Цзыжань бяньчжэнфа), 1973, № 1, стр. 148.
[33] Там же, стр. 98.

юридическим институтом начал издаваться «Восточно-китайский политико-юридический вестник», вскоре преобразованный в журнал «Фасюэ» («Правоведение») — орган Шанхайского филиала Китайской ассоциации политических и юридических наук. Наиболее значительные исследования по праву КНР в 50-е годы были написаны Чжоу Фаном, Сунь Го-хуа, Янь Хуа-нанем и другими китайскими юристами. В 1957 г. кадрам научных работников в области права был нанесен большой удар кампанией борьбы против «буржуазных правых элементов», которая в конечном счете вылилась в разгром сторонников «иностранных шаблонов», т. е. советского опыта и опыта других социалистических стран в области государственного и правового строительства. В связи с этим созданный в 1958 г. в системе Академии наук Китая Институт права (директор — Чжан Ю-юй) был с самого начала обречен на творческое бесплодие. Институтом не было выпущено ни одной монографии (в том числе из запланированных, например, к десятилетию КНР). В 1958 г. прекратилось издание журнала «Фасюэ», а журнал «Чжэн-фа яньцзю», последний номер которого вышел в начале 1966 г., полностью перешел на позиции апологетики маоизма. С 1964 г. в этом журнале начинают публиковаться открыто антисоветские статьи. С началом «культурной революции» издание каких-либо юридических книг (в том числе сборников законов и постановлений) и статей прекратилось. В период «культурной революции» юридические вопросы трактовались в «дацзыбао» и многотиражках хунвэйбинов политико-юридических вузов и факультетов с позиции правового нигилизма, замены законов в качестве критериев разрешения судебных, административных и других дел «идеями Мао Цзэ-дуна». Правовая наука КНР и сейчас продолжает переживать тяжелый кризис, обусловленный глубоким параличом конституционных институтов и норм, возведением произвола и беззакония в норму государственной жизни.

В 1973 г. вопросы права трактовались в печати лишь в связи с кампанией критики конфуцианства и противопоставлением ему школы легистов. При этом в данном случае мост к современности не перекидывался, потому что правовые воззрения маоистов весьма сродни конфуцианским (отрицание гласности права, сведение назначения права к наказаниям, критика управления на основе законов и т. п.).

КУЛЬТУРА

Победа народной революции в Китае ознаменовала начало строительства в масштабах всей страны новой, подлинно народной культуры, основанной на социалистических

принципах. Летом 1949 г. состоялся 1-й Всекитайскии съезд работников литературы и искусства, призвавший всю демократически настроенную творческую интеллигенцию к активному участию в строительстве новой культуры. 2-й Всекитайский съезд работников литературы и искусства, состоявшийся в 1953 г., определил, что ведущим творческим методом литературы и искусства КНР должен быть социалистический реализм.

Развивая лучшие традиции революционной и демократической культуры предшествовавших десятилетий, осваивая опыт мировой прогрессивной, в первую очередь советской, культуры, литература, искусство и просвещение КНР за первое десятилетие существования добились несомненных успехов. Благодаря быстрому росту всеобщего и специального образования культура в ее различных формах становилась достоянием все более широких слоев народа. Значительно уменьшилась неграмотность, достигавшая до революции 90%. В литературу и искусство влились многочисленные молодые силы, в большинстве своем выходцы из трудовой среды, которые вместе с мастерами культуры старшего поколения начали эстетическое освоение новой действительности. В литературу и искусство пришли и новые герои — борцы за новое общество, коммунисты, передовая молодежь. В то время много внимания уделялось поискам выразительных средств, понятных массам, способных отразить свершения народа и трудности на его пути. Активно популяризировались и изучались прогрессивные стороны национального наследия, китайская аудитория получила возможность широко знакомиться с книгами и кинофильмами СССР и других стран. Все большее распространение получала художественная самодеятельность масс. Естественно, эти успехи были бы невозможны без направляющей поддержки КПК и народного правительства.

Вместе с тем маоистская часть руководства КНР, учитывая важное место культуры в системе идеологического воздействия на массы, неизменно прилагала усилия для подчинения ее своему влиянию. Основным программным документом в сфере культуры были объявлены «Выступления по вопросам литературы и искусства» Мао Цзэ-дуна (1942 г.). С начала 50-х годов одна за другой проводились кампании по «перевоспитанию» интеллигенции, в ходе которых принципы марксизма-ленинизма в нарастающей степени подменялись «идеями Мао Цзэ-дуна».

С 1956 г. политика китайского руководства внутри государства, направляемая Мао Цзэ-дуном, несколько раз совершала резкие повороты. Сначала был провозглашен курс «пусть расцветают сто цветов», декларировавший почти

неограниченную свободу выбора метода, форм и тематики творчества. В следующем году маоисты впали в другую крайность — за малейшие проявления «инакомыслия» деятелей культуры стали зачислять в «правые элементы», в числе которых оказались многие честные коммунисты. Год спустя был объявлен «большой скачок» в области культуры: было создано множество не обеспеченных материальными средствами школ и вузов; писателей и художников заставляли брать на себя невыполнимые обязательства; многие миллионы людей, не имевших непосредственного отношения к искусству и литературе, вынуждены были заниматься сочинением «народных песен» или рисованием «картин» на стенах домов. Творческим методом литературы и искусства было провозглашено «сочетание революционного реализма и революционного романтизма», на практике означавшее отказ от реализма, идеализацию действительности в угоду маоистским схемам.

Провал политики «скачка» и распространившиеся среди интеллигенции настроения недовольства вынудили маоистов к временному отступлению. Правда, 3-й съезд работников литературы и искусства (1960) отдал дань и прославлению «скачка», и борьбе с «современным ревизионизмом». Но уже в 1961—1962 гг. руководство культурным фронтом, отражая настроения широких кругов творческих работников, попыталось провести в жизнь установки, направленные на восстановление социалистических принципов развития литературы и искусства, что привело к созданию ряда удачных произведений, главным образом на историко-литературную тематику. Одновременно были предприняты шаги по устранению последствий «скачка» в области образования (многие учебные заведения, не имеющие материальной базы, были закрыты, оставшиеся — укреплены).

В результате вынужденного ослабления нажима группы Мао Цзэ-дуна на интеллигенцию, проведения реабилитации многих деятелей культуры и науки, которые в 1957—1958 гг. были огульно зачислены в «правые элементы», гуманитарная интеллигенция стала активнее выражать свое несогласие со многими установками маоизма в сфере литературно-художественного творчества, заговорила о необходимости решения серьезных проблем культурной и научной жизни страны. Были подняты вопросы о важности реалистического изображения действительности, марксистского подхода к оценкам исторических событий, о необходимости использования достижений классической и современной мировой культуры, национального наследия и т. д. Наряду с «лакировочными» произведениями и «розовыми» идеальными героями, созданными по методу «сочетания революционного реализма с ре-

волюционным романтизмом», снова стали появляться произведения, говорящие о сложности реальной действительности, с живыми чертами характеров персонажей. Некоторые писатели осмелились даже подвергнуть критике политику Мао-Цзэ-дуна, правда, в иносказательной форме.

Однако с конца 1962 г. группа Мао Цзэ-дуна вновь усилила соответствующее общему направлению политики давление в области культуры и идеологическую обработку учащейся молодежи, одновременно развернув кампанию по дискредитации советской литературы и искусства. Следствием этого явилось резкое сокращение количества публикуемых произведений, особенно написанных профессиональными авторами, замена их (якобы зараженных «буржуазной идеологией» и «ревизионизмом») самодеятельными художниками. На авансцену вышли «нержавеющие винтики председателя Мао» вроде Лэй Фэна или Оуян Хая, весь смысл существования которых — неукоснительное и бездумное выполнение «высочайших указаний председателя». Виднейшие писатели, деятели театра и кино один за другим становились мишенями критических кампаний. Все больше сокращались культурные связи с внешним миром. Утвердилась нигилистическая позиция в отношении традиций гуманизма и реализма в классическом наследии. В сочетании с нагнетавшимся культом Мао все эти тенденции оказывали пагубное влияние на учащихся школ и вузов, воспитывая в них пренебрежительное и даже враждебное отношение ко всему богатству человеческой культуры, коль скоро оно не отмечено печатью «маоцзэдуновских идей».

В июне 1964 г. была распространена новая «резолюция» Мао Цзэ-дуна, где утверждалось, что Всекитайская ассоциация работников литературы и искусства и входящие в нее творческие союзы «докатились до ревизионизма». Этой «резолюцией» Мао Цзэ-дун не только возводил в силу закона отрицательное отношение к творческой интеллигенции, огульно зачеркивал все достижения, имевшиеся в культуре молодого государства, но и зачислял в «буржуазно-ревизионистский» стан всех интеллигентов. в том числе и молодых, подготовленных за годы народной власти.

Значительным этапом идеологического наступления маоистов был проведенный под руководством Цзян Цин смотр спектаклей традиционного театра на современную тему (1964). Вскоре после этого весь классический репертуар был заменен горсткой «революционных образцовых спектаклей» преимущественно на военные темы. В театре разговорной драмы прекратили ставить пьесы революционных драматургов 30—40-х годов и иностранных авторов. Наконец, в ноябре 1965 г. появилась статья Яо Вэнь-юаня с критикой исто-

рической пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуя», послужившая сигналом к «культурной революции».

В сфере культуры программным документом «культурной революции» явился «Протокол совещания по вопросам работы в области литературы и искусства в армии», созванного Цзян Цин по поручению Линь Бяо. В нем утверждалось, будто все годы существования КНР в литературе и искусстве господствовала «черная ревизионистская линия», огульно отрицались зарубежная культура, особенно советская, и классическое наследие. Задачи литературы и искусства Китая сводились к пропаганде политики Мао Цзэ-дуна, его «идей» и прославлению его личности. В соответствии с этими установками была насильственно прекращена деятельность всех творческих союзов и художественных коллективов, перестали выходить книги и журналы, закрылись выставки и музеи, запрету подвергся почти весь репертуар театра и кино, опустели книжные магазины. Одновременно перестали работать школы и вузы. Массовым репрессиям, физическим и моральным, подверглись писатели и художники, профессора и учителя. Творческая деятельность в стране прекратилась до 1971 г. включительно — выходили лишь немногочисленные агитки, созданные непрофессиональными авторами. Страницы центральной прессы были заполнены яростными нападками на созданные до 1966 г. произведения и их авторов, причем главными мишенями обличений были коммунисты, прежние руководители культурного фронта — Чжоу Ян, Тянь Хань и др. Это сопровождалось клеветнической кампанией против литературы и искусства СССР, нигилистическими наскоками на китайскую и мировую классику.

Единственными образцами «нового пролетарского искусства», к созданию которого призывали организаторы «культурной революции», стал десяток «образцовых революционных спектаклей», подготовленных (и неоднократно переделывавшихся) под руководством Цзян Цин. На их основе начал создаваться набор правил для писателей и художников, своего рода маоистский канон. Согласно этим правилам, главный герой, носитель «идей Мао Цзэ-дуна», должен непременно занимать центральное место в произведении и олицетворять все добродетели. Отрицательным персонажам, наделенным всевозможными пороками, отводилось место на периферии. В соответствии с «каноном» действительность следовало изображать «выше и идеальнее», чем она есть на самом деле. Из классического и зарубежного искусства разрешалось заимствовать лишь отдельные технические приемы и т. д.

Последствия ущерба, нанесенного китайской культуре и образованию «культурной революцией», вряд ли поддаются

учету. Лишь в 1968 г. начались более или менее регулярные занятия в школах, а с 1970 г.— частично в вузах. Поскольку первый, немногочисленный выпуск состоялся только в 1972 г., страна лишилась 1,5—2 млн. квалифицированных специалистов, столь нужных ее народному хозяйству. Этого не могла не видеть более трезво мыслящая часть руководства. После IX съезда КПК наметилась менее жесткая линия в отношении интеллигенции, стали говорить не только о критике и «перевоспитании», но и об ее «использовании», однако процесс «освобождения» (реабилитации) работников творческого и умственного труда затянулся на ряд лет. Сведенные до минимума культурные связи с заграницей начали восстанавливаться, хотя и в крайне скромных размерах.

В самом конце 1971 г. в печати было воспроизведено давнее «указание» Мао Цзэ-дуна: «Нужно создавать еще больше (!? — *В. В.*), еще более хороших произведений литературы и искусства» [34]. Видимо, маоистское руководство сочло, что дальнейшее существование культурного вакуума опасно, так как заставляет население обращаться к идеологически «невыдержанным» произведениям прежних времен. При этом подчеркивалось, что идейной основой творческой деятельности должны оставаться «яньаньские выступления» Мао Цзэдуна. Что касается «Протокола» 1966 г., то он открыто более не упоминается, ибо связан с именем Линь Бяо, но поскольку он был «трижды просмотрен председателем Мао», то содержащиеся в нем установки и рецепты явно продолжают оставаться руководством к действию.

Реальным результатом новых тенденций явилось возобновление литературно-художественных публикаций. В 1972 г. вышло свыше 130 романов, повестей, сборников рассказов, стихов и пьес. За 1973 г. в китайской печати не приводилось точных данных, но выпуск литературы, по всей видимости, несколько сократился. Возобновилось издание провинциальных и городских литературно-художественных журналов («Бэйцзин синь вэньи», «Хэбэй вэньи», «Гуандун вэньи» и др.). Центральные журналы до сих пор не выходят в свет, если не считать идущий на экспорт «Чайниз литречэ» на английском языке и закрытый армейский журнал «Цзефанцзюнь вэньи». Помимо «образцовых спектаклей» на профессиональной сцене появились новые пьесы в различных жанрах традиционного музыкального театра, а также одноактные «разговорные драмы». Увеличилось число короткометражных научно-популярных, документальных, мультипликационных фильмов, появились признаки возобновления

---

[34] «Жэньминь жибао», 16.XII.1971.

деятельности художественных киностудий. Состоялось несколько сравнительно крупных выставок изобразительного искусства и фотографии. Начали публиковать больше репродукций новых картин, рисунков и произведений декоративно-прикладного искусства, в том числе созданных известными до «культурной революции» мастерами. Расширилась тематика и жанровое многообразие произведений живописи и графики.

Если до 1971 г. практически единственными видами творчества были самодеятельное и коллективное, причем превосходство этих видов всячески оправдывалось теоретически, то теперь индивидуальное авторское творчество как бы «восстановлено в правах». В печати стали появляться имена известных в прошлом писателей, деятелей искусства и ученых-обществоведов, правда в большинстве случаев в связи с разного рода собраниями и встречами, а не с их профессиональной деятельностью.

В стране создана новая административная структура, направляющая культурную жизнь. В печати отсутствует ее детальное описание, но в общих чертах, насколько можно судить по имеющимся сведениям, она выглядит следующим образом. При Госсовете КНР существуют Группа по культуре и Группа по науке и образованию, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы или секции. В органах власти провинций, городов и уездов имеются соответствующие департаменты или отделы. Создается впечатление, однако, что они занимаются преимущественно организационными и финансовыми вопросами, идеологическое же руководство осуществляется партийными комитетами, направляемыми большей частью людьми, близкими к Цзян Цин и Яо Вэнь-юаню, т. е. «радикалами».

Творческие работники на местах объединены в основном в «художественные коллективы» провинциального, уездного и других масштабов, которые включают в себя «писательские группы», театральные и песенно-танцевальные коллективы и пр. Эти коллективы через «учебные группы» готовят молодые художественные кадры и с помощью специальных бригад руководят художественной самодеятельностью. Как и прежде, самодеятельному искусству маоисты придают большое значение в качестве важного средства идеологического воздействия на массы. В нее всеми мерами, часто в приказном порядке, вовлекается население города и деревни, включая учащихся и домохозяек, вследствие чего количество участников достигает многих миллионов. Вся деятельность как профессиональных, так и самодеятельных коллективов строжайшим образом регламентируется и контролируется. Творческие союзы (Союз писателей, Союз художников и т. д.)

до сих пор не восстановлены и, судя по всему, восстанавливаться не будут.

Указанные количественные сдвиги в области культуры не привели к сколько-нибудь существенным качественным переменам. Маоисты по-прежнему подчиняют всю деятельность в сфере культуры задачам пропаганды и политического воспитания, пренебрегая ее познавательными и эстетическими функциями. Требуя от литературы и искусства прямого отражения текущих установок, служения бесконечно сменяющимся политическим кампаниям, руководители культурного фронта обрекают их на плакатную поверхностность, шаблонность и безжизненность, вынуждают прибегать к бесконечным переделкам ради воспроизведения новейших лозунгов или обличения очередных «классовых врагов». Печать настойчиво требует от художников отображения «социалистической нови», т. е. якобы успешных результатов «культурной революции», создания «возвышенных образов героев эпохи Мао Цзэ-дуна». Не находя необходимых примеров в реальной действительности, писатели и художники вынуждены конструировать ходульные умозрительные схемы, создавать сусальные полотна, не имеющие отношения к подлинной жизни страны с ее многочисленными острыми проблемами. Вместо них в произведениях возникают надуманные ситуации, в которых «вооруженные идеями Мао Цзэ-дуна» идеальные персонажи без труда разоблачают до предела оглупленных «классовых врагов» или показывают облегченные «конфликты» между очень хорошими и просто хорошими героями. Последняя тенденция распространилась настолько, что китайской печати пришлось забить тревогу. Даже в произведениях, с идейной стороны оцениваемых положительно, пресса часто вынуждена отмечать художественную невыразительность, лозунговость, неконкретность описаний, композиционную рыхлость. Некоторые произведения, в момент своего появления отвечавшие официальным критериям, через какое-то время, после изменения политической ситуации, оказываются «идеологически порочными» и подвергаются жестокой критике. Это снижает творческую активность художников, вселяет в них неуверенность и страх. По-прежнему имеет хождение тезис «работа в области культуры опасна», несмотря на старания пропаганды уверить интеллигенцию в обратном [35].

В последние месяцы 1973 г. тон высказываний пекинской печати по вопросам культуры заметно изменился. Вместо разговоров об «успехах» все чаще стали появляться сообщения об «острой борьбе двух линий на фронте культуры», о

---

[35] «Жэньминь жибао», 2.VIII.1973.

возникновении «рецидивов черной ревизионистской линии в литературе и искусстве». В печати говорится, что многие работники литературы, искусства и просвещения стоят за восстановление «старых», т. е. существовавших до «культурной революции», порядков и содержатся призывы вести с ними решительную борьбу. В ходе кампании по критике конфуцианства и защите легизма восхвалялись в качестве «революционных» такие меры императора Цинь Ши-хуана (III в. до н. э.), как сожжение книг (были уничтожены все книги, кроме сельскохозяйственных и медицинских сочинений) и истребление несогласных ученых. Это трудно расценить иначе как оправдание вандализма и террора времен разгула «культурной революции». В прессе неоднократно повторяется формулировка о том, что в учебных заведениях главным критерием должен быть политический, а не академический, и о том, что учащиеся могут и должны критиковать педагогов, с их точки зрения отходящих от маоистских установок.

Тревожные нотки звучат в сообщениях китайской печати о положении с культурой на селе, где «классовые враги» воспользовались притуплением бдительности местных руководителей и распространяют среди крестьян «черные книги», «черные пьесы» и «желтые песни». Что при этом имеется в виду конкретно, печать не уточняет, но очевидно, что речь идет о произведениях, созданных до 1966 г., или о фольклоре. В связи с этим из номера в номер звучат призывы «захватить позиции в области культуры в деревне».

В отношении маоистского руководства к классическому наследию и иностранной культуре серьезных изменений не произошло. Лишь немногие произведения китайской классики переизданы ограниченным тиражом. Из деятелей революционной культуры XX в. признанием пользуется только один Лу Синь, творчество которого маоисты пытаются — в препарированном виде — использовать в своих идеологических целях. Под запретом остается и почти вся мировая культура. В Пекине было объявлено о переиздании нескольких переводов произведений М. Горького, А. Серафимовича и А. Фадеева, но одновременно возобновились клеветнические выпады против современной советской литературы и искусства. Наметившееся было более терпимое отношение к классической европейской музыке (в связи с приездом Филадельфийского оркестра «Жэньминь жибао» с похвалой отзывалась о «Пасторальной симфонии» Бетховена) вновь уступило место вульгаризаторскому нигилизму.

В целом необходимо признать, что, несмотря на некоторое оживление в области культуры, она ни в количественном, ни в качественном отношении ни в коей мере не может удов-

летворить потребности китайского общества. По существу, ей отведена роль служанки официальной пропаганды, призванной содействовать внедрению в умы народа маоистской идеологии.

Политика в отношении интеллигенции

Гонения на интеллигенцию в годы «культурной революции» приняли огромные масштабы. Официальные репрессии и расправы хунвэйбинов, отправка в деревню на «перевоспитание силами бедняков и низших середняков» (т. е. на тяжелый физический труд с полным отрывом от профессиональной деятельности), ссылка в «школы кадровых работников 7 мая» (учреждения, весьма сходные в те годы с концентрационными лагерями) — таковы были основные методы «воздействия» на интеллигенцию в разгар «культурной революции». Печать не скрывала условий существования «перевоспитываемых», она подчеркивала, что чем тяжелее эти условия, чем изнурительнее труд, которым они должны заниматься, тем эффективнее «перевоспитание», тем лучше усвоение «учащимися» «идей председателя Мао».

Из общей массы интеллигенции ученые и преподаватели технических и естественных наук были меньше всех затронуты событиями «культурной революции», многие даже продолжали заниматься своей профессиональной деятельностью — маоистам нужна была промышленность, особенно военная. Однако выходившая временами из повиновения хунвэйбиновская стихия иногда захватывала и их, да и общая обстановка в стране не могла не сказаться на их творческой активности.

Более всего пострадала интеллигенция гуманитарная и творческая — философы, историки, педагоги, писатели, художники, музыканты, артисты и т. д. Инженерно-техническая интеллигенция, хотя и в меньшей степени, тоже подвергалась и гонениям, и массовой отправке в деревню на «перевоспитание», и замене людьми технически неграмотными, зато «хорошо изучающими труды председателя Мао».

В настоящее время интеллигентов старшего поколения осталось мало — помимо естественной убыли многим из них сократила жизнь «культурная революция». Оставшаяся часть практически не имеет надежды на возобновление творческой деятельности. Интеллигенты среднего поколения, пережившие «культурную революцию», дискредитированы, в значительной степени деморализованы, возвращение их к активной работе сопряжено с большими трудностями.

Что же касается младшего поколения интеллигенции, то теперь оно представляет собой огромную армию «грамотных

молодых людей», многие из которых имеют весьма низкий уровень образования. Именно за их счет увеличилось количество интеллигентов в стране (если в 1957 г. их было 5 млн., то на IX съезде КПК было заявлено о существовании уже 10 млн.). От этих «интеллигентов» трудно ожидать большого вклада в науку и культуру: большинство их развращено «культурной революцией» и воспитано на презрении к той самой культуре, носителями которой они должны были бы являться. Вместе с тем маоисты считают, что и они подлежат постоянному «перевоспитанию». В этой связи 22 декабря 1968 г. появилось очередное «указание» Мао Цзэ-дуна, гласившее, что все, кто окончил хотя бы среднюю школу низшей ступени, тоже должны «получать новое воспитание со стороны бедняков и низших середняков».

Таким образом, вступление «культурной революции» в завершающий этап отнюдь не означало прекращения «перевоспитания» интеллигенции: оно продолжалось и ему подлежал теперь еще более широкий контингент людей.

В то же время, начав вводить «культурную революцию» в определенное русло, пекинское руководство пыталось обратиться к профессиональным знаниям интеллигентов. Уже в 1969 г. начали говорить о реабилитации («освобождении») тех, кто «совершил ошибки, но осознал их». В марте 1970 г. журнал «Хунци» настаивал на необходимости «объединения» с интеллигенцией, последовательного «освобождения» ее — при неизменном, однако, условии продолжения ее «перевоспитания» в деревне, в «школах 7 мая» и с помощью разных видов «большой критики», «углубленной критики». Это были основы «правильной пролетарской политики председателя Мао», которая, по утверждению китайской печати, определяет взаимоотношения пекинского руководства с интеллигенцией и в настоящее время. Основная суть «правильной политики» сводится к сочетанию «использования» интеллигентов (следовательно, возвращения их к профессиональному труду, создания каких-то условий для работы и т. д.) с их «перевоспитанием» (т. е. сохранением всех атрибутов идеологического давления).

В 1973 г. продолжался процесс «реабилитации» специалистов старшего и среднего поколений. Начавшись с преподавателей и врачей, он охватил затем артистов, вообще деятелей искусства, ученых-гуманитариев и в конце концов коснулся и писателей. На протяжении последних лет пресса неизменно подчеркивала смягчение отношения к ним и улучшение условий их существования в деревне. Сократились сроки пребывания в «школах 7 мая». «Грамотные молодые люди» получали возможность приобретать какую-то специальность, с тем чтобы работать в деревне, у некоторых из

них появилась перспектива продолжить учебу. На страницах прессы упоминались имена довольно известных деятелей науки и культуры, причем некоторые из них (особенно ученые, артисты, художники) не только в качестве лиц, присутствовавших на приемах, но и в связи с той или иной научной работой, спектаклем или произведением живописи.

Процесс «использования», как признает печать, столкнулся с немалыми трудностями. Нужно было преодолевать недоверие к интеллигенции широких масс народа, культивировавшееся маоистами в течение многих лет, успокаивать самих интеллигентов, боявшихся возвращаться к профессиональной деятельности; приходилось преодолевать сопротивление новых кадров, «добившихся постов в ходе культурной революции» и не желавших теперь уступать их реабилитированной интеллигенции и старым кадрам; наконец, «использование» тормозилось сохранением всех методов и форм идеологического давления на интеллигенцию.

В 1973 г. стали заметны некоторые процессы, свидетельствовавшие о новом крене пекинского руководства в сторону «перевоспитания». Снова зазвучали стихнувшие было упреки по адресу деятелей культуры в том, что они все еще «стоят на буржуазных позициях», «не преобразовали своего мировоззрения» и недостаточно искренне «служат рабочим, крестьянам и солдатам». Печать публиковала множество материалов, акцентирующих необходимость воспитания «заново» людей умственного труда, стимулирующих критику и «саморазоблачения» интеллигентов, ставящих под сомнение авторитет учителя перед лицом ученика, пропагандирующих «собрания критики», главным объектом которых, как и прежде, являются интеллигенты, и т. д.

Всячески подчеркивается значение «школ кадровых работников 7 мая» как одной из основных форм «перевоспитания интеллигенции» и долговечность этого института (эти «школы» начали функционировать в 1968 г. на основании «указания» Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 г.). Наряду с работниками партийного, административного, комсомольского, профсоюзного аппарата значительное место среди «учащихся» заняли деятели культурного фронта, просвещения, медицины.

Одновременно, однако, в прессе вспоминается «забота о быте»; физический труд представляется как жизненно необходимый процесс, а не как средство повышения политической сознательности; главной задачей «школ» объявляется создание кадровым работникам условий для спокойной и углубленной «политической учебы». Сократились и сроки «обучения»: если раньше они варьировались от полугода до трех лет, то теперь — от трех до шести месяцев.

И тем не менее само сохранение этой системы свидетельствует о неизменности общих основ политики пекинского руководства в этой области. В печати предлагается тщательно «планировать и организовывать поочередное обучение кадровых работников в школах, делать это по твердо установленному режиму, с тем чтобы все кадровые работники во главе с руководящими кадрами по очереди проходили обучение и закалку в «школах 7 мая» [36]. На X съезде КПК эта линия была вновь подтверждена.

Обращает на себя внимание большое число молодых людей, «обучающихся» в «школах 7 мая». Вообще число «грамотных молодых людей», отправленных на «перевоспитание» в горные и сельские районы (будь то «школы 7 мая» или «народные коммуны»), за последние пять лет (1968—1973), по официальным китайским данным, достигло 8 млн.[37]. И если в конце 60-х годов тяжесть условий существования молодых людей в деревне тоже определяла для маоистов эффективность их «перевоспитания», то в начале 70-х годов «грамотным молодым людям» в деревне давали возможность овладевать специальностью, сулили возможность приобретения высшего образования. Объясняется это, с одной стороны, нехваткой специалистов на селе, а с другой — стремлением властей избежать взрыва недовольства «грамотной молодежи» путем некоторого улучшения ее бытовых условий. Газеты рассказывали, как приехавших в деревню молодых людей «окружают теплой заботой», всячески подчеркивалось, что физический труд для них — это не наказание, а возможность «служить народу». Линь Бяо и Чэнь Бо-да бранили за то, что они якобы называли отправку молодежи в сельские районы «скрытой формой перевоспитания физическим трудом», а «школы 7 мая» — результатом «скрытой безработицы» и методом «сокращения числа людей, которые едят хороший рис» [38].

Однако в конце 1973 г. параллельно с этим в печати зазвучали нотки, напоминающие о «культурной революции». Печатаются сообщения о служебных продвижениях бывших хунвэйбинов, поощряется критика «профессиональных авторитетов» (опять в первую очередь учителей), хорошая ориентация в политике (т. е. преданность «идеям») объявляется критерием знаний поступающих в вузы, попытки заговорить о качестве обучения объявляются «однобокой болтовней», снова звучат призывы к борьбе с влиянием «горстки стоящих на реакционных буржуазных позициях» и т. д. Все это про-

---

[36] «Жэньминь жибао», 11.VII.1973.

[37] «Жэньминь жибао», 22.XII.1973. Следует учитывать, что за эти годы средние школы КНР окончило около 7 млн. человек.

[38] «Жэньминь жибао», 14.IX.1973.

исходит на фоне широко развернувшейся кампании по критике конфуцианства, одним из аспектов которой является новый идеологический нажим на интеллигенцию. Эта кампания, в ходе которой превозносятся постулаты легизма, в частности, говорит о том, что интеллигенции по-прежнему не доверяют (легисты видели в ученых рассадник крамолы, использовали принуждение и силу во взаимоотношениях с ними), что их реабилитация — явление непостоянное (китайская пресса поносит Конфуция за стремление «выдвинуть на чиновничьи должности тех, кто жил отшельником»), что маоисты считают методы «культурной революции» и насилия над интеллигентами полезными и даже прогрессивными методами.

Все эти явления общественной жизни страны говорят о том, что интеллигенцию могут в ближайшем будущем ожидать новые испытания. Сейчас еще трудно сказать, связано ли это с неудовлетворенностью маоистов результатами «культурной революции» или с сильным противодействием со стороны представителей более умеренной линии, вынуждающим маоистов бороться за собственное влияние. Очевидно только, что интеллигенция снова может стать для маоистов тем самым трамплином в борьбе за власть, которым она послужила в начале «культурной революции».

Литература

В течение пяти лет (1966—1971 гг.) художественной литературы в КНР практически не существовало. Жалким ее суррогатом были лишь появлявшиеся время от времени сборники рассказов, очерков и стихов, созданных самодеятельными коллективами или отдельными авторами из «рабочих, крестьян и солдат». От обычных газетных материалов они отличались лишь тем, что были зарифмованы или изложены «красивым» стилем с восклицаниями, трафаретными эпитетами и шаблонными сравнениями. Все они представляли собой непосредственные отклики на то или иное событие (создание «ревкомов», IX съезд КПК и т. п.), иллюстрацию к очередному «высочайшему указанию» или же просто славословия Мао Цзэ-дуну и проклятия его противникам. Провокации маоистов на советско-китайской границе породили волну антисоветских публикаций — хвастливых реляций «участников боев», экзальтированных призывом «отправиться на переднюю линию борьбы» и т. п., призванных разжигать националистические страсти в китайском народе.

Издавались также тексты «образцовых пьес», причем в нескольких сменявших друг друга вариантах (к этому вы-

нуждали зигзаги маоистской политической линии). Созданные профессиональными, хотя и анонимными, писателями из окружения Цзян Цин, они обладали более высоким литературным уровнем, но по содержанию оставались иллюстрациями к излюбленным маоистским тезисам: «винтовка рождает власть», «не забывайте о классовой борьбе», «все реакционеры — бумажные тигры» и т. п.

Начиная с 1970 г. стали публиковаться призывы к писателям развертывать творческую деятельность, тогда же были созданы «писательские группы». Однако практически результаты их работы стали видны только после издания директивы от 16 декабря 1971 г. На полках книжных магазинов стали вновь появляться романы и повести, сборники рассказов и стихотворений, в том числе авторов, выступавших в печати до «культурной революции» (хотя и не игравших тогда видной роли в литературе). Общее количество новых произведений этих жанров для такой страны, как Китай, довольно невелико (несколько сот названий). Зато большое распространение получили книжки-картинки, ранее пользовавшиеся популярностью среди малограмотных читателей: по сообщению Синьхуа от 24 января 1974 г., издательства провинций Сычуань, Гуандун и Цзянсу за один 1973 год выпустили столько же книжек-картинок, сколько за десять лет до «культурной революции». Много издается и детской литературы.

В тематическом отношении вышедшие в эти годы произведения можно разделить на три большие группы: 1) произведения на военную тематику (сюжеты из времен гражданской, антияпонской и корейской войн, о борьбе с гоминьдановскими диверсантами); 2) книги о «классовой борьбе», т. е. о борьбе между приверженцами маоистской линии и ее противниками; 3) произведения, прославляющие «социалистическую новь», т. е. «благотворное влияние» «культурной революции» на разные стороны жизни страны. Сюда же следует отнести и восхваления Мао Цзэ-дуну, которые несколько убавились в числе и стали менее назойливыми, но регулярно продолжают появляться.

К книгам первой группы относятся: роман Чжэн Чжи «Битва на реке Безымянной», пьесы «Гора Дуцзюаньшань» и «Битва на равнине», сборник «Рассказы о боевых героях», повесть «Ополченки с острова Хайнань» Ли Жу-цина, ряд стихотворений Ли Ина и др. Общей для них особенностью является восхваление «всепобеждающей военной линии» Мао Цзэ-дуна, на показ идеальных героев, «не боящихся смерти, не боящихся лишений», преуменьшение трудностей войны, изображение врагов трусливыми и неумными. Говоря о сегодняшнем дне китайской армии, авторы не жа-

леют красок для расписывания ее боевых приготовлений, прозрачно намекая или прямо указывая, что они необходимы для отражения мифической «угрозы с Севера». К этой группе примыкают и произведения, показывающие «единение армии с народом»,— например, роман Нань Вэя «Буйволиное болото» (о том, как солдаты помогают превратить бросовые земли в пахотные) или повесть Чжан Сянь-линя «Рыбацкое судно „Меч Шаньдуна-5"», в которой военные корабли спасают рыбаков, попавших в беду из-за «внезапно налетевшего из Сибири штормового ветра».

Вторую группу составляют такие произведения, как «образцовая пьеса» «Гимн Лунцзяну», написанная коллективом авторов, роман «Клокочущие горы», первая часть тетралогии Хао Жаня «Светлый путь», роман Чжэн Цзя-чжэня «Госхоз Прибрежный» и т. д. В них много говорится о преимуществах социалистического пути, о необходимости продолжать «классовую борьбу в условиях диктатуры пролетариата». При этом авторы, вынужденные следовать официальной схеме, искажают историю политического и экономического развития КНР, изображают враждебную социализму линию Мао Цзэ-дуна как «единственно правильную», зачисляют в «классовые враги» всех, кто по какому-либо вопросу стоит на отличной от маоистской точке зрения. Характерно, что большинство авторов — и это с неудовольствием отмечала китайская критика — предпочитают переносить действие в 50-е годы или на начало 60-х, чтобы не затрагивать наиболее острые и злободневные проблемы.

К третьей тематической группе относятся главным образом произведения малых форм — рассказы, очерки, одноактные пьесы, а также повесть Ша Цюня «Ивы под весенним ветром», вторая часть романа «Буря над рудником» и др. Их общая «сверхзадача» — убедить читателя, будто после «культурной революции» во всех областях жизни Китая царит «прекрасная обстановка», все основные проблемы решены, а если и встречаются какие-то недостатки, возникают незначительные конфликты, то они немедленно ликвидируются, стоит лишь обратиться к «идеям Мао Цзэ-дуна». Правда, как уверяют авторы, внешние враги с помощью горстки своих агентов внутри страны пытаются помешать этим успехам, но их замыслы легко раскрываются бдительными маоистами.

В числе излюбленных сюжетов — показ превосходства практического опыта рабочих и крестьян над «книжными знаниями» интеллигентов, показ победы государственных интересов над «эгоизмом» (например, над стремлением сельскохозяйственной бригады продать излишки продукции на свободном рынке), прославление скромности, доходящей до

самоотречения. К реальной жизни китайского народа, его нуждам и заботам эти произведения, как правило, имеют весьма отдаленное отношение.

Особо следует сказать о наиболее крупном произведении 1973 г.— двухтомном романе Го Сянь-хуна «В походе». В нем как бы сфокусированы основные линии китайской пропаганды, ведущейся через художественную литературу. Здесь и показ «важности и успешности» кампании по отправке «грамотной молодежи» в деревню, и рассказы о политической сознательности крестьян, «необычайно возросшей в результате культурной революции», и ожесточенная борьба с «классовым врагом». Однако превалирует в романе антисоветская тема. Роман изобилует клеветническими выпадами против Советского государства и народа, призывами персонажей «рассчитаться по старым и новым счетам». В книге, действие которой происходит на Северо-Востоке, нет ни слова о совместной борьбе советских и китайских трудящихся в годы гражданской войны, об освободительной миссии Советской Армии в 1945 г. Весь роман пронизан стремлением возбудить в читателе ненависть к Советскому Союзу, представить его извечным врагом Китая. Пекинская пресса дала книге самую высокую оценку («Гуанмин жибао», 14.I.1974).

Нужно также отметить возобновившуюся в 1973 г. кампанию по восхвалению «нержавеющего винтика председателя Мао» Лэй Фэна, приуроченную к десятилетию указания Мао Цзэ-дуна «учиться у Лэй Фэна». В стихотворениях, очерках, скетчах вновь прославлялись аскетизм и самопожертвование Лэй Фэна, его бездумное следование «высочайшим указаниям». Правда, над ним произведена в соответствии с нынешним пропагандистским курсом своего рода «косметическая операция»; если раньше подчеркивалось, что этот малограмотный солдат не читал ничего, кроме произведений Мао, то теперь говорится, будто он также «изучал работы классиков марксизма-ленинизма».

Идейно-сюжетная заданность, вынужденный отказ от правдивого изображения действительности определяют слабость современной китайской литературы в художественном отношении. Даже китайская печать, обычно положительно оценивая идейную сторону новых произведений, вынуждена говорить о трафаретности ситуаций, недостаточной жизненности многих образов, композиционных недостатках и т. д. Духовный мир современного китайца в этих книгах предстает крайне обедненным. Если верить их авторам, мысли рабочих и крестьян в КНР заняты только производством и политикой. Проблемы семьи, любви, интеллектуальные искания — все это находится за пределами современной литературы, равно как историческая тематика, сатира и юмор. Не-

которые писатели пытаются оживить свои творения за счет использования народных пословиц, прозвищ или словечек из местных диалектов, но это вступает в противоречие с суконной, изобилующей газетными штампами речью главных персонажей, неизменно выступающих в качестве рупоров «идей Мао Цзэ-дуна».

Эти черты современной китайской литературы сложились в значительной мере под влиянием нынешней критики, главным полем деятельности которой остаются центральные газеты. Выступая — особенно в последние месяцы 1973 г.— с догматических, маоистских позиций, авторы критических и литературно-теоретических статей по-прежнему ориентируют профессиональных и самодеятельных авторов на служение нуждам пекинской пропаганды (изображаемое как «служение рабочим, крестьянам и солдатам»), выдвигают в качестве обязательного для подражания образца все те же «образцовые пьесы». Поднимая на щит «метод сочетания революционного реализма и революционного романтизма», они ополчаются против имевших хождение до «культурной революции» тезисов, призывавших к правдивому отображению действительности («изображать средних персонажей», «писать правду», «углублять реализм»). Как и прежде, критика настаивает на определяющей роли тематики, призывает писателей заниматься лишь «важными» темами, под которыми понимаются только непосредственно связанные с текущими политическими кампаниями. Под видом борьбы с буржуазной теорией о неизменной человеческой сущности китайские теоретики на деле отрицают понятие социалистического гуманизма, абсолютизируют понятие о классовой обусловленности человеческого поведения и эмоций. Приравнивая вслед за Мао Цзэ-дуном «типизацию» к «идеализации», критики способствуют появлению ходульных, неправдоподобных персонажей. Вместо того чтобы разъяснить писательской молодежи важность критического освоения богатств человеческой культуры, они сводят дело к использованию лишь технических приемов классической литературы, подходя к оценке ее с позиций вульгарного социологизма.

Одной из постоянных тем критических статей остается необходимость «перевоспитания» писателей, их «слияния с массами рабочих, крестьян и солдат». Те же статьи подчеркивают, что «перевоспитанию» должны подвергаться не только профессионалы, но и самодеятельные авторы. Газеты оправдывают это тем, что «яд ревизионистской черной линии засел очень глубоко» — иными словами, что маоистам, несмотря на многолетние старания, до сих пор не удалось полностью подчинить своему влиянию многих китайских писателей. Об этом свидетельствует и тот факт, что ни один из

ведущих мастеров старшего поколения, подвергшихся критике в период «культурной революции», не опубликовал ни одного нового произведения. Установочные статьи последних месяцев («Серьезно относиться к классовой борьбе в сфере культуры и искусства»,— «Жэньминь жибао», 15.XII.1973; «За дальнейшее развертывание литературно-художественной критики»,— «Гуанмин жибао», 16.XII.1973) отражают неудовлетворенность маоистов положением дел в литературе и искусстве и предвещают новый идеологический нажим на творческих работников.

Отмечая количественную скудность, тематическое однообразие и художественную слабость современной китайской литературы, не следует упускать из виду, что в условиях продолжавшейся почти полной изоляции от классической и зарубежной культуры она составляет основную духовную пищу китайцев и не может не оказывать определенного воздействия. Особенно это относится к нынешней молодежи, которая практически не знает никакой иной литературы. Именно на такую аудиторию прежде всего и ориентируются руководители культурного фронта КНР.

Театр

Деятельность театра, как и других сфер культуры КНР, в 1973 г. проходила под знаком осуществления «линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве». С началом «культурной революции» была прекращена деятельность всех театральных коллективов, за исключением пяти (трех коллективов театра пекинской музыкальной драмы и двух балетных), которые были взяты Цзян Цин под личное наблюдение. В них были поставлены по переработанным вариантам пьес, появившихся до 1966 г., «современные революционные образцовые спектакли», всецело соответствующие «линии Мао Цзэ-дуна». С 1968 г. началась массовая кампания по отправке деятелей театра на «физическое перевоспитание» в деревню. Это означало начало второго этапа идеологической муштры среди театральных работников (первый проходил в рамках театральных коллективов, где работники театра должны были критиковать всю свою предшествующую деятельность и каяться в «преступлениях» против «линии Мао Цзэ-дуна»). По прошествии длительного, почти четырехлетнего перерыва, с 1970 г. театральных работников, естественно после проверки их лояльности, начинают привлекать к профессиональной деятельности. Первой такой проверкой явилось проведение кампании «популяризации» в масштабах всей страны «революционных образцовых спектаклей». Одной из главных задач «популяризации» было внедрение в прак-

тику деятельности театра Китая установки на превращение театра в средство массовой пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна», его культа и политических кампаний.

В 1971 г., и особенно в 1972 г., наметилось некоторое оживление деятельности театра. В подконтрольных Цзян Цин коллективах были поставлены четыре спектакля театра пекинской музыкальной драмы — «Бой на равнине», «Гимн Лунцзяну», «Красный женский отряд» (по одноименному балету), «Дуцзюаньшань» и два балета — «Гимн Имэну» и «Дети степей». В Пекине и других городах было издано несколько сборников новых пьес малых форм, созданных методом коллективного творчества. Одновременно началась активизация театральной деятельности в рамках «литературно-художественных бригад по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна», в которых наряду с непрофессионалами работали возвращаемые с «трудового перевоспитания» профессиональные актеры. Публикация в журнале «Вэньу» статей с позитивными оценками отдельных произведений классической драматургии, появление на полках книжных магазинов ряда китайских классических романов (традиционно служивших источником тем для китайского театра) наводили на мысль о возможном отходе маоистского руководства от огульно нигилистического отношения к театральному наследию, характерному для установок «культурной революции». Однако главная установка «культурной революции» — превратить театр в канал пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна» — оставалась в силе. Сохранялся прежний запрет «писать правду», «быть верным жизни» [39]. Как и раньше, критике подвергались Чжоу Ян, Тянь Хань, Ян Хань-шэн, всячески поносилась как «реакционная» и «буржуазная» сценическая система Станиславского.

Робкие попытки преодолеть монополию «образцовых спектаклей» и практику копирования их при создании новых произведений не меняли общей обстановки в театре. Правда, в ряде материалов обращалось внимание на недопустимость положения, когда действующие лица, сценические ситуации, приемы выразительности «похожи на те, которые уже хорошо знакомы», из чего следовал вывод о необходимости делать в творчестве больший упор на «новаторстве» (а не копировании) [40], критиковалось ставшее штампом введение в пьесы «рассказов о горьком прошлом». Как намек на правомерность обращения к более широкому кругу тем и образов, выглядело цитирование в печати давнего высказывания Мао Цзэ-дуна, где он ратовал за то, чтобы изучать «всех людей,

---

[39] «Жэньминь жибао», 14.I.1973.
[40] «Жэньминь жибао», 29.III.1973.

все классы... все волнующие формы жизни и формы борьбы»[41].

Впервые с 1966 г. в печати заговорили о возобновлении деятельности местных видов театра, театра разговорной драмы, оперы. В связи с этим был поднят вопрос о необходимости повышения уровня исполнительского мастерства[42]. Время от времени появлялись материалы с требованиями «полной мобилизации революционной активности профессионалов и старых мастеров»[43]. Под видом критики Линь Бяо осуждалось якобы санкционированное им «огульное отрицание» (по-видимому, имелся в виду отказ от всего театрального наследия и того, что было создано за годы существования КНР)[44]. Постановка вопросов, связанных с оживлением деятельности театров и расширением репертуара, подкреплялась призывами «не бояться ошибок», «освободиться от настроений боязни трудностей»[45].

Однако вскоре тон выступлений китайской прессы резко изменился. Начало очередного поворота в русло установок «культурной революции» ознаменовалось появлением статьи Тянь Чжи-суна «Решительно следовать курсу служения литературы и искусства рабочим, крестьянам и солдатам»[46], в которой прославлялись указания Мао Цзэ-дуна 1963 и 1964 гг., содержавшие резко негативную оценку состояния театрального искусства. В этой статье подверглись критике недавние призывы к активизации творчества; они были расценены как «чрезвычайно опасные», ибо преследовали цель «контрреволюционной реставрации». В заключение в статье вновь повторялся призыв к равнению на «взлелеянные Цзян Цин» «образцовые спектакли», которые снова начали именоваться «жемчужинами пролетарской литературы и искусства».

Новые попытки оправдать вандализм «культурной революции» проявились и в одном из материалов «Жэньминь жибао» от 24 июня 1973 г., где было прямо сказано, что из двух понятий — «созидание» и «разрушение» — первостепенная роль принадлежит «разрушению»; одновременно автор в назидательном тоне напоминал читателям о том времени, когда «мы сосредоточили огневую мощь на разрушении ревизионистской черной линии».

Летом 1973 г. в китайской печати напоминания об акциях «культурной революции» перемежались, как правило, с при-

---

41 Там же.
42 Там же.
43 «Гуанмин жибао», 13.V.1973.
44 «Жэньминь жибао», 13.V.1973.
45 «Жэньминь жибао», 27.V.1973.
46 «Гуанмин жибао», 30.V.1973.

зывами «защищать революционную линию председателя Мао Цзэ-дуна». Очевидно, некоторое оживление театральной деятельности явно беспокоило какую-то часть пекинского руководства. Во второй половине 1973 г. в прессе все чаще стали публиковаться материалы, содержавшие утверждения о том, что в отдельных районах возобновилось исполнение «плохих», «старых пьес». Особое беспокойство, судя по публикуемым материалам, вызывало положение в сельской местности. При этом конкретно не сообщалось, о каких пьесах шла речь. Однако допустимо, что имелись в виду либо новые пьесы, которые являли собой отход от голой пропаганды идей Мао Цзэ-дуна и поднимали нежелательные для нынешнего руководства вопросы, либо исполнение отдельных арий из старых пьес (в частности, об этом писала 23 декабря «Жэньминь жибао»).

Характерно, что в канун 1974 г. в китайской прессе появилось сообщение, в котором факт постановки неугодных пьес относился на счет «некоторых товарищей (видимо, в руководстве.— *М. Т.*), которые благодушествовали и не обратили внимания на эту тенденцию... и даже ошибочно считали, что это нужно для удовлетворения культурных потребностей народных масс» [47].

С целью пресечения попыток театров отойти от норм «образцовых спектаклей» и попыток самовольного расширения своего репертуара руководство театральным делом Китая пошло на ужесточение репертуарного контроля. Именно в этом смысле следует расценивать новую форму «литературно-художественной критики», на которую, как и на творчество, предполагается распространение метода «соединения усилий трех сторон»: парткомы указывают, что критиковать, а что поддерживать, народные массы в соответствии с этим подбирают материал, а профессионалы выполняют критические задания.

Китайская пресса 1973 г. не дает ответа на вопрос о том, сколько в настоящее время в Китае имеется действующих театров. Однако праздничные анонсы, публиковавшиеся в центральной прессе, свидетельствуют о том, что в 1973 г. появилось большое количество армейских и гражданских художественных ансамблей, в рамках которых действуют и театральные коллективы. Так, в мае была помещена афиша, где фигурировали 7 театральных трупп и 9 ансамблей (семь — военных, два — гражданских), в октябре — 8 театральных трупп, 12 художественных ансамблей (девять — армейских, три — гражданских). Судя по содержанию октябрьской афиши, была возобновлена деятельность драма-

---

[47] «Жэньминь жибао», 30.XII.1973.

тического театра (он был представлен Пекинской труппой театра разговорной драмы, которая «в пробном порядке» показала три одноактных произведения, и драматическим коллективом Политуправления военно-воздушных сил). Также впервые с 1966 г. фигурировало художественное училище г. Пекина [48].

В этом году драматургия была представлена прежде всего двумя пьесами — «Бой на равнине» и «Дуцзюаньшань», которые были опубликованы в центральных газетах. Первая пьеса рассказывает о разгроме отрядом 8-й армии совместно с силами народа японской группы карателей; вторая — о борьбе крестьянских отрядов самообороны против помещиков и создании на основе этих отрядов регулярной армии. Замысел пьесы «Бой на равнине» не отличается оригинальностью, он явно строится на заимствовании идей из прежних «революционных образцовых спектаклей». В пьесе прослеживается попытка фальсификации истории второй мировой войны: в ней, в частности, содержится утверждение, будто в разгроме японцев решающее значение имели силы НОА и их успехи определили исход войны на Тихом океане. Пьесе «Дуцзюаньшань» присуща большая самостоятельность и динамичность. В ней даже допущено некоторое отклонение от маоистских нормативов, что, в частности, выражается в наделении одного из главных героев — командира отряда самообороны Лэй Гана — некоторыми отрицательными чертами. Видимо, в ответ на недоумение зрителей в печати был опубликован ряд статей, в которых была дана новая установка о том, что при сохранении главного признака героя (Лэй Гана) — безграничной верности Мао Цзэ-дуну и его идеям — положительные персонажи могут иногда допустить ошибки роста.

Помимо названных двух пьес, опубликованных в 1973 г. в журнале «Хунци» и центральных газетах Китая, появился ряд пьес для различных жанров (преимущественно одноактных) в местных сборниках и журналах.

Процессы, происходившие в деятельности театра КНР в 1973 г., позволяют сделать вывод о том, что в руководстве театральным делом шла борьба двух тенденций: для первой характерны выступления за активизацию деятельности театра, расширение репертуара, возобновление местных традиционных жанров, театра разговорной драмы и оперы, за постепенный отход от огульно-нигилистического отношения к классике; для второй — сохранение установок «культурной революции», узкий утилитаризм театрального искусства.

Необходимо отметить, что коллективы, находящиеся под контролем Цзян Цин, не создали в 1973 г. ни одного нового

---

[48] «Жэньминь жибао», 30.IX.1973.

спектакля. Лидерство в этом отношении принадлежало театральным творческим силам на местах, где было создано и поставлено немало новых пьес (как правило, на современную тематику), которые несколько оттеснили «образцовые» пьесы. Возможно, в этом кроется одна из причин контрнаступления сторонников «жесткой линии».

Кино

К 1973 г. положение в китайской кинематографии несколько стабилизировалось — остались в прошлом крайности «культурной революции»: длинные списки осужденных и снятых с проката «фильмов — ядовитых трав», закрытые студии, замершее фильмопроизводство, расправа с кинематографистами.

В период «культурной революции» применялся резко нигилистический подход ко всей кинематографии Китая — как до 1949 г., так и в 1949—1966 гг. Она была квалифицирована как «феодальная», «буржуазная», «ревизионистская» — в зависимости от тематики и интерпретируемых идей. Альтернативой должны были стать фильмы, пропагандирующие только личность Мао Цзэ-дуна или его «идеи». До 1970 г. такие фильмы выпускались исключительно в жанре документальном. Первыми лентами «культурной революции» (сентябрь — декабрь 1966 г.) были документальный фильм «Великая победа идей Мао Цзэ-дуна» (испытания атомной бомбы близ границ СССР) и репортажи о встречах Мао Цзэ-дуна с хунвэйбинами. В то время общий объем производства фильмов был незначительным (в 1967 г.— 14 документальных лент: в 1968 г.— 2, начат журнал хроники; в 1969 г.— 12 и 3 номера киножурнала). При этом большое место отводилось антисоветской тематике, особенно в 1969 г., после китайской провокации на о-ве Даманский.

После 1969 г. в кинематографической ситуации в стране появились новые тенденции. Во-первых, сократились масштабы критики кинематографии и ее деятелей до отдельных, хотя и очень острых, выступлений. Во-вторых, началась постепенная, медленная «реабилитация» деятелей искусств: в 1970 г. в печати было названо первое имя из известных до «культурной революции» кинематографистов — режиссер Се Те-ли. (Однако «реабилитированные» деятели часто упоминаются в связи не с кинотворчеством, а с парадными политическими мероприятиями.) «Реабилитация» коснулась даже целых жанров — научно-популярного, мультипликационного, в период «культурной революции» объявленных «феодально-буржуазными». В-третьих, постепенно восстанавливается

административная структура кинематографии (хотя официально об этом не объявлено, в печати уже встречаются упоминания о местных органах управления). В-четвертых, медленно развертывается работа кинопромышленности (появились сообщения о производстве цветной пленки, малогабаритного проектора, хроникальной съемочной камеры). В-пятых, расширяется кинопропагандистская деятельность (она ведется не методом создания кинофикационной сети, а интенсификацией работы передвижных проекционных отрядов, число которых к 1973 г. достигло 30 тыс.). В-шестых, медленно растет объем фильмопроизводства, возвращаются в строй закрытые с началом «культурной революции» киностудии (уже начали работать студии Пекина, Шанхая, Чанчуня, Сиани, Кантона). В-седьмых, «новое» кино КНР начинает искать международных контактов — в основном на Западе (обмен делегациями и фильмами, выход на кинофестивали: Венецианский — в 1971 и 1972 гг., Локарнский — в 1972 г.). И наконец, на экран переносятся «образцовые революционные спектакли» (1970—1973 гг.). Предполагалось, что в театре маоисты отработают свой «эстетический кодекс», а затем фильмы-спектакли обучат кинематографистов этим новым нормативам, подготовив базу для художественной кинематографии, политически эквивалентной театру «образцовых спектаклей».

Поскольку 3 января 1973 г. агентство Синьхуа объявило, что экранизированы уже «все образцовые революционные пьесы и другие новые революционные произведения» маоистского театра, этот этап можно было считать завершенным. И хотя к годовщине образования КНР — 1 октября вышел на экран фильм-спектакль «Морской порт» в новой редакции (первая была в 1972 г.), дальнейшие события показали, что это не являлось началом второго круга экранизаций, а было отголоском прежнего. В Харбине с 10 ноября по 10 декабря был проведен месячник фильмов по «образцовым пьесам», организованный шестью официальными учреждениями города. Месячник рассматривался как учебное мероприятие для «воспитания масс». Фильмы шли во всех кинотеатрах Харбина и в специально оборудованных 300 «учебных уголках»; в окрестные деревни были направлены передвижные бригады; жители активно «мобилизовались» на обязательные просмотры.

В 1973 г. фильмопроизводство продолжило тенденцию последних лет к дальнейшему расширению. В центральной печати было анонсировано около 70 фильмов разных жанров: документальные, научно-популярные, мультипликационные и один фильм-спектакль. К тому же следует учесть, что в отличие от периода «культурной революции» теперь уже

далеко не все произведенные фильмы анонсируются в центральной прессе (специальных публикаций по кино в КНР не существует с 1966 г.). Однако выпуск фильмов остается неравномерным — в основном они появляются на экране по праздничным датам. По количеству выпущенных кинофильмов наиболее загруженными были первый и последний кварталы; самым бедным — третий.

Рубеж 1972—1973 гг. в принципе можно было расценивать как некое «послабление» идеологического давления маоистов в кинематографии, что особенно рельефно выразилось в опубликованных в органе ЦК КПК журнале «Хунци» двух статьях Фан Ляна (№ 9 за 1972 г., № 2 за 1973 г.), где он призывал «снимать больше и лучше» документальных и научно-популярных фильмов. Обе статьи примечательны тем, что под налетом обычных маоистских трафаретов в них пробиваются здравые мысли, словно бы игнорирующие «культурную революцию».

Однако вскоре снова последовал поворот к тенденциям, характерным для времен «культурной революции». Журнал «Китай на стройке» (№ 6) опубликовал резкую статью о сделанных на один и тот же сюжет реалистическом фильме 1964 г. «Смена придет» и спектакле в жанре пекинской музыкальной драмы «Красный фонарь». Спектакль, ставившийся под непосредственным наблюдением Цзян Цин и превращенный в один из сегодняшних маоистских «образцов», был противопоставлен «фильму — ядовитой траве». Тон статьи очень напоминал хунвэйбиновские интонации периода «культурной революции». Было ясно, что автора заботили не столько проблемы кинематографические, сколько политические: утверждение «идей Мао Цзэ-дуна» в борьбе с оппозицией. Эта статья была связана с установками X съезда КПК, провозгласившего необходимость продолжать маоистскую «революцию в литературе и искусстве». В последовавших после съезда материалах об изучении его документов упоминалась и сфера кино. В них вновь появились жесткие интонации — «напоминания» об «ожесточеннейшей борьбе двух линий», которая-де шла и идет «на кинематографическом фронте». Вместе с тем в одной из статей («Гуанмин жибао», 20.X) говорилось о «старых режиссерах», «решившихся на творчество», и «молодых товарищах», которые все вместе готовы к производству «революционных художественных фильмов» на Чанчуньской студии. До конца 1973 г., однако, ни одного художественного фильма не вышло на экран, хотя уже второй год зарубежные источники распространяли информацию о якобы идущих съемках.

Судя по именам, появившимся в печати (хотя и не в связи с кинотворчеством), возвращены работники кино, которые

могли бы снимать художественные фильмы (правда, воспоминания о хунвэйбиновских расправах и угрозах Мао Цзэ-дуна каждые семь-восемь лет повторять «культурную революцию» значительно снижают эффективность «реабилитаций», уменьшают активность «реабилитированных»). Из известных ранее деятелей кино упоминались помимо Се Те-ли режиссеры Сан Ху, Чэн Инь, Цуй Вэй (он же актер, исполнявший главную роль в «Новой истории старого солдата», премированной на Московском фестивале 1959 г.), актрисы Се Фан, Чжан Жуй-фан, документалист Дин Цзяо, операторы художественного кино Ли Вэнь-хуа, Шэнь Си-линь, сценаристы Ян Мо, Ху Кэ, бывшие директора столичных студий Ван Ян (Пекинская), Цуй Чао (студия «Первое августа»).

Все это, как и возросшее в четвертом квартале 1973 г. фильмопроизводство, позволяет, видимо (несмотря на резкие левацкие интонации в отношении прошлых фильмов, появившиеся после X съезда), предполагать приближение этапа художественного фильмопроизводства в кино КНР на базе «новых критериев», выработанных в «образцовых пьесах» и фильмах-спектаклях.

Изобразительное искусство

Завершив на первой стадии «культурной революции» программу разрушения «старого» искусства, маоисты попытались создать «новое социалистическое искусство». На практике в изобразительном искусстве это выразилось в появлении многочисленных плакатов и портретов, изображающих Мао Цзэ-дуна, выполненных, как правило, коллективами непрофессиональных художников. Подобная практика была возведена в принципы «нового искусства»: творчество должно быть безымянным, коллективным и непрофессиональным; все цели и задачи искусства сводятся к одному — безудержному прославлению Мао; единственным творческим методом признается «сочетание революционного романтизма с революционным реализмом», предписывающее создавать «образы выше и прекраснее, чем в жизни».

Такое положение сохранялось до конца 1969 г., когда наряду с прославлением Мао в изобразительном искусстве получили распространение военная тема явно антисоветской направленности и образы «героев» типа Лэй Фэна. С этого времени начинаются постепенная реабилитация некоторых художников и попытки привлечь их к творческой работе. Это благотворно сказывается на повышении профессионального уровня исполнения произведений. Однако жесткая ограниченность сюжетов и тем, остающиеся в силе принципы «нового искусства», сложившиеся в период «культурной ре-

волюции», привели к тому, что все созданные работы представляли собой тенденциозные политические агитки.

С лета 1971 г. в изобразительном искусстве КНР стали заметны более существенные изменения. Маоисты фактически признали полный провал «культурной революции» в создании «нового изобразительного искусства» и отказались от некоторых своих требований и ограничений. В печати появились репродукции с картин профессиональных художников с указанием имени автора, в том числе таких известных еще до «культурной революции», как Ли Кэ-жань и Тао И-тин. В живописи возрождаются традиционные китайские жанры: пейзаж, цветы и птицы. Все чаще в Пекине организуются специальные художественные выставки, в которых участвуют профессиональные и непрофессиональные авторы. В продажу поступают, хотя и немногочисленные, альбомы, открытки, отдельные репродукции новых, а иногда и старых произведений изобразительного искусства. Значительно шире становится тематика произведений.

Период «оживления» в изобразительном искусстве продолжался и в 1973 г. В этом году был организован ряд художественных выставок в провинциях. С 1 октября по 15 ноября в Пекине были открыты две большие выставки — «Всекитайская выставка книжек-картинок и живописи гохуа» и «Выставка живописи крестьян уезда Хусянь», явившиеся наиболее значительным событием в художественной жизни КНР. Последние две выставки в общей сложности посетили 800 тыс. зрителей.

Начавшийся ранее процесс реабилитации и возвращения к активной деятельности известных художников продолжался. К концу года такие известные художники, как Гу Юань, Цянь Сун-янь, Гуань Шань-юэ, Лян Хуан-чжоу, Ли Хуань-минь, Чжао Мэй, Мяо Ди, Ли Ху, Ян Чжи-гуан, обнародовали свои новые произведения. В китайской печати упоминались также имена У Цзо-жэня, Шао Юя, Я Мина.

В 1973 г. состоялись издания нескольких книг и альбомов по искусству: альбомов «Живопись крестьян уезда Хусянь» и «Живопись рабочих города Люйда», подборки репродукций «30 картин с видами реки Хуанхэ» (также непрофессиональных авторов) и альбома, включающего около ста репродукций работ, экспонировавшихся на Всекитайской выставке изобразительного искусства 1972 г. В Шанхае вышел в свет первый выпуск новой серии «Новые статьи по изобразительному искусству», предназначающийся для любителей искусства и самодеятельных художников. В различных городах стали издаваться сравнительно большими тиражами книжки-картинки (своеобразные китайские комиксы), практически только на современную тематику.

Однако нынешнюю ситуацию в изобразительном искусстве КНР можно назвать «оживлением» лишь по сравнению с периодом «культурной революции». В сопоставлении же с первыми годами после образования КНР сейчас искусство находится в плачевном состоянии. По-прежнему ничего не известно о большинстве популярных до «культурной революции» художников, не возобновлена деятельность творческих организаций. Из художественного наследия появилось лишь несколько отдельных произведений, причем, вероятнее всего, с целью произвести благоприятное впечатление на мировое общественное мнение (эти произведения присутствуют лишь на китайских выставках за рубежом да на страницах журналов, предназначенных для зарубежного читателя). Издания по искусству настолько малочисленны по названиям и по тиражам, что фактически недоступны широкому читателю. Даже книжек-картинок, которых издается в тысячи раз больше (только в Пекине за 1972 г. издано в общей сложности 20 млн. экземпляров, в то время как тираж всех альбомов, по оценке, составил менее 100 тыс. экз.), по признанию самих китайских газет, совершенно недостаточно для огромной страны. Эти книжки-картинки раскупаются очень быстро, и покупатели вынуждены простаивать часами в книжных магазинах, ожидая новых поступлений [49].

По-прежнему в Китае не создано значительных произведений искусства. Продолжающееся господство маоистской идеологии сковывает развитие искусства, развитие творчества. Прежде всего это сказывается на содержании новых произведений, которые прямо или косвенно служат пропаганде идей маоизма, пропаганде актуальных политических лозунгов и установок. При всем кажущемся разнообразии сюжетов они в целом не выходят за рамки маоистских лозунгов: в промышленности — «учиться у Дацина», в сельском хозяйстве — у Дачжая; «грамотная молодежь — в деревню»; «народ и армия едины»; «готовиться к трудностям, к войне и к стихийным бедствиям»; «критиковать Линь Бяо и исправлять стиль» и т. п. Как и в период «культурной революции», остается актуальным создание образа самого Мао. Согласно «методу сочетания революционного романтизма и революционного реализма» требуется отражать главным образом явления жизни, которые считаются положительными, с точки зрения маоистов. В результате в КНР вообще отсутствует такой вид изобразительного искусства, как карикатура. В живописи и графике в целом отражается нереальный мир, лишенный трудностей, противоречий, каких бы то ни было отрицательных явлений. Образы людей в этих произведениях

[49] «Жэньминь жибао», 13.VI.1973.

типизированы до идеализации, до полной потери всякой конкретности и индивидуальности. Эти люди, бодрые и радостные в любых жизненных ситуациях, лишены естественных человеческих чувств, личной жизни, права думать и любить. (Например, работы Вэнь Чэн-чэна «Перед поступлением в университет», Кан Цзо-тяня «Красное солнце светит многим поколениям», Ян Чжи-гуана «Новенькая» и др.) Сюжеты, непосредственно не связанные с идеями маоизма, искусственно наделяются символическим значением (пышные цветы — расцвет нового Китая, сосна — несокрушимая воля революционера и т. д.) и, таким образом, ставятся на службу политической и идеологической пропаганде («Весна» Гуань Шань-юэ, «Сосна» Цянь Сун-яня и др.).

Большинство новых произведений отличается довольно низким художественным уровнем, чему немало способствует позиция маоистов, по-прежнему ставящих самодеятельное творчество выше профессионального. Официальная критика, в частности, превозносит картины крестьян-художников Лю Чжи-дэ, Лю Чжи-гуя, Ли Фэн-лань и др., призывая профессиональных художников учиться у них.

Среди общей массы старых и новых художников, подстраивающихся под маоистские требования, есть, однако, и такие, которые пытаются придерживаться реалистического метода, правдиво отражая в своих произведениях окружающую действительность. На этих художников китайская печать обрушивает критику и обвинения в приверженности буржуазной идеологии, призывая их еще шире развернуть борьбу «за революционное преобразование изобразительного искусства» [50]. Эти призывы особенно громко прозвучали в конце года, свидетельствуя о том, что, несмотря на все усилия, маоистам не удалось полностью подчинить изобразительное искусство своим целям.

Развитию декоративно-прикладного искусства в 1973 г. уделялось больше внимания, чем другим видам изобразительного искусства. Это объясняется прежде всего тем, что произведения декоративно-прикладного искусства рассматриваются как важная статья экспорта, т. е. средство получения валюты, о чем недвусмысленно говорится в статье «Еще больше развивать декоративно-прикладное искусство», опубликованной в конце 1972 г. в журнале «Хунци» [51]. Подтверждением этому служит и повышение цен на произведения искусства на ярмарке экспортных товаров весной 1973 г. (в отдельных случаях на 1000%) [52]. В 1973 г. изделия приклад-

---

[50] «Жэньминь жибао», 14.X.1973.
[51] «Хунци», 1972, № 10.
[52] «New York Times», 7.V.1973.

ного искусства КНР экспортировала в более чем 30 стран.

В связи с этим обращалось внимание на возрождение и развитие традиционных центров декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла. После большой Всекитайской выставки декоративно-прикладного искусства 1972 г. в 1973 г. в различных городах были организованы выставки, демонстрирующие успехи местных мастеров: в Шанхае — «Выставка китайского фарфора» и «Выставка молодых мастеров прикладного искусства», в Тяньцзине — «Выставка прикладного искусства (глиняная скульптура, воздушные змеи, ковры)» и др. Эти выставки показали, что достигнуты определенные успехи в ликвидации ущерба, нанесенного прикладному искусству «культурной революцией», — увеличилось количество выпускаемых изделий, повысился уровень их технического исполнения. В ряде мест были организованы фабрики, занимающиеся массовым выпуском изделий. Наиболее успешно развиваются такие традиционные центры декоративно-прикладного искусства, как Янчжоу, Цинтянь, Сучжоу, Дунгоу.

Усовершенствуя технику исполнения произведений прикладного искусства и мирясь с существованием целого ряда старых, традиционных сюжетов, пользующихся спросом на международном рынке, маоисты прилагают определенные усилия и для обновления содержания прикладного искусства, с тем чтобы и оно могло служить их пропагандистским целям. В то же время большинство художественных изделий, отличаясь изощренной техникой, богатством и роскошью материалов, демонстрирует довольно низкий художественный вкус их создателей. Стремление создавать огромные, «великолепные» произведения, подобные сучжоуской вышивке «Пусть расцветают сто цветов» (2,3$\times$4,3 *м*, шелковые нити более тысячи оттенков), свидетельствуют о том, что мастеров декоративно-прикладного искусства КНР ориентируют на богатого иностранного покупателя, незнакомого с высокой культурой традиционного китайского прикладного искусства.

Средства массовой информации

Китай располагает относительно развитой системой массовой информации, состоящей из трех главных звеньев: печати, радио и телевидения.

Периодическую печать возглавляют органы ЦК КПК — газета «Жэньминь жибао» и журнал «Хунци». Последний имеет большое влияние в стране и издается также на языках национальностей Китая (монгольском, уйгурском, казахском, корейском и тибетском). Статьи из «Хунци» перепеча-

тывают центральные газеты, в том числе и «Жэньминь жибао». К центральной прессе относятся также военная газета «Цзефанцзюнь бао» и рассчитанная на интеллигенцию «Гуанмин жибао». «Жэньминь жибао», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» нередко публикуют совместные передовые, обычно в юбилейные даты или по важным политическим поводам.

В Шанхае издается газета «Цзефан жибао», считающаяся рупором «левых» из окружения Мао Цзэ-дуна. С сентября прошлого года там начал выходить новый общественно-политический журнал того же «левого» направления — «Сюэси юй пипань».

До «культурной революции» во всех провинциях и крупных городах выходили свои газеты; в 1973 г. документально подтверждается выход 14 провинциальных и городских газет [53].

Ежедневный тираж центральных и провинциальных газет равен 30 млн. экземпляров, из них 3,4 млн. приходится на «Жэньминь жибао» [54].

В стране издается 15 специализированных научных журналов [55] и 6 периодических изданий общественно-политического и литературного характера на иностранных языках — это иллюстрированный журнал «Китай», выходящий на 15 языках (русском, английском, французском, немецком, испанском, шведском, итальянском, японском, индонезийском, хинди, урду, корейском, арабском, вьетнамском, суахили), «Пекинское обозрение» (на английском, французском, немецком), «Народный Китай» (на японском и эсперанто), «Китайская литература» (на английском и французском) и «Китайская наука» (на английском) [56].

Основным источником внутренней и международной информации для китайской периодики, точно так же как и для радио, является официальное информационное агентство КНР Синьхуа. До «культурной революции» в провинциях было 30 отделений Синьхуа [57], поставляющих в Пекин инфор-

---

[53] «Хубэй жибао», «Хунань жибао», «Хэнань жибао», «Ляонин жибао», «Хэйлунцзян жибао», «Наньфан жибао» (Гуанчжоу), «Фуцзянь жибао», «Сычуань жибао», «Юньнань жибао», «Шэньси жибао», «Шаньси жибао», «Нэймэнгу жибао», «Бэйцзин жибао», «Люйда жибао».

[54] A visit to the Chinese Press by R. MacFargner, — «The China Quaterly», London, 1973, № 53, стр. 144—152.

[55] «Геологические науки», «Зоология», «Ботаника», «Микробиология», «Палеопозвоночные и палеоантропология», «Медицина КНР», «Научное экспериментирование», «Археология», «Физика», «Географические знания», «Китайская наука», «Практическая математика», «Генетика», «Палеонтология», «Зарубежная геология» (Пекинское почтовое управление. Каталог газет и журналов на 1973 г.).

[56] Там же.

[57] «China Analysen», Frankfurt Am Main, 1973, January, стр. 13—14.

мацию по внутренним проблемам. По некоторым данным, в прошлом году агентство Синьхуа имело свои отделения, корреспондентов или постоянных сотрудников в 40 зарубежных странах. Синьхуа подписало соглашение об обмене информацией и фотоматериалами с крупнейшими информационными агентствами мира — Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл (США), Рейтер (Англия), Киодо Цусин (Япония) и Франс Пресс [58].

По данным 1973 г., в Китае насчитывалось около десяти издательств. Крупнейшее из них, «Жэньминь чубаньшэ», располагает филиалами в 25 провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения. Его основное назначение — выпуск сочинений Мао Цзэ-дуна, а также публикаций так называемого Бюро переводов Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПК, выпускающего некоторые специально отобранные произведения основоположников марксизма. Вместе с тем издательство публикует научную, общественно-политическую и художественную литературу (хотя для выпуска последней имеется специальное издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ»), а также работы по международной тематике. Филиалы «Жэньминь чубаньшэ» в Яньбянь-Корейском автономном округе и Автономном районе Внутренняя Монголия выпускают литературу перечисленной выше тематики соответственно на корейском и монгольском языках. Специализированное издательство «Миньцзу чубаньшэ» публикует литературу для национальных меньшинств еще и на тибетском, уйгурском и казахском языках. Специализированные издательства «Жэньминь цзяотун чубаньшэ», «Жэньминь вэйшэн чубаньшэ», «Жэньминь мэйшу чубаньшэ» выпускают соответственно литературу по проблемам транспорта, здравоохранения и медицины, театра и изобразительного искусства. В крупном издательстве литературы на иностранных языках («Вайвэнь чубаньшэ») сосредоточено издание литературы на иностранных языках, предназначенной для экспорта, всех видов и назначений [59].

Радио в Китае продолжает оставаться основным средством массовой информации как в силу присущей ему специфики, так и потому, что проблема неграмотности в Китае еще далека от своего разрешения. Радиостанции фактически имеются во всех провинциях, автономных районах и, согласно утверждению Пекинского радио, даже «во всех городах и уездах страны». Пекинское радио, имеющее службы внутреннего и внешнего вещания, считается центральным. Пер-

---

[58] Там же.

[59] Национальный биографический справочник (Цюань го синь шуму), Пекин, 1973.

востепенное значение придается радиофикации деревни с помощью проводного вещания. К концу прошлого года, по официальным данным, в большинстве коммун были радиоузлы, а у 60% всех крестьянских дворов — громкоговорители. В отдельных частях Китая процент радиофикации деревни выше, чем в среднем по стране. В пров. Цзилинь, например, репродукторы имеют около 80% всех крестьянских дворов. Проводная радиофикация выполняет двойное назначение: во-первых, обеспечивает оперативную связь руководства коммун с крестьянской массой и беспрепятственную пропаганду директив центра и, во-вторых, изолирует основную массу населения от остального мира.

Радиофикация обеспечивается собственной промышленной базой. В августе 1973 г. китайская печать сообщала, что все провинции, города центрального подчинения и автономные районы производят радиоприемники и в 26 из них выпускают и телевизоры черно-белого изображения с размером экрана по диагонали от 22 до 48 *см*. В сообщении говорится, что за первые шесть месяцев 1973 г. выпущено радиоприемников и телевизоров соответственно на 83,2 и 88% больше, чем за тот же период 1972 г. Однако телевидение не получило еще в Китае широкого распространения. Внутреннее вещание кроме ханьского языка использует также кантонский, фучжоуский и амойский диалекты, тайский, тибетский, корейский, монгольский, казахский и уйгурский языки.

Пекинское радио наряду с агентством Синьхуа также является главным каналом распространения маоистской пропаганды за рубежом. Оно ведет передачи в глобальном масштабе на всех основных языках Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, а также на китайских диалектах, распространенных среди китайских эмигрантов за рубежом. В 1972 г. оно вещало 1292 часа в неделю.

Культурные связи

«Культурная революция», развязанная маоистами, привела КНР к изоляции от внешнего мира и в области культуры. После IX съезда КПК нынешнее китайское руководство приложило определенные усилия к восстановлению культурных связей с зарубежными странами, исключая ведущие страны социалистического содружества. В ходе установления культурных связей маоисты, преследуя великодержавные цели, стремятся навязать народам свою идеологию и вместе с тем пытаются сгладить отрицательное впечатление, которое произвела «культурная революция» на мировую общественность.

Начиная с 1971 г. КНР осуществляет культурные связи с другими странами по следующим направлениям: 1) участие в международных фестивалях кино и организация кинопросмотров; 2) гастрольные поездки артистов за рубеж; 3) организация в других странах выставок, рассказывающих об «успехах социалистического строительства в КНР»; 4) посылка за рубеж делегаций работников культуры, науки и техники; 5) приглашение в КНР делегаций работников культуры; 6) приглашение в КНР видных деятелей культуры — писателей, ученых, профессоров учебных заведений, корреспондентов, деятелей кинематографии, книгоиздательств, директоров музеев и т. д.; 7) идеологическая обработка проживающей за рубежом китайской интеллигенции.

В 1971—1972 гг. работники идеологического и культурного фронта КНР сделали попытку выйти на международную арену со своими фильмами-балетами, поставленными по сюжетам «образцовых» спектаклей. На кинофестивалях в Венеции и Локарно были показаны фильмы «Красный женский отряд» и «Седая девушка», несколько позже в одном из парижских кинотеатров — документальный фильм «Строительство Нанкинского моста через Янцзы», а также «Красный женский отряд» и снятый в 1965 г., но теперь заново озвученный художественный фильм «Подземная война». Китайские киноработники тщательно готовились к показу фильмов за рубежом. В 1971 г., например, даже была проведена своеобразная репетиция в Гонконге, где широко демонстрировались фильмы-спектакли «Ловкий захват Вэйхушань» и «Красный фонарь». Однако этот кинофестиваль, по-видимому, не имел большого успеха.

В то же время иностранные фильмы в Китае почти не демонстрировались. Показ китайской продукции в основном ограничивался кинопросмотрами на официальных приемах, которые устраивались дипломатическими работниками КНР за рубежом и в самом Китае для иностранцев. В 1973 г. делегация работников кинопромышленности выезжала во Францию. Иными словами, культурные связи КНР с зарубежными странами продолжались в основном по тем же упомянутым выше направлениям.

Следует отметить длительные гастроли китайского цирка за рубежом, начатые еще в 1972 г. Пять цирковых трупп КНР гастролировали по всему миру фактически без перерыва в течение целого года. Пекинская цирковая труппа посетила Иран, Алжир, Судан, Эфиопию, Египет, Тунис, Кипр; Шэньянская — страны Северной и Латинской Америки; Уханьская — страны Юго-Восточной Азии (Цейлон, Бирма, Непал); Шанхайская — страны Европы (Албания, Румыния, Франция, Италия, Англия, Турция). С 7 ноября по 7 декабря

1973 г. Гуанчжоуская цирковая труппа была на гастролях в Новой Зеландии.

При этом китайская печать регулярно публиковала данные, строго учитывая число зрителей. Так, сообщалось, что на представлениях Шэньянской и Пекинской цирковых трупп присутствовало более 300 тыс. человек, а на 19 представлениях Гуанчжоуского цирка в Новой Зеландии — более 30 тыс.

Следует отметить, что китайские организаторы зарубежных гастролей стремились использовать выступления китайских артистов в политических целях, привлечь симпатии зарубежных зрителей к маоистскому Китаю, с этой целью во время представлений они выставляют плакаты с призывами к единству с маоистским Китаем, при этом особенно было заметно стремление противопоставить китайское искусство советскому, умалить его роль. Китайская пропаганда на страницах «Гуанмин жибао» 21 октября 1973 г., например, в статье «Таков балет» пыталась опорочить выступления советских артистов в Японии.

Большое место в культурных связях КНР с зарубежными странами принадлежит Японии. Эти связи имеют двусторонний характер и осуществляются в самых различных формах. Так, балетная труппа Мацуяма вместе с китайской балетной труппой 10 февраля 1973 г. показала на пекинской сцене современный китайский балет «Красный женский отряд», в марте в КНР была организована выставка произведений японского художника-реалиста Хакусаи Кацусики (1760—1849 гг.), тогда же в Пекин прибыла японская делегация работников культуры. Ответная выставка рисунка и надписей на камнях, найденных в пров. Хэнань и относящихся к ханьскому и танскому периодам, была организована в Токио. Китайская печать подчеркивала в то время, что культурные связи между Китаем и Японией имеют более чем двухтысячелетнюю историю.

В мае — июне в КНР была приглашена на гастроли корейская оперная труппа «Мансутай». 1 сентября во Дворце культуры национальностей была открыта фотовыставка, посвященная годовщине образования ДРВ.

В 1973 г. Китай поддерживал культурные связи с европейскими странами. Между Албанией и Румынией, с одной стороны, и КНР — с другой, происходил взаимный обмен произведениями изобразительного искусства: в апреле в Пекине состоялась художественная выставка Албании под девизом «Народ — воин», в ноябре — начале декабря — выставка современных румынских картин. В марте делегация работников культуры Румынии посетила КНР. В конце марта в Бухаресте открылась выставка китайской живописи.

Маоистская пропаганда стремится активно популяризировать в зарубежных странах археологические находки, предметы материальной культуры Китая, якобы сделанные главным образом в период «культурной революции». С 8 мая по 3 сентября в Париже была открыта «Выставка предметов археологии и материальной культуры», которую посетило более 300 тыс. человек. Об этой выставке печатались статьи, в которых приводились отзывы французской печати («Жэньминь жибао», 8.IX.1973). Сообщалось также о том, что китайские археологи совершили поездку по Мексике.

Впервые после «культурной революции» в 1973 г. в Китае состоялись гастроли известных западноевропейских музыкальных коллективов. В марте в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу гастролировал симфонический оркестр Лондонской филармонии, в апреле — Венский симфонический оркестр. Оба коллектива исполнили произведения классиков английской, австрийской, немецкой и другой европейской музыки. Китайская печать сообщала, что в честь этих коллективов устраивались приемы, на одном из которых, например 28 марта 1974 г., заместитель председателя Ассоциации дружбы с зарубежными странами Ян Цзи говорил «об исторически сложившихся культурных связях» между Китаем и Англией.

В сентябре 1973 г. в Пекине и Шанхае прошли гастроли Филадельфийского симфонического оркестра, руководимого Ю. Орманди. Этот оркестр провел всего шесть концертов, на которых исполнялись произведения Бетховена, Брамса, Респиги, Дворжака, а также фортепианный концерт «Хуанхэ», исполненный китайским пианистом Ин Чэн-чжуном в сопровождении оркестра.

Делегация американских преподавателей совершила поездку в КНР, и, наоборот, делегация китайских учителей — в США. Китайская национальная ассоциация по науке и технике в последние годы установила тесные контакты с учрежденным в 1966 г. американским Комитетом по научным связям с КНР. В мае — июне 1973 г. делегация этого комитета была приглашена в КНР, где получила возможность ознакомиться с деятельностью научно-исследовательских институтов, университетов, школ, библиотек, медицинских учреждений, музеев, промышленных учреждений и «коммун».

Американская делегация предложила китайской стороне активизировать научные американо-китайские связи и обменяться в ближайшие один-два года двенадцатью делегациями ученых из каждой страны. В результате переговоров была достигнута договоренность о направлении в КНР девяти делегаций ученых-специалистов в области растениеводства, сейсмологии и геофизики, археологии, фармакологии, физио-

логии, паразитологии, экологии, биомедицины, антропологии, а также специалистов в области образования, детской психологии и лингвистики. Китайская национальная ассоциация по науке и технике согласилась направить семь делегаций различных специалистов, среди них специалисты по ЭВМ, преподаватели английского языка, ученые, медики и т. д.

Из развивающихся стран, в этом году поддерживавших культурные связи с КНР, можно назвать Пакистан, Непал, некоторые страны Африканского континента. В мае 1973 г. в Пекине была открыта «Выставка произведений Пакистана», летом в КНР гастролировал Пакистанский государственный ансамбль национального танца. В Катманду (март), Конакри (декабрь) были организованы выставки картин «Женщины нового Китая». В октябре в Тунисе открылась выставка китайского рисунка.

Пекинское руководство усиленно пытается привлечь на свою сторону китайских эмигрантов — ученых, деятелей культуры и учащуюся молодежь. С этой целью оно стремится внушить им, что интересы китайцев общие, где бы они ни проживали, и побудить их к возвращению на родину.

12 июля 1973 г. «Жэньминь жибао» сообщила о приеме заместителем министра иностранных дел Цяо Гуань-хуа и Ло Цин-чаном обучающейся в США и Европе большой группы китайцев-эмигрантов. В июле и августе состоялась беседа Чжоу Энь-лая с американскими физиками Ян Чжэнь-нином и Гу Юй-сюем. Им были предоставлены широкие возможности для знакомства с жизнью КНР. В начале апреля в Китае находилась сингапурская писательница Хань Су-ин, придерживающаяся промаоистских взглядов. Она была принята заместителем министра иностранных дел.

Ограниченность культурного обмена КНР с внешним миром, бедность репертуара и выбор стран, с которыми налаживаются эти связи, свидетельствуют о трудностях, переживаемых маоистской культурой, руководителями культурного фронта в нынешнем Китае.

Просвещение

Школьное образование. В 1973 г. в области народного образования продолжалась перестройка, начало которой было положено директивой ЦК КПК и Государственного административного совета КНР от 13 июня 1966 г. В соответствии с этой директивой учебным заведениям было отведено «известное время» для развертывания «культурной революции». В результате этого занятия в школах были прерваны: в начальных — более чем на год, в средних — на два года.

К 1966 г., несмотря на большие успехи в развитии просвещения в начальный период после создания КНР, около половины населения страны оставалось неграмотным, значительная часть детей школьного возраста, и прежде всего в горных и сельских районах, не была охвачена даже начальной школой.

Перестройка системы народного образования предполагала создание школ в стране ускоренными темпами, при этом она не предусматривала проведения централизованного планирования и увеличения государственных ассигнований. Составной частью этой перестройки являлось использование трудовой деятельности учащихся как источника самоокупаемости учебных заведений и профессионализации всего процесса обучения.

Осуществление реформы должно было также изменить характер и цели обучения и воспитания подрастающего поколения. Вместо воспитания человека, прочно овладевшего основами знаний, реформа нацеливала школу на подготовку «ремесленников», знакомых с начатками знаний, воспитанных в духе безоговорочной преданности Мао Цзэ-дуну и его «идеям». Такие выпускники отвечали существующим потребностям народного хозяйства, но не обладали достаточной подготовкой, которая впоследствии позволила бы им участвовать в развитии науки, экономики и культуры на основе современного научно-технического прогресса. Подготовка подобных кадров рассматривалась группой Мао Цзэдуна не как вынужденная временная мера, направленная на решение насущных экономических задач, а как постоянный, идейно обоснованный курс. Доказательство тому — утилитаризация программ и введение ранней специализации в тех учебных заведениях, которые уже достигли определенного качества и уровня обучения.

В идеологическом плане перестройка школы, начатая в 1966 г., была направлена на разгром кадров педагогов и руководителей учебных заведений, знакомых с социалистической системой обучения, а также имела целью установить строжайший идеологический контроль над учебными заведениями.

В ходе реформы происходила замена прежнего руководства в школах, вузах и органах просвещения. В 1968 г. в учебные заведения всех ступеней были направлены отряды активистов «культурной революции». Они вошли в состав новых органов власти — «ревкомов» и в настоящее время организуют и контролируют наряду с парткомами всю идеологическую работу в учебных заведениях.

Идеальными учебными заведениями, являвшимися воплощением маоистского курса, считались те, в которых «часть

времени работают, часть — учатся». Они имеют следующие основные особенности: 1) опора на собственные силы, т. е. самоокупаемость (частично за счет труда учащихся, частично за счет бюджета «коммун», шефствующих предприятий, местных органов власти). Государственные ассигнования поступают в начальные и средние школы только в виде незначительных дотаций. В ряде местностей, особенно в городах, родители платят за обучение; 2) отказ от стабильных программ, утилитарное направление обучения, приспособленного к местным условиям. Школа ориентируется на подготовку специалистов для нужд промышленности и сельского хозяйства того района, где она расположена; 3) сокращение часов аудиторных занятий; 4) использование наряду с профессиональными преподавателями учителей-практиков из среднетехнического персонала, рабочих и крестьян.

На практике нынешняя реформа выражается в создании школ со скользящим расписанием, позволяющим учащимся посещать занятия в свободное от сельскохозяйственных работ время. Ежедневно часть дня учащиеся работают на открытых при школах кустарных предприятиях и сельскохозяйственных базах, где производят вспомогательную продукцию для шефствующих предприятий (начальные школы) либо самостоятельную и порой довольно сложную продукцию (средние школы).

В силу ряда экономических и идеологических соображений, с целью ускоренного распространения образования и подготовки кадров для народного хозяйства сроки обучения в школах сокращены с 12 до 9 лет (5 — в начальной и две ступени по 2 года в каждой — в средней).

И без того шаткий фундамент начальных школ в 1966 — 1971 гг. был поколеблен форсированием темпов развития среднего образования, что вызвало отлив материальных и людских ресурсов из начальных школ. Вследствие этого в 1972/73 учебном году на первый план была выдвинута задача введения всеобщего начального пятилетнего образования, поэтому пришлось приостановить хаотичное открытие новых средних школ, вернуть из них часть преподавателей в начальные.

В этом учебном году основное внимание было уделено укреплению материальной базы уже открытых начальных школ, преодолению большого процента отсева учащихся. Среди причин отсева назывались: влияние «феодальных представлений о предпочтительности обучения мальчиков», стихийные бедствия, материальная необеспеченность и многодетность семей. Для преодоления отсева учащихся предусматривалось создание школ самых разнообразных типов, позволявшее детям посещать занятия в любое время, приво-

дить на уроки младших братьев и сестер. На начальные школы на местах стала выделяться бóльшая часть средств, идущих на нужды просвещения (например, в уезде Иши пров. Юньнань — 78%). Как признает китайская печать, дать детям реальную возможность закончить пять классов — задача более трудная, чем формально зачислить их в школы.

В результате всех экспериментов «культурной революции» произошло катастрофическое снижение качества обучения в школах. В связи с этим в 1971—1973 гг. предпринимались попытки нормализовать учебный процесс, повысить уровень обучения, установить более разумное соотношение между участием школьников в текущих политических кампаниях и приобретением знаний, между классными занятиями и производственной деятельностью. Для решения этих проблем предлагались меры, которые, по существу, означали возвращение ко многим методам работы, подвергнутым критике в период «культурной революции». Так, в учебные программы были вновь введены, хотя и не в прежнем объеме, некоторые предметы, исключенные раньше. Вновь стали изучаться общеобразовательные теоретические дисциплины, хотя и в сокращенном объеме. Из методов педагогической работы, практиковавшихся до «культурной революции», возобновились дополнительные уроки, индивидуальные занятия, контроль и проверка знаний в форме контрольных работ, проверки домашних заданий. Оказавшись перед угрозой перерождения школ в трудовые лагеря, маоисты вынуждены были напомнить, что «учеба — это главное», что «средняя школа закладывает основы знаний, поэтому главная форма обучения в ней — классные занятия». Преобладание материалов по текущей политической борьбе в учебниках по всем предметам было объявлено ошибочным уклоном, при котором «политика оттесняет остальные дисциплины».

Все это, однако, отнюдь не означало ослабления идеологической обработки учащихся. В 1972/73 учебном году, как и в предыдущем, среди школьников усиленно проводилась кампания «критики Линь Бяо, исправления стиля». Кроме того, деятельность повсеместно созданных в школах «групп по изучению идей Мао Цзэ-дуна» была направлена не только на более глубокое внедрение в умы подрастающего поколения маоистской идеологии, но и на установление полного и всестороннего контроля за каждой минутой жизни учителей и учащихся.

Одной из серьезных причин снижения качества обучения является низкий уровень подготовки учителей. В 1972/73 учебном году принимались срочные меры для повышения их профессионального уровня. В уездах, городах, районах, коммунах и отдельных школах были созданы пункты для кон-

сультаций учителей и краткосрочные курсы. Китайское руководство вынуждено было принять меры для повышения престижа старых педагогов. Для обеспечения учителями отдельных горных районов и районов, заселенных нацменьшинствами, ведется работа по ускоренному воспитанию кадров (в Гуанси-Чжуанском автономном районе возобновили работу и вновь созданы четыре педагогических училища для национальных меньшинств) [60]. В школы привлекаются в большом количестве преподаватели-практики, работающие по совместительству по нескольку часов в неделю (к 1973 г. их число достигло 420 тыс. человек) [61].

В результате создания учебных заведений разнообразных типов (включая примитивные учебные пункты и т. п.) в 1973 г. число учащихся в начальных и средних школах страны по сравнению с 1965 г. возросло более чем на 30% [62] и, по приблизительным подсчетам, составило 150—160 млн. В среднем по стране обучением охвачено около 90% детей школьного возраста, хотя распределение школ еще крайне неравномерно. Во многих крупных и средних городах, а также отдельных уездах, «имеющих благоприятные условия», осуществлено всеобщее неполное среднее образование. Введение всеобщего пятилетнего образования называется в китайской печати в качестве важнейшей задачи в области образования на период четвертой пятилетки.

Начавшийся с 1973/74 учебного года (после X съезда КПК) новый поворот в политике в области образования характеризуется очевидным обострением борьбы в руководстве по вопросу о дальнейших путях развития китайской школы. Намечавшаяся в последние несколько лет тенденция к нормализации обстановки и возвращение к некоторым прежним методам работы явно встревожили «левую» группировку, которая категорически воспротивилась этой тенденции и заявила, что «революция в образовании только началась». Суровому осуждению снова стали подвергаться все те, кто требовал навести «порядок в учебных заведениях», позаботиться о качестве обучения, кто был недоволен результатами «революции в образовании» и утверждал, что она лишь ухудшила положение в этой области. Журнал «Хунци» в статье «Доведем до конца революцию в образовании» заявил, что для утверждения маоистского направления и методов обучения потребуется «длительное время и сложная борьба» [63].

---

[60] «Гуанмин жибао», 11.XII.1973.
[61] «Жэньминь жибао», 3.I.1974.
[62] Там же.
[63] «Хунци», 1973, № 12.

Вновь используя приемы периода «культурной революции», «Жэньминь жибао» перепечатала 28 декабря 1973 г. из пекинской городской газеты письмо и отрывки из дневника 12-летней школьницы-хунвэйбинки с призывами покончить с «уважительным отношением к учителям», сопроводив его требованием от имени редакции «открыть огонь по ревизионистской системе образования» (так в Китае называется система, существовавшая до 1966 г.). В статье подчеркивалось, что «яд ревизионистской линии еще не вычищен до конца, взгляды на образование, существовавшие до культурной революции, еще очень упорно держатся».

В отличие от предшествующих двух лет с начала 1973/74 учебного года в печати отрицается тот факт, что «революция в образовании» привела к снижению качества обучения. Попытки отдельных школ и их руководителей повысить качество аудиторных занятий расцениваются как стремление «оторвать теорию от практики». Перегруженность учащихся трудовой деятельностью, порожденную требованием самоокупаемости школ, сторонники маоистской линии оправдывают тем, что у некоторых руководителей учебных заведений порой не хватало опыта соединения учебы с производством и все дело лишь в налаживании четкого расписания аудиторных и внеаудиторных занятий.

В печати подвергаются критике также те руководители школ и преподаватели, которые продолжают придерживаться существовавшей до 1966 г. формы проверки знаний путем обычных экзаменов. Сторонники маоистских методов обучения решительно выступают за новую форму испытаний — разрешение пользоваться на экзаменах книгами, списывать друг у друга, консультироваться, устраивать коллективные обсуждения оценок, предварительно сообщать экзаменационные темы.

Подобные методы оправдываются якобы стремлением развить самостоятельность мышления и покончить с зубрежкой, но их истинная цель заключается в том, чтобы, снизив требования к уровню знаний, облегчить переход в следующий класс учащимся, хуже успевающим, но активно участвующим в политических кампаниях.

Высшее образование. Разгромив в ходе «культурной революции» ранее существовавшую систему вузов (вузы не работали четыре года, начиная с 1966 г.), маоистское руководство приступило в 1970 г. к осуществлению провозглашенной Мао Цзэ-дуном «программы строительства высшего образования». Перестройка высшего образования в Китае предусматривает прежде всего искоренение в этой сфере влияния «ревизионизма» и преобразование вузовской системы полностью на базе «идей Мао Цзэ-дуна».

Суть проводимой в настоящее время реформы сводится к следующим мероприятиям: сокращение сроков обучения в вузах до двух-трех лет; исключение из программ или сокращение объема теоретических дисциплин, не связанных с производством; соединение обучения с трудом, что на практике означает закрепление за вузами определенных рабочих мест на предприятиях и в «коммунах», а также создание силами вузов своих собственных предприятий; упразднение системы вступительных экзаменов, дающей преимущества более подготовленной молодежи в ущерб маоистским «активистам»; усиление маоистского политического «воспитания» (политзанятиям отводится 20% учебного времени).

Восстановление работы вузов протекает крайне медленно. По данным китайской печати, в 1970 г. только около 50 вузов объявило о наборе студентов, в 1972 г. функционировало 196 вузов. В 1965 г., накануне «культурной революции», в стране работало 707 вузов. За три года (1970—1972 гг.) было зачислено, по сообщению китайской печати, 200 тыс. абитуриентов, т. е. меньше, чем зачислялось ежегодно до «культурной революции». На протяжении последних трех лет подчеркивался экспериментальный характер мероприятий, проводимых в этой области: был декларирован курс на постоянное, непрерывное реформирование процесса обучения, отказ от стабильности. Некоторые вузы с целью приближения к производству были переведены из центральных городов на периферию (пекинские горный, нефтяной, авиационный институты и институт стали и др.).

Начиная с 1970 г. решались вопросы подбора кадров, набора абитуриентов, отрабатывалась система включения процесса преподавания в производство. Само же преподавание проводилось на уровне малочисленных «экспериментальных групп».

Жесткая система отбора в вузы предоставляет преимущества для поступления в них маоистски настроенной молодежи. От абитуриентов требуется двухгодичный стаж работы на производстве, «личное заявление, рекомендация масс, утверждение руководством». При поступлении в вуз проверка знаний сводится к так называемой проверке «аналитических способностей» и учету практического опыта. Попытки оценивать общеобразовательный уровень абитуриентов подверглись резкой критике. Проблема разного уровня подготовки студентов — одна из самых трудных в организации преподавания. Ее разрешение затруднено демагогическими запретами разделять студентов на группы в соответствии с их подготовленностью.

Подавляющее большинство старого преподавательского состава возвращено на рабочие места. Вынужденное «при-

знание» авторитета старых преподавательских кадров не исключает требования постоянного их идейного и трудового «перевоспитания». Создана система использования в процессе преподавания наряду с профессиональным профессорским составом также и непрофессиональных «преподавателей-совместителей» из рабочих, крестьян, солдат и техников, обладающих «опытом классовой борьбы» и практическим опытом. Эта система соответствует «идее Мао» о преимуществе практического знания над теоретическим (книжным), а также о необходимости перманентного «перевоспитания интеллигенции в среде рабочих, крестьян и солдат». Однако удельный вес таких совместителей, по-видимому, не высок.

В соответствии с новыми требованиями, предъявляемыми реформой, переделываются и вновь создаются учебные курсы и учебники. В их создании принимают участие преподаватели, студенты и представители производства. Здесь наблюдается стихийность, усугубляемая децентрализацией учебных заведений. Узкопрагматические требования, предъявляемые к учебникам, ведут к значительному снижению их познавательной ценности. К концу 1973 г. было создано около 12 тыс. новых курсов и учебных пособий. По признанию китайской прессы, это лишь начало в «революционизации» учебных материалов, из чего следует вывод о невозможности в ближайшие годы стабилизировать учебные программы. Первые выпуски специалистов состоялись в 1972 г. К концу 1973 г. китайскими вузами было выпущено около 30 тыс. человек (в 1965 г.— 170 тыс.). Выпускники, прошедшие двухгодичный срок обучения, не могут быть приравнены к специалистам с высшим образованием, так как полученные ими знания в лучшем случае соответствуют среднему специальному образованию.

В конце сентября 1973 г. было официально заявлено, что новый набор насчитывает 153 тыс. студентов. По сообщениям иностранных наблюдателей, китайское руководство намерено полностью восстановить деятельность вузов к началу 1975 г. Расширенный набор этого года дает возможность говорить о попытках перехода от «экспериментального этапа» к некоторой стабилизации учебного процесса. Очевидно, за эталон будет принята практика воспитания специалистов в «экспериментальных группах», а это означает, что вузы в основном будут нацелены на подготовку узких специалистов для нужд сельского хозяйства и промышленных предприятий.

Началась посылка студентов за рубеж. По имеющимся данным, в 1973 г. предполагалось отправить 300 человек (из них 200 — в Англию). Гуманитарные вузы, по существу, превращены в отряды по пропаганде «идей Мао», что вполне соответствует прагматическому отношению маоистов к гу-

манитарным наукам. До $^1/_3$ времени, отводимого на обучение, студенты гуманитарных вузов проводят вне вуза — на заводах, предприятиях, коммунах с так называемыми «обследованиями», после чего устраивают конференции, пишут статьи, доклады и отчеты.

В настоящее время потребность производства и науки в высококвалифицированных кадрах удовлетворяется в основном за счет специалистов, подготовленных до «культурной революции». По некоторым косвенным данным, можно предположить о существовании небольшого числа учебных заведений закрытого типа, работающих по стабильным программам и призванных обслуживать некоторые отрасли науки, связанные в основном с военным производством. Не исключена возможность воспитания научных кадров вне вуза путем непосредственного закрепления студентов за учеными (ранее такая практика существовала).

Следует отметить также, что при некоторых вузах создается сеть учебных заведений типа краткосрочных курсов, вечерних институтов, консультационных пунктов и т. д., призванных готовить специалистов среднего звена.

Практика восстановления системы вузов свидетельствует о невозможности полной перестройки программы и учебников в соответствии с левацкими тезисами инициаторов реформы высшего образования. Узкоутилитарные установки, ориентирующие учебный процесс на освоение конкретного участка производства, оказываются несовместимыми с требованиями этого производства в эпоху научно-технической революции.

Децентрализация учебных заведений, отсутствие стабильных программ и учебников, резкое сокращение сроков обучения и часов аудиторных занятий, система набора, ставящая политические критерии на первое место в ущерб общеобразовательной подготовке молодежи,— все это обостряет противоречия между маоистской догмой и потребностями общественного развития. На протяжении последних трех лет постоянно наблюдалась тенденция к воссозданию системы высшего образования, более соответствующей современным требованиям, чем система краткосрочных выпусков и «экспериментальных групп». Об этом свидетельствовали увеличение сроков обучения в некоторых вузах на полгода-год, попытки учета образовательного уровня при приеме в вуз, попытки реабилитировать теоретические дисциплины в системе институтов общего профиля, напоминания о «существовании объективной разницы между умственным и физическим трудом на современном этапе». Появился целый ряд выступлений, в которых прозвучал отказ от левацких крайностей в организации вузов.

Несмотря на то что эти выступления в целом не выходили за рамки прагматической концепции Мао, эта более реалистическая тенденция в 1973 г. развития не получила.

В канун X съезда КПК в связи с письмом представителя «грамотной молодежи» в деревне Чжан Те-шэна была начата шумная кампания. Провал Чжан Те-шэна на экзаменах был использован в этой кампании для утверждения наиболее левацких требований к абитуриентам. К началу 1974 г. эта кампания не была завершена.

12 февраля Государственный совет КНР созвал в Пекине Всекитайское совещание по хлопководству, посвященное обобщению и обмену опытом по увеличению производства хлопка.

Китайское правительство выработало план освоения подводных запасов нефти в заливе Бохай. Китайские специалисты полагают, что этот район может стать вторым Персидским заливом. В Пекине находятся представители шести американских нефтяных компаний, в частности «Мобил» и «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», а также нескольких машиностроительных компаний, в том числе «Хьюз Тул Компани» и «Бауэр Ойл».

В мае в Шицзячжуане состоялось «совещание-диспут по вопросам научных методов борьбы с засухой в северных районах Китая», созванное по поручению министерства сельского и лесного хозяйства Академией сельского и лесного хозяйства КНР и Академией сельского и лесного хозяйства пров. Хэбэй. В совещании участвовало 160 руководящих кадровых работников из 17 провинций, городов, автономных районов. Совещание рекомендовало коренным образом изменить условия производства; ускорить ирригационное строительство и полностью использовать эффективность орошения, повысить технику обработки земли, опираясь на научные рекомендации.

Премьер-министр Англии Эдвард Хит заявил в парламенте, что объем китайско-английской торговли составил 100 млн. ф. ст. за первые десять месяцев 1973 г., что почти в 2 раза больше, чем за соответствующий период 1972 г.

Научно-исследовательские учреждения и промышленные предприятия Китая освоили производство новых видов лазерной аппаратуры.

Китайская пресса сообщает, что в 1973 г. сбор зерна в стране превысил 250 млн. *т*.

Ведутся работы по расширению пекинского аэропорта. Пекинский аэропорт имеет сейчас взлетно-посадочную полосу длиной 3200 *м* и шириной 690 *м* с рулежной дорожкой шириной 22 *м*.

Шанхайский аэропорт Хунцяо имеет взлетно-посадочную полосу длиной 3350 *м* и шириной 690 *м*, а также современное навигационное оборудование, позволяющее принимать и отправлять самолеты круглосуточно.

За последние пять лет в КНР свыше 8 млн. учащихся переселились из городов в деревни. Из них 60 тыс. человек вступили в КПК, 830 тыс.— в КСМК, 240 тыс. вошли в состав различных руководящих органов.

Пекин направляет крупный отряд кадровых работников высшего звена в сельские районы для стимулирования сельскохозяйственного производства. В провинциях Шэньси, Шаньдун имеется серьезная угроза голода.

---

1 мая в Пекине состоялись народные гулянья в шести центральных городских парках. На временных подмостках и площадках выступали артисты пекинских театров, коллективы художественной самодеятельности. В отличие от прошлых лет эти выступления имели мирный, гражданский характер. В парках почти не было портретов Мао Цзэ-дуна, стендов с его цитатами, массовых демонстраций, митингов и фейерверков. Новые лозунги не появлялись.

Во Внутренней Монголии расквартирована грамотная молодежь производственно-строительных войск. Эта молодежь прибыла из Пекина, Шанхая и Тяньцзиня «для участия в строительстве северных рубежей страны». Отмечается, что «свыше 5300 представителей грамотной молодежи вступили в ряды КПК, более 34 тыс. стали членами КСМК, группа представителей этой молодежи направлена также на учебу в вузы страны».

На 50% повышена плата в гостиницах и цены в ресторанах для иностранцев. Услуги прачечных, отелей подорожали на 60%. Подорожало такси.

Согласно сообщениям агентства Синьхуа, после IX съезда КПК в Синьцзяне, Тибете, Внутренней Монголии, Юньнани, Гуанси и Нинся-Хуэйском автономном районе принято в КПК свыше 143 тыс. тибетцев, монголов, уйгуров и других представителей национальных меньшинств.

Согласно последним статистическим данным, число беженцев из КНР в Гонконг в 1973 г. резко возросло. В первом полугодии сюда прибыло 2016 человек, почти на 55% больше, чем за тот же период 1972 г. Фактическое число беженцев вдвое или даже втрое превышает официальную цифру.

В Пекине 28 августа завершился X съезд КПК, проходивший четыре дня. С политическим отчетом выступал Чжоу Энь-лай. Доклад об изменениях в Уставе партии сделал заместитель председателя «ревкома» и секретарь парткома Шанхая Ван Хун-вэнь. Съезд принял резолюцию об исключении из партии Линь Бяо и Чэнь Бо-да. Съезд принял новый Устав и избрал руководящие органы партии. В новый ЦК было избрано 195 членов, 124 кандидата в члены ЦК.

В Пекине 31 августа состоялся 1-й пленум ЦК КПК 10-го созыва. Председателем ЦК КПК избран Мао Цзэ-дун, заместителями председателя ЦК избраны: Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Е Цзянь-ин, Ли Дэ-шэн; членами Политбюро ЦК избраны: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Вэй Го-цин, Е Цзянь-ин, Лю Бо-чэн, Цзян Цин, Чжу Дэ, Сюй Ши-ю, Хуа Го-фэн, Цзи Дэн-куй, У Дэ, Ван Дун-син, Чэнь Юй-гуй, Чэнь Си-лянь, Ли Сянь-нянь, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Яо Вэнь-юань, Кан Шэн, Дун Би-у; кандидатами в члены Политбюро ЦК: У Гуй-сянь, Су Чжэнь-хуа, Ни Чжи-фу, Сайфуддин; членами Постоянного комитета Политбюро ЦК: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Е Цзянь-ин, Чжу Дэ, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Дун Би-у.

Обращает на себя внимание содержащийся в сентябрьском номере «Хунци» призыв к написанию «дацзыбао», с чего начинались все важнейшие политические кампании в Китае. В Пекинском университете появилось большое количество «дацзыбао» с критикой некоторых нововведений в системе набора в вузы.

В начале октября в Китае стала расширяться критика конфуцианства, которая, как отмечается в октябрьском номере «Хунци», «имеет важное значение для надлежащего проведения революции в области надстройки». В ходе этой критики оправдывался «революционный нигилизм „культурной революции“».

В Пекинском университете учится около 450 иностранных студентов. Наряду с вьетнамскими и корейскими студентами в Пекине учатся студенты из Албании, Румынии, Югославии, Англии, Франции, Италии, Канады. В Англии к концу 1973 г. насчитывалось 200 китайских студентов.

28 декабря закончилась пятая профсоюзная конференция пров. Гуйчжоу. В работе конференции приняли участие 1444 делегата. В Постоянный комитет федерации профсоюза провинции вошел 21 человек.

---

31 декабря агентство Синьхуа сообщило, что в 1973 г. заканчивают вузы страны свыше 29 тыс. студентов из среды рабочих, крестьян и солдат.

В октябре в английской печати появились сообщения о «проявленном Китаем интересе» к закупке в Англии военного самолета «Харриер» с вертикальным взлетом и посадкой. Отмечалось, что речь идет о заказе 200 таких самолетов.

Как сообщил корреспондент агентства ЮПИ в информации о встрече Цзи Пэн-фэя с Роджерсом, китайские представители на международной конференции по Вьетнаму заявили, что Китай хочет «двигаться полным ходом к более тесному сотрудничеству с Вашингтоном» и не заинтересован во встречах с представителями европейских социалистических стран.

Между КНР и Республикой Шри Ланка начали курсировать грузовые суда.

«Нью-Йорк Таймс» опубликовала 31 октября корреспонденцию о беседе ее обозревателя С. Сульцбергера с Чжоу Энь-лаем.

Чжоу Энь-лай выступил против разрядки напряженности в Европе, назвав ее «иллюзией». Он высказался против улучшения отношений между СССР и США, против советского предложения о сокращении военных бюджетов пяти постоянных членов Совета Безопасности и об использовании части сэкономленных средств для оказания помощи развивающимся странам, скептически оценил возможность урегулирования обстановки на Ближнем Востоке, призвав НАТО «оставаться сильной», обрушился с нападками на Советский Союз.

На авиалиниях Китая курсируют пять советских реактивных самолетов «Ил-62» и десять американских «Боинг-707». Китай ведет переговоры о покупке трех «Конкордов».

В соответствии с советско-китайским протоколом, подписанным в Москве в июле 1973 г., в Пекине состоялись переговоры между делегациями Аэрофлота и Главного управления гражданской авиации КНР. В ходе переговоров были обсуждены технические и коммерческие вопросы, свя-

занные с установлением прямого воздушного сообщения Москва — Пекин — Москва. Согласно подписанному 10 декабря соглашению 30 января 1974 г. открылось сообщение в обоих направлениях на самолетах типа «Ил-62».

К концу 1973 г. Китай поддерживал дипломатические отношения с 90 государствами мира.

Представитель Ассоциации содействия развитию международной торговли Японии заявил, что, по сведениям, полученным от китайского правительства, Китай отменил действовавший в течение трех лет запрет на торговлю с американскими и японскими фирмами, связанными с Южной Кореей и Тайванем.

Компания «Стандард Ойл» (штат Огайо) подписала с КНР соглашение об изготовлении в Китае по ее лицензии акрилонитриловых материалов на сумму 110 млн. ф. ст. в год, завод должен быть пущен в 1976 г.

---

3 октября агентство Киодо Цусин сообщило, что сумма закупки Китаем машинного оборудования и судов японского производства на контрактной основе составит в 1973 г. 500—600 млн. долл.

По контракту с французскими машиностроительными компаниями «Текнип» и «Спейшим» в Северо-Восточный Китай должен быть поставлен нефтехимический комплекс мощностью 50 тыс. *т* нейлона, 90 тыс. *т* полиэстера «тергал» и 120 тыс. *т* полиэтилена в год. Комплекс вступит в строй через пять лет.

---

8 ноября Пекин произвел девальвацию юаня (жэньминьби) по отношению к гонконгскому доллару. Новый курс — 38,46 юаня (прежний курс — 38,14 юаня) за 100 гонконг. долл.

6 декабря в Токио было объявлено о том, что Китай заключил в Гонконге соглашение с консорциумом английских банков о займе на сумму 42 млн. ф. ст. на трехлетний срок.

Это первый известный случай за всю историю существования КНР, когда пекинское правительство согласилось принять заем от капиталистической страны. Заем предоставлен из расчета 6% годовых.

В декабре в Пекине подписано соглашение о закупке Китаем 2,1 — 3 млн. *т* американского зерна в течение трех лет, причем 200 тыс. *т* кукурузы поставляются немедленно. В ближайшие три года Китай получит также 4,8—6,1 млн. *т* зерна из Канады; до 4,7 млн. *т* пшеницы из Австралии.

ХРОНИКА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ (1973 г.)

Январь

1 января — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали совместное коммюнике в связи с завершившимся официальным визитом в Китай министра иностранных дел ВРП РЮВ Нгуен Тхи Бинь.

— Глава представительства Палестинской организации освобождения в Пекине М. И. Хаммуд устроил прием по случаю 8-й годовщины вооруженной борьбы палестинского народа.

4 января — В Пекин прибыл министр иностранных дел Италии Дж. Медичи. В ходе встречи с ним министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй заявил, что Китай поддерживает интеграцию стран Западной Европы как в политической области, так и в области обороны.

9 января — Постоянный представитель КНР в ООН Хуан Хуа направил Генеральному секретарю ООН заявление, в котором китайская делегация заявляет, что «она не примет участия в работе специального комитета Всемирной конференции по разоружению и решительно выступает против насильственного сохранения мест для Китая или любых других стран, которые не намерены принять участие в работе этого комитета».

10 января — В Пекин с визитом прибыл президент Республики Заир генерал-лейтенант Мобуту; он провел переговоры с Чжоу Энь-лаем.

12 января — В Пекин прибыла пакистанская военная делегация во главе с начальником штаба армии Пакистана генералом Тиккой Ханом.

13 января — В Пекине между правительством КНР и королевским правительством Национального единства Камбоджи подписаны соглашения о безвозмездном предоставлении Камбодже военного снаряжения и соглашение о предоставлении Камбодже экономической помощи на 1973 г.

18 января — Чжоу Энь-лай, Цзи Пэн-фэй, Ли Цян и Ляо Чэн-чжи встретились с членами делегации Либерально-демократической партии Японии, возглавляемой Ясухиро Накасонэ.

19 января — Пекинские газеты сообщают о подписании в Пекине протокола о предоставлении Китаем Румынии помощи в строительстве комплексных объектов и о поставках техники.

20 января — Открылась международная воздушная линия Карачи — Равалпинди — Пекин — Шанхай.

25 января — Чжоу Энь-лай и заместитель министра иностранных дел Хэ Ин встретились с первым послом Малагасийской Республики в Китае А. Р. Ратсимаманга.

26 января — В Пекин прибыла правительственная экономическая делегация ДРВ во главе с заместителем премьер-министра правительства ДРВ Ле Тхань Нги.

27 января — В Пекин прибыли главный директор чехословацкого торгового банка Т. Дуброваи и заведующий отделом договоров В. Бейчек для переговоров и подписания протокола о расчетах по товарообмену и платежах между Китаем и Чехословакией.

— В Пекин прибыла чилийская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел Республики К. Мединой.

28 января — Из Пекина отбыл в Токио временный поверенный в делах КНР в Японии Ми Го-цзюнь.

29 января — В Пекине состоялось заседание смешанного комитета китайско-чилийской торговли.

31 января — В США прибыла делегация КНР для переговоров по вопросу о программе подготовки китайских экипажей для самолетов «Боинг-707», закупленных в США.

Февраль

2 февраля — Председатель Постоянного комитета ВСНП Чжу Дэ встретился с находящейся в Китае делегацией Государственного совета Непала во главе с председателем Постоянного комитета Государственного совета Непала Рангой Натом Шармой.

— В Пекине подписан протокол о порядке банковских расчетов при товарообмене и платежах между китайским и чехословацким банками.

3 февраля — В Пекине проездом на родину находились Ле Дык Тхо и Нгуен Зуй Чинь, которые встретились с Чжоу Энь-лаем и были приняты Мао Цзэ-дуном. В Пекине состоялся митинг в честь представителей ДРВ.

7 февраля — Министерство обороны Китая устроило собрание по случаю 25-й годовщины со дня основания Корейской Народной армии.

8 февраля — Чжоу Энь-лай, Е Цзянь-ин и другие официальные лица встретились с членами делегации министерства обороны и национальной службы Танзании во главе с министром Э. М. Сокоине.

9 февраля — В Пекин прибыл министр иностранных дел КНДР Хо Дам.

12 февраля — Чжоу Энь-лай встретился с первым чрезвычайным и полномочным послом Камеруна в Китае Л. Ц. Климентсом.

14 февраля — Новый чрезвычайный и полномочный посол Королевства Камбоджа в КНР Тош Кхам Дэн вручил верительные грамоты исполняющему обязанности председателя КНР Дун Би-у.

— Министерство обороны Китая устроило собрание, посвященное 12-й годовщине со дня образования народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама.

15 февраля — Чжоу Энь-лай, Цзи Пэн-фэй и Цяо Гуань-хуа провели переговоры с Г. Киссинджером, прибывшим в Пекин 15 февраля для консультаций относительно содействия нормализации китайско-американских отношений и продол-

жения обмена мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес. 17 февраля Г. Киссинджер был принят Мао Цзэ-дуном. 22 февраля Белый дом опубликовал коммюнике об этих переговорах.

17 февраля — В Пекин прибыл заместитель министра внешней торговли Народной Республики Болгарии К. Козмов.

19 февраля — В Шанхае закончился 6-й городской съезд КСМК. Съезд избрал 6-й шанхайский городской комитет Коммунистического Союза Молодежи Китая.

19 февраля — В Пекине подписано соглашение о товарообороте и платежах между КНР и НРБ на 1973 г.

22 февраля — Открылась прямая авиалиния между Китаем и Эфиопией.

23 февраля — Военный атташе при посольстве СССР в КНР В. И. Иванов устроил прием по случаю 55-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота. Ревкомы и отделения общества китайско-советской дружбы в провинциях Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь, Хубэй и г. Люйда возложили венки к памятникам павшим воинам Советской Армии.

24 февраля — Из Пекина в Париж на Международную конференцию по Вьетнаму отбыла делегация КНР, возглавляемая Цзи Пэн-фэем и его заместителем Хань Нянь-луном.

27 февраля — Из Пекина отбыл заместитель министра внешней торговли Чжоу Хуа-минь для подписания торговых соглашений на 1973 г. с МНР, ВНР, ЧССР и ПНР.

Март

1 марта — Из Пекина в Будапешт отбыл новый чрезвычайный и полномочный посол КНР в Венгерской Народной Республике Ли Цзэ-ван.

3 марта — В Пекин прибыла правительственная торговая делегация ГДР во главе с заместителем министра по внешним экономическим вопросам доктором К. Фенском.

5 марта — В Пекине подписано соглашение о товарообмене и платежах на 1973 г. между КНР и ГДР.

7 марта — В Будапеште подписано венгеро-китайское соглашение о товарообороте и платежах на 1973 г.

9 марта — Правительства КНР и Испании установили дипломатические отношения.

10 марта — Правительство КНР уведомило правительство США о решении освободить бывшего агента ЦРУ Джона Дауни и двух американских летчиков, сбитых над китайской территорией во время вьетнамской войны.

11 марта — Чжоу Энь-лай в речи в связи с Международным женским днем, произнесенной перед 200 «иностранными экспертами» и членами их семей, впервые открыто выступил с публичными обвинениями против Линь Бяо и Чэнь Бо-да.

14 марта — В Пекине состоялись переговоры Цзи Пэн-фэя с министром иностранных дел Арабской Республики Египет М. Х. эль Зайятом.

— В Пекине подписаны соглашение о технико-экономическом сотрудничестве и торговое соглашение между КНР и Республикой Заир.

16 марта — В Прагу для завершения переговоров о торговом протоколе между ЧССР и КНР прибыл Чжоу Хуа-минь.

19 марта — В Аддис-Абебе открылась торгово-экономическая выставка КНР.

20 марта — В Праге подписан протокол о товарообмене и платежах между ЧССР и КНР на 1973 г.

23 марта — В Варшаве между КНР и ПНР подписано соглашение о товарообороте и платежах на 1973 г.

24 марта — По приглашению ЦК КПК в Пекин прибыли генеральный секретарь Национального комитета Коммунистической партии Новой Зеландии В. Уилкокс и член секретариата Национального комитета КПНЗ Р. Волф.

— В Пекин прибыл по приглашению агентства Синьхуа главный редактор агентства ТАНЮГ Т. Олич.

25 марта — В Пекин прибыл президент Камеруна А. Ахиджо, который провел переговоры с Чжоу Энь-лаем, 26 марта он встретился с Мао Цзэ-дуном.

26 марта — Из Пекина в Токио отбыл первый чрезвычайный и полномочный посол КНР в Японии Чэнь Чу.

— В Пекине открылась выставка английской промышленной техники.

27 марта — Президент Международной федерации футбола Стенли Роуз запретил странам — членам ФИФА направлять команды в Китай до тех пор, пока Китай не согласится вступить в эту организацию.

28 марта — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Объединенной Республикой Камерун.

30 марта — Президент Никсон в заявлении по радио и телевидению США отметил, что Соединенные Штаты установили «новые конструктивные отношения с КНР».

31 марта — В Бухаресте подписан план о научном сотрудничестве на 1973—1974 гг. между Академиями наук СРР и Китая. В этом документе, в частности, предусматривается обмен специалистами в различных областях и научными данными.

Апрель

1 апреля — В Пекин прибыл первый чрезвычайный и полномочный посол Японии в Китае Х. Огава.

2 апреля — Объявлено о назначении Хуан Чжэня начальником группы связи КНР в США.

3 апреля — В Пекине закончилась конференция Коммунистического Союза молодежи Китая г. Пекина.

15 апреля — В Пекин прибыла делегация министерства внешней торговли Румынии во главе с заместителем министра внешней торговли И. Стояном.

— В Гуанчжоу открылась весенняя ярмарка экспортных товаров Китая 1973 г.

18 апреля — В Бухаресте образовано Общество румыно-китайской дружбы.

20 апреля — Продлен срок действия китайско-болгарского соглашения о научно-техническом сотрудничестве, подписанного 23 марта 1955 г.

25 апреля — Завершился семидневный визит президента Мексики Луиса Эчеверрии Альвареса, в результате которого в Пекине подписано торговое соглашение между Китаем и Мексикой.

1 мая — Руководители КНР встретились с сотрудниками американской радиокорпорации «Коламбиа Бродкастинг систем».

2 мая — Чжоу Энь-лай, Бай Сян-го и заместитель министра топливной и химической промышленности Тан Хэ встретились с делегацией канадских нефтяников, возглавляемой министром энергетики, горнорудной промышленности и ресурсов Канады Д. Макдональдом и помощником заместителя министра промышленности, торговли и коммерции Р. Хедом.

4 мая — Закончились комсомольские конференции в провинциях Хэбэй, Шэньси, Ганьсу и Гуйчжоу.

— В Пекине подписано соглашение между Главным управлением телефонно-телеграфной связи КНР и министерством почт и телеграфа Японии о прокладке морского кабеля между Китаем и Японией.

— В Пекин прибыл с визитом министр иностранных дел Люксембурга Торн.

5 мая — Чжоу Энь-лай, Ли Цян и Ли Чуань приняли филиппинскую торговую делегацию.

9 мая — Чжоу Энь-лай и Хэ Ин приняли первого посла Австралии в КНР.

12 мая — В Пекине подписано соглашение об установлении воздушного сообщения между КНР и Норвегией.

14 мая — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» публикуют сообщения о шести конференциях КСМК, состоявшихся в провинциях Хубэй, Цзилинь, Хэйлунцзян, Хунань, Юньнань и Хэнань, на которых были созданы комитеты КСМК этих провинций.

— Чжоу Энь-лай принял президента Административного совета и Генерального директора агентства Франс Пресс Жана Марэна.

18 мая — В Вашингтон прибыла делегация газетных работников КНР в составе 21 человека.

— Чжоу Энь-лай и Бай Сян-го приняли министра внешней торговли Австралии Джэймса Кэйриса.

— В США из Пекина вылетела китайская обследовательская группа по физике высоких энергий в составе 13 человек во главе с членом правления китайского физического общества, заместителем директора Исследовательского института атомной энергии при АН Китая Чжан Вэнь-юем.

— В Пекине подписано соглашение об установлении воздушного сообщения между КНР и Данией.

— Чжоу Энь-лай принял руководителя группы связи США в КНР Д. Брюса, прибывшего в Пекин 14 мая.

21 мая — Завершился визит делегации Общества китайско-японской дружбы во главе с Ляо Чэн-чжи в Японию.

22 мая — В Пекин прибыла делегация из ФРГ во главе с руководителем концерна «Крупп» Бертольдом Бейцем.

— В Пекин прибыл заместитель премьер-министра Греции Макарезос; он был принят Чжоу Энь-лаем.

23 мая — В Пекине подписаны соглашения о перевозках гражданской авиацией, о торговле и платежах и о морских перевозках между КНР и Грецией.

24 мая — Чжоу Энь-лай направил в адрес 10-й Ассамблеи глав государств и правительств стран — членов Организации африканского единства телеграмму по случаю 10-й годовщины со дня ее образования.

29 мая — В Вашингтон прибыл глава группы связи КНР в США Хуан Чжэнь; 30 мая он был принят президентом США Р. Никсоном.

31 мая — В провинциях Шаньдун, Чжэцзян, Фуцзянь, автономном районе Внутренняя Монголия и Гуанси-Чжуанском автономном районе закончились конференции КСМК. На конференциях были избраны комитеты КСМК.

— Закончилась городская профсоюзная конференция Тяньцзиня.

— Из Пекина отбыл новый чрезвычайный и полномочный посол КНР во Франции Цзэн Тао.

Июнь

1 июня — Посольство СССР в США сделало заявление для печати, в котором разоблачаются утверждения некоторых органов американской печати о том, что будто бы дипломатическое вмешательство США предотвратило «неминуемое ядерное нападение Советского Союза на КНР». Посольство СССР в США заявило, что утверждения о существовании какой-то угрозы нападения Советского Союза на Китай имеют лживый характер.

— В Пекине подписано соглашение об установлении авиационного сообщения между КНР и Швецией.

4 июня — Чжоу Энь-лай встретился с бывшим премьер-министром Франции Шабан-Дельмасом.

5 июня — Состоялись профсоюзные конференции провинций Цзилинь, Шаньси и Аньхой.

10 июня — Завершился четырехдневный визит Цзи Пэн-фэя в Англию.

11 июня — Завершился восьмидневный визит в Китай партийно-правительственной делегации ДРВ во главе с Ле Зуаном и Фам Ван Донгом.

13 июня — В Пекине парафировано соглашение об открытии авиалинии Лондон — Пекин.

14 июня — Завершился четырехдневный визит Цзи Пэн-фэя во Францию. Цзи Пэн-фэй был принят Ж. Помпиду. Закончилась профсоюзная конференция пров. Ляонин.

17 июня — Завершился трехдневный визит Цзи Пэн-фэя в Иран.

18 июня — Чжоу Энь-лай, Цяо Гуань-хуа и заместитель председателя китайского Народного общества по изучению международных отношений Кэ Бо-нянь встретились с председателем Совета директоров Национального комитета американо-китайских отношений М. Блументалем и его супругой, госпожой Е. Кристоферсен, Э. Касом, У. Делансом, Ф. Онилом, М. Оксенбергом и мисс Дж. К. Беррис.

20 июня — Подписаны соглашения и протокол об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и КНДР.

27 июня — Завершился шестидневный визит главы государства, председателя правительства республики Мали М. Траоре в Китай. В результате визита в Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.

— В Гуанси-Чжуанском автономном районе и провинциях Юньнань и Хубэй закончились профсоюзные конференции.

— В Западном районе Китая произведен очередной взрыв водородной бомбы мощностью 2—3 *мгт*.

Июль

1 июля — В Тяньцзине закончился 6-й съезд женщин. Избран комитет Тяньцзинской федерации женщин.

— В провинциях Гуандун, Хэбэй, Ганьсу, Шаньдун, Хэйлунцзян, Цзянсу, Шэньси и автономном районе Внутренняя Монголия завершились профсоюзные конференции, на которых были избраны профкомы.

4 июля — Ли Сянь-нянь принял главу югославской экономической делегации Б. Иовича.

5 июля — В Белграде закрылась первая промышленно-торговая выставка КНР, длившаяся 14 дней.

6 июля — В беседе с членами американского конгресса Чжоу Энь-лай подверг критике американо-советское заявление о ядерных вооружениях.

10 июля — Чжоу Энь-лай направил премьер-министру Багамских о-вов Линдену О. Пиндлингу телеграмму с поздравлением по случаю провозглашения независимости.

17 июля — Мао Цзэ-дун принял американского физика Ян Чжэньнина и имел с ним беседу.

— На второй сессии рабочей группы Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) по разработке «Устава экономических прав и обязанностей государств» выступил представитель КНР Би Цзи-лун, изложивший позицию и предложения китайского правительства по этому вопросу.

— В пров. Сычуань и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе состоялись комсомольские конференции.

18 июля — Состоялись конференции женщин в провинциях Аньхой, Хубэй, Шаньси, Цзилинь и Хэбэй.

19 июля — КНР и Республика Южный Вьетнам подписали соглашение об оказании Китаем безвозмездной, срочной и дополнительной экономической помощи Республике Южный Вьетнам на 1973 г.

26 июля — Из Пекина в КНДР отбыла китайская обследовательская группа по восточной медицине в составе семи человек.

28 июля — Правительство КНР признало Республику Афганистан.

— Из Пекина в СССР отбыли глава правительственной торговой делегации КНР и заместитель министра внешней торговли Чай Шу-фань.

31 июля — Завершился четырехдневный визит президента Конго М. Нгуаби в Китай. В результате визита подписано соглашение о предоставлении кредитов правительством КНР правительству Народной Республики Конго.

Август

1 августа — В Москве подписано соглашение о товарообмене и платежах между правительствами КНР и СССР на 1973 г.

4 августа — В провинциях Гуандун, Хэйлунцзян, Фуцзянь, Ганьсу, Гуанси-Чжуанском и Тибетском автономных районах закончились конференции женщин.

— Посол Пакистана в КНР вручил верительные грамоты Дун Би-у.

5 августа — Завершились профсоюзные конференции в провинциях Сычуань, Цинхай и Цзянси. Избраны профкомы.

6 августа — Постоянный комитет ВСНП направил Госсовету ГДР телеграмму соболезнования по поводу кончины В. Ульбрихта.

7 августа — «Жэньминь жибао» опубликовала статью Ян Чжун-го «Конфуций — мыслитель, упорно защищавший рабовладельческий строй», что послужило началом кампании критики Конфуция.

8 августа — Посол Испании в КНР вручил верительные грамоты Дун Би-у.

10 августа — «Жэньминь жибао» перепечатала письмо студента Чжан Ти-шэна о реформе вступительных экзаменов в вузы Китая, послужившее началом кампании по реформе образования.

11 августа — Н. Чаушеску принял Ли Тин-цюаня, который вручил свои верительные грамоты в качестве чрезвычайного и полномочного посла КНР в Румынии.

24 августа — Новый чрезвычайный и полномочный посол ГДР в КНР Д. Виттик вручил Дун Би-у верительные грамоты.

28 августа — В Пекине завершил свою работу X съезд КПК, проходивший четыре дня.

30 августа — В Пекин прибыл государственный министр иностранных дел и обороны Исламской Республики Пакистан Азиз Ахмед.

31 августа — В Пекине состоялся 1-й Пленум ЦК КПК 10-го созыва.

Сентябрь

5 сентября — Чжоу Энь-лай принял японскую экономическую делегацию во главе с президентом Федерации экономических организаций Когоро Уэмуру.

— В Китай прибыла делегация ЦК РКП во главе с Эмилем Боднарашем и Корнелем Буртика. Делегация была принята Чжоу Энь-лаем.

13 сентября — В Токио посол КНР в Японии Чэнь Чу вручил К. Танаке личное послание Чжоу Энь-лая по поводу обмена визитами между Цзи Пэн-фэем и министром иностранных дел Японии Охирой.

14 сентября — Премьер-министр Японии К. Танака принял китайскую экономическую делегацию во главе с Лю Си-вэнем.

15 сентября — В связи с открытием 18 сентября в Нью-Йорке XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН образована делегация КНР на сессию.

— «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали текст телеграммы Чжоу Энь-лая вдове президента Чили в связи с убийством С. Альенде.

— Из Пекина в Польшу отбыла делегация на познаньскую международную ярмарку для организации китайского павильона.

16 сентября — Объявлено об установлении дипломатических отношений на уровне посольств между Китаем и Верхней Вольтой.

17 сентября — Завершился шестидневный визит Ж. Помпиду в КНР. Опубликовано китайско-французское коммюнике.

19 сентября — Ж. Помпиду выступил на заседании кабинета министров Франции по поводу своего визита в КНР.

— В Пекине подписано соглашение о товарообороте и платежах между КНР и Кипром.

20 сентября — В Исламабаде подписано соглашение между Пакистаном и КНР, в соответствии с которым Китай поставит Пакистану станки, оборудование и техническую документацию для строительства хлопкопрядильной фабрики в Таребла (пров. Пенджаб).

21 сентября — В Пекине подписано правительственное соглашение по технико-экономическому сотрудничеству и торговле между КНР и Чадом.

— По приглашению китайского правительства в Пекин прибыл с трехдневным визитом вице-президент АРЕ Хусейн ас-Шафии.

22 сентября — В Пекине и Шанхае прошли конференции женщин.

— Состоялись переговоры между Чжоу Энь-лаем и вице-президентом АРЕ Шафии.

23 сентября — Первый посол Новой Зеландии в КНР У. Б. Харлэнд вручил верительные грамоты Дун Би-у.

24 сентября — В Пекин прибыл новый чрезвычайный и полномочный посол Народной Республики Албании в КНР Б. Штулла.

— В Багдаде подписан контракт между экономической делегацией КНР и государственной иракской компанией по проектированию и строительству промышленных предприятий о сооружении шерстопрядильного завода в Курфи.

25 сентября — В Чжэнчжоу состоялась 7-я профсоюзная конференция пров. Хэнань.

26 сентября — Состоялась конференция женщин во Внутренней Монголии.

27 сентября — Новый посол Исландии в КНР вручил верительные грамоты Дун Би-у.

28 сентября — «Жэньминь жибао» перепечатала из газеты «Ляонин жибао» статью Ши Тина «Сожжение книг и конфуцианцев — важное мероприятие», что послужило началом кампании восхваления императора Цинь Ши-хуана.

29 сентября — В провинциях Хунань и Хэнань состоялись конференции женщин.

— «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Цзефан цзюньбао» опубликовали редакционную статью «Хорошо организовать ополчение», что послужило началом кампании по укреплению ополчения.

Октябрь

1 октября — Посол КНР в СССР Лю Синь-цюань устроил прием по случаю 24-й годовщины со дня провозглашения КНР. На приеме присутствовали Л. Ф. Ильичев, Л. И. Зорин, А. Н. Комаровский.

— Пекинский корреспондент газеты «Глоб энд Мейл» Дж. Бэрнс сообщил о пребывании в Китае канадской научной делегации в составе 16 человек во главе с государственным министром по науке и технике г-жой Ж. Сов.

2 октября — Группа концерна Мицубиси и находящаяся с визитом в Токио китайская экономическая делегация достигли принципиального согласия по вопросу о взаимном обмене делегациями технических специалистов.

4 октября — Из Пекина в Румынию отбыла делегация китайских партийных работников, возглавляемая членом ЦК КПК, секретарем сычуаньского провинциального комитета КПК Ли Да-чжаном.

5 октября — В Пекине подписано соглашение между КНР и ДРВ о безвозмездном предоставлении Китаем Вьетнаму военного снаряжения и материалов на 1974 г.

— Китайские и американские биологи провели совместный эксперимент в научно-исследовательском институте биологии Академии наук Китая по проблемам строения клетки и наследственности.

6 октября — Посол Чили в КНР Урибе устроил пресс-конференцию в Пекине для местных и иностранных журналистов.

9 октября — В Пекине между министерством путей сообщения КНР и министерством железных дорог КНДР подписано соглашение о пограничных железных дорогах.

— Представитель КНР Хуан Хуа, выступая на заседании Совета Безопасности ООН, поддержал принципы немедленного вывода израильских войск с оккупированных территорий.

— Цзи Пэн-фэй пригласил посла Чили Армандо Урибе и уведомил его, что правительство КНР не считает его больше послом Чили в Китае. Второй секретарь чилийского посольства в КНР Фернандо Перес, выразивший готовность служить военной хунте, объявлен временным поверенным в делах Чили в Пекине.

15 октября — Завершился визит в КНР премьер-министра Канады Пьера Трюдо, в результате которого были заключены торговое соглашение и соглашение по вопросам сотрудничества в области науки, техники, медицины, образования, физкультуры и спорта.

— В Гуанчжоу открылась осенняя ярмарка экспортных товаров Китая 1973 г.

20 октября — В Пекине подписано соглашение о товарообмене и платежах между КНР и ДРВ на 1974 г., а также протокол о предоставлении Китаем Вьетнаму помощи в виде комплексных объектов и протокол о предоставлении Китаем Вьетнаму обычных материалов.

22 октября — Хуан Хуа отказался участвовать в голосовании по резолюции о немедленном прекращении военных действий на Ближнем Востоке.

31 октября — В КНР прибыл премьер-министр и министр иностранных дел Австралии Гоф Уитлем.

Ноябрь

4 ноября — В Хух-Хото состоялась очередная сессия китайско-монгольской смешанной пограничной железнодорожной комиссии. Обе стороны комиссии согласовали и подписали новый протокол.

— В Пекин прибыл новый глава дипломатической миссии чилийской военной хунты в КНР Альберто Иоахам.

5 ноября — В Токио прибыла делегация китайских ученых-биологов в составе 11 человек.

6 ноября — Завершился двухдневный визит делегации ДРВ во главе с Фам Ван Донгом.

10 ноября — Опубликовано послание Постоянного комитета ВСНП и Госсовета КНР по случаю 56-й годовщины Великой Октябрьской революции.

14 ноября — Завершился четырехдневный визит Г. Киссинджера в Китай. Опубликовано американо-китайское коммюнике.

— В Токио прибыла на один месяц делегация китайских железнодорожников во главе с представителем министерства путей сообщения КНР Ли Санем.

15 ноября — Закончилась осенняя ярмарка в Гуанчжоу.

— Завершился 12-дневный визит делегации Национального совета по вопросам американо-китайской торговли.

— Завершился десятидневный визит президента республики Сьерра-Леоне С. П. Стивенса в Китай.

17 ноября — Из Пекина в Париж вылетел в первый рейс самолет компании «Эр-Франс».

21 ноября — В Пекине подписаны соглашения между Академиями наук Китая и Албании о научном сотрудничестве на 1974 г.

23 ноября — Завершился четырехдневный визит министра иностранных дел ФРГ Геншера.

— Завершился пятидневный визит председателя Консультативного совета Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Нгуен Хыу Тхо в Китай. Подписаны соглашение об оказании РЮВ в 1974 г. безвозмездной экономической помощи и совместное коммюнике.

— В Манилу прибыла первая официальная торговая делегация КНР во главе с представителем Китайского комитета содействия развитию международной торговли Ван Яотином для переговоров о развитии торговых отношений между КНР и Филиппинами.

— В Пекине подписан протокол о товарообмене на 1974 г. между КНР и Румынией.

24 ноября — Агентства Синьхуа и ТАНЮГ обменялись в Белграде письмами, предусматривающими расширение взаимных дружественных отношений и сотрудничества.

26 ноября — В Пекин прибыла военная делегация Народной армии Албании во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК АПТ и начальником Генерального штаба П. Думе.

— В Багдаде подписан контракт между Ираком и Китаем о строительстве моста через р. Тигр.

28 ноября — Чжоу Энь-лай принял японскую торговую делегацию во главе с К. Окадзаки. Чжоу Энь-лай обратился с просьбой ускорить заключение японо-китайского договора о мире и дружбе и соглашения об установлении воздушного сообщения между двумя странами.

Декабрь

2 декабря — В Пекине завершила работу промышленная выставка Нидерландов, продолжавшаяся 13 дней.

6 декабря — Посол Китая в Люксембурге вручил свои верительные грамоты.

— В Гааге открылась китайская выставка легкой промышленности.

14 декабря — Завершился шестидневный визит короля Непала Махендры. 15 декабря опубликовано совместное коммюнике.

— Чжан Чунь-цяо встретился с Ле Дык Тхо, находившимся в Пекине проездом.

— Подписано соглашение между КНР и Чехословакией о товарообмене и платежах на 1974 г.

18 декабря — Премьер-министр Великобритании Хит заявил в палате общин об отсрочке своего визита в Китай.

— В Пекине закрылась выставка современной живописи Румынии, длившаяся 13 дней.

21 декабря — В Пекине подписан протокол о торговле и платежах на 1974 г. между КНР и Шри Ланкой.

27 декабря — В Пекине подписано торговое соглашение о поставке Таиланду дизельного топлива.

28 декабря — Закончилась 5-я профсоюзная конференция пров. Гуйчжоу.

— В Пекине между КНР и РЮВ подписано соглашение об отмене выездных и въездных виз обеих сторон.

ИНФОРМАЦИОННОЕ КОММЮНИКЕ I ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

Пекин, 30 августа 1973 г.

30 августа состоялся I пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая десятого созыва. Пленум избрал Центральные органы. Результаты выборов:

Председатель Центрального комитета: Мао Цзэ-дун.

Заместители председателя Центрального комитета: Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Е Цзянь-ин, Ли Дэ-шэн.

Члены Политбюро ЦК: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Вэй Го-цин, Е Цзянь-ин, Лю Бо-чэн, Цзян Цин, Чжу Дэ, Сюй Ши-ю, Хуа Го-фэн, Цзи Дэн-куй, У Дэ, Ван Дун-син, Чэнь Юн-гуй, Чэнь Си-лянь, Ли Сянь-нянь, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Яо Вэнь-юань, Кан Шэн, Дун Би-у;

Кандидаты в члены Политбюро ЦК: У Гуй-сянь, Су Чжэнь-хуа, Ни Чжи-фу, Сайфуддин;

Члены постоянного комитета Политбюро ЦК: Мао Цзэ-дун, Ван Хун-вэнь, Е Цзянь-ин, Чжу Дэ, Ли Дэ-шэн, Чжан Чунь-цяо, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн, Дун Би-у.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*М. И. Сладковский*) 3
Географическая характеристика (*М. Н. Горбунова, К. Н. Черножуков*) 11
Территория и границы . 11
Природные условия 12
Геологическое строение и полезные ископаемые . 12
Рельеф 13
Климат . . . 15
Внутренние воды 16
Почвы . . 17
Растительность 18
Животный мир 19
Административное устройство (*К. Н. Черножуков*) . 21
Государственный строй (*Л. М. Гудошников*) 27
Демографическая характеристика (*Е. А. Коновалов*) 36
Численность и структура населения 36
Территориальное распределение населения . 38
Демографическая политика 40
Китайский язык (*М. В. Софронов*) . 44
Религия (*П. И. Смирнов*) 52
История КНР (1949—1973 гг.) (*В. И. Глунин, К. В. Кукушкин*) 56
Победа народно-демократической революции. Образование КНР 56
Буржуазно-демократические преобразования и восстановление народного хозяйства (1949—1952 гг.) 57
Переход к социалистическим преобразованиям. Начало социалистической индустриализации (1953—июль 1957 г.) 64
Отход от генеральной линии КПК на построение социализма. Политика «трех красных знамен» и ее провал (1958—1960 гг.) 77
Период «урегулирования». Чрезвычайные меры по ликвидации последствий «большого скачка», обострение внутриполитической борьбы и раскол в руководстве КПК (1961—1965 гг.) . . 87
«Культурная революция» — разрушение народно-демократической надстройки и установление военно-бюрократической диктатуры (1965—1969 гг.) 97
КНР после «культурной революции». Углубление политического кризиса в стране (1969—1973 гг.) 108
Экономика 115
Экономическая политика (*С. А. Алешин*) 115
Милитаризация общественной экономической жизни (*В. И. Акимов, А. П. Морозов*) 118
Современное экономическое положение (*М. М. Никольский*) . 124
Промышленность (*В. И. Акимов, А. А. Барсуков, В. Е. Горшков, В. П. Поляков*) 128
Сельское хозяйство (*З. А. Муромцева*) . 153
Транспорт (*С. Л. Ширяев*) 165
Внутренняя торговля КНР (*Н. С. Наумова*) 172
Материальное положение трудящихся (*И. Н. Наумов. И. Н. Коркунов*) 178

Внешнеэкономические связи КНР *(Е. В. Бирюлин, З. В. Дашкевич, Г. В. Жданов, А. В. Скородумов, О. А. Иванов)* . . . 186
Политические партии и общественные организации 200
Коммунистическая партия Китая *(К. В. Кукушкин, А. Ю. Тюрин)* 200
Коммунистический союз молодежи Китая *(Р. М. Неронов)* . 225
Профсоюзы КНР *(А. П. Давыдов)* 229
Общественные организации КНР *(Р. М. Неронов)* 234
Демократические партии и Народный политический консультативный совет *(Г. А. Степанова)* 236
Национальный вопрос *(В. А. Богословский, Т. Р. Рахимов, Н. А. Тешилов)* 241
Внешняя политика и международные отношения *(А. Г. Кручинин)* 256
КНР и страны мировой системы социализма *(А. М. Малухин, Д. М. Поспелов)* 267
КНР и развивающиеся страны *(Г. А. Боголюбов, А. И. Борисова, И. Я. Бурлингас, В. Г. Горшкова, Г. Г. Кадымов, А. С. Красильников, А. В. Кудрявцев, Т. М. Котова, А. П. Марков. Ю. М. Рякин, В. Н. Стрижакова, В. С. Иринкин, М. В. Михайлова)* 279
Политика КНР в отношении западноевропейских стран *(В. П. Ломыкин, Т. И. Сулицкая, В. И. Санец)* 302
Отношения КНР с США *(В. И. Петухов, В. К. Вольский)* 311
Отношения КНР с Японией *(И. Я. Бурлингас)* 320
КНР и Организация Объединенных Наций *(В. К. Хомяков)* . 325
Пограничная политика руководства КНР *(Е. Д. Костиков, В. С. Ольгин)* 336
Идеология, наука и культура 344
Идеология *(Л. С. Переломов, В. Ф. Феоктистов)* . . . 344
Наука 350
Естественные и технические науки *(В. И. Акимов)* . . . 350
Экономическая наука *(М. М. Никольский)* 363
Современное состояние философских наук *(Ю. В. Курганский)* 368
Правовая наука *(Л. М. Гудошников)* . . 373
Культура *(В. Ф. Волжанин)* 374
Политика в отношении интеллигенции *(С. Д. Маркова)* 383
Литература *(В. Ф. Волжанин)* . 387
Театр *(М. В. Тарасова)* 392
Кино *(С. А. Торопцев)* 397
Изобразительное искусство *(Н. Е. Анненков)* . 400
Средства массовой информации *(Н. Л. Пахомов)* . 404
Культурные связи *(А. А. Антиповский)* 407
Просвещение *(Н. Е. Боревская, Н. В. Франчук)* . . . 411
Цифры, события, факты *(А. Н. Нешумова, В. П. Пиотровский)* . 421
Приложения 426
Хроника важнейших событий (1973 г.) *(А. Н. Нешумова, В. П. Пиотровский)* 426
Информационное коммюнике I пленума ЦК КПК десятого созыва 437

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

политическое и экономическое развитие в 1973 году

Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР

Редактор *Л. В. Матвеева*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *М. К. Киселева, Р. Ш. Чемерис*
и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 5/XI 1974 г.
Подписано к печати 26/VI 1975 г.
А 12633. Формат 60×90 1/16. Бум. № 1.
Печ. л. 27,5+0,5 п. л. вкл. Усл. п. л. 28. Уч.-изд. л. 29,5.
Тираж 13 000 экз. Изд. № 3591.
Зак. 3368. Цена 2 р. 04 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»,
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Тип. изд-ва «Коммунар»,
г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
НИНСЯ-ХУЭЙСКИЙ А.Р.
А.Р. ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
ХЭЙЛУНЦЗЯН
ЦЗИЛИНЬ
ЛЯОНИН
ЦИНХАЙ
ТИБЕТ
СЫЧУАНЬ
ЮНЬНАНЬ
ГУЙЧЖОУ
ГУАНСИ-ЧЖУАНСКИЙ А.Р.
ПЕКИН
ТЯНЬЦЗИНЬ
ШАНХАЙ
о. Тайвань

○ ПЕКИН — Столица КНР

○ ШАНХАЙ — Города центрального подчинения

○ Ланьчжоу — Административные центры провинций и автономных районов

○ *Телин* — Административные центры округов, национальных округов, аймаков

Аймаки

Городские территории

Зоны непосредственного подчинения провинции, автономному району

Государственная граница КНР

Границы провинций автономных районов и городов центрального подчинения

Границы округов, автономных округов, аймаков, городских территорий

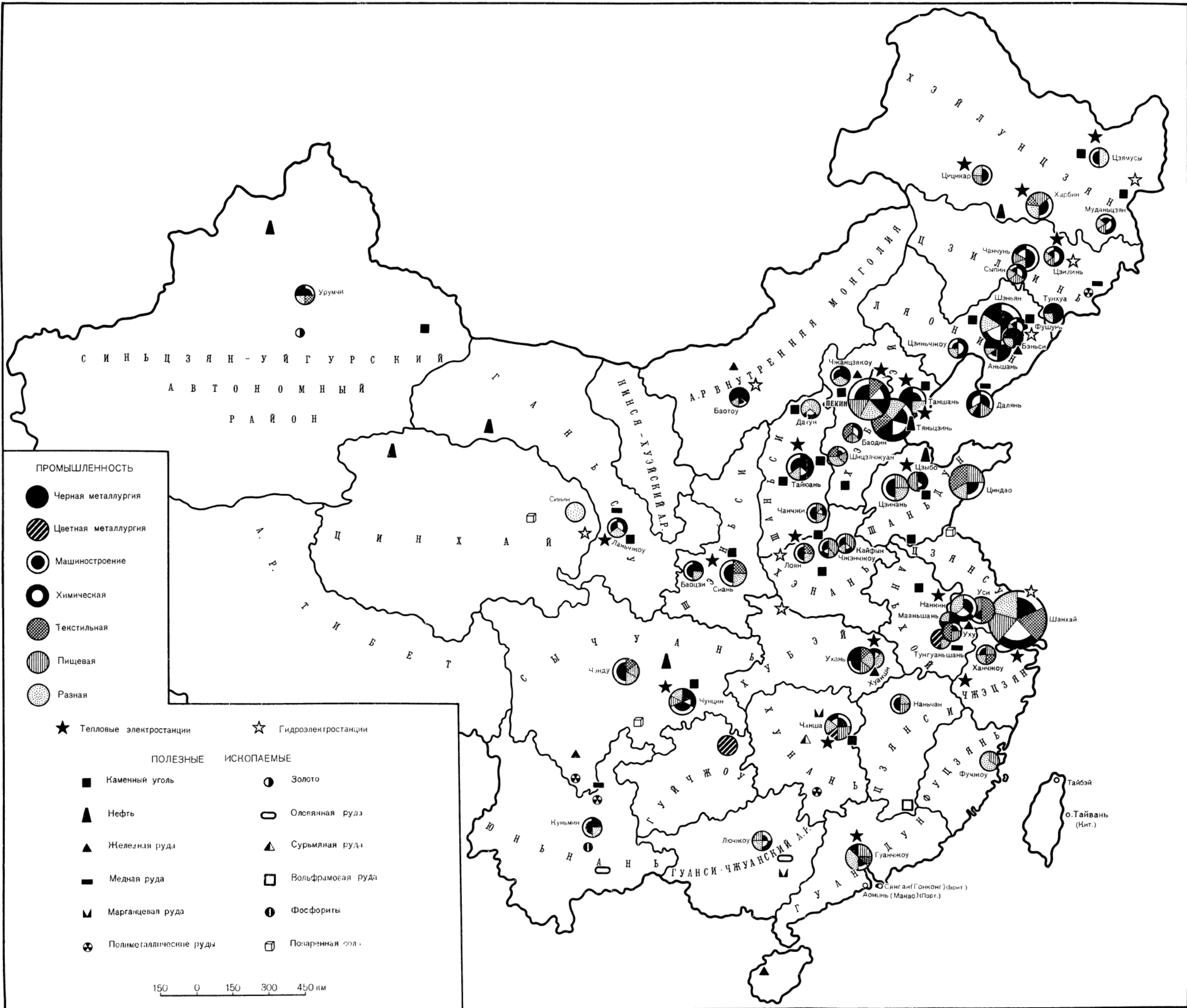
ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБОЗНАЧЕНЫ:

I Хуаннань-Тибетский а.о. (пров. Цинхай)
II Линься-Хуэйский а.о. (пров. Ганьсу)
III Ганьнань-Тибетский а.о. (пров. Ганьсу)
IV Дицин-Тибетский а.о. (пров. Юньнань)
V Дэхун - Тайцзинпоский а.о. (пров. Юньнань)
VI Цяннань-Буи-Мяоский (пров. Гуйчжоу)
VII Цянь-дуннань-Мяо-Камский (пров. Гуйчжоу)
VIII Сянси-Туцзя-Мяоский (пров. Хунань)

1 *Ляоян* (пров. Лянин)
2 *Аньшань*
3 *Паньшань*
4 *Инкоу*
5 *Цзыбо* (пров. Шаньдун)
6 *Тунчуань* (пров Шэньси)
7 *Кайфын* (пров. Хэнань)
8 *Пиндиншань*
9 *Хуайбэй* (пров. Аньхой)
10 *Хуайнань*
11 *Чаосянь*
12 *Мааньшань*
13 *Тунлин*
14 *Гуйчи*
15 *Чанчжоу* (пров. Цзянсу)
16 *Уси*
17 *Сучжоу*
18 *Усин* (пров. Чжэцзян)
19 *Цзиндэчжэнь* (пров. Цзянси)
20 *Пинсян*
21 *Чжучжоу* (пров. Хунань)
22 *Сянтань*
23 *Шуйчэн* (пров. Гуйчжоу)

150 0 150 300 450км

Административное деление КНР

Размещение важнейших отраслей промышленности КНР

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

1973